Иосиф Рухович

ДВА НАЧАЛА

роман

Издание 2-е переработанное и дополненное

ONEBOOK.RU

Москва

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Р91

Р91 **РУХОВИЧ И.Р.**
Два начала. Роман.
-М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. 452 с.

ISBN 978-5-00077-966-8

Это первая книга из задуманной автором трилогии о Времени, проступающего выпукло и объёмно через живущих непосредственно в нём, без привычной оценки «глядя назад». Мы проживаем становление характеров, чувств и мышления героев от детства до начальной зрелости. Зарождения любви и дела жизни. Роман охватывает непростые пятидесятые-семидесятые годы XX века. Сложна и жизнь героев в единстве и борьбе с окружающим их миром. Но путь в науку и литературу не бывает простым ни в какие времена, и именно поэтому роман остроактуален.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00077-966-8

© Рухович И. Р., 2021
© Onebook.ru, 2021

От автора

Блез Паскаль, которого Лев Толстой называл человеком великого ума, как-то заметил: «*Только заканчивая произведение, мы начинаем понимать с чего бы его нужно было начинать*». Восхитившись остроумной парадоксальностью, автор на себе познал мудрость и точность мысли великого французского физика, математика и философа.

Нет, не роман, лежащий перед вами, я собирался написать, но историю зрелости моего героя, развития мышления и чувств на фоне отведённого судьбой времени. И именно этот роман я и писал как всегда мучительно и с наслаждением, отдавая все силы и способности. И всё бы ничего, если бы герой мой не ударился в воспоминания, полагая, видимо, что без прошлого нет и полноценного настоящего. В результате роман непозволительно разбух и в лабиринтах смещения времён я уже и сам стал путаться. Что делать? Удалить? Вырвать, как говориться, с кровью? Достоевский говорил, что самое трудное в работе писателя – вычёркивание. Да уж…

Сначала выделил драгоценные мои осколки в отдельные рассказы. Но когда собралось достаточное количество и расположилось в некотором хронологическом порядке, вдруг увидел, что и объём, и связность сюжетных линий образует новый роман. Естественно, в меру понимания автором его жанровой природы. И тогда я понял с чего следовало начинать.

Так получились две книги одного романа – «Два начала» и «Сук, на котором сидишь».

Константин Георгиевич Паустовский писал: «*Большинство писателей хорошо знают, иной раз скрывая это от самих себя, приблизительную цену тому, что ими написано. Нет такого писателя, который, положа руку на сердце, не признался бы в том,*

что сам знает все свои сильные и слабые стороны, свои удачи и неудачи, свои справедливые и несправедливые пристрастия».

Согласитесь, говорить о своих сильных сторонах было бы, по меньшей мере, нескромно, а о слабых как-то не хочется. И автор уверен, читатель хорошо понимает, что совершенных произведений не бывает. Главное: удалось ли хоть в какой-то мере передать трение человеческой души о быстро текущее время.

Судить вам.

«Современник, даже когда его влечёт старина, склонен считать своих предков людьми простодушными и недалёкими. Он замечает в них прежде всего то, чего им не хватает с современной точки зрения, и обычно не замечает того, что ему самому не хватает по сравнению с ними»

Михаил Алпатов

ДАНИЛА

…Небо, лес, река, палатка – и никого!

В детстве Игорь мечтал потеряться где-нибудь в тайге и прожить, даже и целый год, Робинзоном без Пятницы. Как он любил оставаться с Вселенной один на один!

В звёздах, разбросанных рассеянным махом Сеятеля; в облаках, никогда не повторяющих причудливый рисунок; в размытых треугольниках гор, царапающих вершинами небесную твердь; в завораживающей бескрайности степи, застеленной разноцветным разнотравьем; в деревьях и кустах, заламывающих и протягивающих ветки; в непредсказуемых извивах речки, с шумными перекатами и тихими спиральными завихрениями; в таинственных шумах лесной тишины с резким треском освобождающейся где-то в таинственной чаще энергии и шорохом шепчущихся листьев; в многоголосье острых ароматов, пронизывающих пространство – во всём этом хаосе линий, красок, звуков, запахов он ощущал какие-то непостижимые гармонии и пропорции, симметрию и ритм.

В частых хождениях по музеям, начавшихся ещё до школы, папа, рассматривая картины с разных позиций, говорил о точках пейзажа и взгляде художника. Теперь откуда и как смотреть он искал и открывал сам и не только в ограниченной плоскости полотна, но и в живой бесконечной перспективе мироздания. Как жаль, что не дано было рисовать! Оставались слова, но ещё застревающие и до настоящих было далеко. Только какие-то неясные отрывки.

«Когда мой глаз улавливает в хаосе порядок, я вижу, может быть, красоты, но не красоту…»

…Когда это началось? Надо думать до школы или в самом её начале, когда однажды старший брат взял с собой в горы, окружавшие город детства со всех сторон. Синевато-розовые – потом Игорь увидел эти цвета на картинах Николая Рериха – вершины с небольшими снежными хвостами будили его воображение всегда – там были ледники, недосягаемые как мечта.

Брата в этой первой дикой природе вспомнить никак не мог. Понимал, что был же где-то рядом, что-то говорил и, наверное, по обыкновению смеялся и острил, но в памяти совершенно отсутствовал. Как и вообще в раннем детстве.

Брат был много старше, на целых девять лет, и почему-то вообще в тот среднеазиатский период жизни оказался вне Игоря. Он и метался по самым дальним уголкам памяти, и напрягал её до искр в глазах – никак. Только какие-то эпизоды, да и то не слишком значительные. Так, врезалось, даже не сам Аркадий, а его девушка, сбежавшая с пригорка. И где-то вычитанные фразы «Она бежала, почти не касаясь земли» и «Её волосы летели по ветру», стали зримыми и ощутимыми. Ещё: навстречу шла молодая женщина, и ветер, натянув лёгкое платье, обозначил бёдра и таинственный треугольник. Брат проследил его взгляд: «Э, э, вот уже мы куда заглядываемся!». Стыд, захлестнувший щёки, запомнился на всю жизнь.

Но тогда, семи-восьми лет от роду, в том первом походе в расступившиеся, наконец, перед ним горы, брата в его жизни ещё не было. А благодарность осталась навсегда.

Название гор на местном языке означало то ли золотые, то ли снежные. Наверное, всё-таки золотые – снега даже и зимой было немного, а вершины золотились солнцем круглый год. В хорошую погоду, разумеется. Но плохой в памяти почти не было. Разве что тот скверный зимний день, когда, возвращаясь из школы, провалился в арык. Инцидент привёл не только к порче выстраданной родителями одежды – эти канавы никогда особой чистотой не

отличались – но и к жестокой ангине и, как следствие, к рыбьему жиру, гематогену и совсем уж ненавистному куриному бульону.

До сих пор Игорь в мельчайших деталях помнит картины пологих склонов, всплошную покрытых необыкновенно красными маками. В тех далёких детских впечатлениях навсегда остались и огромные, самых причудливых очертаний, камни, разбросанные повсюду в каком-то неведомом порядке, как звёзды. И мелкокаменные осыпи, неподвижно струившиеся под острыми солнечными лучами. И нависшие – вот-вот обрушатся прямо на голову – страшные скалы. И размытые облаками до грозной нереальности острые вершины.

Маки волновались на ветру, как живые и, казалось, могли ожечь. Тропинок не было, Игорь осторожно пробирался прямо по склону и очень боялся наступить на тонкие гибкие стебли и погубить красоту. Обходил даже и павшие лепестки, нисколько не выглядевшие отжившими. Между ним и всем этим первозданным пространством протянулась какая-то связь, в которой не было места людям, а только неведомым высшим силам. Он был с ними один на один и уже любил. Хотя и трепетал.

Но страстная и уже почти осознанная любовь к природе – лицом к лицу – открылась ему только после восьмого класса в первом походе в Крым, организованном неугомонным Данилой. Игорь давно уже покинул свои младенческие горы, и жизнь развёртывалась в большом степном городе, на берегу спокойной чудной реки, давно забывшей о когда-то грозных и непроходимых порогах.

…Данила… При одном имени тепло сжимается сердце. Данила…

Игорю везло на учителей. В школе, кроме Данилы, Берсю, научившая любить и читать художественную литературу, и Астролог, навсегда внушивший благоговейный трепет перед созвездиями. В техникуме – Сенжермен, открывший сопромат и музыку, и Селиаванов, хитро поблескивавший толстенными диоптриями, учивший выражать идеи и мысли графическим моделированием, то есть, говоря несколько другим языком, чертежами. А в институте – Дамаджи, представивший во всей красе и развитии архитектуру, и, вообще, Яков Михайлович Прожекторский!

Везло… А разве не всем везёт? Учителей, как и родителей, не выбирают. Жизнь назначает, не спрашивая и не советуясь. Только не все различают человеческую неординарность и – увы! – не помнят детства. Как-то в споре с Лёнькой Новокотовым Игорь понял – успешный человек, во всяком случае, считающий себя таковым, с удовольствием вспоминает детство – и трудное, и тяжёлое, и даже с папиным ремешком. Неудачник всегда наоборот, пусть и было совсем неплохое. С какими разными интонациями можно произнести «А папа меня порол! Ещё как!». От неподдельного восторга до тяжёлой ненависти.

Да, много было в жизни Игоря учителей – хороших и разных. Но Данила!

Даниил Еремеевич Ровенский ворвался в его жизнь и в класс так, как будто получил за дверью хо-о-рошего пинка. Стремительность и быстрота телодвижений на сравнительно коротких ножках в дальнейшем была оценена, но первое появление просто ошарашило. Тем более что уже в дверях началась лекция.

Сначала новому историку присвоили звание Живчик. Но не прижилось – со скоростью звука и безоговорочно были завоёваны авторитет и популярность. Остановились на свойском, но с дистанцией, – Данила. Всезнающий Валька Ладыжин, по прозвищу – за глаза – Помидорная Торпеда, сын младшеклассовой училки, клялся, что Ровенский никакой не Даниил и уж совсем не Еремеевич. Но выговорить не смог. Торпеда даже из какой-то ведомости старательно выписал настоящее имя-отчество, и объявил конкурс на гладкое произношение, так и оставшийся без победителя.

Как выяснила всё та же Торпеда, Данила сидел и довольно долго. Но темы этой учитель никогда не касался, даже разомлев у костра, когда можно было говорить обо всём – и о женщинах. После реабилитации в университет не вернулся и осел в учителях. О таких с симпатией говорят – заводила.

Манера преподавания Данилы была, мягко говоря, необычна. Лекция – не урок! – начиналась ещё за дверью и продолжалась все сорок пять минут. К доске не вызывал никого и никогда. Но по ходу изложения короткий волосатый палец утыкался в свободного

гражданина класса с чрезвычайно интересным и всегда неожиданным вопросом. Умел Данила держать в напряжении. И не отпускать.

Своё первое и, как оказалось, последнее столкновение с Данилой на уроке Игорь запомнил на всю жизнь.

Место действия – увлечённый историческими перипетиями класс, время – хрущёвская оттепель, тема – французская революция.

– Свобода, Равенство и Братство! Что может быть прекраснее лозунга, порождённого порывом и небывалым энтузиазмом масс! Лозунга на все времена. А, кстати, у нас есть свобода?

– Есть! Конечно! – хор был монолитным и восторженным.

– Да? А как ты понимаешь свободу? – палец оказался на Живолупе (фамилия, прозвища не требовавшая; в мальчишеской компании в середину только добавлялся некий слог).

– Что хочу, то и говорю!

– Ух, ты! Ну, давай, давай. Выходи на проспект Карла Маркса и во всё горло: «Долой колхозы!». Как думаешь, до какого милиционера дойдёшь?

Класс замер и даже прижал уши. На их глазах впервые взрослый, да ещё учитель, публично нарушил табу советского стереотипа поведения. Что говорить можно, а чего ни в коем случае нельзя, детям вколачивали, зачастую и буквально, ещё с детского садика. Страх сказать не то или не так прочно сидел и в его голове строгим внутренним цензором. Выдавливать раба по капле ещё только предстояло. Но началось освобождение, пожалуй, именно с этого урока.

Живолупа разинул рот, да так и сел, повинуясь пренебрежительному мановению Даниловой кисти.

– Так что? Есть свобода? Или мы не по заветам французской революции? Ты!

Маленький Мóйхер (тоже фамилия, зачем прозвище, когда можно орать на всю школу, делая в слове два ударения: «Где Мойхер?», «Вы не видели Мойхера?», и, даже, «Если вы не видели Мойхера, то не видели ни …»), совсем съёжился и вполголоса заикнулся:

– Что хочу, то и думаю.

– Ну, думай, думай. Только никому не говори. Знаем мы твои

мысли, догадываемся. Ты!

Наконец блуждающий палец остановился на Игоре. Прочувствовав момент, он встал по стойке смирно и отрапортовал:

– Свобода есть осознанная необходимость!

При полной тишине последовала немая сцена. Данила долго, даже слишком, смотрел на него и – или показалось? – чуть подмигнул.

В течение последующих лет указующий перст почти всегда обходил Игоря стороной, не обращая внимания ни на вытянутую к потолку руку, ни на умоляющий взгляд. Но бесед при не всегда случайных встречах в нешироких школьных коридорах, а лучше на улице – из школы им было по пути, – Данила удостаивал. В основном о древнегреческой и древнеримской истории, когда-то научной специализации Данилы. И не столько о событиях и датах говорил учитель, хотя к исторической фабуле относился весьма серьёзно и требовательно, но и о побудительных мотивах, об интересах. При этом Данила и на улице время от времени колол вопросиками, убеждаясь, не забыл ли собеседник предыдущие разговоры. Как правило, Игорь не забывал и ловил на себе удивлённо-подозрительные взгляды. Имена и числа запоминались сравнительно легко, но по-настоящему увлекали разворачивающиеся сюжеты с невиданным накалом борьбы личностей. Исторических личностей, которым Данила придавал огромное значение.

– Понимаешь, Игорь, экономика экономикой, борьба классов, конечно же, имеет место, но личность приходит к власти в силу тех или иных обстоятельств, закономерность которых кроме как характерными чертами этой личности даже случайностью не объяснишь. Как говорится в книге мудрого Екклесиаста – это из библии – «*…не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их*». В жестокой борьбе за власть ведь все претенденты в той или иной степени, сознательно или бессознательно, учитывают и экономику, и интересы классов, и на кого-то опираются, и предлагают какую-то модель управления, но побеждает-то один! И победив, накладывает на эпоху совершенно индивидуальные черты. Зачем Александру Македонскому было устраивать столь дальние и совершенно немыслимые походы? Чем

объяснить это страстное желание завоевать мир? Зачем было князю Игорю зачерпывать шеломом воду из Дона? А Марк Аврелий или Владимир Мономах ограничивались только необходимыми войнами за собственную территорию. Личность, Игорь, личность решающий двигатель истории! Как прогресса, так и наоборот.

– Даниил Еремеевич, а Сталин? Тоже личность?

Только что горевший взгляд Данилы как-то сразу потух и куда-то закатился. Не стал учитель говорить о Сталине, отложив на так и не сбывшееся потом.

А жаль. Взгляд далеко неординарного современника сравнительно недавних исторических событий многого бы стоил. Но глубока и свежа была рана, так, видимо, и не зажившая.

Спустя какое-то время, уже расставшись, Игорь, сопоставив множество разговоров, всё-таки, как ему казалось, понял молчаливую трагедию жертвы исторических переломов.

Несмотря ни на что, Данила считал Сталина выдающимся историческим деятелем, создавшим и спасшим от уничтожения великую державу. Старый коммунист даже соглашался с известной формулой «самого гуманного человека на Земле»: «Лес рубят – щепки летят». Но то, что он сам, разделяя коммунистические идеалы, стал «щепкой», отлетевшей аж на Колыму, образовало глубокую трещину в миропонимании, основанном на знаниях и напряжённой мысли. Выброшенный на обочину, рассматривая происходящее как бы со стороны, он уже со многим не соглашался в сталинской политике. И, прежде всего, в устройстве интеллектуальной жизни. Любовь вождя к выдвиженцам из народа, закономерно привела к Хрущёву, которого Данила ненавидел и презирал. В том числе за разоблачение культа личности, за XX съезд, принёсший ему свободу.

Нет, не так надо было, не так…

Но от Сталина отказаться не мог. Иначе летели в тартарары и молодость, и убеждённость. Разверзалась пугающая идеологическая пустота.

Потому и молчал Данила и о сталинщине, и о лагерях. Даже с Игорем, своим юным, избранным и доверенным собеседником, так и не поделился своими сомнениями. Разве что анализируя исторические события…

Трогал Данила и науки, и искусства. А разбор стихий Аристотеля, оказавшегося ещё и учителем Александра Македонского, заложил глубокий, никогда не угасавший интерес к развитию научных идей.

Много говорили о литературе, особенно о фантастике, увлекавшей обоих. Кажется, эти беседы нравились и Даниле – несмотря на кипучую энергию, тоже был одинок.

Один разговор, положивший начало размышлениям о литературе, Боге и философии отложился в постоянной памяти.

Игорь поболтался на школьном дворе, пока Данила не выскочил из массивных дверей и они, уже не торопясь, пошли по пустынной улице с опустевшими деревьями, под тёмно-серыми клубящимися тяжёлыми облаками. Речь зашла о только что прочитанном «Солярисе» Лема, с сожалением возвращаемом Даниле. Не любил Игорь расставаться с полюбившейся книгой! Как будто отдавал что-то своё, заветное, как будто какая-то частица его самого оставалось между обложками. Может быть, открытая для него Стефаном Цвейгом память рук, всегда открывавших книжку на нужном месте? Данила его чувства понимал, но книг по той же причине не отдавал. Даже привёл Игорю лозунг из какого-то романа – табличка на книжном шкафу: «Книги не выдаются, ибо приобретены аналогичным способом».

– Игорь, ты увлечён фабулой, перипетиями романа. Но фантастика всего лишь литературный приём, позволяющий неожиданно взглянуть на человеческую жизнь. На нашу, на сегодняшнюю. А иначе это и не литература, а так, фэнтази.

– Даниил Еремеевич! Но действие происходит в чёрте каком будущем! Когда мы освоим космос и встретим самые необычные формы разумной жизни. Разве Лем не готовит нас к чему-то такому?

– Отнюдь. Обитатели станции что, столкнулись с чужими формами жизни? Да, конечно, Океан, «мимоиды», «симметриды»… Но всё это не более, чем антураж, кстати, очень похожий на земной. Просто Лем придаёт знакомым фигурам как бы научные названия и необычные очертания, готовя читателя к неожиданным поворотам человеческих отношений. Подробными и зримыми, даже самыми фантастическими деталями создаёт

эффект достоверности месту и условиям действия. Так мы с тобой, если бы хватило таланта, описали бы это чуждое, непонятное, бесформенное и неостановимое движение ноябрьского неба. Посмотри, посмотри – разве не Океан? Разве тучи и облака не строят какие-то странные и непонятные фигуры, воображением приводящиеся к известным? Посмотри, посмотри – разве математика с её линиями, квадратами, кубами и окружностями может описать эти фантастические образования? И не эти ли мимолётные картинки в памяти обитателей станции построил Океан? Вон, посмотри, чем тебе не «древогоры», «длиннуши», «быстренники»… И сам можешь придумать – вот тебе, нет, западнее, «тигроид», а вон то облако – видишь? – ну, прямо-таки «пузанчик». И что явил героям Солярис? Фантомов из какой-то нейтринной материи? Или эманацию их же собственной загнанной памяти? Овеществлённую совесть, всегда чем-то запятнанную, вот что подсунул Океан. Герои оказались со своими, человеческими проблемами, а не с жизнедеятельностью или размышлениями Океана. С таким же успехом герои могли оказаться на Красной Площади или в глухой сибирской тайге.

– Но они же ищут контакт! Между совершенно разными формами разума. Разве не в этом смысл романа?

– И что же они нашли? Океан сжалился над ними и оставил в покое? Разве герои заняты борьбой с Океаном, а не с самими собой? Совесть можно приглушить или даже задавить, но уничтожить нельзя, она лишь ждёт условий, чтобы пробудиться. И посмотри, как по земному действуют персонажи! Кончают жизнь самоубийством, разрабатывают пятновыводители от совести, даже напиваются – это на космической станции-то! А главный герой пытается остаться человеком в нечеловеческих условиях. Переживает, не зачёркивая, содеянное им когда-то. И побеждает. Хотя победа далеко не оптимистическая… А разве здесь, на Земле, мы не постоянно оказываемся в нечеловеческих условиях?

– Но главное всё-таки поиски контакта! Этому же посвящена вся соляристика.

– Ну, соляристика выступает в романе и как история вопроса, и как анализ, а временами и пародия научной деятельности. Что же касается контакта… Да нет никакого контакта и быть не мо-

жет. И дело не в чужеродности какой-то внеземной формы жизни. Вон, посмотри, жук ползёт. Вполне земная жизнь. Попробуй, установи с ним контакт. И я тебя очень прошу, не устанавливай контакт с этой приставучей осой – цапнет независимо от твоих самых благостных намерений.

– Но это же неразумные формы жизни…

– Да? А ты знаешь, что такое разум? Хорошо. Вон пьяница, слава Богу на той стороне улицы, разумен? Ну, попробуй, пообщайся с ним на отвлечённые темы. А как насчёт общения с твоими одноклассниками? Они тебе не кажутся иногда инопланетянами? Герои романа не могут установить контакт между собой, куда там с Океаном…

– Так что, Даниил Еремеевич, человечество обречено на одиночество?

– Увы, Игорь, не столько человечество, сколько сам человек… Перечитай, пожалуйста, последнюю главу. Не случайно Лем заговаривает о боге. Пусть и с маленькой буквы и даже с эпитетом «ущербный». И ещё поминает манихейство, проповеди о добре и зле. Не тут ли видит выход автор? Начало, сотворившее мир, должно обеспечить его единство…

– Даниил Еремеевич, вы верите в Бога?!

– Ну, во-первых, мы разбираем мировоззрение автора. А во-вторых, это не такой простой вопрос, как тебе кажется. Не волнуйся, я не религиозен. Только не вздумай в школе болтать.

– Что вы, Даниил Еремеевич! Да и с кем разговаривать на такие темы? Разве что с папой…

– С папой, пожалуйста. Так вот, ещё в одиннадцатом веке один монах Ансельм Кентерберийский выдвинул так называемое онтологическое…, ну, философская наука о бытие, доказательство существования Бога. Суть такова. Даже тот, кто не верит в Бога, имеет о нём представление. То есть представление о том, что отвергает. Причём Бог всеми понимается как существо совершенное. Но свойством совершенства является существование, ибо Бог, которого нет, безусловно, меньше Бога, который есть. Значит, делает вывод Ансельм, из самой природы совершен-

ства выходит, что Бог есть. Я думаю, ты понял суть размышлений неортодоксального монаха. Почему неортодоксального? Вера, вообще-то, доказательств не требует… Не будем, однако, влезать в теологические дебри. Просто я хотел сказать, что всё это не так просто. Когда-нибудь ты ещё задумаешься над вечными и проклятыми философскими вопросами. А пока беги домой.

Как-то Игорь спросил:

– Даниил Еремеевич, а почему вы меня никогда не вызываете и не даёте сказать?

Данила ответил загадочно и непонятно:

– Учитель для всех. А ты один.

Игорю почудился упрёк. Всегда, с самого раннего детства, он ощущал свою не отчуждённость даже, а какую-то противопоставленность urbi et orbi – городу и миру. Его не то, чтобы не любили – он был общителен, много знал и наделён непомерным чувством юмора, от которого страдал всю жизнь, – но не был своим. Он чувствовал себя в чём-то виноватым, но в чём? Почему он не такой как все? Почему, когда толпа сбивается на островки, он остаётся один? Правда, девочки его любили.

К концу учебного года Данила стал вслух мечтать о доселе небывалом – о походе. В Крым. То ли Севастопольская оборона, столетие которой застало в местах отдалённых и холодных, возбудила, то ли захотелось погреть свои одинокие косточки, но к июню воздушные построения стали приобретать черты реальности.

Руководствуясь недоступными народу соображениями, Данила отобрал десять мальчиков и двух девочек. Общее число школьной общественностью не осталось незамеченным. Но прозвище закрепилось почему-то только за девочками – апостольши. Знания об апостолах было почерпнуто из популярного в классе «Забавного евангелия» Лео Таксиля.

Данила посетил предков и преодолел их естественное беспокойство о чадах в суровых условиях южного Крыма. С папой Игоря разговаривали более часа за круглым столом в гостиной, и, судя по всему, остались очень довольны друг другом. По выхо-

де Данила показал большой палец, а папа мечтательно улыбался.

– Ты знаешь, Ниночка, этому учителю можно доверять. Наш… Сидел с тридцать седьмого. Вредитель, естественно, антинародную историю преподавал…

– Но что они будут там кушать, Алик? Консервы? Сгущёнку?

– А что мы ели в окопах? Консервы! Уф! Деликатес! Сын у тебя, Ниночка, должен стать мужчиной. С голоду уже, слава Богу, никто не помирает. Учителю можно доверять.

Вот так решительно повернул Данила его судьбу.

Впервые в жизни Игорю открылось море. В Алуште штормило – пять баллов сообщала обветренная и просоленная деревянная доска объявлений. Купаться не рекомендовалось. Но предупреждение и окрики Данилы были проигнорированы. Вначале, правда, далеко не заходили, всё-таки осторожничали, только в волну. Потом осмелели и стали заходить подальше. А сколько было неописуемой радости и визгу! А как тащили девчонок!

Вдруг заметили – на Даниле лица нет. Виновато вышли, стали на одно колено, опустив голову. Данила отошёл.

На следующий день погода установилась, и ласковое море плескалось все три недели. Но первая встреча с грозной и беспощадной стихией и то, как огромная волна бросала на берег и неумолимо тащила обратно в море, врезались в сознание – или подсознание? – навсегда. Страх и жажда борьбы с неодолимыми стихиями в какой-то мере определи характер Игоря. И встречая рассвет на Ай-Петри, стараясь поймать так и не давшийся пресловутый зелёный луч, он уже безмерность и глубину совершенно независимой от людей стихии и необозримого простора ощущал с волнением, радостью и тревогой.

Именно здесь, в сравнительно узкой полосе между горами и морем, среди экзотической растительности с кипарисами, гранатами, инжирами и даже пальмами, он осознал собственную причастность к Ха́осу и Космосу, к вечной борьбе красоты и уродства. И вдруг понял: его земля – степь, бескрайняя русская степь… И за это, Данила, отдельное спасибо! Да будет тебе Вечная Память и земля пухом.

В последний раз они встретились на двадцатой годовщине окончания школы. Игорь давно уже, сразу после техникума, по направлению, переехал в сухой степной город юности, зрелости, да и почти всей жизни. А думал поначалу ненадолго, ну, максимум на три года…

Данилу все эти годы не видел и не то чтобы забыл, – и речи не могло быть! – но общение прекратилось.

Почему, почему, почему чёрт возьми! Как легко мы предаём память об Учителях! Да, жизнь захватывает какими-то прямо нечеловеческими лапами, тащит, вертит, бросает то на скалы, то на мягкий песок, а то и совсем в безвоздушное пространство с самым последним глотком воздуха. И куда там оглядываться, если впереди неизвестно что.

Но Учитель здесь причём? Дал тебе всё что мог и даже больше, отправил последними напутствиями, но сам-то остался. Что же не отправить ему хотя бы открытку к годовщине похода? Не Даниле же первому писать, не зная даже твоего адреса.

И вспоминаем об Учителях, когда им остаётся слишком мало времени. Или не остаётся совсем.

Стыдно. Но исправить, как правило, уже ничего нельзя. Только помнить. До самого конца. Своего…

Одноклассники шумно и немного натужно веселились. В люди вышли не все, и это сковывало первое время. Школа – потенция, а в их, пусть ещё и небольшие, годы пора подводить некоторые итоги и строить планы на будущее. Но родные лица, стены и прозрачная жидкость делали своё дело, и пошли поцелуи, речи вперебивку и даже радостные слёзы.

Лариска, далёкая первая любовь, тоже плакалась ему в жилетку. Растолстела до невозможности, прямо каракатица. Да ещё и на кривых ножках. Господи! А если бы он на ней женился? Но какое-то грустно-счастливое чувство всё же испытал.

Потом потянулись в снятый на вечер ресторан. И вот тутто, в середине каменного дворика, встречал всех Данила. Предупреждённый, что старый учитель уже не тот, болеет, плохо видит

и никого не узнаёт, Игорь с трепетом оглядел сильно постаревшую, сгорбившуюся, почти неузнаваемую, но всё ту же родную коротконогую фигуру и чуть не заплакал.

«Быть может смерть придёт ещё не скоро, но жизни нет, а я ещё живу…»

Узнал бы Игорь где-нибудь на улице в этом старике своего Данилу? Без живости и острого интереса к малейшим проявлениям жизни? Кто знает… Наверное нет…

Вдруг вспомнился один из бесчисленных разговоров, к которому он не раз возвращался, домысливал и даже переиначивал. Теперь уже не разделить где мысли Данилы, а где его собственные. Плох ученик не идущий дальше. Но тему с неожиданной цитаты начал Учитель.

«Есть нечто, остающееся постоянным, смысл этого нечто интуитивно неясен». Так, или примерно так, сформулировал закон сохранения неизвестно чего математик, физик, философ Анри Пуанкаре ещё в самом начале XX века. Судя по дефиниции больше всё-таки философ, хотя к принципам теории относительности пришёл если и не раньше Эйнштейна, то, во всяком случае, независимо. Ещё мыслитель призывал учёных к согласию и даже основал конвенционализм. Ну, они все так с ним сразу и согласились… Между прочим, его брат, Раймон, президент и премьер-министр Франции в тех же годах, тоже призывал к согласию, но путём войны. Даже прозвище заслужил «Пуанкаре-война». С ним соглашались больше…

Время, время… Как по разному складываются судьбы человеческие при жизни и в вечности! XX век основательно перевалил на вторую половину, и вот уже Раймон, известный в свои времена куда больше чем брат, навсегда покинул положительную память человечества. Труды же блестящего учёного прочно принадлежат истории науки. А формулировка закона, воспринятая современниками, да и потомками, как остроумная шутка, оторвалась от породивших её энергии и массы, живёт, и проникает в самую гуманитарную суть. Как, скажем, понятие энтропии, рождённое в самых тёмных недрах термодинамики. Теперь без неё

не представишь ни информатику, ни социологию, ни… В общем, ничего без этой «меры беспорядка системы» уже и не представишь. Хорошо бы и литературное произведение оценивать количественно, но пока не понятно как.

Отвлеклись. Да и как не отвлечься, если *вспомнилось?* Когда голова полна наукой и литературой, и мыслями, связывающими совершенно несоединимое.

Чёрт с ней, с энтропией. В конце концов, Хаос и Космос (порядок) в вечной борьбе друг друга не отрицают, но только в противоположности и существуют. А в широком пограничье, в котором обитает литература, постоянно перетекают и превращаются.

Всё течёт, всё изменяется, как говорил Гераклит, а может быть и не он, но это неважно, ещё за пятьсот лет до нашей эры, угадывая и направленность времени, и асимметрию пространства, и божественную природу чисел, даже и слов-то таких не зная. С тех древнегреческих пор в этом смысле мало что изменилось, хотя утекло всякого порядочно. Меняются страны, государственные устройства, народы – до полного исчезновения и появления совершенно новых. И ох, как меняется человек! И в историческом и в личностном планах, и внутренне, и внешне, да так, что на старых, ещё чёрно-белых, фотографиях себя и узнать нельзя.

Так действует ли парадоксально сформулированный закон? Есть нечто во всех этих изменениях остающееся постоянным? Или только улыбка чеширского кота?

Надо думать да. Если народ ощущает себя Народом, а человек Человеком. А если нет – и говорить о них не стоит и думать ни к чему. Пусть исчезают, времени не зная, и мыкаются без надежд в *преддверье* Дантового ада, ненужные ни людям, ни богам.

С грустью, но подолгу вглядываясь в чёрно-белые, а лучше сказать – чёрно-серые с желтизной, отпечатки времени, нет-нет, да и обнаружится потаённая характерная черта в самом первозданном виде. И наполняется душа тихой и почти всегда печальной радостью – это я!

А углубляясь в историю собственного народа, при всех самых невероятных её перипетиях, с гордостью ощущаешь – мы это Мы! И на

Куликовом поле, и на стоянии на Угре, и в осадах и пожарах Москвы…

Есть, есть всё-таки стержень, или чуть потоньше и посовременнее, ось, на которую наматываются и нарастают, как мышечная масса на кости, времена и события. И не дай Бог эту основу потерять. Тогда «нечто» превращается в «ничто».

Но чтобы не терять, надо помнить и спускаться в самые глубины, а то и ниже. И если «нечто» осталось постоянным – стоит жить. Во всяком случае, в какие-то круги, пусть не Чистилища и Рая, Данте нас введёт.

Вокруг Данилы вилась небольшая быстро меняющаяся толпа с радостными воплями, смехом и негромкими всхлипываниями. Игорь приостановился в нерешительности и… решил не подходить. Слишком больно было бы услышать: «А, Раманов… Как же, как же! Ты в «а» был? А-а, в «б». Помню, помню…» И вдруг, когда он обходил Данилу со спины:

– Раманов! Ты что – решил не здороваться?!

– Господи! Данила! Ой, Даниил Еремеевич! Вы, что же, меня помните? Столько лет… А я так боялся, что вы не узнаете… И подходить…

– Ладно, ладно, дай-ка я тебя посмотрю и пощупаю…

Ему показалось, что в тёмных глазах блеснули слёзы. Старческие?

Они проговорили весь вечер. Игорь даже успел поплакаться Даниле, что ничего у него за душой нет, научная карьера в тумане… Но особого сочувствия не нашёл:

– Ничего, ничего, ты ребёнок позднего развития. Да и объём необходимых знаний и умений ох как растёт. Ты мне лучше вот что скажи. Ты уже пишешь или нет?

Как часто жизнь напоминает насыщенный раствор – стоит себе, стоит и ждёт. Но только кто-то бросит маленький кристаллик и начинается бурное выпадение осадка. Ах, Данила, Данила! Как вовремя ты бросил этот вопросик!

Вскоре Игорь написал своё первое настоящее стихотворение и стал медленно проходить самый смутный и тяжёлый период его жизни. Но это уже история из совсем другой жизни.

СЕНЖЕРМЕН

Странная штука память. Копаясь в ней с самыми благими намерениями – выстроить всё в хронологическом порядке, вдруг обнаруживаешь некоторые события, иногда довольно даже отдалённые, переплетенные так, что разделить их совершенно невозможно. Разрыв чреват потерей чего-то такого, что и вспоминать не хочется.

Что же в ней такое творится? Отчего же не хочет быть послушной полочкой, на которой всё аккуратно сложено и достаётся с самыми минимальными усилиями?

Учёные считают, что все процессы в нашем перепутанном мозге сплошная химия. В лучшем случае, биохимия. То есть живая. Может быть, всё правильно, но уж больно скучно. Особенно для ума, не слишком обременённого научными размышлениями и никак не могущего вспомнить, что же означает это застрявшее слово «валентность», которое так упорно вдалбливал школьный химик мелом и указкой.

И вопрос – а кто же или что же управляет этими процессами, если нам они не слишком подчиняются? Неужели же сама химия и управляется, забывая объяснить? Может быть, стоит поуправляться с нею волевыми усилиями и напряжением ума, несмотря на сильную головную боль? А что если это тоже химия?

Нет! Куда лучше версия души. Тут уж всё настолько непонятно, что верить хочется от души. И понимать не надо, а только слушаться её велений. Уж она-то не ошибается!

Ах, как хочется жить в гармонии! Чтобы левая половина не тянула в сторону, противоположную правой. Почему же так бывает крайне редко? Зачем эта диалектическая борьба в одной черепной коробке? И ни химия, ни душа управиться с ней никак не могут.

Впрочем, худо-бедно, как-то ладят. Хотя голова порой раскалывается прямо на части – и даже больше двух. Но к утру про-

ходит, когда приходит или, лучше, спускается долгожданный компромисс. Когда не совсем ясно, но понимаешь, что лучше уж пусть немного перепутаются студенческие и техникумовские времена, пусть вторая встреча предстанет ранее первой, но оторвать «Иоланту» от Сенжермена? Ни за что! В конце концов, всё разъяснится и станет на свои места.

…Где-то в середине апреля, тёплым безоблачным деньком, с солнышком на чистеньком небе и бледной ещё, но нестерпимо нежной зеленью, они встретились у «Кинотеатра повторного фильма» – был такой с небольшим зальчиком в полуподвальном этаже большого жилого дома. Шла «Иоланта» Петра Ильича Чайковского. Вот и не верь после этого в предопределение – именно «Иоланта»!

Желающих послушать великую оперу было не так уж много. Игорь вежливо занял очередь в кассу за ней, но со спины не узнал. Когда обернулась, у него, что называется, ёкнуло сердце.

– Не последняя, а крайняя! – поправила высокомерно, не удостоив взгляда.

– А с какого края? У очереди-то два!

– С этого, с этого.

– А вы только на оперы ходите? И одна?

– Музыку лучше слушать без никого.

– В толпе?

Её чёрные брови взметнулись, глаза блеснули и впервые ощупали его. Вопрос выбился из обычного трёпа и не остался незамеченным.

– Если все слушают, то не мешают.

– А я не помешаю?

– А вы любите Чайковского?

– И «Иоланту» в особенности.

– Вот как?

До сеанса было время, и как-то само собой они не спеша пошли по берегу тихой городской речушки, нежившей когда-то в своих кристальных водах тёмноликих сарматов, светловолосых половцев, воинственных руссов и немало ещё кого. Теперь, когда-то полново-

дная и даже могучая водная артерия, сузилась до перепрыгивания юными и резвыми потомками древних народов. Да и заросла порядочно какой-то мутировавшей в масляно-бензиновых разводах растительностью, неутомимо колеблющуюся в разноцветных, а изредка даже и прозрачных, струях.

На берегу, за границей неширокой полоски песка, усеянного стаканчиками и палочками от мороженного, травка была ещё остренькая, но уже волнующаяся под лёгким ветерком. Листья на клёнах выглядели новорождёнными, но готовыми развернуться и начать фотосинтез на полную катушку. Хорошо!

Шли рядом, не касаясь друг друга, хотя Игорю хотелось, прямо до невозможности, не то, чтобы обнять – об этом и мечтать было нельзя! – но хотя бы ощутить прохладу её матовой кожи. Ох, как она была хороша! Не решаясь смотреть прямо, всё время поворачивался и наклонялся, довольствуясь только деталями, ещё не складывающимися в целое, лица и фигурки. Роста она была не слишком большого, чуть выше его плеча. Светлый плащик едва доходил до колен, оставляя стройные и крепкие ножки. Маленькое ушко, к которому он обращался, тщательно вырезанное Творцом, было обрамлено тёмными волосками и не имело даже серёжек.

Размахивая руками, тряся густой светлой шевелюрой и беспрерывно улыбаясь, Игорь рассказывал в лицах свою давнюю оперную историю и даже напевал:

Два мира плотский и-и духовный,
Во всех явленьях быти-ия,
Нами разлучены у-условно,
Они едины, знаю-у я…

Могли ли они тогда подумать, что строки из либретто Модеста Чайковского, брата Петра Ильича, могут быть эпиграфом ко всякой удавшейся жизни! И к их, которая уже, кажется, началась.

А история с Сенжерменом случилась в техникуме, куда Игорь попал после провала на последнем вступительном экзамене в университет, на физтех. Может быть, Игорь слегка и рас-

слабился, получив на предыдущих четырёх отличные пятёрки, а может быть… Что за ошибки были в его сочинении так и осталось обидной тайной, но показывать работу абитуриенту было не принято, решение экзаменационной комиссии являлось окончательным и обжалованию не подлежало. Предупреждали же умные люди, что с его анкетными данными риск уж больно велик, лучше бы выбрать факультет попроще, не связанный с оборонными секретами. Например, на физмат. Но уж больно хотелось решить проблему термоядерной энергии. Пришлось отложить. Как оказалось навсегда. Дальше жизнь понеслась по каким-то до сих пор непонятым законам, оставляя всё меньше и меньше выбора. Впрочем, Игорь никогда не жалел что учился в этом среднем учебном заведении, хотя и потерял пять лет – два года учёбы и три отработок. Да, университеты пришлось отложить. Но что-то теряешь, а что-то находишь. И не больше ли он приобрёл? Во всяком случае, Сенжермен и «Иоланта» у него случились именно там, в трёхэтажном здании на вершине городского холма.

Нельзя сказать, что Игорь был завзятым меломаном, но серьёзную музыку любил с детства. В доме не было музыкальных инструментов, да и играть никто не умел. Но папа часто приносил инструментальные и симфонические пластинки в светлых бумажных пакетах с тёмным рояльным контуром, как бы делящим квадрат с вписанной окружностью на Инь и Ян. Пластинки полагалось брать, прижимая пальцы к ободу, и бережно хранить вертикально на этажерке. Когда в доме никого не было, Игорь включал радиолу и всласть дирижировал невидимым оркестром. Особенно любил Рахманинова и Второй скрипичный концерт Паганини. Ну и, конечно, Первый концерт Чайковского и сороковую симфонию Моцарта.

В филармонии по воскресеньям давали утренние, бесплатные концерты-загадки – оркестр играл необъявленные отрывки, а юные слушатели должны были узнать и рассказать об услышанном. При врождённой страсти к чтению, Игорю было что сказать. И он выигрывал в острой борьбе, в основном с девочка-

ми, призы – конфеты «Каракум», шоколадки. Ох, и любил же он сладкое! Но с девочками делился.

Но «Иоланта» случай особый – он знал оперу наизусть.

Весьма необычный преподаватель сопромата, Огюст Иванович Лебеденко, по прозвищу Сенжермен, решил ставить оперу.

Инициатива сопроматчика вызвала довольно сильные волнения и круги не только среди учащихся, но и в более высоких сферах. Нет, сам по себе замах особого удивления не вызвал – нам всё по плечу. Ставили, ставили крупные вещи и драмкружок, и танцевальные коллективы. Но целая опера?! Там же, как ни как, специфика – ноты, вокал, оркестр, наконец. Как это всё Сенжермен себе представляет? А верхи, то есть партком, волновала тема оперы – нет ли там чего-нибудь такого, что не совсем соответствует текущему моменту строительства социализма?

Самодеятельность… Слово какое-то презрительное и унижающее, куда лучше, например, любительство, но прижилось именно оно. Даже не существеннейшая примета, а скорее свойство советского времени. Во всех сферах интеллектуальной, да и не только, деятельности. От сантехника, подающего рационализаторские предложения по экономному смыву в унитазе модельных песчаных колбасок в чулке, до генерального секретаря КПСС, успешно внедрявшего железобетонное кораблестроительство. Ну и, конечно, в искусстве, принадлежавшем народу, как утверждала партия устами вождей. Собственно народу принадлежало всё, только взять что-либо было сложновато. Но если уж мы наш, мы новый мир строили, то обустраивать искусством прямая задача всех советских людей. Под идеологическим надзором, разумеется. А какая замечательная, хорошо контролируемая, форма общественной жизни и сознания! Все в кружки самодеятельного творчества! И с детского сада до преклонных лет практически все в чём-то участвовали – драмкружок, выпиливание лобзиком, танцы народов мира, мелодекламация, литобъединения, вышивание крестиком, оркестры народных инструментов… И, конечно же, хор! Это кто уже ни на что не пригоден,

массово загонялся под баян, аккордеон или пианино. Кое-где в проектных институтах местные остроумцы на чертёжных комбайнах прикалывали самодеятельные плакаты:

Мужчины!
Спасайтесь от облысения!
Вступайте в кружки хорового пения!
Звонче голос –
Крепче волос!

Правда, что петь, танцевать или выпиливать и что при этом говорить и думать решала партия. Тут уж никакой самодеятельности. Народные инициативы, конечно, поддерживались, но пристально контролировались – не расходятся ли с генеральной линией.

Фигура Огюста Ивановича вызывала повышенное внимание и внешним обликом, и внутренним содержанием, выражавшемся в необычной манере поведения, и даже самим именем. Неизвестно о чём думали или мечтали его родители, но прозвище припечаталось куда прочнее паспортной записи. Сначала, правда, хотели назвать просто графом, но увлекательные приключения известного авантюриста эпохи Просвещения, определили окончательно – Сен-Жермен! Правда, аристократическое тире в русском прочтении и написании мелом на доске потерялось.

Державшийся особняком, почти не общавшийся с товарищами по работе, Сенжермен имел сомнительную репутацию мизантропа, но пользовался настороженной популярностью. Кажется, единственный в техникуме кандидат наук, когда-то преподавал в университете, но завёл непозволительный по тогдашним временам роман со студенткой и за снижение морального облика советского человека лишился престижного положения.

Около сорока или чуть более, среднего роста, худощавый, с острым профилем и тонкой полоской чёрных усиков, тщательно подбриваемых со стороны носа, впечатление производил человека, к которому лучше лишний раз не приближаться. В предыдущей жизни Сенжермен наверняка был дуэлянтом, а во французской революции на гильотину отправлял пачками. Да и в

инквизиции был, надо думать, не последним человеком. Уже не говоря о древнегреческих ареопагах.

Преподавал без улыбок и нежностей, но сопроматом кое-кого увлёк. Вокруг собрался даже небольшой кружок юных интеллектуалов, и беседы стали выходить далеко за рамки предмета. И как-то неожиданно вышло, что нужно ставить, не отдельную арию, не фрагмент, не сцену или акт, а прямо целую оперу. На техникумовской, отчаянно скрипящей, сцене.

Но вернёмся к опере.

То ли относительная малость персонажей и сценических прибамбасов (некоторые сцены режиссёрским прочтением были отброшены), то ли просто Сенжермен любил эту музыку, но выбор пал на «Иоланту».

Сказано – сделано.

Среди интеллектуалов был произведён отбор или, как бы сказали сейчас, *кастинг*, причём участие всех было обеспечено. Концепция Сенжермена была, как всегда, оригинальна и революционна. Если бы Константин Сергеевич Станиславский дожил до нашей постановки, то внёс бы существенные изменения в свою знаменитую систему и уж, во всяком случае, закрыл бы, не открывая, Оперную студию Большого театра. Главным, считал Сенжермен, понимание авторского замысла и желание открыть себя миру, а способности, там, музыкальное образование и прочее – привходящее. Так, на Роберта был утверждён писаный парубок Толик Приходько – чернобровый, черноволосый с голубыми глазами, страстно желавший в чём-либо участвовать. У Толика присутствовал небольшой голос, но практически отсутствовал слух. Репетиции популярной арии напоминали обучение попугая разговорной речи, но своего Сенжермен добился – Толик запел.

Игорь выбрал роль Целителя, как наиболее сложную в смысловом плане. Репетировал старательно, находя всё новые оттенки в идеологической подготовке прозрения Иоланты. Голосом, как говорила скептически настроенная часть кружка, не лишённым приятности.

Партию оркестра взял на себя Сенжермен и самозабвенно ис-

полнял на древнем пианино с западающими клавишами верхней октавы. Многочисленные инициалы, рожицы и непременные сердечки, процарапанные на чёрном лаке, при слишком сильном forte как-то морщились, а при piano чуть ли не улыбались.

Близилась генеральная репетиция. В преддверии небывалого события в новейшей истории техникума, а другой, по правде говоря, и не было, общественность притихла. Ходили слухи, умело пущенные интеллектуалами, о скором гуманитарном перепрофилировании данного учебного заведения и даже об открытии Малой сцены областного театра оперы и балета, которая вскоре станет большой, а сам театр малой. На лице Сенжермена отмечалось какое-то подобие улыбки.

Но тут произошло непоправимое. Рок, витавший над Сенжерменом, всё-таки сказал своё веское слово.

Во время репетиции так трудно дававшейся арии, в зале под потолком вдруг весьма легкомысленно заговорило и запело готовящееся к открытию техникумовское радио. Посланные с предложением прекратить это безобразие вернулись ни с чем. Ссылаясь на указания свыше, радист прервать передачу отказался. Тогда, победоносно настроенный Сенжермен, попросту оборвал наружную проводку, и репетиция была продолжена.

Происшествие было немедленно доложено директору, отставному подполковнику Муравьёву, по прозвищу Самтыапостол. Последовали оргвыводы. Эта самодеятельная, не запланированная парткомом, «инициатива снизу» и раньше вызывала глубокие подозрения. Что они там поют более или менее ясно, но на что открываются глаза?

Сенжермену был объявлен выговор с занесением, а оперу запретили, как приводящую к неуставным отношениям.

Вскоре Сенжермен куда-то пропал. Но кружок остался и долго ещё, до конца своей короткой жизни, во всех компаниях пел арию красавец Приходько.

ВСПУГНУТАЯ ДИЧЬ

Когда кончается детство? Не физиологически, не по вторичным половым признакам, тут более или менее ясно, а в восприятии текущей и грядущей жизни? После рубежей? После школы? После техникума? После не первой любви?

Нет, годы здесь ни при чём. Главный признак или, если хотите, главное свойство детства – жизнь впереди! А вот когда обрисовываются контуры будущего, когда если и ждёшь чего-то, то представимого, когда уже обозначается путь и нет особого желания, да и возможности, развиваться и свернуть, когда проходит ощущение счастья и чуда жизни, когда начинает охлаждаться взгляд – тогда всё, можете помахать ручкой. У некоторых это происходит и в пятнадцать и даже раньше, у других – никогда. И сияют под седыми волосами (какой великолепный штамп, однако!) глаза любопытством, любознательностью и тем самым тревожно-радостным ожиданием перемен и новых впечатлений – хоть кол на голове теши! И хорошие это люди, доложу я вам!

Некоторые взрослые писатели всю жизнь пишут в привычном, хорошо устроенном кабинете с просторным столом, массивной пепельницей и даже настольной зажигалкой, изображающей гибель Помпеи и Геркуланума вместе взятых. И правильно. И честь им и хвала.

А вот другие никак не могут усидеть на месте предыдущего романа. Лев Толстой, например, мигрировавший по всей Ясной Поляне вплоть до Астапово, где уже навсегда остался ребёнком.

Однако детство детством, но и жить-то как-то надо. А там, куда ты входишь вырастая, тебя не то чтобы не ждут, но радости особой не проявят. Взрослый народ, пусть и не всегда трезвый, но практичный, жить иллюзиями как-то не хочет. Разве что, потребляя телевизионную продукцию на вечернем диване. И дет-

скость люди принимают за инфантилизм, качество действительно отвратительное, как слюни дебила, и терпеть её никак не хотят.

Так как же жить людям хорошим среди нормальных? Как приспособиться к миру, увы, очень далёкому от идеального, рисуемого наукой и искусством прямо от древних шумеров и египтян. Как быть с честью, совестью и достоинством, когда они всё время попираются? Когда для достижения сиюминутной цели жертвуют не только отдалённым, но даже и ближайшим будущим.

Выносить и терпеть – по заветам стоиков? Раздваиваться? Где-то, взяв себя в руки, всё-таки быть взрослым? Попробовать понять, что движет другими? Но понять не значит простить, а тем более приемлить. И уж никак нельзя самому допускать что-то такое, чего себе простить нельзя.

Но как же тогда добиваться успехов? Как выстраивать тактику и стратегию жизни? Одним словом – как примириться с миром?

Может быть, не надо примиряться? Так и жить – и взрослым, и не совсем. Обязательно со своим детством. Ибо, как известно, плох тот человек его не хранящий.

А чтобы не свихнуться, развивать свои способности и талант, которые должны быть у каждого человека. Многое они в этой взрослой жизни компенсируют.

Жалко только, что не всё…

…Когда Игорь по распределению после техникума впервые в жизни уезжал от мамы и папы в большой промышленный город, папа напутствовал. Говорил об опасностях и трудностях, о людях которые оказывается не все хорошие, а есть даже и злые, об умении устраиваться…

– Теперь, Игорёк, ты вступаешь во взрослую жизнь, хотя ещё совсем не повзрослел… И не торопись… Э-эх! Ну, да что делать, когда-то же надо начинать… Ты справишься, я верю.

Конечно, справится! Но страшно. Что приготовил сильно расширяющийся мир? Как-то всё там будет? Сумеет он, наконец, стать самостоятельным? Сумеет ли показать себя? В какую даль мчит его поезд? И как стелить постель на верхней полке плацкартного вагона?

…На заводе Игорь был встречен с некоторой прохладцей. Техникум считался образованием и дипломированному специалисту полагались надзор и продвижение – иначе зачем государство два с лишним года тратило деньги? Следовательно – первая должность сменный мастер. В ту пору в мастерах ходили обычно бывшие передовые бригадиры, хоть и с семью классами, но с опытом выше головы и партийным билетом в кармане. И ставить мальчишку с улыбкой никогда его не покидающей, на тонкую границу между собой и рабочим классом, начальству было как-то не по себе. Да и опыт производственный нужен или нет? Должен же понимать, что такое план? И было решено. Пусть с полгодика поработает на основных рабочих местах – слесарем, сварщиком, разметчиком, а там посмотрим. Может хоть улыбку удастся согнать? Что это, понимаете, за несерьёзность.

Улыбку согнать не удалось – было интересно. Хотя ключи, молоток, кувалда, сварочные и всякие другие приспособления в его не слишком проворных руках, вызывали улыбки и едкие замечания – это тебе не книжки читать! – но овладевать ими Игорь пытался совершенно серьёзно, жертвуя пальцами и другими частями тела. Но когда выяснилось, что чертежи читает легко и пользы при подборе и раскладке деталей от него значительно больше, он оказался в бригаде разметчиков, в заводской интеллектуальной элите рабочего класса, и с месяц нещадно бил по пальцам мимо керна. Но с раскроем разобрался достаточно быстро и даже делал предложения по экономии металла. Среди товарищей это вызывало интерес и недоумение – оно тебе надо? за это ж не платят…

Некоторая настороженность к «образованному» преодолелась достаточно скоро, тем более что козырять дипломом Игорю и в голову не приходило.

Словом, прижился Игорь в рабочем классе. Но своим, как всегда, так и не стал.

А вот переход от семьи к самостоятельной жизни дался значительно труднее.

Жить… нет, скорее обитать, а ещё точнее – обретаться, пришлось в двухэтажном допотопном, когда-то «работном», доме с де-

ревянными перекрытиями, носившем гордое название «Заводское рабочее общежитие». Другого жилья у завода не было, и одну комнату отвели под ИТР – инженерно-технические работники.

Слева у окна, имея ввиду литеру «И» в аббревиатуре, располагались кровать, тумбочка и стул, с навешенной до опрокидывания одеждой, инженера конструкторского отдела Толика Бабенко, тоже молодого специалиста, по прозвищу пан Анатоль. Откуда взялось это польско-украинское обращение неизвестно, кажется из какого-то фильма, но соответствовало мало. Был пан большей частью угрюм, молчалив и раздражителен. По натуре наверно общительный, но мешало уж очень прыщавое с гнойниками лицо, с которым, несмотря на мази, микстуры, бабкины зелья и приговоры, поделать ничего не удавалось.

Симметричную правую сторону отвели Игорю, как «Т», молодому специалисту с новеньким темно-синим техникумовским дипломом. В комнате был ещё стол, на который лишний раз облокачиваться не рекомендовалось даже во время пьянок, и пара самодельных табуреток, на вид грубоватых, но прочных.

Пить в общежитии вообще-то запрещалось под бдительным оком коменданта, старичка в офицерском кителе без погон, печатным шагом в строго установленное время обходившего вверенное ему народное достояние.

Старичок по понедельникам развлекал народ обязательной – с отметкой присутствия в синей аккуратной тетрадочке – политинформацией с весьма глубоким анализом удручающего положения рабочего класса в капиталистических странах:

– В Германии ревальвация марки. Представляете, какой удар по трудящимся массам? И вот, пожалуйста, – в Англии девальвация фунта стерлингов. Представляете, какой удар…

И то ли от бессильного сочувствия жертвам беспощадной капиталистической эксплуатации, то ли по каким-то более понятным внутренним причинам, но всю неделю ребята, да и мужики уже в приличном возрасте, конечно же выпивали, но без особого шума. К счастью, пан Анатоль не злоупотреблял.

Кроме постояльцев в промасленных спецовках и в сварщиц-

кой брезентовой робе, общежитие в большом и постоянно возобновляющемся количестве населяли клопы и тараканы.

О тараканах говорить нечего, существа совершенно для людей безобидные – боязливые, не кусаются, заразу не разносят, разве только внешний вид вызывает омерзение. Ну, так и не смотри.

Клопы же боялись только дневного света, а по ночам устраивали кровавые оргии, беззаветно отдавая свои личные жизни без всякого ущерба общему количеству. В теорию множеств даже следовало бы ввести термин «неисчезающее». Ядовитый, во всяком случае по цвету, инсектицид дуст помогал отодвинуть клоповый фронт слабо и на непродолжительное время, но людей потихоньку травил.

Особенно тоскливо в общежитии по выходным. Развлечений немного, разве что перебранка с комендантом по поводу не так застеленных кроватей:

– Мне по фигу правильно-неправильно. Вы мне это бросьте! Единообразие должно быть!

Чтобы не торчать в опостылевшей комнате, не вступать в случайные тоскливые разговоры, как правило заканчивавшиеся настоятельным предложением выпить, Игорь много гулял, изучая незнакомый город, в котором предстояло жить какое-то время. Однако особых изысков в архитектуре не нашёл. Старина отсутствовала полностью, город, и вообще не древний, сильно пострадал от войны и фактически отстраивался заново. Только сохранившийся корпус Политехнического института носил явные черты функционализма тридцатых годов.

Много читал. Ходил в кино.

Но хотелось говорить, обсуждать, делиться соображениями с теми, кто тоже читал и смотрел и при этом думал и переживал... Что называется чесались язык и уши. Но ни друзей, ни даже знакомых в первые месяцы не было.

Как вдруг судьба улыбнулась ему скупой скептической усмешкой Макса Курченко, студента последнего курса Политехнического.

Познакомились они в графском лесу, куда Игорь добрался пригородным поездом в поисках леса, узнав из случайного разговора, что таковой в степи существует. А Макс, со своим другом

Борей Волковым, приехал на собственной машине! На «Победе»! Вот это да! У Игоря таких знакомых ещё не было. Далеко не у всех велосипеды были, а тут…

Конечно, «Победа» была отцовской, но в полном Максовом распоряжении. Отец, понятно, большой начальник – иначе откуда же машина? – попал в аварию на служебной, сильно покалечился и навсегда отдал бежевую роскошь Максу.

Блуждая без особого плана по терпкому, чуть загрустившему к концу лета, лесу, Игорь вышел к умело разведенному костерку между двумя камнями с котелком и тепло поприветствовал парней в штормовках. Принят был без особого восторга и энтузиазма, но, согласно законам лесного гостеприимства, на кружку чая с какими-то вкусными травами был приглашён.

Сначала беседа была вялой, с прощупыванием – кто? что? откуда? Но вот всплыло имя Паустовского, и общая любовь мгновенно сблизила их. Проговорили часа три, договорившись уже совсем до Фрейда, которого Боря читал на немецком.

Ребята Игорю очень понравились. Интеллект был написан прямо на лицах. Хотя и очень разных.

Макс был мужчина крепкий, основательный, доискивался до непоколебимых основ и мнения требовал обосновывать, чем часто ставил собеседников в тупик. Но думать побуждал. С юмором у Макса было не густо, но ироничная улыбка лицо кривила постоянно.

А у Бори Волкова были глаза! Нет – очи. Совсем как на древних русских иконах, только тёмные, даже чёрные. Собственно, откуда Игорь взял, что на иконах светлые? По Феофану Греку? По Андрею Рублёву? В «Троице», кажется светло-коричневые… Ну да дело не в цвете – под неторопливым Бориным взглядом хотелось вести правильную и праведную жизнь и даже покаяться.

В интеллектуальном смысле лидирующая роль в тандеме принадлежала Боре. А во всём остальном – Максу. Чувствовалась настоящая мужская дружба, отшлифованная годами до мелочей.

Настоящие парни! Игорь уже готов был подружиться до гробовой доски. Особенно с Борей.

Кажется, и ребятам он показался интересным, но принимать

скоропалительные решения Макс, конечно, не собирался – человека следует проверять на деле. Короче, насколько Игорь мог понять, решили знакомства не прерывать, но дать неопределённый испытательный срок – пусть себя проявит и покажет.

Обратную дорогу Игорь блаженствовал на переднем сиденье «Победы», уступленным Борей без всяких просьб, уловившего своими неземными очами острое желание нового знакомого.

Макс подвёз к самому общежитию. В комнату зашли, хотя Игорь и не приглашал. На лице Макса отразилась некоторая растерянность. Боря печально улыбнулся:

– Это многих славный путь…

С тех пор начались роскошные оазисы в тоскливом однообразии длинной-длинной рабочей недели. Сидя на корточках и набивая керном бесконечные линии, прочерченные победитовой чертилкой на листовом металле, как он ждал – и не мог дождаться! – благословенной субботы, когда…

Макс сразу же установил строгий порядок и режим. В субботу, после занятий, где-то часов в пять, «Победа» подъезжала прямо к окнам общежития и мигала фарами. Игорь, уже облачённый в трикотажные шаровары – «глисты», как их называли в народе, – кеды и штормовку с Максового плеча, мгновенно вылетал, улыбаясь и размахивая руками, плюхался на штурманское место. И они ехали! Не куда глаза глядят – такого Макс не допустил бы ни в коем случае, – но каждый раз в новь.

«Степь открывается сразу, но тайна бродит как мысли в пустой голове…»

Кроме всего, ребята были охотниками. Не то, чтобы страстными, но многое знали и умели. И к неуёмному Игореву восторгу приобщили к этому виду игры и азарта и его.

Охота! Ей-богу, что-то творится с мужчиной, когда в руках оказывается ружьё! Во всяком случае, в первый раз. Да и потом, ну, может быть, менее остро. Просыпается какой-то древний, если не первобытный, инстинкт, дремлющий на самом нижнем уровне клеточной памяти. Вмиг слетает шелуха цивилизации, за-

бываются сказки о зайках и мишках, проповеди о добре и зле… Это уже не игра! Это настоящее! Ты сам добудешь мясо!

Борьба! Один на один. У зверя все преимущества перед тобой – крепкие и неутомимые мышцы, быстрые лапы и крылья, острый глаз, чуткое ухо и совершенно невероятное чутьё. У тебя всё это, может быть, тоже есть. В самом малом количестве. Но вот оно, оружие – камень, лук, ружьё, наконец, – и ты уже не только равен, ты уже сильнее. Да, нужно выследить, выходить, выбегать, но ты можешь! И каждый удачный выстрел наполняет всё твоё тело диким восторгом. А каждый промах добавляет азарт.

И какое сладкое слово «добыча»!

Вот только вид убитого, в крови, животного повергает в оторопь, жалость и стыд. Не потому ли Диана на полотнах старых мастеров обычно сидит с отсутствующим видом? Интересно, рыба ничего такого не вызывает, птица – совсем немного, а вот свой брат, млекопитающее…

Говорят, к этому привыкают, как и ко всему на свете. Но Игорь так и не привык. Кровь всегда вызывала отвращение.

В ту памятную субботу в «Победе» на заднем сиденье с Борей сидел худощавый парень с удивительно юным, но каким-то подозрительным лицом, к которому надо было ещё привыкнуть. Макс представил:

– Друг моего детства – Вася Тиунов.

Ну, друг так друг. Пусть и детства. Макс слова взвешивает – не сказал просто «друг».

Боря затеял разговор о научных воззрениях древних греков, пытаясь их философски совместить с теорией относительности. Разговор сразу же пошёл оживленный, вызвав резкие и эмоциональные суждения. Вася участия в споре почти не принимал, удивлённо поглядывая на товарищей, и чувствовал себя не слишком уютно. Но когда мотор забарахлил, расчихался и заглох, вышел с Максом, и они отчаянно зажестикулировали. Вася погрузился с головой в нутро машины и через несколько минут убедительно махал какой-то крохотной деталью. Макс поглядел на него с уважением.

Часто чертыхаются водители по поводу двигателей и движителей наших легковушек, но одно достоинство признают все – ремонтопригодность. Какие-то проволочки, нитки и даже спички, и вот уже «Победа» снова весело катит по грунтовке чуть нахмуренной предвечерней степи. И Вася уже не инородный элемент. Ценили ребята умелость.

Порядок вылазок сложился. Субботний вечер – лагерь, костёр и разговоры, воскресенье – охота, ужин из дичи, и домой.

При инвентаризации наличного оружия, проводимой Максом, у Васи обнаружился великолепный двуствольный «Зауэр» с фирменными вензелями у основания ствола. Поцокав языком, Макс подозрительно глянул на Васю:

– А разрешение?

– Да ты что, Макс, откуда? Оно у дяди на стенке висело. Дядю в Москву перевели по партийной линии, а ружье осталось мне. Да мы же на перепела? Откуда здесь егеря?

– Ну, смотри…

Охоту на перепела трудно с чем-либо сравнить. Обычно к дичи подбираешься, таишься, стараешься зайти с наветренной стороны, чтобы не услышала, не увидела, не учуяла. Иначе дробь не достанет – прицельная дальность охотничьего ружья максимум сорок-пятьдесят метров. Здесь же всё иначе. Рассыпавшись цепью охотники открыто, но не особенно шумя, идут по стерне, в которой бесшумно пируют опавшими зёрнами небольшие семейства. Увлечённые едой, птицы подпускают близко, иногда даже на десять-пятнадцать метров. И вот он, момент истины! Отчаянно размахивая крыльями, со звуком, который и не передашь иначе как «фур-р-р», перепела разлетаются вдаль и вверх. Тут-то и надо успеть вскинуть ружьё и влёт, практически не целясь, выстрелить и попасть!

На сей раз охота была не слишком удачная, но часов за шесть семь перепелов сняли. А Вася взял ещё трёх неосторожных голубей. Боря таким браконьерством возмутился:

– Ты с ума сошёл! Это ж не дикие. Вон же рядом сёла. А вечером хозяин не досчитается своих голубей. Они же ему как родные! Ты что, не знаешь голубятников? А если нас поймают?

Вася промолчал, но особого раскаяния на лице не было. Скорее снисходительность к сердобольному.

Но охотник Вася был знатный. Ни одного выстрела даром! Коробило только как легко, не глядя, отрывал птичьи головы. Макс предпочитал отрезать ножом.

На ужин расположились под стеной двухметровой кукурузы с тяжёлыми спелыми початками, метрах в двухстах от пустынной грунтовки.

Способ приготовления был выбран оригинальный, доселе Игорем невиданный и неслыханный. Прежде всего, разожгли костёр. Птиц выпотрошили, причём Макс от этой работы Игоря освободил. Затем слегка общипали, в основном длинные перья, посолили и поперчили, закатали в глину, комки бросили в костёр и присыпали углями. Примерно через час достали, разбили обожжённую глину, при этом перья в ней и остались, и нежнейшее мясо стало таять во рту.

Пир был в самом разгаре, когда по дороге запылил «газик». Они лениво следили за движущимися клубами пыли, тщательно пережёвывая пищу, чем, как писали Ильф и Петров, помогали строить социализм.

Неожиданно «газик» повернул к ним и помчался прямо по полю.

– Милиция! – Вася охрип до елеслышимости – Ребята! Ружьё! Голуби! Перья… Надо прятать!

– Не дёргайся… Поздно уже… – Макс помрачнел – Кажется, влипли.

«Газик» лихо развернулся, накрыв их облаком пыли, и из защитного цвета дверцы с полиэтиленовым оконцем выскочил мужичок в синем ватнике, но с галстуком на клетчатой ковбойке.

– Кукурузу травите?!

– Нет!! – облегчённо завопили они, вскочив и зачем-то показывая пустые руки. – Кукурузу ни-ни! Даже не касались.

Мужичок обегал полукруг радиусом метров тридцать, но, естественно, ничего не нашёл. Да и зачем охотникам кукуруза? Когда молочно-восковой спелости другое дело – можно есть сырой, высасывая нежное бледно-голубое молочко. А эту надо

было варить часа три-четыре, не меньше.

– Ладно, ребятки, – мужичок немного успокоился, – но вы у меня смотрите!

– Да что вы! Упаси Боже! Что ж мы не понимаем что ли? Газеты читаем. Борьба за урожай. Нас самих на первых курсах сколько посылали. Мы кукурузочку бережём. И охраняем.

– Студенты что ли? А я было подумал…

– А вы, простите, кто? – Боря вежливо одарил мужичка своим задумчиво-невинным взглядом.

– Да председатель я. Колхоза. А бегаю здесь как сторожевой пёс. Знаете же это… Как всё у нас – всё кругом колхозное, всё вокруг моё. Таскают, понимаешь, и таскают. К уборке до двадцати процентов растаскивают. А что мне сдавать? А поймаешь, что делать? Только отобрать и можешь. Так всех же не поймаешь. Эх, Сталина на них нет! Тот и за двенадцать колосков сажал. А вы что, на перепела? Ну, как охота? Нынче они у нас жирные.

– Да кое-что взяли. Да вы присаживайтесь. Печёного перепела пробовали?

– Печёного? В костре что ли? В глине? Не доводилось. Ну-ка дай… Хорошо… Только переперчили немного. Перепел не того требует… В сметане не пробовали?

Они потрепались с мужичком минут десять, даже успели политику зацепить, и поехал сторожевой председатель объезжать свои поля.

На них напало буйное веселье. Хохотали от каждого слова: «А он – кукуруза! Я не могу!». «Перепел в сметане! Держите меня!».

Когда немного успокоились, Макс огляделся:

– Ребята, а где Вася?

Действительно, Васи нигде не было. Походили, покричали – нету Васи! Да что же это такое?

Макс искренне недоумевал:

– Неужели сбежал? Это как-то не вписывается… А кто его видел в последний раз? Ты, Боря?

– Да скрылся в кукурузе, когда «газик» нас пылью обдал. Я думаю, что там и сидит. Куда нас только страх не загонит…

– Да чего уж так бояться? Не тридцать седьмой же… Что нас расстреляли бы, что ли…

Вася явился к самому концу, когда они уже сожгли перья, разровняли и залили костёр, и с брезгливостью укладывали в багажник Васькин «Зауэр».

– Ребята, вы должны меня понять. Ну, никак мне нельзя было попадать в милицию. Никак! Меня на следующей неделе в партию принимают, вы понимаете! А если «телегу» в институт накатают? Весь кандидатский срок псу под хвост!

Ребята поняли, но не слишком охотно. Даже мрачновато. Что тут скажешь? Не пропадать же партии без Тиунова…

Домой ехали молча. Радость замечательного дня растворилась и потерялась в ночной степи. Тьма, слегка отступавшая под фарами, была уже не таинственной и разрезалась массивным капотом как-то равнодушно.

Боря делал вид, что спит. Макс угрюмо ругал не совсем интеллигентными словами дальний свет встречных машин.

Больше Вася в «Победе» не появлялся.

Да и сама «Победа» вскоре перестала мигать в окна общежития. Ребята защитили диплом и отправились в длительную геологическую экспедицию, из которой Боря уже не вернулся.

Но самостоятельная жизнь уже началась. Вслед за друзьями должно было появиться и общество. И появилось.

СОЛДАТКА

Замечали? Романы, так захватывавшие нас когда-то, тихо испаряются, а названия, как карточки в каталоге, сохраняются, иногда даже и без автора. В самом деле, что за «Путешествие из Петербурга в Москву» совершил Александр Радищев, первый русский писатель, пострадавший от литературы? Отчего «задрожал в ярости человечества»? Помнится, что были какие-то неприглядные картины крепостничества, недаром же Екатерина Великая считала его хуже Пугачёва, но какие именно…

А «Недоросль»? Нет, Фонвизина, конечно, помним… А от великой комедии только и осталось в памяти: дверь – прилагательное; зачем география, если любой кучер знает куда ехать; и, конечно же, «Не хочу учиться, а хочу жениться!».

Что это? Благодарная память сохраняет знак, не имея возможности объять необъятное? Заставил же автор в своё время переживать, хохотать и размышлять, повлиял, а то и значительно, на наше зрение, умонастроение, поведение... Отдали должное?

А может быть сравнение с картотекой не такое уж натянутое? Пусть себе лежит, а если надо будет – откроем, вспомним. Да только вряд ли в этой жизни понадобится…

Есть и ещё одно соображение. Что если названия оторвались от породившей их основы? И уже ведут совершенно самостоятельную жизнь? «Кто виноват?», «Что делать?», «Кем быть?»…

Самое примечательное в романе Флобера именно заглавие: «Воспитание чувств». Замечательное произведение уже подлежит истории и обязательному детско-юношескому чтению, но два слова остались даже в памяти тех, кто давным-давно забыл приключения Фредерика, его безнадёжную любовь и не очень удачную дружбу.

Воспитание чувств… Чувствуете? То, что дано казалось бы

от природы, надо холить, лелеять, развивать. И ни в коем случае не путать проявление эмоций с их тонкостью, глубиной и объёмом. Не то любая истеричка объявит себя эмоциональной.

Анекдот из «джентльменской» серии: «– Сэр Артур, вам не кажется, что этот молодой человек не джентльмен?». «– Как же, сэр Генри, вы же видели – он пожал плечами!».

Только как это воспитание происходит? В слове что-то детское. Ну да, нас воспитывали, образовывали, превращали в «воспитанного человека». Если удавалось. И конечно влияли на чувства. Влияли… Но формирование их совершенно невообразимый процесс, происходящий в самых наших трудноконтролируемых глубинах, куда доступ имеем только мы сами, да и то, если признаться, довольно ограниченный. Но процессы идут то сужаясь, то расширяясь, порой без нашего ведома и участия. Остаётся только осознавать себя, сообразуясь с наследственностью, особенностями, предпочтениями. И с происхождением, и с окружением, далеко не всегда выбираемом, и даже с климатом. И, конечно же, объёмом прочитанного, увиденного и услышанного. Процесс этот не кончается никогда, разве что снижается интенсивность.

«Но я прохожу не заочно, а лично на век мой растянутую школу чувств…»

Главным Учителем тут выступает жизнь. Но что жизнь? Случай, случай и ещё раз случай. Пусть и непознанная закономерность, как говорил Спиноза, воспитавший на свою голову Нерона.

…Случай, никак не предвиденный, не запланированный, разве только где-то на очень высоком верху, свёл Игоря с Чикиным в хорошо натрамбованном трамвае, нестерпимо медленно катившим в город после смены – на волю, в пампасы. Когда отчаянно дребезжащее средство передвижения ползло в горку, народ инстинктивно напрягался, пытаясь помочь бессильным электродвигателям. Нетерпение ощущалось физически даже кондуктором.

Игорь уже сумел поставить ногу на последнюю ступеньку, когда Витька попытался проскочить вперёд и довольно чувстви-

тельно наступил каблуком ему на пальцы.

– Старик, твою дивизию, не следует торопиться за счёт других.

– А что ж другие зевают?

– Трамвайная подножка есть место повышенной опасности и, как служенье муз, не терпит суеты.

– Ого! Ты всегда выдаёшь такие философемы, или только на выходе?

– Для тебя, дорогой, в случае извинений, готов ещё поднапрячься.

Извинения были принесены весьма туманные, с оговоркой, что в столкновении как минимум две стороны, и одна готова не считать свой поступок абсолютно правильным в создавшихся условиях. Вторая сторона заявила, что верит в закон равенства действия противодействию, но весьма существенно, как и куда приложено действие. Так, наступленная нога реагирует несколько иначе, чем наступившая.

Инцидент был исчерпан, но в нём был весь Чикин – напористость, хватка и врождённое мастерство компромисса.

Схожесть судеб и положения быстро их сдружила. Оба окончили техникумы: Игорь после десятого класса, Чикин после седьмого. Оба самостоятельно добывали себе средства к существованию. И оба верили, что жизнь для них и что они обязательно пробьются.

Оба были устремлены в будущее и прошлым друг друга интересовались мало. Однако совсем не касаться далёкого и не очень прошлого при откровенных разговорах невозможно и из обрывков, случайных проговоров, из редких и скупых рассказов матери и сорокалетнего старшего брата, представить нехитрую, хотя и не совсем обычную, предысторию чикинской жизни немного удалось.

А нужно ли? Обязательно! Иначе жизнь и судьба друга не только не представятся цельной картиной, но распадётся на непонятные эпизоды и следствия.

Детство… До XX века в русской литературе мелькает радостный эпитет «розовое». И «беззаботное». И с обязательным «маменька!». Как у Илюши Обломова.

Потом, со сменой эпох, пришло «босоногое». Пусть и необеспеченное, но с некоторым романтическим оттенком лёгкости и верой в будущее.

В сороковых-пятидесятых годах детство уже «военное» и «послевоенное», голодное. И безвозвратно кануло в дворянское прошлое «маменька!».

Именно на послевоенную пору и пришлось детство и Игоря, и Чикина. Может быть и нелёгкое, но другого им дать никто не мог. И чтобы там ни было – голод, холод, ночные очереди за хлебом и множество других приключений – «безрадостным» его никак не назовёшь. Скорее, даже наоборот – чем больше преодолений, тем больше восторгов. Во всяком случае в воспоминаниях.

Эпоха эта многократно описана, но история у каждого своя.

История… Можно ли любить Родину, не зная прошлого? Не зная, скажем, за что и как Мстислав убил Редедю? В каких водах и когда крестил Русь князь Владимир? Не понимая нравственного подвига Александра Невского, заключившего союз с Золотой Ордой, убившей его отца? И можно ли почувствовать себя русским не читая «Слово о полку Игореве», пусть и не на старославянском – «Слово о пълку Игореве Игоря сыны Святославля внука Ольгова», – а хотя бы в переводе первых издателей? Нет… Приблизительная любовь унизительна. Кто это сказал? Не Бунин ли? Конечно, на абсолютное знание истории не могут претендовать даже профессиональные историки. Но что-то же, хотя бы основные вехи, мы должны знать? Если история, как сказал кто-то из великих, есть прошлое настоящего, то как без неё представить настоящее настоящего и, тем более, будущее настоящего?

У дружбы своя история – и новейшая, и уходящая корнями в тёмные геологические пласты. А без корней как-то ненадёжно…

Отец Чикина умер от саркомы лёгких в год рождения младшего сына. С малых лет Витя знал причину гибели отца – в семье не скрывали. Каждый год в день поминовения ходили на кладбище, ухаживали за могилой, доставали стограммовый зелёный

гранёный стаканчик, поминали разнообразные таланты и проклинали непобедимую болезнь.

Передал ли отец трагическую наследственность? Этот вопрос не то чтобы не давал жить, но мучил Витю всю жизнь. Сколько отпущено? Гнал от себя эту мысль Витя, гнал, но где-то на дне подсознания она так и лежала, взбрыкивая время от времени, особенно при симптомах каких-либо болезней. И заставляла Витю спешить. Надо успеть что-то сделать! А силы в себе почувствовал достаточно рано.

Но, будучи человеком по рождению и воспитанию практичным, спешил Витя не торопясь, предпочитая основательность. Отец умер в сорок с лишним – время ещё есть. Но терять нельзя.

Мать, небольшая суровая женщина, оставшись с четырьмя детьми, пошла разнорабочей на шахту, поднимая, как тогда говорили, детей. Вите пришлось рано стать самостоятельным и привыкать полагаться только на собственные силы и мозги. И мозги проявились практически сразу. С первого класса учился самозабвенно и место себе в жестоком послевоенном детстве завоевал.

Тогда – и не только в детской среде – господствовал культ силы. Особенно в замкнутых рабочих посёлках, зачастую и отстоящих-то друг от друга километра на полтора-два. Подрастающее поколение от десяти до пятнадцати – дальше уже шли работать – осознавало собственную идентичность прежде всего в боях с внешними врагами – армиями соседних посёлков. В кулачных, а иногда и с применением подручных средств, схватках крепло храброе и благородное «мы» в противовес нехорошему «они», с распространёнными эпитетами «фашисты», «эсэсовцы» и тому подобное. А в промежутках между войнами, внутри коллектива с помощью тех же силовых аргументов шла не менее жестокая борьба за место в уличной иерархии. И упаси Бог оказаться в париях! Полный набор отчаянных детских жестокостей обеспечен.

В этих условиях слава отличника была весьма эфемерной и даже подозрительной. Но подкреплённая мышцами и ловкостью, развитию которых Чикин всегда уделял большое внимание, позволяла

обособиться от беспрерывных драк и стать если не над схваткой, то, во всяком случае, в стороне. Перепробовав кучу видов спорта, Витя остановился на байдарке и упорно грёб на ставке – так по местному назывался пруд – у окраины посёлка. В техникуме ходил кандидатом в мастера спорта и входил в сборную.

С самого начала нашего героя привлекали точные науки, а литература была где-то на обочине. Факт рождения, рабочая среда, суровая борьба за выживание мало располагают к художествам, если даже сказки тебе не рассказывают и книг никаких не читают, да и в доме их почти нет. Только штук пять русских народных сказок с чёрно-белыми картинками с довоенных времён, и почему-то «Анна Каренина». Уже в студенчестве Витя почувствовал и пытался восполнить пробел, много читал и даже писал верлибры, и преуспел. Однако не слишком. Но правильную речь, правда, без особой образности, всё-таки поставил.

К концу обязательной тогда и единственной в посёлке семилетки встал вопрос – не пропадать же талантам. Финансовое положение семьи обязывало – в рабочие. Но был найден слабенький паллиатив – техникум. Какая никакая, а стипендия, и вкупе с салом, кукурузой и домашними соленьями должна была позволить продолжать познавать науки. Семейный совет постановил и в четырнадцать лет Чикин навсегда покидает родной дом и начинает самостоятельную жизнь.

В техникуме учится всё также отлично и вскоре его примечает молодой преподаватель Иван Иванович Баниоли, ставший со временем, когда разница в возрасте уже нивелировалась, другом на всю жизнь. Баниоли был человеком далеко не богатырского сложения, но со светлой, в прямом и переносном смысле, головой. И была в ту пору в этой голове всепоглощающая идея – создать учебник для техникумов по технологии металлов. Такой учебник, такой учебник, чтоб весь процесс от руды до сверхпрочной стали для танковой брони был не только понятен последнему двоечнику, но и был бы страшно интересен. Чтоб читался как детектив, чтоб нельзя было оторваться.

Иван Иванович увлёк технической романтикой одолевавше-

го предмет Чикина и привлёк к работе. И не только к оформительству – чертежи, рисунки, графики – на всю жизнь полюбил Витя так называемую черновую работу. Сам вписывал тушью формулы в статьи, рисовал плакаты, а когда появились портативные пишущие машинки, то и сам печатал.

Работали они с Баниоли со всей страстью и самоотверженностью, подолгу обсуждая каждый абзац. При этом учитель частенько приглашает к себе домой, не забывая подкармливать вечно голодного подростка. С какой горячей теплотой Витя отзывался о своём Учителе!

– Как мне повезло! В самом начале и такой человек!

Учебник света так и не увидел – не готов был педагогический мир к увлекательному изложению – не серьёзно. Баниоли потом превратил его в научно-популярную книгу, но сумел напечатать где-то лет через десять, постоянно совершенствуя текст.

Работа в столь юном возрасте с Иваном Ивановичем даром не прошла и в какой-то степени предопределила методологические подходы будущего профессора.

Техникум Витя заканчивает с красным дипломом и делает следующий решительный шаг – едет в областной центр, поступает на работу и на заочное отделение политехнического института.

Вот в это промежуточное время и состоялась знаменательная встреча на трамвайной подножке. И именно с наступления на ногу. Знак времени! Вернее его нехватки. Витя спешил. Ибо в сутках тогда было двадцать четыре часа, а чтобы было двадцать пять, приходилось вставать на час раньше. Впервые их разговоры крутились вокруг этой вихреобразной и неуловимой физической категории. Повздыхав и поохав, Игорь философски заметил:

– Но если всё время работать, то когда же думать?

– Вообще-то, Игорь, если не думать, то жить значительно легче. Но не интересно. Давай думать.

Сильно сблизил их как-то неожиданно и быстро вошедший в жизнь Страны Советов туризм, весёлый и даже бесшабашный. Не теперешний – с самолётами, автобусами, машинами, со звёздными

отелями и гидами, с пешими проходами от парковки чуть ли не до подножья недействующего вулкана. Нет, тогда это рюкзак, кеды, трикотажный спортивный костюм – летом; зимой – лыжные штаны с начёсом, бутсы и шапка-ушанка. Неизменная, вылинявшая, неопределённого цвета штормовка – в самом начале называлась зюйдвестка, но не прижилось. Ватный спальник, с цилиндрическими деревянными застёжками – клевантами, брезентовая палатка, топорик. Запас мясных и рыбных консервов и сгущённого молока. Ну и, на всякий случай, чистый медицинский спирт, не без того. Но главное – в лес, в тайгу, в горы и чтоб на десятки километров ни жилья, ни людей. Романтика!

Советская власть искоса, а то и исподлобья, но недолго смотрела на эту самодеятельность и решила её организовать. Появилось официальное название *спортивный* туризм, с нормативами и разрядами, секциями и даже начальством. Появился красивый значок «Турист СССР». Походы, не только длительные, но и «выходного дня» начали – не без парткомов – *разрешать*, даже с какими-то санкциями. Не обошлось и без идеологических лозунгов – «Знай свою страну, знай свой край».

Эпитет «спортивный» воспринимался не слишком серьёзно, но в соревнованиях на скорость постановки палатки, по разжиганию костра с одной спички и без бумаги, по поиску спрятанных судьями банок сгущённого молока и ещё Бог знает по каким видам, участвовали все с огромным энтузиазмом, весельем и азартом.

Вообще-то, туризм вошёл в жизнь Игоря с того самого первого школьного похода с Данилой, чтобы уже остаться навсегда. Прежде всего, как любовь к природе, никакой организации не признающей. Чикин, разделявший это чувство лишь в какой-то мере, тем не мене в открывшуюся на заводе секцию записался одним из первых и Игоря немедленно втянул. И вот уж о чём они никогда не жалели! Наконец-то они получили и общество и общение. И какое! С разговорами, шутками, песнями у костра под крупными и во всю сияющими звёздами. Сначала пели акапеллой, а потом и с гитарой. Началась дружба. А с Витей Чикиным – на всю жизнь.

…Это был их первый суровый зимний поход по Приполярному Уралу. На лыжах пришлось учиться стоять, что называется на ходу, – в их городе, в степи, увы, снег лежал недолго. Устояли. А на третий или четвёртый день решено было подняться – взять вершину! – на не слишком сложную и скалистую гору Колокол, похожую на говорящую голову на картинках из русских сказок. Привлекала небольшая снежная шапка, живописно возвышавшаяся на фоне невысокого вечнозелёного хребта. Взобраться, сложить тур со своими бесстрашными фамилиями! Налегке – лыжи и рюкзаки оставили внизу, и полезли без всяких приспособлений и инструментов, даже верёвок предусмотрено не было. Только лыжные палки. Летом, конечно, это была бы лёгкая прогулка, но зимой, по заледенелому склону! И где-то в самом начале подъёма Игорь сорвался на сравнительно пологом ледовом, но с камнями, участке. Витька тут же, не раздумывая, кинулся вслед, пытаясь удержать, тормозя каблуками. После дикого скольжения метров на двадцать на пятой точке – дыры в штанах потом пришлось латать – они зацепились, наконец, за низкорослый куст и, кряхтя и постанывая на отшлифованных временем камнях, стали выводить формулу дружбы: «Друг приходит на помощь не тогда, когда позовут».

По возвращении они стали напряжённо размышлять – как дальше жить? Как дойти до взрослой жизни с минимальными потерями и максимальными приобретениями?

Совмещать учёбу с работой было не так уж трудно, но мечтали они о другом. Хотелось влиться в студенчество, в кипучую интеллектуальную и научную жизнь. Плотно порассуждав, пришли к нетрафаретному решению. Конечно, работать и учиться форма привычная, но сильно стесняющая. А что если наоборот – учиться и подрабатывать? Несложные расчёты показывали, что разницу в зарплате техника минус стипендия, а то и повышенная, можно набрать и в студенческом проектно-конструкторском бюро (СПКБ), как никак техники, и резвясь на всяких погрузках и разгрузках. Зато временем распоряжаться самому. И было

решено. К чёрту заочный – на стационар! Витя делает решительный шаг – забирает документы и поступает, как он выразился, в настоящий институт. Через год, отработав положенное, туда же, но на другой факультет поступает и Игорь.

Был в ту пору Витя худ, беден и весел. Улыбка не сходила с его круглого скуластого монголоидного лица. Небольшие зелёные глазки под крутым и широким лбом поблескивали умом и азартом. Неказистую одежду из совершенно серых, чтобы не сказать бесцветных, брюк, рубашки, с закатанными по локоть рукавами, и парусиновых туфель, описывать не будем – все так ходили. Все – это интеллигенция. Торговые работники и некоторые жёны ответственных товарищей кое-что на себе носили, а дома, при закрытых шторах, надевали даже бриллианты.

По поводу бедности юность вообще не комплексовала – советская власть рисовала светлое будущее, рассматривая настоящее как нечто досадное и промежуточное – вперёд и только вперёд! Строительство коммунизма входило в завершающую стадию – на центральной гостинице красовался полинявший плакат: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!». Насчёт коммунизма похихикивали с массой анекдотов, но в том, что «будет жить» ни он, ни Чикин нисколько не сомневались.

А жизнь, между тем, в этом новом для них городе уже начиналась. А при знакомстве с Инночкой даже стала и закипать.

Инна жила с родителями недалеко от шлаковой горы металлургического завода, в одноэтажном доме с палисадником в розах, георгинах и огромных ромашках. Слив шлака из опрокидывающихся ковшей периодически заливал всю округу и небо красным воспалённым светом и врывался в окна вместе с шелестящим, но грозным шумом обвала. Инфернальная, надо сказать, картинка. Впрочем, все давно привыкли и обращали внимания не больше, чем на шуршание колёс по асфальту.

У Инночки была собственная комната! С диваном, креслами, книжными полками, цветами и зеленью в горшках и вазах, и даже чёрно-белым телевизором. Вот в этой-то комнате устроился

небольшой интеллектуальный салон, в который Игоря и Чикина ввели Макс Курченко и Боря Волков. Кроме Инны в доме обитали только родители, не слишком мозолившие глаза, да заливистая дворняжка во дворе, бросавшаяся к каждому целоваться.

Отец, крепкий мужчина с лицом, обожжённым интенсивным светом расплавленной стали, и навсегда прищуренными стальными глазами, смотрящими как бы через затемнённое стекло, был начальником мартеновского цеха. Фигура! Мать, сухонькая, но не высохшая, быстрая телом и глазами, работала где-то в заводоуправлении и тоже не мелкой сошкой. В доме чувствовался достаток.

Сходились по четвергам. Продвинутые родители позволяли сухое вино. Пили чай, слушали музыку при свечах. Обсуждали и спорили. Народ образованный – студенты и выпускники с ромбиками политехнического и университета. Институтские значки тогда с гордостью носили – парни на лацканах, а девушки чуть ли не на груди. Обычно собиралось человек восемь-двенадцать. Тесноты не ощущалось.

Друзья имели только техникум, но считались с будущим, и вскоре были под неусыпным Инниным покровительством.

Инна была девушка, чтобы не сказать дама, светская, с некоторой внешностью и манерами молодой барыни. Волосы красивого каштанового оттенка, правда, жестковатые. Серые, умеющие долго смотреть, глаза под высоким, но не портящим её лбом. Аккуратный носик. И в лице, и в фигуре пропорции были соблюдены, хотя и без особой яркости. Движения плавные, чуть замедленные, но точные. Чувствовалось, что своего не упустит.

Шёл девушке двадцать третий годок, и родители с надеждой смотрели на салон не без определённых матримониальных планов. И Инночка задумывалась – и глубоко.

Конечно, Инна была фигурой из центральных и мужским вниманием пользовалась. Но то ли полагала о себе слишком много, то ли чего-то не понимала, то ли чего-то такого ждала, только взгляды и знаки принимала с остужающей холодностью. Лёгкие прикосновения, частенько случавшиеся иногда при свечах, многих приводившие в трепет, Инну почти не трогали. В общем, как

говорят в таких случаях, цену мы себе ещё не сложили.

Чувственность не то чтобы не проснулась в нашей интеллектуалке, но, кажется, ещё и не ночевала. И с этим что-то надо было делать, считали не только родители. Но что?

Игорь с Чикиным в хоровод вокруг Инны включились, что называется, с ходу. Без особых надежд, так, в игру. Как вдруг Игорь почувствовал отклик! От неожиданности он оторопел и даже слегка запаниковал. Нельзя сказать, что она ему не нравилась, наоборот, но…

Ему шёл двадцать первый год, позади уже почти год самостоятельной жизни, но то, что называется жизненным опытом, он ещё, мягко говоря, не накопил. С девушками знакомился легко и с удовольствием, спрашивать, чьи они дочки, как-то в голову не приходило.

Но тут игнорировать социальное положение нельзя было никак – всё на виду. Намечался этакий мезальянс с неравенством явно с его стороны. И как себя вести? И что скажет княгиня Марья Алексеевна? И лёгким флиртом явно не обойдёшься.

Вспомнилась любимая книга детства – «Мартин Иден» Джека Лондона. Там пропасть социального неравенства была куда глубже, но Мартин не спасовал. И он не спасует. Правда, Мартин любил Руфь… А он? Но Инна же ему нравится? А разве это не любовь?

Чикин смотрел на Игоря с недоверчивым изумлением. Тогда они ещё не говорили о женщинах. Тема не то чтобы запретная, но неудобная – оба краснели. Сейчас уже трудно понять почему… В тогдашних невинных книгах любовь была не совсем такая, как на самом деле. Да и о чём, собственно говорить? Обмениваться опытом, что ли…

Игорь вообще относился к мальчишеским разговорам об интиме сдержанно и практически не участвовал. Стыдно было, как будто подсматриваешь. Хотя некоторые совершенно необходимые сведения получил именно из них. Ни отец, ни другие взрослые никаких просветительских бесед на тему пестиков и тычинок, котиков и кошечек не вели, а советское искусство этот вопрос осторожно обходило, ограничиваясь разве что поцелуями. Даже, скорее, их обозначением. Во всяком случае, до

французских изысков дело не доходило. И не будь улицы, он бы так и думал, что его, принесённого аистом, нашли в капусте. Но разговоры и особенно подробности вгоняли в краску, что не оставалось незамеченным. Бывалые, но вежливые усмехались, а некоторые подшучивали. Кто-то даже бросил «прелесть нецелованная», что истине никак не соответствовало и не прижилось. Некоторые его похождения, несмотря на упорную борьбу за «честь женщины», всё-таки становились известными. Между прочим, благодаря тем самым девушкам. В конце концов, с его пуританскими взглядами примирились и не трогали.

У Чикина по поводу Инночки позиция была двойственная. С одной стороны, предпочтение, отданное даже и другу, мужское самолюбие некоторым образом задевало. Но не очень. А с другой – не дай Бог, это бы случилось с ним. Морганатический брак его явно не устраивал. Да и страсти особой наша дева не внушала. По зрелому размышлению, Чикин решил поудобнее устроиться в первых рядах партера зрительного зала жизни и с интересом понаблюдать за разворачивающейся драмой, нет, скорее трагикомедией, любовных отношений своего друга.

А отношения развивались не то чтобы стремительно, но достаточно резво. Приняв решение, Инна быстро взяла дело в свои нежные и очень цепкие ручки. И вот уже первое свидание в парке над городской речушкой. И шуршание первыми павшими листьями. И лунная дорожка на парковом пруду. И первый поцелуй сорвался лёгким касанием губ. Только слово «люблю» долго ему не давалось. Но вот уже было произнесено и оно.

Уже был и обед за круглым столом в гостиной. Игорь сильно смущался под испытующими и недоверчивыми взглядами родителей. Нет, их совершенно не смущало его нынешнее социальное и финансовое положение – они пробивались сами, что называется, из самых низов. И хорошо понимали – дорога наверх, ну не на самый, конечно, зависит от энергии и способностей. Но пробьётся ли этот не совсем стандартный парень? Пара ли он их единственной, такой образованной и красивой дочке? Смущала

и вечная улыбка – серьёзен ли?

Разговор касался разнообразных тем, но скованность так и не прошла. Куда клонится, как писал Аксёнов в «Коллегах», индифферент их интересов осталось неясным. Литература и искусство (замечательный партийный жаргон – союз «и» в этом прочном сочетании – противопоставление? литература не искусство?) во всяком случае, волновали не слишком. Но, судя по всему, с выбором дочери, безусловно, согласятся. Уж очень Инночка была самостоятельна.

А Инночка уже и планы строила. Он должен поступить в институт, пусть и на заочный, а сейчас из разметчиков перейти в конструкторский – папа поможет. Обязательно вступить в партию – тоже папа. А на втором – третьем курсе можно будет подумать о прочной советской семье. Игорь в разработке этих планов участвовал не слишком, хотя и увлекался, и воображение уносило далеко-далеко, но инициатива была явно в Инночкиных руках.

Вскоре план был свёрстан и он уже хорошо понимал, что никуда от него не денется. При всей его увлечённости, ему было как-то не совсем уютно. Тем более, что литература и наука отошли куда-то в сторону. Выяснилось, что Инночка, как истинная советская интеллигентка, читала и интересовалась – *была в курсе*. И в театр его водила, и на балет. А как же! Но всё это было скорее внешним атрибутом жизни, как она её представляла. По марксистской идеологии, так сказать, надстройка. А базисом было положение в обществе. То есть муж её должен стать начальником. И желательно очень большим. Это его возбуждало, он даже видел себя министром! Но тогда нужно было бы командовать, а вот этого он себе представить при всём своем воображении пока не мог.

Но в том-то и прелесть советского планового хозяйства, что жизнь всё время вносит коррективы. Намечаем выплавлять двести миллионов стали в год и перегнать по этому важнейшему показателю Америку, а тут оказывается, что столько и не нужно. И проклятые Штаты у себя всемерно выплавку снижают, импортируя чистый воздух.

Да! Планы Инночки были так хороши, что жизнь смириться с ними никак не могла и должна была что-то придумать. И придумала.

На пороге комнаты общежития возник стриженный налысо юноша, вручил повестку и заставил расписаться. Аты-баты, нам в солдаты. Вот так. Человек, как известно, предполагает, а судьба располагает.

Интересно, но эта угроза как-то выпала из Игоревой беспечной головы. И ни Инночка, ни многоопытные родители тоже не задумывались. А ведь в стране всеобщая воинская повинность, когда-то же его должны были призвать. Освобождало только поступление в ВУЗ, до которого оставалось девять месяцев… Но их тоже надо было прожить…

И вот уже хмурым ноябрьским днём заплаканная Инночка в оренбургском пуховом платке, заткнутом за пояс, бессильно махала ему рукой. Ну, настоящая солдатка! Но что его поразило – плакала Инночка тяжело и навзрыд, как будто провожала навсегда.

– Инна, я же вернусь! И писать буду. Оглянуться не успеем и будем снова вместе. Ну, не плачь, не плачь. Я хочу эти три года помнить тебя улыбающейся. Ты же сильная!

– Нет, три года, нет! Я не переживу!

С тяжёлым сердцем садился Игорь в автобус. И предстоящая служба не слишком радовала, а неожиданные столь сильные переживания Инночки просто потрясли. Вот это любовь! А он как-то несерьёзно…

Но вернулся он не через три года, а через двое суток. Чему предшествовал прямо-таки анекдот, в который и самому до сих пор не верится.

Автобус привёз на сборный пункт на окраине города близ железнодорожного вокзала. Со всей области собралось человек триста, все стриженные и в ватниках до полной обезлички, чего, собственно, армия и добивается. Проведенное построение некоторых развязных и ухмыляющихся, ещё не понимающих куда попали и что их ждёт, быстро поставило в строй под недобрыми взглядами старшин и сержантов. В скором времени распределили по эшелонам и вагонам с указаниями каждому на его место. Оставалось сидеть в казармах до отправки.

Но тут, как обычно, вмешалась неразбериха на каком-то высоком уровне и вагонов следовало ждать не ранее, чем через двое суток.

Капитан Аничкин, представитель военкомата, длинный, тощий и нескладный, с характерным красноватым носом, бродил как неприкаянный, погибая от жажды. Непредвиденная задержка явно выбила его из привычного питьевого режима. Надо было что-то делать, двух суток не выдержать. И тут взгляд капитана пал на Игоря.

– Раманов, а что, не хотел бы ты сходить в город? У тебя ж там какие-то дела?

– Конечно, товарищ капитан, если можно…

– Можно. Зайдёшь в военкомат и передашь майору Петрищеву вот эту папку. Понял?

– Так точно, товарищ капитан.

– И вот ещё что… Если купишь бутылочку-другую, я возражать не стану. Понял?

– Бутылочку чего, товарищ капитан?

– Чего, чего… Сам должен понимать чего. Понял?

– Так точно, товарищ капитан.

– Даю тебе три часа. На КПП, смотри, осторожнее. Скажешь, что ходил по поручению капитана Аничкина. Понял?

Игорь с удовольствием погулял по оставляемому надолго городу в привычном и любимом одиночестве, которое теперь надолго покинет его…

Стоял ноябрь. Украинский неустойчивый последний месяц осени. Накануне выпал снег, потом растаял, а вот сейчас подморозило, и вся земля превратилась в сплошной каток. Может упасть и что-нибудь сломать? Кажется, это называется членовредительством.

Зашёл в военкомат и выдержал пытливый взгляд майора Петрищева, тоже явно к спиртному неравнодушного: «А зачем мне эта папка?».

Купил две бутылки водки. А как пронести? В карманах? Могут заметить. Решил сунуть под мышки, а для бдительных сторожевых ватник даже и расстегнуть. И пронёс!

Радостный от удачно проведенной операции, он шёл к казарме, где уже в нетерпении маячил капитан Аничкин. Навстречу задумчиво шёл рослый полковник, комендант лагеря. Приветствовать следовало если не строевым, то хотя бы строгим шагом. Игорь подтянулся, повернул голову к коменданту и… поскользнулся, взмахнул руками… и бутылки упали прямо к ногам высокого начальства.

– Водка? – на лице флегматичного полковника не отразилось буквально ничего. – Поднять.

И было всеобщее построение, и слёзы стояли на глазах не только у офицеров и старшин, но и у новобранцев, когда Игорь, отбив горлышко, выливал огненную воду на предательский гололёд. И были обличающие слова капитана Аничкина о действиях, позорящих их славный военкомат. И приговор полковника – немедленно вон из сборного пункта и дальше в штрафбат.

Капитан тащил его, отборными словами поминая всех его родственников, и уже у самого КПП прошипел:

– Два дня нигде не показывайся, потом зайдёшь в военкомат и найдёшь меня. Понял?

В коридоре военкомата его встретил майор Петрищев:

– Что же ты раньше молчал, Раманов? Сразу надо было говорить. А то, понимаешь, выясняется аж на сборном пункте.

О чём это? Но что-то надо было говорить.

– Так я же не знал, товарищ майор…

К счастью, на его голос вышел Аничкин:

– Зайди, – капитан чуть ли не схватил его за шиворот и затолкал в кабинет, – тебе отсрочка на год по состоянию здоровья родителей. Понял? Собирай манатки и чтоб духу твоего в нашем районе не было. Понял?

Едва дождавшись вечера, Игорь побежал к Инне. Ворвался в комнату, даже забыв постучать.

– Инна! Я вернулся! Представляешь?

Но был встречен на удивление холодно.

– Вот как? И прямо сюда?

– А куда же? Ты не поняла, я вернулся! Мне отсрочка! На год! Представляешь? В институт успею поступить! Случай просто невероятный!

И перебивая сам себя, изображая в лицах, он рассказал ей обо всех перипетиях своей незадавшейся солдатчины.

Инночка слушала невнимательно и ни разу не улыбнулась. Наконец он заметил – что-то не так.

– Что случилось? Что с тобой? Ты как неживая. Ты не рада, что я вернулся?

– Тебе не следовало возвращаться.

– То есть как?! Не мог же я остаться после всего? И что ты такое говоришь? Меня же в армию не взяли!

– Не взяли сейчас, так возьмут через год. Или когда… А мне что? Ждать? Нет, Игорь, я уже с тобой попрощалась. Навсегда. И не приходи больше, пожалуйста.

На глазах у неё появились слёзы, но она решительно отвернулась и ушла.

Да, Инночке надо было решать свою судьбу. И тут уж не до любви. Он оказался ненадёжным. С ним планы не выполнишь. Пока он отслужит, потом в институт, а ей уже сколько будет? В старых девах ходить? Да и ненадёжен он, ох ненадёжен…

До него дошёл смысл платка и горьких слёз. Не в армию она его провожала, а прощалась со своей первой и, как оказалось, единственной любовью.

А Витька обрадовался до полного исчезновения глаз и превращения своей круглой рожицы в улыбку и хохот. И даже грустный рассказ об Инночке веселья нисколько не поубавил. Будут ещё женщины в нашей жизни, Игорь, будут!

Их тесная и безоблачная дружба, сплочённая движением, размышлениями и воспитанием чувств, продолжалась вплоть до института. Но тут Чикин вступил в партию – в двадцать лет!

– Витя, что это значит? Как ты мог?! Разве мы с тобой не разобрали по косточкам эту страшную надстройку? А Сталин? А Венгрия? Ты что же согласен со всем этим, что ли?

– Игорь, это не желание, но суровая необходимость. И если

не вступлю сейчас, то дальше будет значительно труднее. В том числе и психологически. Согласен, не согласен… Дело не в идеологии. Пусть витийствуют по бумажке партийные бонзы на съездах и пленумах. Мне надо делать карьеру.

– Ты карьерист?!

– А что здесь плохого? Карьера отражает состояние дела, которое намереваюсь делать. Я хочу быть инженером, *возглавлять* осуществление своих идей. А это связано с *организацией*, понимаешь? И тут уж так устроена наша жизнь, что без партии я буду бесправен и сделаю куда меньше, чем могу и хочу. Не я придумал эту жизнь, но я в ней живу. И должен знать и использовать существующие правила для *дела*, понимаешь? Политика меняется. Ленин, Сталин, Хрущев, ещё кто-нибудь… Да пошли они все! А мой металлургический завод – стоял, стоит и стоять будет! И я сделаю сталь прочнее и дешевле, не сомневайся. Но заставить людей работать над моими идеями без партии, в которой они состоят, практически невозможно. А ждать смены социального устройства… Боюсь, что не дождусь. И бороться с этой властью, даже пассивно, совершенно не намерен. У писателя, художника, учёного-теоретика впереди – вечность, во всяком случае, им так кажется. У меня, как у будущего инженера, – нет.

– Но я же тебя знаю, ты никогда не будешь рядовым коммунистом, как сейчас не рядовой комсомолец. Значит, будешь выступать на собраниях, клеймить «чуждые элементы», а если нужно будет для *дела*, то может быть и меня?

– Не исключено… Хотя вряд ли... Их карающие мечи сильно поржавели, да и сами-то они всё понимают. Но издержки будут. Ну, что ж… Постараюсь минимизировать неизбежное зло. Надеюсь, до серьёзной ломки человеческих судеб не дойдёт.

Доходило. Где-то на четвёртом курсе партком – Чикина ввели в состав уже на втором – постановил выгнать из института молодожёнов, позволивших себе крестить ребёнка. Как всегда единогласно. Витя переживал, тем более что к вопросам веры относился далеко неоднозначно. Мать не афишировала религиозность, но к Богу обращалась часто.

– Чёрт возьми, они же знали правила игры! Нельзя было уехать в какой-нибудь посёлок? И крести себе там хоть всю семью! Нет, надо сделать в нашей центральной церкви, у всех на виду!

– А как же, Витенька, свобода совести? Права человека? Между прочим, декларированные твоей же партией. Или это всё для угнетённых американских негров? Пусть борются за свои права и свергают прогнивший капиталистический строй? А мы в свободной социалистической стране победившего и всепобеждающего учения…

Чикин всегда соблюдал правила игры. И делал дело. Но, как говорил отец народов, нельзя влезть в омут и остаться сухим.

– Это же чистейшей воды конформизм!

– А разве в реальной жизни люди дела не конформисты? Ты же пребываешь в комсомоле, хотя с идеологией не согласен?

– Но без комсомола меня же в институт не примут…

– А ты, Игорёк, – в диссиденты. Не хочешь? И правильно. С твоими и моими мозгами работать надо, а не быть профессиональными отрицателями священных основ. Улучшить общество можно только сделав для него что-нибудь существенное. Я сделаю, уверен. И ты тоже.

Сильно смутили чикинские речи. Но, как понял Игорь несколько позже, некоторое отчуждение назревало, и идеологические расхождения были только поводом. Чикин уходил во взрослые и весьма решительно, а ему было страшно.

Игорь не то, чтобы не созрел, но реальный мир казался ему враждебным в отличие от природы, науки, литературы. Фактически Чикин требовал от него действий, а он ещё не мог. И так и не смог. Просто, всю жизнь не слишком умело скрывал свою детскость и имитировал взрослость за счёт ума и нервов.

Дальше дружба продолжалась и развивалась, но с некоторым учётом идеологической трещины. Они слишком были нужны друг другу. В конце концов, в духе хлынувших политических анекдотов, эта сторона свелась к подтруниваниям и всерьёз обсуждалась редко. Свою правоту Витя старательно доказывал

жизнью и успевал многое. Стоило тратить время на отвлечённые рассуждения и спорить с идеологией? Чикин решительно отвечал – нет. А Игорь не мог проходить мимо социальных и политических вопросов. Всё-таки друзья были очень разные. А может ли быть дружба между одинаковыми?

Недолгое охлаждение переживали оба, но Игорь больше. Не хватало искренней Витькиной энергии, неожиданных, побуждающих к размышлениям вопросов, неподдельной жизнерадостности. А что он мог дать?

Но честный Чикин как-то в минуту откровения признался: «Наверное всё-таки ты мне нужней, чем я тебе. Без тебя я успею значительно меньше».

Нет, нет и нет! Конечно же, Чикин был ему нужнее. Да только спор этот несколько схоластический. Как много нужно успеть в жизни сделать!

Вот только что-то, Игорёк, не слишком спешит…

СОН В ТЕХНИКЕ СФУМАТО

«Всё это, видите ль, слова, слова, слова…». Такими *словами*, в глубоких раздумьях, Пушкин отвергает мнимые ценности, которыми *«морочит олухов» свободная* печать. Крепко, точно и правильно, Александр Сергеевич! И очень современно.

Но тут ещё интересно и то, что строчка написана Великим Поэтом, для которого *слова, слова, слова* и являются делом всей жизни. Конечно, он-то относился к *своим* крайне ответственно. Может быть, за давностью времён, мы не всегда уже поймём приёмы его отчаянной литературной борьбы, но ни в коем случае не смеем обвинять в славословии, небрежности или огрехах. У Пушкина этого быть не может, потому что не может быть никогда!

Только слова-то и там и там… И каждый пользуется ими как Бог на душу положит – в прямом и переносном смысле.

Слова, слова, слова…

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Слово было у Бога… В начале… А теперь? Что делает человечество с этим бесценным даром?

Оставим в стороне пустозвонство, словеса, угодные публике или властям, или неугодные никому, что, в принципе, одно и то же. Всё – суета, говорил Екклесиаст, и, добавлял, томленье духа. Лучше библии не скажешь, не будем и пытаться.

Но можем ли мы понять друг друга, если во многие слова вкладываем не только разные, но порой и противоположные смыслы? Или будем говорить каждый о своём, думая, что другой думает то же самое, только, извините за грубость, выделывается?

Что значит «Бог», «душа», «любовь»? И что есть «красота»? Конечно, можно заглянуть в толковый словарь, посоветоваться с Далем или Ожеговым…

«Помилуй Бог поверить словарям на слово! Как будто в словарях содержатся слова!»

Бог… Как бы не стремились религии к единообразию понятий и ритуалов, у каждого Бог всё-таки свой, даже у оголтелых атеистов. И когда мы к нему, Единственному, обращаемся, то как представляем? Или не представляем ничего?

Может быть мудрым и усталым стариком Саваофом с картины Васнецова? С разведёнными то ли от тщеты, то ли от трудов праведных руками? Окружённого восхищённо-покорными ангелочками? На фоне предрассветного звёздного неба?

Или как на фреске Микеланджело в центре плафона Сикстинской капеллы? Не задумываясь о непостижимом триединстве, представим в образе пожилого мужчины, полного сил, жизни и любви к своему созданию?

Ладно, Бог с ним, Буонарроти Бога не видел – вообразил… И изобразил-то момент одухотворения Адама, когда Бога-сына ещё не было, а о Боге-духе библия умалчивает.

А Данте видел! Пройдя круги Чистилища и Ада, уже в Раю он был допущен видеть Лик. И что ж ему открылось? Здесь следует терцины привести дословно:

Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружён,
Три равноёмких круга, разных цветом.

Один другим, казалось, отражён,
Как бы Ирида от Ириды встала;
А третий – пламень, и от них рождён.

Воистину гениально! Как ещё можно представить непредставимую человеческому разуму Троицу? Как освоено пространство! Если круги вписаны друг в друга, а иначе и быть не может, возникает божественная трёхлепестковая роза. Вот где источник терцин!

И даже вопрос не возникает – как сюда попала и так органично вписалась, устроилась и зазвучала языческая богиня Ирида – дочь Электры и жена Зефира? Непостижимо! Язычнику Вергилию вход в рай Данте перекрыл…

Что может словом сделать человек!

Но триединство в образе геометрических фигур? Для высокого эстетического наслаждения – да. Но не для молитвы же!

Может быть «Троица» Рублёва? *«Есть Троица Рублёва, следовательно, есть Бог»* – сказал Павел Флоренский, утверждая первооснову – искусство.

Или всё-таки каждый представляет по-своему?

А что же красота? Кто ответит на этот вопрос? А если ответит – не исчезнет ли она?

Так что же, извините за банальность, на вкус и цвет…

Но любуемся же мы признанными шедеврами природы или искусства. Но все ли любуются? А даже и те кто разделяют с нами радость созерцания, также чувствуют и понимают как мы?

Нет! Всё же есть, есть в этих словах нечто такое, не только разъединяющие, но и тесно объединяющее. Собственно и делающим человечество человечеством. О чём бы мы ещё писали, думали, разговаривали? Может быть, в этой полоске между объективно существующим и субъективным восприятием и располагается, исследуя его и описывая, всё наше искусство? А, может быть, и наука? И религия? Не кощунственно ли мы разделили когда-то прочное триединство – Истина, Красота, Добро? Истину поручили науке, Красоту – искусству, Добро – религии… Не всё ли в мире едино?

И были бы великими слова Пушкина, без этих пошлых слов, слов, слов, так огорчавших Поэта?

«Не бывает «да» без «нет», смех в себе содержит слёзы…»

Но главное, главное слово – Любовь! Это уже не только представление, но и поступок, и процесс, куда каждый в своё, совершенно индивидуальное, Время впадает и живёт. Для кого Она, конечно, существуют. И не об этом ли все сказки и стихи, песни и баллады, саги и романы? И во всех конкретные истории, вполне реальные или совершенно невообразимые, из которых мы частичку понимания неисчерпаемых слов всё-таки вбираем в себя.

Не так ли бесчисленные герои поэзии и прозы постигают лю-

бовь, повторяя повторенное миллионы, если не миллиарды, раз и всё-таки совершенно по-новому. Да, количество пальцев у всех одинаковое, но папиллярные узоры всегда единственны.

Как впечатления зрачков влюблённых глаз.

…Наш сентябрь совмещается с осенью редко. К самому разве концу, да и то… Но если вглядеться приметы печальные всё-таки есть – и растут, и растут. Яркая жёлтая прядь среди зелени тёмной, как старость, но очень живой. Листья каштанов затронуты ржавчиной. Небо на землю махнуло рукой…

Как всегда, после возбуждения, мысли и слова вольно и легко строились в каком-то неведомом порядке и неспешно плыли, как перистые облака, оставляя радостное и беспричинное волнение.

Первый студенческий сентябрь… Как долго Игорь ждал! Техникум, отработка, а двадцать один годок набежал. Кто-то из сверстников уже и заканчивал институт. Васька Тиунов, например. Но может быть, именно возраст определял непреходящий восторг – он студент!

Они шли после победного волейбола по нижней тропинке студенческого спортивного городка и Лёнька Новокотов, слегка подпрыгивая от недорастраченного возбуждения, рассуждал:

– Дело не в мастерстве, как ты не понимаешь? Какое там мастерство! Мы их подавили! Они играли, но не верили. Ты блок ставил практически в одиночку, и они изо всех сил лупили прямо в него. Что, техники недоставало? Нет, Игорёк, у нас сегодня был напор, а стало быть, как следствие, вдохновение. Или наоборот. Ты пойми, игра – модель жизни. И она нас учит, как партия – газы при нагревании расширяются. Победить – подавить. Возьми хотя бы девчонок. Соловьём разливайся, а чтобы взять, надо преодолеть. Нежно или грубо, это уж кто как. А не можешь никак – не берись. Ты чего?

Игорь и не заметил, как замер у прыжковой ямы с тремя разминающимися грациями. Отгороженная зелёной металлической сеткой в крупную клетку, неожиданная сцена вписывалась

в дальний проём синего предвечернего неба между сомкнувшимися кронами чуть покрасневших клёнов. Лёгкие и пластичные движения девчонок на жёлтом песке словно призывали разделить радость жизни и грусть уходящего дня. Фигурки были почти теневыми, но на лицах горел румянец, который и бывает только в юности и спорте.

Он схватил картину целиком, перешёл к деталям и уже хотел обратить внимание Лёньчика, как вдруг увидел её. Стройную, тёмноволосую – с размашистым хвостиком, в васильковом спортивном костюме со штрипками и белоснежных кедах.

Всю жизнь он ломает своё левое полушарие – как можно с первого взгляда *увидеть её*? Сколько влюблялся, сколько девушек нравилось, но тут было что-то иное. Но что? Не произнесено ни слова, даже взгляды не встретились. Моторика? Что-то животное? Могучий инстинкт продолжения рода? Самец определил свою самку?

Всё знает правое полушарие, но оно же обходится без слов... Наверное, так и должно быть. Чувственное восприятие – впереди. Просто, сто раз обманутые, не доверяем – а зря. Без страсти нет любви. Стерпятся – может быть, но слюбятся ли?

И очень важно, что впервые предстала она именно в спортивном костюме.

В ту доджинсовую эпоху, с довольно жёстким закреплением мужской и женской одежды, он подметил, что девушки, в определённых допускающих обстоятельствах, у костра, например, ужасно любили облачаться в элементы ребячьих костюмов – в свитера, рубашки и даже брюки. И были в них ну страшно привлекательны. Потом понял – снимается одинаковость фигур, зато как выделяются различия! И там, где у них ничего нет, и там, где очень даже есть. Как в стереоскопе – несовпадающая деталь с виду одинаковых рисунков тут же выплывает.

Но в те времена это было прелестное нарушение нормы. Когда мода более чем откровенна, такая тонкая уловка, конечно, не работает.

Но она – иногда – кутается в его свитера. И действует!

Может быть, и даже наверняка, он и раньше встречал её, но в

платье не отметил, а сейчас она была восхитительно женственна, и так ушла в растягивание мышц, что не замечала никого и ничего.

Её подруги отметили остолбеневшего высокого блондина, отнесли на свой счёт и стали уже продуманно двигаться и принимать позы. Только зря – он их не видел, а она, что называется, в упор не видела его. Но где-то там, наверху, на чистых шёлковых предвечерних небесах, к их судьбам уже начали приглядываться и что-то заключать.

Потом они не раз возвращались к началу и пытались себе что-то объяснить. Как это происходит у женщин для него так и осталось тайной. Впрочем, как и у мужчин. Когда-нибудь, а дело к этому явно идёт, генетики откроют соответствующий ген, и станет ужасно скучно.

«До этого ещё дай Бог дожить. И не дожить до этого дай Боже…».

Новокотов отчитал Игоря за неприлично долгое рассматривание хорошеньких девочек и потянул к дальнему цветнику с пышными хризантемами. Они расслабленно расположились на лавочке с горбатой спинкой, испещрённой инициалами со знаком плюс, кое-где равными несоразмерно большому сердцу. Над ними слегка волновались ивы, почти касаясь растрёпанных голов. И ветерок!

Лёню несло – о героях, которые герои, и которые литературные герои. И только их совмещение даёт великое произведение. Игорь слушал вполуха эту старую Лёнькину песню, мысли блуждали далеко и блаженно, но реплики иногда подбрасывал – для сохранения эффекта присутствия.

– Акакий Акакиевич, например.

– А что Акакий Акакиевич?! Маленький человек – маленький герой. Мы же не о масштабах говорим. Мы…

Однако вскоре литературный баритон стал совершенно невыносимым. Хотелось остаться одному. Умные разговоры, которые Игорь так любил, сейчас казались ненужными и отвлекали от откуда-то пришедшей приподнятости. Не чувствуя обычного отклика, Новокотов остыл и потянул в общежитие. Сославшись

на неотложные размышления, Игорь махнул рукой и отправился в парк. В комнате сейчас шумно, накурено, играют в преферанс и его наверняка привлекут.

В парке, слегка освещённом редкими и тусклыми фонарями, шла невидимая, но довольно интенсивная жизнь. Чаще слышался смех, но иногда и нешуточные возгласы. Впрочем, звуки были привычны и не мешали.

Он долго бродил под быстро темнеющими и принимающими таинственный облик деревьями, дождался яркой Венеры на скудном городском небе, а позже и громадной бабочки Ориона. А небо-то осеннее, несмотря на по-летнему тёплую погоду.

Что-то происходило с ним. Та девочка с хвостиком? Ну, увидел, понравилась… Да и что, собственно, понравилось? Фигурка? Он же толком и лица не разглядел. Попытался представить себе и не смог. Черты не то чтобы расплывались, но и не определялись. Какой-то неясный образ неизъяснимой прелести. Иногда его мысли перескакивали, вспоминалась завтрашняя физика, но фигурка всплывала и всплывала. Просто наваждение… Он должен обязательно её увидеть. Как? Среди пяти тысяч студентов политеха? А может она из университета? Что-то ему подсказывало, что он встретит её обязательно. Никак не может быть, чтоб не встретил. И подойдёт. Обязательно подойдёт!

Спать не хотелось, но надо было. Первую пару проспать нельзя. Связался же он с этим Трощенко…

Ребята сладко посапывали и похрапывали и видели, по всей видимости, самые приятные сны. Стараясь не шуметь, пробрался к своей койке у окна. Писаренко всё же один глаз открыл – пустая кровать, видимо, беспокоила как непорядок.

Заснуть долго не удавалось. Но баранов считать не стал. Пятно на потолке от уличного фонаря уже сильно размылось, когда он, наконец, уснул.

И был ему сон.

Вообще-то снилось ему, по-видимому, много и часто. Сосед по койке, великовозрастный староста Толик Писаренко, демоби-

лизованный старшина, не раз разбуженный его ночными криками, строго, но беззлобно, требовал даже прекратить «разговорчики в строю».

– В каком ещё строю?

– В строю наших восьми коек. Ты бы хоть шёпотом, а то орёшь как оглашенный. Мешаешь людям принимать положенный сон.

Но, как правило, снов не помнил. Если бы полежать проснувшись… Да с закрытыми глазами… А то вечно надо вскакивать и бежать.

Но этот сон запомнил. Надолго. Навсегда. Но не весь.

Игорь спускался в подземный переход только что открытый через широченный центральный проспект. И, когда уже был на последней ступеньке, им вдруг овладела совершенно необыкновенная лёгкость. Оттолкнувшись, он пролетел метров десять и плавно стал на ноги. Дальше движение пошло гигантскими шагами. Даже почувствовал, что может лететь совсем, если вытянется горизонтально. Охватило радостное возбуждение – могу, могу! Он уже было поднял руки со сложенными ладонями, как вдруг заметил – редкие прохожие в тёмных одеждах, сливающиеся с серой плиткой стен, укоризненно качают головами. Одна женщина пожала плечиками на вате – совсем как мама. Большой расплывчатый мужчина в чёрной шляпе с широкими старомодными полями громко подумал вслух ни к кому, собственно, и не обращаясь:

– Разлетались тут, понимаешь… Совсем уже… Разве можно в подземном переходе?

Они что, тоже могут? Только скрывают? Ему стало стыдно, и он постарался идти обычным шагом. Но всё равно шаги были огромными. Что же это тоннель такой длинный…

Наконец показался солнечный свет, он не удержался и вылетел на тротуар.

Но тротуара не было.

Вдруг оказался на территории старой заброшенной шахты, открытой когда-то в поисках безлюдных прогулок. Лёня предлагал называть это обширное пространство, ограниченное по-

луразвалившимся забором, *неясной поляной* – знаем, знаем, так Пастернак что-то называл в Переделкино, – ибо именно здесь становилось совершенно непонятно, куда ведёт индустриализация и не заходит ли вообще в тупик.

Кругом валялись рельсы, вагонетки, какие-то поржавевшие механизмы… А в яме, из которой не смог выбраться, стоял целый гусеничный экскаватор с ковшом обратная лопата. Всё заросло редкой и чахлой растительностью, трудноуловимого цвета.

Что-то случилось со зрением. Нет, видел он достаточно ясно, но только в центре. А по краям, на периферии взгляда, контуры как-то размывались и даже сливались и пропадали. И, когда переводил зрачки, всё повторялось – только что размытое становилось ясным, а остальное размывалось. Хорошо знакомая, виденная тысячу раз картина, приобретала странную нереальность, как будто писалась и преображалась для него неведомым художником. Ну да, это же сон, понял он во сне. Всё и должно быть нереальной реальностью.

Подлетел к самому таинственному месту. Здесь небольшой ручей, бравший подземное начало в нескольких километрах – он с Новокотовым доходил до истоков – натыкался на террикон, обходил с двух сторон, образовывал непроходимое чернозёмное болотце, собирался метрах в пятидесяти и продолжал своё неспешное течение. А между терриконом, тоже подтопленным у основания, и болотцем располагался островок, поросший загадочными кустами и цветами, добраться до которых не было никакой возможности. Витя Чикин даже строил планы наведения мостов, но подходящих деревьев или каких-то материалов под рукой не было.

Но теперь он мог летать!

Полёт длился долго, необыкновенно долго. Да и прерывать никак не хотелось – чувство восторженной лёгкости просто переполняло, как водород воздушный шарик. Он даже покружил и немного повисел над цветным ковром, чуть-чуть оттягивая долгожданное знакомство, и плавно опустился. Земля оказалась мягкой, пружинящей и сухой.

Он стоял почти по колено в цветах в самом центре островка.

Буро-красный террикон приобрёл пропорции пирамиды Хеопса без чётких очертаний и кое-где прозрачно дымился.

По краю взгляда, там, где было размыто, уловил какое-то движение, переливающееся, как муаровые полосы. Перевёл взгляд и увидел, что островок огорожен зелёной сеткой в крупную клетку, слабо колеблющуюся в полном безветрии в такт его сердечным ритмам.

Стал, как всегда, рассматривать растения и с удивлением обнаружил цветы и зелень не только своей степи, но и глухих таёжных опушек, немало виданных им в путешествиях по Сибири и русским северам. Была и морская прибрежная, и даже горная растительность. Новое зрение придавало всему неземной вид. Названий большинства этой флоры он не знал и испытывал смущение и даже вину. Что немного мешало любоваться, но радость пересиливала.

Вот крупные белые цветы с удивительно нежными оттенками от розового до фиолетового, смотрели на него приветливо и немного с укоризной. Под ними крупные тёмно-зелёные листья сложились детской ладошкой, как бы что-то ему преподнося. Прожилки чуть-чуть пульсировали. Кажется, это ягодный кустарник. Он даже почувствовал терпкий кисло-сладкий вкус тёмно-красных ягод.

А вот эти цветки в Сибири называют жарки. И действительно лепестки светились алым пламенем, разве что не трепетали. Помнится, с Чикиным набрали целый букет девочкам, но не донесли – осыпались.

Маленький фиолетовый пятиконечный цветок почти касался острыми размытыми кончиками лежащей волнами травы. Пестик с тёмной головкой слегка подрагивал над желтоватым центром. Что за цветок, как называется? Помнил только, что из Хомутовской степи.

А вот и рододендрон, виденный когда-то на Кавказе. Ну, это уже слишком…

Под всей свежей и сочной растительностью, параллельными пучками, проглядывали серо-коричневые высохшие прошлогодние стебли. Это они так мягко пружинили под ногами.

И над всем этим райским уголком стояла совершенная тишь. Не

та лесная тишина с незамечаемыми шумами шороха трав и листьев, поскрипываниями веток, жужжаниями насекомых, а полная звенящая тишь. Стало даже как-то не по себе. Сорвал длинную травинку и с облегчением услышал слабый треск разрыва.

Вдруг на склоне террикона, за проволочным ограждением, он увидел стройную, но довольно плотную женщину в старинных многослойных одеждах преимущественно василькового цвета. Лицо было знакомо, но рассмотреть не удалось. Чётко видел только неуловимую полуулыбку. Женщина стояла легко и свободно и смотрела в его сторону, как бы немного мимо. До неё было метров пятнадцать, но негромкий голос с низкими бархатистыми переливами различался совершенно ясно.

– Летаешь?

– Вот… И сам не знаю… Может быть, расту?

– Нет, в возрасте твоём, хотя и юном, рост закончен. Но над землёй приподнимает и любовь. Во все века…

– Века? А вы из Средних? Мона Лиза дель Джоконда? Вас написал великий Леонардо в начале шестисотых лет тысячелетья нашего от Рождества Христова?

– И да, и нет… Я принимаю образы воображением людей. Мне даже странно и самой – обычно я являюсь девой в бело-розовых одеждах. А для тебя такой. Века не властны над любовью.

– Так я летаю, извините за банальность, на крылышках любви? Но это же прекрасно! Что ж люди, там, в подземном переходе, так встретили меня?

– Кому приятно видеть возвышение других, подняться не умея над собою? Но что тебе до них? Особенно сейчас, когда несут те самые воображаемые крылья.

– Несут? К той девушке, что с хвостиком и в кедах белоснежных? А кто она? Её же тоже крылышки должны нести.

– До этого ещё, однако, далеко. И женщины совсем не так летают. Ты понесёшь её. Но прежде разглядишь.

– А как я разгляжу? С глазами что-то стало. Как будто угол зрения уменьшился до нескольких секунд. Вот я и вас и вижу и не вижу. Полуулыбку только...

– Со зрением проблем особых нет. Вот только… Ангел Смерти посетил тебя. Ты, помнишь, прочитал у Шестова?

– Ещё бы мне забыть! Но не у Шестова, у Бунина. То Бунин прочитал у Шестова. А тот в какой-то старой русской книге. Что иногда слетает ангел с неба за душой, но взять не может – не готова. И тогда, на память о своём визите, оставляет пару глаз. И человек не умерший, но побывавший в царстве смерти, мир может видеть и природными глазами и теми, что оставил ангел – изнутри.

– Довольно вольно изложил, но в принципе…

– А ангел посетил меня когда? В каком-то сне? Но что-то я не помню.

– Во сне, конечно, а когда ещё нас посещают вещие видения. Но ты не помнишь. Ты болел и сильно, в детстве. Но не умер, а как-то вдруг, мгновенно осознал своё единственное «Я»:

Я помню первый день сознания –
Меня настигло «Я» – врасплох.
И как зерно в миг прорастания
Я онемел, ослеп, оглох.
Потом вернулись слух и зрение,
Потом я вновь заговорил…

– Чьи же стихи такие? Пастернака?

– Да нет, твои. Но только ты напишешь их не скоро. Пока слова лишь бродят в глубине души. Да ты ещё не жил почти. Когда любовь твоя созреет, когда переживёшь тебе отпущенные муки… Тогда придёт к тебе Поэзия.

– Евтерпа? Каллиопа? И Эрато? И в вашем образе придёт? И вы над лирой улыбнетесь мне улыбкой полной? А может Леонардо сам напутствие мне даст?

– Нет-нет. Ты слишком возомнил. Какие могут быть из Ренессанса напутствия двадцатому столетью? Живи во времени своём. Люби, как можешь только ты любить. И времена свои запечатлеешь.

– А что же ангельский подарок? Жить с изображением реально-нереальным?

– Что ж ты хотел – за всё приходится платить. Ты будешь видеть многое и многое не видеть. Да, будет тяжело. Зато летать ты сможешь высоко. Что ж пожелать тебе ещё. Самим собою быть? Но ты другою жизнью жить не сможешь. Живи и будь. А мне пора…

– Вы что, уходите уже? А что-то мне оставите на память? Как Ангел Смерти. Пару глаз… А может быть очки волшебные?

– Оставлю. Этот сон. Тебе ещё в нём долго разбираться. И толковать в перипетиях жизни. Но не забывай – летающих не любят и стремятся крылья оборвать. Особенно завидуют тому, кому Любовь дана. Хотя таким как ты предупрежденья бесполезны… Ну, всё, твой сон кончается. Пора уж просыпаться. И дождичек пошёл. Прощай…

– Действительно, идёт… Но небо ясное – ни облачка, ни тени. Лишь дымка лёгкая мне чуть туманит взгляд. А крылья не намочит? Пролечу болото?

Над ним стоял Писаренко и густо поливал мелкодисперсной влагой изо рта, как при заглаживании стрелок на своих латанных полотняных штанах.

– Да проснёшься же ты, наконец! Из кружки оболью, будешь знать. Вставай, вставай, тебя Трощенко ждёт.

Игорь уже пришёл в себя, но всё силился вспомнить приснившиеся стихи. Хотя бы рифму, хотя бы строчку… Даже единственное слово. И не смог. Помнил только, что стихи были прекрасны.

А следующая встреча случилась уже весной, у того самого кинотеатра повторного фильма на «Иоланте». Весь сеанс Игорь сидел рядом с Аней, касаясь её плечом, и млел. И всё пытался ей что-то объяснять, но Аня прикладывала палец к губам.

После сеанса они пошли по центральной улице, между рядами светло-зеленых каштанов с робкими ещё нераскрывшимися пирамидками свечек, к студенческому городку, к своим ДПС – сохранившаяся в фольклоре аббревиатура чуть ли не с допотопных времён – Дом приезжих студентов. Длиннющие, метров по сто пятьдесят, пятиэтажные общежития обступали по периметру целый квартал с внутренней инфраструктурой и интенсивной

жизнью – волейбольная и баскетбольная площадки, бетонные квадраты для городошников, стадиончик без зрительских мест, две громаднейшие столовые и – новейшие веяния – прачечная самообслуживания.

Он пытался затянуть возвращение, да не вышло – у неё были какие-то планы на вечер. Но в столовую пошли вместе, ужасно хотелось есть. Аня тщательно пересчитала мелочь, и выбор блюд осуществляла, сообразуясь с ценниками. Как потом оказалось, должно было остаться три копейки на трамвай – ехать к тётке. Попытка заплатить за неё была пресечена самым решительным образом:

– Я не стану есть за чужой счёт!

– Так я же свой в доску!

– Не мне.

Да-а, брат, и на кривой козе не подъедешь, как прозвучало в каком-то фильме…

Они ещё обсудили нюансы музыки Чайковского – у неё оказались и слух, и память, повосхищались исполнением арии Роберта, поморщились на голос Иоланты и так и расстались без каких-либо договорённостей на будущее.

В комнате был один Писаренко, поедавший на подоконнике жареные веретенообразные пирожки с повидлом. И хотя рассказывать собственно было не о чем, переполнявшее требовало выхода.

Толик был парень не слишком развитый, ограниченный детективами и военными романами, но основательный, практичный и надёжный. С мужицким лицом и умом. Сведенные случаем в одну группу и комнату, они не то, чтобы подружились, но друг друга признали. Сказалась обоюдная страсть к природе, охоте, путешествиям. О женщинах не говорили никогда.

Писаренко рассказом страшно заинтересовался, на какое-то время даже забыв о пирожках. Нукал, нетерпеливо прерывая паузы, и лез в детали. Но финал вызвал бурный протест:

– И ты так её и отпустил?! Тюфяк!

Однако внимательно посмотрел на Игоря и заткнулся. Да и комната начала наполняться.

Игорь и сам страдал от проклятой нерешительности. Ну, отказала бы в свидании, но попытаться нужно было? Хотел же и даже страстно. Но что-то остановило. Что?

Он ещё и ещё перебирал мельчайшие детали встречи. Был же у него какой-то опыт с девушками. И если робел, то только уже при переходе от слов…

Что-то было не совсем обычное. Не произвёл на неё впечатление? Бог его знает… Но разговор же сложился? Хотя говорил в основном он. Аня только глядела широко открытыми глазами с неподдельным интересом и слегка удивлённо. И коротко реагировала – да? на самом деле? а ты что же? Но не сблизились… Отношения не стали лёгкими даже к концу. Наверно серьёзная девушка. Но юмор понимает. А как смеётся! Век бы слушал! Голос у неё низкий, глубокий и удивительно красивый. Как будто за крайними нотами остаётся ещё неслышимая часть. Инфразвук?

А, вот! Аня не кокетничала! Нет, жеманство и ему никогда не нравилось, но обычно между парнем и девушкой, особенно желающих понравиться, устанавливается игра, полная недомолвок, намёков, улыбок… И смеха. Возбуждающая и побуждающая к развитию отношений. К их, так сказать, углублению. А вот этого как раз и не было!

Он был ей безразличен? Да нет, он же видел, как она незаметно прихорашивалась, пожёвывала губки, придавая ещё более насыщенный цвет. Даже поправляла волосы. Или это рефлекторно-женское? Желание быть красивой независимо от отношения к окружающему?

А может быть, несмотря на всё своё красноречие, не преодолел её естественное чувство настороженности к незнакомому? Ведь это он видел её во второй раз и постоянно вспоминал, но она-то – в первый! А, может быть, не о том следовало говорить?

Нет, нет… Просто, она переживала его рассказы как собственную жизнь. Не видно было никакого желания вклиниться и показать себя. О такой благодарной слушательнице можно только мечтать. И в тоже время отстранённость так и не прошла.

Владевшее им сильнейшее волнение требовало движения. Отдав прикуп и довольно приличную пулю заглянувшему жаждущему преферансисту, Игорь выскочил из общежития.

Вот бы она сейчас вышла! Где её окно неизвестно, но можно погадать. Наверно вот то, в четвёртом этаже, с сиреневыми занавесками и какими-то цветами на подоконнике. Она же наверняка хозяйственная и любит красоту и уют.

Он кружил и кружил вокруг женского общежития, не теряя из виду вход. Однажды даже сердце замерло. Нет, показалось. Стало понятно – не выйдет… Отправился бродить.

Город погружался в сумерки. Зажигавшиеся огни фонарей и окон оттеняли шелковистую тьму вечернего неба. Где-то, уже совсем в невесомости, краснели габаритные огни телебашни. Громадины домов теряли очертания и дневную реальность, переходили к внутренней жизни.

«Между вечером и тьмою, тихо-тихо – рей и пой…».

Он всегда поражался – как окружавшее соответствовало настроению и волнениям. Когда был привычно один. Но сейчас остро не хватало Ани. Ну, что ж поделаешь…

К переполнявшим волнениям, добавился очевидный вопросик Писаренко:

– А красивая?

– Ещё как! Знаешь, вот ты спросил, и я понял – Аня похожа на Самойлову из «Летят журавли». Ну, не копия, но очень.

– Ух, ты! Покажешь?

– Если встречу…

– Встретишь, встретишь, не переживай.

Но действительно ли она красива? И что есть красота? Выделение порядка из хаоса? Но порядок у каждого свой. Конечно, всегда есть какие-то эталоны. Как-никак, женщина – красота рода человеческого. И у каждого времени свои представления. И даже внутри времени ой как разнятся! Несколько безжизненные, но просто математически красивые, женщины Боттичелли, совсем не «Дама с горностаем» Леонардо с затаённой страстью. В отрочестве Игорь даже

заинтересовался живописными портретами. Почему одни портреты знамениты, а другие нет? Популярные книги по искусствоведению мало что дали. Ну да, лицо «Неизвестной» Крамского выражает усталость, пережитую трагедию, разочарование и немало ещё чего. Но нарисуй даже кривую рожицу типа «точка, точка, запятая» и она что-то будет выражать. И слова найдутся – бесшабашная улыбка, радость жизни и так далее.

Потом понял. Кроме техники, неповторимой индивидуальности художника и – как следствие – манеры мазка (трудноразличимого на иллюстрациях), есть ещё традиция и её нарушение. Талант движется вперёд, но имея точки отсчёта во времени и пространстве. *Создаёт* красоту, а не копирует. И воспринимать произведение искусства в отрыве от предшественников и потомков значит не совсем понимать.

Времена изменились. В массовом сознании представление о красоте навязывает уже не живописец, а кино и телевизор. Мэрилин Монро, Жаклин Кеннеди, та же Татьяна Самойлова… Но его эти символы массового сознания как-то не трогали. А некоторые признанные красавицы даже не нравились совсем. Например, героиня популярной новогодней картины с какими-то развратными глазами. Хотя фильм смотрел – и с удовольствием – несколько раз.

Нет, красота индивидуальна. И здесь не только внешность, есть и ещё что-то неуловимое. То, что придаёт отдельным чертам неразрывный образ целого, всё время меняющегося до неузнаваемости в переменчивости душевного состояния красавицы и её спутника.

Так что, важно, чтобы нравилась самому? Но не всё же равно, как будут видеть его Аню (далеко, однако, в мыслях зашёл!) другие? Значит, что-то от общепринятого и в нём должно быть?

У него уже был опыт «индивидуального восприятия».

Однажды, ещё до института, он привозил домой «невесту». Был влюблён и считал красавицей. Они и жили уже в её комнате малосемейного общежития гостиничного типа.

Мама, обладавшая отменным вкусом и очень ценившая красоту, встретила радушно, но чувствовалось какое-то смущение.

Он даже разозлился и на повышенных тонах объяснял многочисленные достоинства будущей жены. Мама смотрела изумлённо, нерешительно улыбалась и пыталась успокоить.

Неприглядная истина открылась в разговоре с другом среднеазиатского детства Вовкой Богуславским. Аккуратно признав все женские достоинства, включая ножки и фигуру, Вова выразил некоторые сомнения по поводу формы носа. Игорь глянул и обмер – на прекрасном лице греческой богини красовалось нечто сливообразное, да ещё расцвеченное синими прожилками. Его охватил ужас и стыд, как будто прилюдно сделал что-то непотребное. Любовь не то, чтобы сразу пропала, но быстро пошла на убыль. И тоже со стыдом – она чем виновата? Из-за носа зачёркивать человека?

Ну, может быть, не совсем так… Между ними ещё не явственно, но ощущался холодок уходящей страсти. Тела их ещё по-прежнему сливались, и даже ничуть не реже, но уходящей куда-то в невесомость почвы под ногами уже не было. Что это? Почему? Что-то не устраивает быстро меняющуюся, особенно в юности, непредсказуемую жизнь? Много ли нужно, чтобы откуда-то с Арктики пришёл могучий антициклон? И как-то быстро размываются не только тучи, но и лёгкие облака, небо светлеет и синеет, воцаряется солнышко, правда не слишком ласковое… Но тепла уже нет…

С тех пор он был много осторожней. И не только с женщинами. Но любовь, как известно, зла…

Как можно не видеть то, что буквально на носу, он понять так и не смог. И дальше с ним случались провалы, ну не столь наглядные. Например, одну девушку считал высокой, хотя, как оказалось, была ниже его плеча.

Как-то мама, уже после отъезда «невесты», грустно глядя, и склонив по обыкновению голову, заметила: «Игорь, Игорь, что с тобой будет, когда ты вырастешь? (укоризненная фраза, преследовавшая всю жизнь, от самых малых лет). Да не вырос ты ещё и, наверно, никогда не вырастишь. Сколько ты видишь скрытое от других и как часто не видишь то, что видят все. Дай Бог тебе жену, чтоб по жизни вела тебя как ребёнка – за ручку».

Нет, Аня безусловно красивая! И носик у неё замечательный, немножко курносый. От этого она ещё милее. И целоваться хорошо, хотя до этого ещё ой как далеко. И будет ли?

Главное, говорили ребята, у девушки ножки. Хорошие у нас ножки! Отличные. Может чуть и тонковаты в лодыжке, но нисколько фигуру не портят. Даже придают её походке совершенно неповторимое звучание. Да-да, именно звучание. Дробь её каблуков на подковках ни с чем не перепутаешь. Хоть на ноты клади!

«Она идёт по улице, не зная, какой оставят след на сердце каблучки…».

Да что там по деталям разбирать! Он терпеть не мог, когда ребята увлечённо прохаживались по женским статям: «А у моей буфера – во!». «А у моей ж… – пощупаешь, так вообще!». Что-то было в этом отвратительное и даже предательское. Ведь завтра же увидят чужих подруг и будут ощупывать глазами те самые места. И твою же, ничего не подозревающую, станут оценивать! Не стыдно?

Нет, хороша Аня – и всё! Господи, как она ему нравилась! Вся. Целиком – от пят до кончиков мягких и нежных волос. Один раз коснулась его щеки хвостиком, забранным резинкой, – он чуть не растаял.

А «хороша» даже больше чем красивая. Значит ещё и хорошая! И будет нравиться всем. Должна нравиться!

Но так, как ему – никому.

НА БЕРЕГУ

«Только сверху видна упорядоченность Божественного» – то ли вздыхал, то ли восклицал кто-то из героев «Диалогов» Платона. Мы-то наверняка вздыхаем, барахтаясь в сиюминутности, и возмущаемся – только что установленный порядок тут же и нарушается.

Сверху, конечно, виднее, кто бы спорил, но что такое верх? Если жизни, то хотелось бы и отдалить. Бог с ней, с упорядочностью.

Но какая всё-таки сверху красота! С горы, а лучше из иллюминатора самолёта, на Земле просто математический порядок! Даже если только что там, внизу, блудил, выбиваясь из сил, по лукавым тропинкам, замкнутых на себя словно лента Мёбиуса; спотыкался об опутывающие всё и вся толстенные корневища; взбирался на бесконечные пригорки, обходил пахучие болотца и слышал грозные звуки надвигающейся бури – теперь, надёжно привязанный ремнём к мягкому креслу, улавливаешь в иллюминаторе божественный порядок, тишь и гладь абсолютно ровных поверхностей, застывших в нежных красках надвигающейся осени.

Прав, прав замечательный русский поэт Александр Блок – *«Сотри случайные черты – И ты увидишь мир прекрасен…»*. Да только упаси Бог стирать из своей собственной жизни. Что останется? Никому не нужные закономерности?

Ладно, всё это сверху. А как усматривать порядок, когда ты у него внутри? Когда если и видно, то лишь ближайшее завтра, неизвестно что несущее. Остаётся только ориентироваться на местности жизни и улавливать *ритм*.

Да, ритм… Существеннейшая черта красоты, порядка и умиротворения. Им пронизана вся жизнь – от многочисленных биоритмов до мерцания самых далёких звёзд.

А улавливать можно только каким-то сверхмерным, совершенно безотчётным чувством, заставляющим слегка притопы-

вать в такт музыке, захватившей до самых кончиков. Обнаруживать его в себе и неутомимо развивать. Для чего читать, смотреть, слушать. Жить и думать.

Если не просто наслаждаться, но попытаться немного разобраться, многое дадут музыка – конечно, не эстрада с её далеко разносящимися бумс, бумс, бумс, – живопись, архитектура… Искусства, обращающиеся непосредственно к органам чувств, а потому действующие и без всяких разбирательств. Только что же это за наслаждения без понимания…

Правда, для восприятия чувствами нужны ещё и определённые способности. Как, скажем, воспринимать музыку без слуха? Или поэзию?

Вообще-то вопрос сложный. Степан Щипачёв, тот, что «Любовь не вздохи на скамейке, И не прогулки при луне», в конце жизни признавался – «был на рифму глуховат». Что не помешало стать известным советским поэтом. Общеизвестно отсутствие слуха у Александра Блока. Ну, насчёт Щипачёва трудно что-либо сказать, но Блок… Тончайшая музыкальность его поэзии убеждает совсем в обратном. Может быть, Александр Александрович не мог *воспроизвести*, но слышал наверняка.

А Маяковский? Говорят, даже танцевать не мог. Интересно, как у него было с чувством ритма?

Ну, да Бог с ними. Главный учитель всех чувств всё-таки литература. И прежде всего поэзия.

Хорошо поэтам – у них метр. Хотя ритм не совсем метр, а, скорее, отступления от него – пиррихий, спондей, паузы… Как и всё в этом лучшем из миров. Земля – шар, да не совсем. Орбита – круговая, но не слишком. Но предсказывать движение всё-таки можно и даже с очень большой точностью. И ритм можно чувствовать – и довольно тонко, вплоть до резонанса. Что поэты берут ритм не из жизни? На одно дыхание приходится четыре биения сердца – вот вам и четырёхстопный ямб, столь любимый Пушкиным, хотя в конце и признавался, что он ему уже порядком надоел. А может быть, у него биоритмы изменились?

«Ритмы жизни слагаются сердцем…»

С прозой сложнее. В ней ритм определить чрезвычайно сложно, если вообще возможно, а без него и «Войну и мир» не прочтёшь. Как же понять и почувствовать гармонию?

Да, гармония…. Ритм определяет гармонию… Эк, куда занесло! Но как же развивать гармонические отношения, не имея хоть какого-то, пусть и приблизительного представления?

Хорошо. Пусть гармония есть пропорции и динамическое равновесие частей целого, взаимодействующих в каких-то ритмах. Частей… А если это стихии? Любовь, скажем. Стихии с равновесием не очень дружат. «*Я некогда читал, Что мир любовью обращался в хаос…*» – это Данте об Эмпедокле, древнем греке, учившим – мир возник из-за стихий раздора, а вот любовь всё снова в хаос превращает. Вечная память и огромное спасибо тебе, о Данила, когда-то на школьном углу, растолковавший своему памятливому ученику дантовские строчки.

Может быть, не сразу и не совсем согласимся с философом, но держать в уме будем.

Любовь захватывает и не любит предисловий. Но историю и предысторию имеет. Отношения всё время развиваются и всё время меняются. Ох, какие амплитуды у любви! И всю жизнь подвергаясь испытаниям, или крепнет или… Нет, никаких «или»! Вперёд, только вперёд!

…Теперь, сталкиваясь в длинных институтских коридорах, они стали улыбаться и перебрасываться незначительными словами, но до свиданий дело не доходило. Чего-то не хватало, что-то должно было произойти.

Он робел, она ждала.

Тот первый «оперный» разговор был несколько односторонним. Он «заливал», как все парни, правда необычно. И язык его отметила сразу! Но настораживало – не болтун ли? Угадывая, большей частью не понимая, – она тогда ещё не слишком много читала и знала, – что в его речи какие-то научные и литературные пласты, что в беспрерывных шутках постоянная пародия на неизвестную ей основу, она остановилась в нерешительности. В тайном своём дневнике, на сокрытие которого от подруг по комнате, и во-

обще от всех, в том числе и близких, тратилось немало усилий, впервые упомянула его имя.

Из дневника Ани: «*Странный парень, Игорь. Особенный. Может быть, это Он? Как на меня смотрит! Я ему нравлюсь, это точно. Или больше? А он мне? По-моему нравится, только странно. Он как-то интересно говорит. Как в книгах. Разве в жизни так бывает? Когда он рассказывал о Сенжермене, мне казалось, что он читает. Может, где-то вычитал? Или всё выдумал? Нет, такое, наверное, не выдумаешь.*

Но серьёзен ли Игорь?»

Другими словами – можно ли с ним, вечно улыбающимся и живущим явно в иных мирах, построить жизнь? Конечно, прямо она тогда так не мыслила, но её женская практичность была встревожена.

В конце сентября они обнаружили себя на берегу моря, на студенческой спартакиаде. Она бегала и прыгала, он плавал. Когда она пришла в бассейн, он чуть не утонул. Но «бронзу» на двухсотметровке всё же взял.

Аня тоже была в верхней части мест. А в высоту прыгала под метр шестьдесят. Игорь своим глазам не верил. Это же почти её рост! А как же «выше головы не прыгнешь»? И в длину взяла пять семьдесят! Норматив кандидата в мастера спорта! Надо же! Такая красивая, а ещё и прыгает! Нет, это совершенно замечательная девушка!

Друзей и даже близких знакомых у них здесь не оказалось, они встретились, правда совсем не случайно, Игорь всё время высматривал, и пошли.

Сильно всхолмлённая предгорная степь была пасмурной и немного размытой. Несгибаемые тополя покачивали далёкими верхушками мудро, но не очень уверенно. Виноград на бетонных шпалерах отдавал несуетливым и пластичным сборщикам тяжёлые жёлтые кисти. В воздухе стоял усталый покой и тишина.

– А знаешь, Аня, тут в музее, акварели Волошина. Надо посмотреть. Пойдём?

– Известный художник?

– И художник тоже. Я, правда, картин ещё не видел. Но, прежде всего, Максимилиан Волошин замечательный поэт! Из серебряного века. Там не мало было, но Волошин!

Игорь постоянно влюблялся в самых разных поэтов, не соблюдая никакой хронологии, направления и стиля. Вдруг где-то как-то попадалось стихотворение или даже строчка и, поражённый образом, метафорой, просто звуком, раздобывал потрёпанную книжку, чаще всего с помощью Лёньки Новокотова, имевшего знакомых филологов, и не расставался с ней даже на лекциях по теоретической механике, пока не запоминал.

Сейчас как раз был период Волошина. Снова совпадение? Всю жизнь его «подстерегает случай», бывало, и в «сумрак неминучий», но цепь выстраивалась и куда-то вела – судьба?

– Как Волошин не писал никто! Вот послушай:

К излогам гор душа влекома…
Яры, увалы, ширь полей…
Всё так печально, так знакомо…
Сухие прутья тополей,
Из камней низкая ограда,
Быльём поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На тёмных глыбах плантажа…

Плантаж – это вроде как глубокая вспашка… Как тебе картинка? Посмотри кругом! Как будто написано здесь и сейчас. Хотя у Волошина и весна.

– Как странно и незнакомо звучат знакомые слова… Что это, Игорь?

– Ага! Почувствовала? Слово в поэзии… О!

Он как раз разбирался с помощью Лёни именно в этом разделе теории литературы.

– Если в начале было Слово и Слово было Бог, то несло оно обозначение, смысл. Как средство коммуникации. Но развернулось по настоящему только в поэзии, обогатив, естественно, обратным ходом и бытовую речь. К смыслу добавились образ, звук

и внетекстовые структуры… Ну, ассоциации, понимаешь? Как тебе объяснить…Вот у того же Волошина:

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф…

Казалось бы, преклонение и молитвенное отношение – священны! – к великому поэту. И двух строчек вполне хватает. Но это двустишие перекликается с таким же по форме гекзаметром Пушкина:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущённой душой…

И только по форме, гекзаметр не слишком частый гость в русской поэзии, цепочка протягивается не только к Пушкину, но уже и к Гомеру, хотя в строчках Волошина ничего этого нет.

– Игорь, но для этого надо же знать эти строчки! Что же, всего Пушкина учить, что ли?

– Ну, зачем учить… Но читать надо. И если нравится, как же не запомнить? Пусть не наизусть, всегда можно поднять книжку – память вынесет: у такого-то что-то было. Это и есть ассоциация.

– Но не можем же мы все книги прочитать! Ни времени, ни жизни не хватит.

– Не можем… Ох, не можем… А надо бы… Представляешь, всё прочитать! Я в детстве даже думал можно… Научиться бы быстро читать. Знаешь, есть такой способ – по диагонали. Я пробовал, но пока не получается. Теперь-то понимаю – всё прочитать никак нельзя, любым способом, но всё равно жалко. Правда, тут есть один момент. Литература – процесс непрерывный. Каждый последующий писатель читал предыдущего. И мы ассоциации, если и не понимаем, то угадываем. Кроме того, большинство творений время отметает… Но остаётся много, очень много… Что делать, надо читать. Интересно же!

– И ты всё читаешь?

– Ох, Аня, далеко не всё, что хотелось бы. Времени нет. И условий – общежитие же. Но стараюсь.

– И всё помнишь?

– Нет, что ты, не всё, конечно. Памяти не хватает, хотя, гово-

рят, Бог не обидел. Что-то помню…

– Да я вижу. А вот скажи, Игорь, когда про старину читаешь, ну, там, «Евгений Онегин» или «Война и мир», многое же в той жизни непонятно. Чем, например, карета отличается от тарантаса. Это важно?

– Иногда нет, но бывает что очень даже. Вот, скажем, у Пушкина:

Его лошадка снег почуя,
Несется рысью как-нибудь…

Что значит «как-нибудь», если она «несётся»? И куда кучер смотрит? Дмитрий Сергеевич Лихачев, великий наш академик, провёл целое исследование и показал – лошадь, оказывается, плохо видит, и то ли тёмные пятна земли на первом снеге пугают, то ли наоборот, но пытается обойти на ходу. Видишь, всего лишь «как-нибудь», а сколько информации и, главное, зримости. Хотя на лошадке, да по снегу, мы вряд ли поскачем…

– И что же? Так каждую строчку читать?

– А как же! Иначе непонятно и неинтересно. Что ж ты думаешь, читать это буква к букве? Не-ет. Это труд и напряжение, зато какое наслаждение! Как…

Он запнулся и в смущении взглянул на неё. Чуть не ляпнул «как при оргазме» и наверняка получил бы по физиономии. Впрочем, вряд ли она знала это слово… Но спросила бы – и как бы он объяснил?

Но смысл она уловила. И поняла, что делить его придется с иными мирами. Смутило это её? Нет! Наоборот, ей страстно захотелось хоть чуть-чуть проникнуть в них и уже знала – на берегу не оставит, потащит в глубины даже если будет сопротивляться.

– А вот, – заторопился Игорь, – смотри, как словом осваивает пространство парус одинокой, в тумане моря голубом:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Следи за взглядом Лермонтова: впереди – неизвестность, позади – ничего, под – бездна, над – эфемерность света. И слева и справа зыбкая материя, то, на что не обопрёшься – волны, ветер… Парус просто в невесомости – нет ни опоры, ни точки отсчёта. Всё свищет и скрипит… И с этих позиций рвётся в бурю! Причём, обрати внимание, парус и сам не знает, что ищет. Жизнь – борьба, ввяжемся в бой, а там посмотрим. Хотя понимает: покоя – *счастия* – нет нигде. Неопределённость положения в пространстве, воспринимается как безнадёжный поиск смысла жизни.

– Ты сам расшифровал?

– Что?

– Ну, стихи эти.

– А кто же за меня это сделает? Ты, может быть, увидишь в них и другое. Стихи бесконечны. И не расшифровал… Шифруют, когда хотят скрыть… Поэт же стремится быть понятым. Скорее раскодировал по коду, данному мне самим поэтом и свойственному мне. То есть прочитал, понимаешь?

– А мне в стихах слышится тоска и надежда…

– Безусловно! Но если ты понимаешь, куда поэт поместил парус, явные мотивы только усилятся.

– Но если всё разложить по полочкам…

– Ну, Аня, можешь не беспокоиться, для чувств место останется всегда. Да и до конца мы не разберём никогда. Как говорил Владимир Ильич – электрон также неисчерпаем, как и атом.

– Игорь, ты ещё сказал звук.

– Да. Звук! Вот что делает поэта поэтом. Как в реальных словах отыскиваются созвучия – тайна! Но без них нет поэзии! Вот Геннадий Шпаликов, следи за звуком эР:

Городок провинциальный,
Летняя жара.
На площадке танцевальной
Музыка с утра.
Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,

На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Слышишь? Сначала дальние раскаты, потом гром войны – семь эР подряд, и удар в конце на «сорок первый год»! Просто прямое попадание бомбы в эту самую легкомысленную без всяких эР но с эЛь танцевальную площадку!

– Ух, ты! И как же слова так подбирают?

– Да никто не подбирает, что ты! Что же, Лермонтов невесомость выписывал? Если бы я ему своё толкование сказал, он, может, и не принял бы, по тем временам-то. Структурализма тогда ещё и в помине не было. Нет, поэты из слов творят целые миры, как Бог природу. Не думал же Господь – создам такой закон, такой принцип. Что ж Он вырисовывал каждый барашек на этой волне? Творил мир, понимаешь? А уж дело Ньютонов и Эйнштейнов разбираться, что Он там натворил. Поэт свои мысли и чувства, всего себя, передаёт словами. Ну, мысли, там, ещё понятно, но чувства как? Они же слов не имеют. Вот в стихах в сочетаниях и созвучиях, между слов и строчек, образуются художественные смыслы, которые прямо выразить нельзя и которые куда важнее основных. О чём у Шпаликова? О том, как целыми днями танцуют в июне сорок первого в провинциальном городке рио-риту? Да помилуй Бог! Здесь в звуках слышится и «без объявления войны», и рухнувшая мирная жизнь, и тучи «мессершмитов», и вообще вся трагедия Великой Отечественной. Здесь всё работает на Замысел. И разностопный хорей с концевой паузой на чётном стихе, и…

Его понесло. Пиррихий, спондей, синекдоха и всякие другие тропы посыпались из него совершенно бесконтрольно, почти без учёта реакции заволновавшейся слушательницы. В техническом ВУЗе, да и вообще в жизни, кроме Лёньки Новокотова и Витьки Чикина в сущности ни об искусстве, ни о науке с большой буквы поговорить было не с кем. Знания и мысли всегда переполняли и рвались наружу. А слушать Анюта – он уже мысленно называл её так – умела.

У неё захватило дух! Она просто зашлась от восторга и красоты. Господи, как она мечтала, чтобы именно так с ней загово-

рил парень. Как в книгах, где все такие умные! А в жизни… Витька с вечными уставом и денежным содержанием… Юрка Крук с пересказами книг и дурацкими каламбурами – «мне булавка, как небу лавка»… Не дождалась ли она настоящего?

От его увлечённости у неё закружилась голова. Показалось, что он забыл о ней и весь где-то там, в почти безвоздушном пространстве понимания Замысла. А раскраснелся как! Понятно, он брился и, наверно уже давно, но лицо сохраняло ещё детскую гладкость и нежность. Хорош! А вначале таким милым не показался. Какая-то сила потянула её к нему, и она даже немного испугалась. Что это?

Но сумеет ли она понять, о чём он говорит? Что его так волнует.

Поймёт, поймёт. Пусть не всё. Ей страстно захотелось приобщиться к его миру, к чему-то огромному, ради чего стоит жить. Может быть это Он?

Наконец они разыскали крохотный музей на старинной узкой улочке городка с рельефными двух-трёх этажными домами с колоннами, портиками и фронтонами с барельефами. Дома пообветшали и выгорели, лепнину с облупленными носами уже нельзя было прочитать, но архитектура и почти совершенные пропорции остались. Музей о пяти небольших залах, скорее даже комнат с арочными окнами, мягким освещением и поистине музейной тишиной, был в первом этаже купеческого особняка. Аня попыталась отдать деньги за билет, но на сей раз инцидент удалось уладить. Кроме них посетителей не было – одни среди картин.

Сразу же углубились в акварели. Она была очарована удивительными красками и линиями крымских пейзажей. В солнечном мареве безлюдных картин ей чудились грусть и одиночество. Увиденное никак не соответствовало её представлению о беззаботном курортном море, на которое она попала впервые в жизни, и погружало в настроение щемящего сердца и в то же время радости. Пока она знала живопись в основном по иллюстрациям и старалась проникнуть в содержание изображения. Здесь же, в этих небольших картинках, её поразили не только краски, но и как они были наложены с каким-то неуловимым переходом. И

необычный взгляд художника. То, что видела и она, но не так. Она как бы приобщалась к печальной любви поэта, к этим мягким холмам, к стихии моря, к выжженной растительности. Ей даже стало немного боязно. И непроизвольно взяв его под руку, слегка прижалась. Он замер.

Уже прошедший не только Третьяковку и Эрмитаж, но и Дрезденскую галерею, выставленную в Москве перед возвратом в Германию (с братом простояли в очереди целую ночь), Игорь был слегка разочарован. Так непосредственно как она, он, видимо, чувствовать не мог. В голове звучали стихи Волошина и как-то не очень коррелировали с увиденным. Но её состояние почувствовал и нежность, небывалая ещё с ним, захватила. Рука потянулась обнять, но не решился.

Вдруг, на боковой стене, он увидел три клеёнки Пиросмани! Каким ветром их сюда занесло?!

– Смотри, смотри! Пиросмани!

То, пожалуй, первое единение исчезло. Да и не могли же они так стоять вечно. Но лучше бы ему не вскрикивать…

Он принялся рассказывать о примитивизме, о тяжёлой судьбе бедного торговца Пиросманишвили, о его страстной и странной любви с розами, нелепой жизнью и смертью. Обращал её внимание на игру ярких цветных пятен плоского изображения и с виду простенького сюжета картин. О причудливом переплетении судьбы художника и его произведений. Он радовался нежданной встрече с великими полотнами и стремился передать свой восторг.

Но она, после акварелей, восхищаться Пиросмани склонна не была. Примитивные изображения без перспективы не будили её фантазию и его слова не убеждали, несмотря на горячность и блеск глаз.

Где-то на уровне подсознания он понял – она всегда будет сама собой. И пока не почувствует, не осознает – не примет. Ох, и трудно же будет с ней!

Начало близости и доверия было положено.

ЕЁ ДНЕВНИК

Вообще-то влюблённость и страсть особого доверия не требуют. Даже и никакого. Развиваются стремительно и быстро исчезают. Или, как принято считать, сгорают. На огне, на пламени, на всепоглощающем костре… Оставляя яркие, или не очень, а то и стёршиеся со временем, воспоминания: да, была у меня одна – вообще! как же её звали-то…

Нет, любовь требует времени и сил. И не малых. Недаром есть такой замечательный и довольно длительный, а иногда и на всю жизнь, период, называемый почти забытым, но очень нежным, словом – ухаживание. Вот тогда-то и может возникнуть доверие. Как к самому себе. И тогда-то и может случиться это чудо – любовь!

У влюблённых мужчин, мыслящих своим Я, доверие, по-видимому, возникает быстрее, а то и сразу. Ревность это отдельно, это форма любви. Весьма острая. Воспитание чувств. Но прежде всего, доверяют себя, и мужчина всё-таки легкомысленен.

У женщины всё значительно сложнее. Она же сразу начинает думать местоимением Мы, а это включает и осторожность, и привыкание, и пробы. Без ошибок не обходится. Ей в своих чувствах разбираться и разбираться, усиливая и преодолевая страсть. Совершенно необходимую – какая же без неё любовь?

Доверить себя… Но доверяем ли мы себе? Может быть, довериться другому как-то легче? Облегчение испытываешь куда более объёмное, чем копаясь между внутренними Я. Хотя потом, чаще всего, сожалеешь, ибо антонимом доверию – предательство. Нет, нет, даже и не злодейское, с активным использованием полученных на эмоциональном подъёме, а то и срыве доверяющего, сведений. Просто – равнодушие, пересказ кому-то совершенно не нужному, насмешка. А то доверенный через минуту встряхивает плечами, как бы сбрасывая твою шелуху, чтоб не пристала, и напрочь забывает.

А ведь ты требовал, или просил, участия, сознательного или подсознательного, хотя бы ничтожно малого перекладывания части своей ноши. И получал согласие – ведь тебя выслушивали. А не разделив – предали. Может быть и не слишком сильно.

И только получив, пусть даже и критическое, *понимание*, начинаешь доверять себе.

Полное доверие к себе или к кому-либо трудно представить, но приближение, приближение…

Не так ли литература? Автор открывает себя читателю чуть ли не до самых интимных мест – берите! А читатель не берёт! И предательски закидывает книжку на самую дальнюю полку, а то даже и в руки не возьмёт – что мы других не читали, что ли? всё теперь неправду пишут, так в жизни не бывает, нет уже настоящего реализма! Как будто кто-то знает что это такое.

Но нет-нет, да и найдётся книгочей, кому будет близок и автор и его вымышленные герои, и будет он и плакать, и смеяться, нисколько не сомневаясь в художественной правде произведения. Тогда и возникнет то упоительное доверие между читателем и автором и так объединит, что никакой мёртвой водой не разольёшь. Вот счастье-то!

Не часто это бывает, ох, не часто… Но если надеяться – бывает. В конце концов, что такое доверие как не понимание исторического смысла времени и общества? Достичь такого понимания, да ещё и одинакового никак нельзя, но приближение, приближение…

Впрочем, жизнь и литература не одно и тоже, хотя и тесно переплетены. Для некоторых очень сильно. Но время в них всё-таки течёт по разному. А у любви может даже совсем в другую сторону. Или только так кажется? Очевидно одно – любовь у всех – единственная.

Вернувшись с уже немного объединившего их берега в сырость и унылость уходящей осени, они стали встречаться почти ежедневно. После занятий, но чаще вечером. Иногда срывались с лекций и бегали в кино. Изредка ходили в театр.

Театр! Тут их ощущения полностью совпадали. С детства – и его, и её, да, пожалуй, и всех – поход в театр огромное событие!

Готовились заранее, отсчитывая дни и часы. Разодетые ехали в трамваях не садясь, опасаясь помяться. Стрелки на мужских брюках были острее несгибаемых лезвий «Нева». В вестибюле приветственно вскидывали руки, но говорили мало. Явственно ощущался трепет ожидания. Волнение достигало невиданных высот, когда медленно гасла хрустальная люстра, появлялись солнечные круги на бордовом плюше, и зал напряжённо затихал ещё покашливая. Занавес поднимался и открывался мир декораций, призрачного света и действия. И никаких условностей искусства! Ты уже всем существом там, на сцене, где предатели плетут коварные интриги – убил бы! – а герои, перенося невиданные страдания, всё выдерживают и побеждают! Когда же всё заканчивается и перед опустившимся занавесом кланяются актёры, вдруг обнаруживаешь среди них погибших и не веришь своим глазам. И долго ещё в душе не затихают страсти. Ты среди персонажей, со сцены переселившихся в тебя, совершаешь самые невероятные подвиги.

А в зачем-то придуманных антрактах, нарядные зрители, в галстуках, брошках и горжетках, с обязательными лисьими мордочками и лапками, медленно прохаживались в фойе, обсуждая не пьесу, не перипетии только что произошедшего на их глазах, а игру актёров. С этим согласиться никак было нельзя.

Да! Театр был праздником. И ещё каким! Даже платья специально шили. А после спектакля, когда не спеша получали в гардеробной шубы и пальто, ощущалось малошумное, но говорливое единение, как будто вместе участвовали в светлом и благородном деле. Даже расходиться не хотелось. И до самой остановки медленно шли с невидящими или, вернее, видящими что-то в себе, глазами.

Сейчас театр всё больше идёт в зал и народ, исчезает та́инство как бы отделённого от зрителя действия, когда персонажи живут на сцене, а в зале переживают, затаив дыхание, боясь помешать разворачивающимся на их глазах приключениям. Ныне, актёр, одетый по роли, частенько встречает зрителя уже у входа, накалывая билеты на красноармейский штык, и даже перебрасывается с вами словами. По телевизору лицедеи уже в роли самих себя делятся взглядами на

жизнь, на искусство и даже науку. Показательно готовят индейку, нашпигованную ананасами. Упростившиеся отношения играющих и смотрящих упростили и наряды. Вместе с лакированными театральными туфельками на шпильках, можно увидеть и ботинки, и сапоги. Разноцветные камешки в серёжках и кольцах вызывают глубокие подозрения в натуральности, а стрелки на брюках расплылись, а то и исчезли совсем.

Но среди блузок и кофточек театральные платья ещё были. А у Анюты не было! И она переживала.

– Ты с ума сошла! Подожди, я тебя в такие платья и бриллианты запакую – подохнут от зависти!

– Ига, но идти-то надо сейчас.

– Ну и что? Посмотри, какая ты красивая! В любых нарядах, душенька…

– Это для тебя. Да и не такая уж я красавица…

– Зато умеешь ей становиться. Что может быть скучнее всегда красивых женщин!

– Я бы не отказалась, даже если бы кто-то сильно заскучал.

– А что это за «Ига»?

– Я всегда мечтала, что у меня будет парень с необычным именем. Игорей много, а Иги нет ни у кого.

– От «иго» что ли?

– И от него. Ты же давишь интеллектом.

– Как можно интеллектом давить? Не тяжесть же… Ладно, а тогда ты будешь Юта. От Анюты и уюта.

– Я подумаю.

Они нравились друг другу всё больше и больше. Юта ещё осторожничала и до конца не открывалась. Была в ней восхитительная и неистребимая девичья стыдливость. Она и с подругами не откровенничала, а щекотливых тем просто избегала. Когда он, по её мнению, слишком смело шутил, отводила глаза и даже отворачивалась. Иногда вскрикивала – прекрати сейчас же! Он смеялся, но понимал – может обидеться и всерьёз.

Да, отношения ещё были хрупки и до определённых пределов. Терпение, мой друг, терпение.

Но доверяла ему всё больше. А однажды проболталась о своей великой тайне – дневнике. Спохватилась и взяла слово – никому! Он, конечно, поклялся, хотя и недоумевал.

Сам Игорь не только не вёл никаких дневников, но почти никогда ничего не записывал. Из книг серии ЖЗЛ (читал в огромном количестве под лозунгом Маяковского «Делать жизнь с кого») знал – у всех великих были свои системы записей, архив и всё такое. Но побороть себя не мог.

В детстве отец заставлял писать не реже раза в неделю письма старшему брату, учившемуся в Москве. Брат, – убеждал папа, – это друг, дарованный природой. А с другом надо общаться, и раз далеко, то письменно. Но что и как писать Игорь не знал – не на бытовые же темы! – отчаянно мучился и перо возненавидел. Спасали только многочисленные изобретения, носившиеся в его голове под влиянием фантастики. Даже чертежи приводил, что значительно увеличивало объём писаний. Со временем острота отвращения прошла, но к бумаге обращался в самых крайних случаях. Нет худа без добра – развил память. Хотя и понимал доведенную папой народную мудрость – самая худая бумага лучше самой доброй памяти.

А вот Юта вела! С детских лет. Однажды даже засмеялась:

– Мы с тобой чудная пара! Ты – читатель, я – писатель. Может, когда-нибудь поменяемся?

– Ну, если я читатель, так дай же почитать!

– Ну да! Сейчас!

Она остро ощущала состояние временности и неопределённости, и дневник её был полон тревог и ожиданий.

Но её дневник – отдельная песня.

Дневники чрезвычайно интересное, неоценимое и почти всегда неоценённое самодеятельное творчество. Когда автор не претендует. Не воображает себя ни писателем, ни даже графоманом. Пишет для себя и только для себя. Любая оглядка на возможных читателей, даже на потомков, тут же возбудит внутреннего цензора и превратит писания не то, чтобы совсем уж в неправду, но в отбор событий наверняка. А самая страшная ложь – правда, но не вся.

Собственно, не так ли и художественное произведение? Если

писатель не свободен, если знает, что должен написать, а то ещё и как … Но и самозабвенный художник всё-таки, пусть даже в далёкой глубине, на какого-то читателя рассчитывает. Уж не на самого ли себя? В формулу (марксовского типа – «деньги – товар – деньги со штрихом») «писатель – произведение – читатель» неплохо бы ввести, как минимум, равенство крайних членов. Ещё бы со штрихом! Да где же его взять? Вот и выходит, что лучший читатель – сам автор. А тогда он и лучший писатель, ибо не на кого ему оглядываться. Как в дневнике.

Андрей Тарковский назвал свои дневники «Мартиролог». Как перечень пережитых страданий и гонений. И хотя ощущается некоторая оглядка на будущего читателя, основная функция реализована – время запечатлено. Время вокруг себя, текущее совершенно индивидуально, и в тоже время всеобщее. Даже в сухих записях приходов и расходов иногда разворачиваются такие сюжеты – куда там детективам!

Дневник – вот реализм, граничащий с ничуть не постыдным натурализмом! Поскольку автор и читатель в одном лице, доверие между ними почти полное, разве что слово какое-то не то написалось. И ещё вклинивается ненаписанное – то ли гонимое из мыслей, то ли просто оставленное без внимания – всё же не напишешь. Но тогда написанное – отбор, всегда отдающий пусть и небольшой, но всё же ложью.

Юта не просто писала для себя. Дневник был её сердечным другом и собеседником, которому жаловалась, поверяла свои тайны и даже приносила извинения, если долго с ним не разговаривала. Глубинно женское – одушевлять всё, к чему прикасаешься. А разве поэзия не то же?

Страхи, что кто-то прочтет, превратились просто в фобию. Где она только не прятала. Чуть ли не в камере хранения, как Корейко миллионы. Путала мнимого злосчастного читателя – меняла имена, себя объявляла «подругой Деей», а совсем интимные места шифровала выученным наизусть и уничтоженным цифровым кодом. Но не писать не могла. Когда в её жизнь вошёл Игорь, казалось, что эта страсть поутихнет, появилось надёжное плечо. Нет! Страсть только

усилилась – боялась потерять его мысли, слова и… себя.

Очень неохотно, спустя несколько лет, и только окончательно доверившись, поддалась его настойчивым уговорам и разрешила читать. Единственному.

– Но почему, Юта? Это же страшно интересно и для меня, и для друзей, а может быть, и для всех!

– Только через мой труп! Вот после моей жизни… И то если не уничтожу, как Гоголь, свою не мёртвую душу.

– Ты не доверяешь читателю. Нехорошо.

– Какому ещё читателю? Я сама читатель и больше моему дневнику никто не нужен. Кому я могу доверить себя?! Никогда и никому. Ну, тебе можно… Я и так всю себя тебе доверила. И то – ты ревнивый.

– Юта! К прошлому, при сбывшемся настоящем, не ревнуют. Кроме того, я же в твоей непорочности там, в графском лесу, убедился лично.

– Ну, это дело ты бы вряд ли кому доверил…

Игорь читал не отрываясь, восторженно, с умилением и улыбкой. И ещё, и ещё влюблялся в это необыкновенное существо.

Ну, вот, например. Девочке около четырнадцати *(здесь и далее стиль, пунктуация и орфография сохранены в первозданном виде).*

«Олег внешне не привлекательный, но очень симпатичный. И даже похож немного на негра. Красивый чуб и нос негритянский. Он не выходит у меня из головы. Вот что-то такое тянет меня к нему. Всё время думаю о нём. Он стоит у меня в глазах.

Но у меня ужасная черта характера подобно герою романа Пушкина «Евгению Онегину». Полюблю и быстро разлюблю. Но это бывает, когда любовь с первого взгляда, а эта (если это любовь) явилась не сразу, а постепенно, что и указывает на большую прочность.

Просто не дождусь катка. Кажется, я мечтаю о нём. Мечты, мечты! Где ваша сладость? Где вечная к ней рифма младость?»

Господи, в кого она только не влюблялась! Поразительно, с такой влюбчивостью и темпераментом и сохранила невинность

до двадцати с лишним! Для него!

А вот нам уже пятнадцать. Пошли выписки из прочитанного. Интересно, интересно.

Круг чтения… Стояли или, лучше, наступили как раз те времена, которые потом назовут «оттепелью», имея в виду сталинские морозы. Не то, чтобы соцреализм сильно поколебался, но немного потеснился. Зажатые тисками подцензурной советской литературы, писатели накинулись на переводы. Образовалось целое и мощное течение – иностранная литература. Даже журнал под таким названием появился. И хлынуло! Доставали и читали, читали и доставали. Книжки журналов переходили из рук в руки и зачитывались до самой нечитаемости. Хемингуэй! Сомерсет Моэм! Ремарк!

Читает и наша девочка. Не забывая русскую классику. Но интересует, прежде всего, самое заветное…

«Из Питера Абрахамса, «Тропою грома».

«Любовь сильна. Сильнее, чем даже ненависть. Только любовью можно победить ненависть, больше нечем. Ненависть умеет лишь разрушать. Поэтому любовь сильнее. Она созидает. Человек жив только любовью. Она открывает ему глаза и даёт силу бороться». (Сумасшедший Сэм).

«А ведь это и есть любовь, когда так свыкаешься с человеком, что у тебя с ним и общие интересы, и общие вкусы, и общие друзья. И когда всему этому приходит конец, – то это больно». (Илия).

Из Тургенева, «Ася».

«– А скажите-ка мне, – спросил я Гагина: дело меж нами пошло на откровенность, – неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей?

– Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек – или живописный пастух в горном ущелье».

Из Мулка Раджа Ананда, «Два листка и бутон».

«Мужчина и женщина могут быть спутниками и в жизни и в смерти, хотя, конечно знают, что не только в смертный час,

который каждому приходится встречать в одиночестве, но и в жизни люди ходят, предоставленные самим себе, если только не существуют между ними взаимоотношения настоящей обоюдной любви» (Гангу).

У меня будет такая любовь! Только Он должен быть необыкновенным!».

Из Жан-Жака Руссо, «Юлия или Новая Элоиза», любимая книга её девичества.

«Быть может, я и обманываюсь, но, по-моему, нет на свете уз целомудреннее, чем узы истинной любви. Только любовь, только её божественный огонь может очистить наши природные наклонности, сосредоточивая все помыслы на любимом предмете. Любовь оберегает нас от соблазнов и делает так, что существо другого пола, кроме единственного любимого существа, вообще не имеет для нас значения. Для обыкновенной женщины всякий мужчина есть мужчина; для той же, сердце которой познало любовь, кроме её возлюбленного, мужчин не существует».

Ага, а вот это уже серьёзно. Беспощадный трагизм жизни… Девушке шестнадцать.

«В субботу вечером, во время сеанса, в кинотеатре «Октябрь», прямо на головы зрителей упал потолок и крыша. Невозможно описать, что там было. Очень много людей убило насмерть. Многих сильно искалечило. В зале были заняты все места и приставные. Всего около 600 человек.

Из тех, кого я знаю убило: Татьяну Александровну – учительницу младших классов, врача Мельникову. Её узнали по косе и по кольцу – лица не было. На похоронах она была закрыта. Татьяна Александровна не была изуродована, ей попало чуть выше брови, но всё равно лицо сильно опухло, узнать невозможно.

От школы было 6 венков, в том числе и от нашего класса. Делала в основном я с помощью девочек.

Очень искалечены папа и мама Беллы. У мамы сотрясение мозга, но ей сейчас лучше.

У Васи Дукина убило маму. У папы Нели Фридман сломана

рука, 5 рёбер и выбита челюсть. Врачи сказали: «Если сердце крепкое, выживет».

Лиду Иванову и Лёню Ведасова выбросило наружу. Спаслись чудом. Рядом с Лидой убило мальчика, а её тоже сильно стукнуло, но внешних повреждений нет, только болит спина.

Спаслись те, кто сидел на крайних местах. А в центре только человеческое месиво осталось.

На похоронах по городу машины шли с обычной скоростью, медленно не разрешили. По кладбищу всех несли на руках. Крику, стонов, слёз было ужасно. Скорая помощь с кладбища не уезжала».

«Приехал Николай Андреевич. Сирота и беспризорник, когда-то жил у нас и называл мою маму мамой. Но я его помню не только по маминым рассказам. Сейчас живёт в Ленинграде. Его вызвали в прокуратуру, т. к. он был начальником строительства кинотеатра. Он дал показания и ему сказали, что он может быть свободным пока. Но вечером пришли 2 дядьки и попросили его пройтись с ними и ответить на несколько вопросов. Они ушли в семь а вернулся он в одиннадцать (вот и несколько вопросов!).

Сегодня было какое-то совещание в Горкоме, постановили: исключить из партии и отдать под суд его и инженера. Я первый раз в жизни видела, как плачет мужчина. Да! Он плачет. А я ушла и реву.

Но он не виноват. Он сам говорит: «Вот я чувствую, что я не виноват, что совесть моя чиста. А по улицам ходить не могу, мне стыдно смотреть людям в глаза». Это не потому, что он виноват, а такой у него характер.

Ладно, потом допишу – слёзы задушили».

Тесен мир! Именно это обрушение Игорь включил в курс лекций по эксплуатационной надёжности конструкций, как классический пример проектных ошибок.

А жизнь Николая Андреевича была довольно сильно покорёжена, но не сломлена. На предложение секретаря парткома «положить партбилет на стол», ответил категорическим отказом, проявив знание устава партии – исключить может только парт-

организация, на учёте которой состоит. А это уже связываться с Ленинградом, где Николай Андреевич был на хорошем счету. Ленинград, после зубодробительного, но тщательного, с привлечением экспертов, разбирательства, всё же ограничился строгим выговором с занесением. Так что под суд Николай Андреевич отдан не был – в нашей стране партийных не судят.

Но избежать обширного инфаркта Николай Андреевич не смог.

А по-настоящему был оправдан уже много лет спустя. И то только в технической литературе.

А вот и шифр! Нам восемнадцать. Каждая буква обозначена числом... Ну, это ерунда.

«Витьке придётся отдаться? Ни за что! Но я же люблю его? Такой красивый и уже лейтенант. Вот буду женой командира дивизии… А как предложение делал! С цветами.

Мама говорит, что лучше мне мужа не сыскать. Но муж же это постоянно?! На каждый день…»

Когда Игорь показал ей расшифровку, она не столько поразилась, сколько испугалась и смотрела на него, как на чёрного колдуна.

– Но я же шифр сожгла! И никому не говорила… Как это? Я говорила во сне?

– Ну, что ты, умница! Любой шифр раскрывается, нужны только время и достаточно текста. Шумерская клинопись, например. Правда, не без других письмён и артефактов. А Кнорозов даже иероглифы майя расшифровал через сотни лет и без единой подсказки с их стороны. Представляешь? Вымерли, как мамонты, а ребусы оставили. Хорошо хоть много. У некоторых бывших народов так пока и не расшифровали – слишком мало материала. А твой шифр самый простенький, делать нечего вообще. В следующий раз надумаешь скрываться, попроси меня. Такие методы дам – сама не расшифруешь.

В школе, да ещё и в институте это была его любимая игра. Ему шифровали, извращаясь как могли. Употребляли самые редкие гласные русского алфавита: «Рыбы были быстры и дымчаты…». И даже: «Глокая куздра бодланула бокра и курдячит бокрёнка». Но, как пра-

вило, расшифровывал. Отличная школа русского языка!

Дневник её все растёт и распухает. Начиняется вырезками из газет, фотографиями и письмами и даже засушенной флорой. Хорошо хоть не фауной. Хотя нет, комары попадаются.

К «серебряной» свадьбе, подводя «предварительные итоги», она записала в многотомной уже – куда там тому Толстому! – рукописи: «*Женщина может простить мужчине, наверное, всё что угодно. Может быть даже измену. Хотя вряд ли. Лично я – ни за что! Но скуки жизни не простит. Только, веселье у каждого своё. Всякие были времена, но скучать Ига не давал никогда*».

ДИАЛОГИ

Есть ещё на белом свете тёмные девичьи глаза, глядящие из самой глубины удивлённо и как бы со стороны. Но внимательно, как смотрят интересный спектакль из другой, немного диковинной, жизни. Когда у персонажей вроде бы всё есть, а чего-то и не хватает. И любовь у них какая-то больная да так и не выздоравливающая.

Что же прячется в глубинах чёрных дыр зрачков? Какая такая тайна? Всю жизнь и разгадываешь. И не разгадаешь. Разве что почувствуешь что-то, от чего и сердце сожмётся, и душа расширится на ближайший Космос, а то и на всю Вселенную.

«В твои глаза не то чтоб заглянуть, в твои глаза глядеться долго-долго…»

Ты вглядываешься, вглядываешься и вдруг такой, казалось бы, безмятежно-непроницаемый зрачок метнётся куда-то в сторону и вглубь, задвигается, задвигается, как будто никогда уже и остановиться не сможет.

«И вдруг в них что-то тёмное вспугнуть…»

Как это, что это – никак понять так и не сможешь. А спросить – так и нет ответа. Как спрашивал Гоголь у несущейся куда-то Руси – и что? Нет ответа.

«Я разглядел подавленный порок? Я виделся с твоей нечистой силой?»

Ищешь, ищешь разгадку и уже понимаешь – а не дай Бог и найти. А вдруг там ничего и не окажется? А вдруг в зеркалах души только твоё отражение и есть?

Нет, нет. А если и отражение, то преломлённое так, что себя не узнаешь.

Все женщины смотрят… Но именно так может смотреть

только твоя Женщина. Потому что твоя Женщина, как и Родина, единственная.

Женщина и Родина… Так продал тарасобульбовский Андрий веру и отечество? Нас на бабу променял?

Кстати, «продал» для Тараса синоним «предал». Для его оппонента, инородца Янкиля, человека такого другого сознания, что и непонятно на одном ли они языке разговаривают, да и вообще на одной ли Земле живут, разница очевидна: «*Я же не говорю этого, чтобы он продал что; я сказал только, что он перешёл к ним*».

Но при всём при том, слово это предполагает приобретение чего-то взамен. Что же приобрёл Андрий? Богатство? Власть? Славу? Да, ну! Женщину! И более того – Любовь! Сильную и взаимную. Которая заменила веру и отечество, друзей и товарищей, и даже отца с братом. За которую, с тихим именем прекрасной полячки на устах, безропотно принял страшную смерть. Пусть и не с гордо поднятой головой.

Вспомнил, вспомнил Тарас, не чувственной памятью своею, а седою головою, что «*велика власть слабой женщины, что многих сильных погубляла она, что податлива с этой стороны природа Андрия…*».

А не у всех ли она податлива, кому вложилось это чудное умение – любить?

Нет, упаси Господи призывать продавать Родину за что бы там ни было, за любые блага, даже за самоё жизнь, но поступок Андрия уж больно примечателен.

Слава Богу те жестокие былинные времена уже канули и можно без особой опаски наслаждаться тем, как твоя Женщина смотрит на тебя.

…Юта – и когда ещё была Аней, и много позже – так восхитительно смотрела на Игоря, что он даже и себя забывал. Не то, чтобы уж совсем, но длить хотелось вечно. А когда уже пространство и время глаза отводили, взгляд всё равно оставался. И грел.

Да, собственно, на всё она смотрела как-то особенно. *Настоящей* она считала только собственную жизнь, а окружающие за-

нимались какой-то странной и непонятной игрой, то красивой, то противной, а иногда смешной и страшной. И тёмные глаза её старались ничего не пропустить.

Из густых смешанных, но с вечнозелёной сердцевиной, лесов той самой первоначальной России, попав на городской студенческий праздник жизни, она осматривалась и осваивалась, не делая не то, чтобы резких, а почти и никаких движений. Она ждала. Бурлящие вокруг страсти и веселье были прелюдией к жизни настоящей, не такой, какую знала *до* и переживала *сейчас*. Как, чем и кем будет жить, не представляла, но не так. Неясная необычность будущего уже выделяла её, но она не искала. Должно было что-то прийти.

Парни её примечали, но не задерживались, не чувствуя лёгкости, готовности, а то и просто интереса. До длительной осады, при быстротечности студенческой жизни, дело не доходило. Сексуальная революция проходила где-то далеко на диком Западе и доносилась совершенно невероятными отголосками, в которые и поверить было почти невозможно. Но и без всяких революций женское общежитие, несмотря на ограниченный доступ мальчиков и вообще посторонних – только до двадцати двух тридцати! – всё-таки гудело. И на её глазах.

Признанные герои-любовники фыркали – что ей нужно? Что она из себя строит? Но не трогали. И в компанию звали. С кем-то она даже ходила.

Было такое значение глагола для влюблённых, не отмеченное в толковых словарях. Основные способы ухаживания – свидания и долгие, а то и до утра, гуляния. Вот и *ходили*. Категориями кафе и ресторанов даже относительно зажиточное студенчество (в основном домашнее) не мыслило. Не тот был, говоря по-нынешнему, менталитет. Но её *хождения* были короткими, ничем не заканчивались, да и не запоминались. Даже целоваться не хотела, и не позволяла. Она как бы примеряла существующие одежды жизни, но эти были не её – ни по форме, ни по размерам. Она ждала.

«Жизнь – без начала и конца», отмечал Александр Блок, правда, по другому поводу, и добавлял: *«Нас всех подстерегает случай»*. И

хотя к ожиданиям примешивалась тревога – когда же? – всё-таки верила – будет! И чтобы обязательно была явная *«ясность божьего лица»*. Но и *«стирать случайные черты»* она не собиралась.

Большей частью они гуляли по закоулкам, вдали от центра, открывая всё новые примечательности. В городе хватало незастроенных прямоугольно-линейными пятиэтажками пустырей, всяких территорий отчуждения и не слишком ухоженной растительности. Иногда выходили за неопределённую городскую черту, на его любимый равнинный простор. Выросшая в лесу, она называла ему деревья и кусты и не могла привыкнуть к бескрайней, но бедной и голой, на её взгляд, степи. Игорь рассказывал о Диком Поле, о разбойничьем племени руссов, сгинувших где-то на Пиренеях, но оставивших нам своё имя, о битве князя Игоря с половцами, гремевшей мечами и щитами с тучами стрел, где-то тут, может быть на этом самом месте. Показывал обрывки созвездий, увы, светившиеся только звёздами первых величин. Остальные угадывались по чертежам его пальца в небе, за которым Юта отчаянно крутила головой. А ещё рассказывал мифы об Орионе и Кассиопее.

– Ига, а когда ты мне всё расскажешь, о чём будем говорить? Я тебе вроде уже рассказала всё, что знаю…

– Если всё расскажу, значит остановился. Тогда бросай меня немедленно! На кой тебе чёрт живой труп?

Но понимала – не остановится.

Игорь с охотой и гордостью представлял её своим друзьям. Знакомых и приятелей было много, но собственно друзьями – настоящими! – были только Витя Чикин и Лёня Новокотов. Лёня, после придирчивого, но, как ему казалось, незаметного осмотра Юты, заявил, что у него свои представления о красоте, но Юта понравилась. Чикин, положив Игорю руку на плечо, был краток и весóм: «Да!». И широко улыбнулся.

На сей раз, они заехали старым рабочим трамваем с ещё вручную открывающимися деревянными дверцами за металлургический завод, к парующим градирням, курящимся разноцвет-

ными дымами мартеновским трубам и шуршащей раскалёнными сбросами из огромных ковшей шлаковой горе. Бродили по одноэтажному посёлку, отделённому от заводского забора непроницаемо-чёрной узкой водной артерией, в просторечии Канавкой, в пустых глинистых берегах.

Сады вокруг домиков уверенно набирали цветную силу. Воздух, хоть и пыльный и загазованный, пропитывался восхитительно-возбуждающим запахом весны. Абрикосы уже пик цветения прошли и даже понемногу осыпались, зато вишня буйствовала вовсю. Сорвав Юте ветку, усыпанную восторженно раскрывшимися цветками, Игорь нацелился на тюльпаны за невысоким забором, но был решительно остановлен. По её мнению хозяевам это вряд ли понравится.

– Да кто ж их спрашивать будет! И зачем им так много? Цветов не убудет, а нам в радость и красоту. Смотри, как ты похорошела от этих крохотных белых лепестков. А от красных голландских громадин, представляешь?

– Но не таким способом добытых. Совершай свои подвиги как-нибудь без меня. Посмотри лучше на те два облачка. Правда, плывут под ручку? Как думаешь, у них любовь или дружба?

– Если сольются в экстазе – любовь. Но, кажется, каждое идёт своей дорогой. Вместе. Значит дружба.

– Ига! А расскажи о своих друзьях. Ведь они должны стать и моими.

– Очень надеюсь. Но всё не так просто… Друзья не просто люди, которые тебе приятны, на которых можно положиться, и так далее. Это конечно, это обязательно…

Они зашли на какую-то улочку, похожую на тупик, но он был уверен, что выход есть. Действительно, среди зелени скрывался довольно крутой изгиб дороги к речке, открывший новую перспективу.

«Но там поворот по спирали назад…»

– Прежде всего, Юта, дружба – процесс. Друг необходим в движении. Вперёд! По жизни, по науке, по искусству, по всему. А если не движешься, остановился, никакой дружбы и нет. Так,

воспоминания… А помнишь, как мы в седьмом классе урок сорвали? А помнишь, как Багратионычу кнопку подложили? Ну, повспоминали, ну греет… Есть какая-то история… А говорить-то не о чем.

– Да… Недаром самая крепкая дружба в школе. Все движутся, всё развивается…

– И очень интенсивно. Но у большинства темп падает и останавливаются где-то на десятом классе или первых курсах института. Потом – эх, когда мы были молодыми!

– Но остаётся ещё теплота отношений. И что-то в жизни случается. Нужно же с кем-то обсудить, кому-то поверить свои горести и радости. Не все живут наукой и искусством.

– Ты права, даже не знаешь как. Тоскуют люди, лишённые настоящей любви и дружбы, ох, тоскуют. Помню один случай из рабочей своей юности. Как-то, ещё до института, вернулся из зимнего похода по Ветреному Поясу, там, на севере, под Архангельском. И пригласили на телевидение – рассказать. В форме беседы. Был вопрос о дружбе. Ну, сказал. Утром, на заводе, бригадир на меня как-то странно смотрит. А после смены, изрядно подвыпив, чуть не плача, говорит: «Как ты правильно сказал, как правильно…». «А что я сказал?». «Ну, вот это – жизнь без друга, как песня без слов!». А что, симпатично я выразился, с учётом моих тогдашних девятнадцати. Но, скорее всего, где-то вычитал. Поговорили мы с ним «за жизнь», «за любовь», «за дружбу», так я чуть не заплакал. Мужик оказался далеко не простой. Да и есть ли так называемые «простые люди»? Даже амёба под микроскопом не такая уж одноклеточная. И юность у него была, и мечты… Кстати, и разметчик толковый, хоть и пил. Я у него многому научился – и делать шаблоны для разметки деталей, и керном набивать.

Собутыльников у бригадира было много. Во всяком случае, находились всегда. А вот друзей… Где ж их возьмёшь, если не на чем развернуться? Вот и остаются, Юта, никчемные разговоры, выяснения отношений, да тоскливые праздники с возлияниями и драками… Нет, я не против застолий, даже наоборот. Немного подогретый парами тонус раскрепощает, делает общение ярким

и часто умным. Но на поле общеинтересного, волнующего, заставляющего интенсивно мыслить и действовать. То есть идей – судьбы человечества, литература, политика, философия, спорт, наконец. И если не пересказ газет или телевизора, а проникновение в глубину, демонстрация собственного понимания событий и явлений – тогда общение! Тогда спор! А какие открытия случаются! Тогда и дружба.

– Так что ж, Ига, дружба только для интеллектуалов? Да ещё высоких? А что же остаётся остальным?

– Не так уж и мало… Жизнь изменяется и движется. Как-то надо приспосабливаться, устраиваться. Люди нервничают, переживают. Вместе легче… Совет дадут… Мы же живём в стране Советов… Знаешь, не будем слишком уж категоричны. Скажем так, – у них своя дружба, у нас – своя. Как писал Гитлер на воротах концлагеря: «Каждому своё». И, слава Богу, своё получил.

– И не смешиваться?

– Ну, почему же… У Земли два полюса, но на них почему-то никто не живёт. Все между. Кто-то ближе, кто-то дальше… Кроме того, есть временные союзы. Так сказать, по интересам. Например, Толик Писаренко, я тебя знакомил, громадный такой, солидный, как директор гастронома. Старостой у нас. Я его очень уважаю. Надёжный, заботливый… Сколько мы с ним походов прошли, в скольких переделках бывали! Ни разу не подвёл. И в походах дружим. В борьбе с трудностями. И тут мы в замечательных отношениях. Но… Мне не интересны его детективы, а «Войну и мир» Толик и в школе не читал. И сопромат его интересует только в плане сдачи экзаменов. Здесь, в этом мире, ни я ничего дать Писаренке не могу – не возьмёт, не сможет, да и не захочет, ни Писаренко мне. А стоять на бегу я не умею. Сюрпляс не по мне.

– Ну, хорошо. Но вечное движение – это бег наперегонки? А если ты всех обгонишь?

– Тогда – одиночество… Угрюмая перспектива… Думаю мне не грозит. Мои друзья, если и отстанут, то догонят и перегонят. Как социализм капитализм.

– Витя – да. А насчёт Лёни не уверена. Какой-то слабый, несмотря на мышцы.

– Юта! Тебе что, Лёня не нравится?!

– Да, нет… Почему же… Но он завистливый. И всё время борется с тобой за лидерство. По-моему, не всегда честно.

– Кто, Леня? Да ты что! Как это нечестно? Очень даже. Это мне ему завидовать надо! Если бы не он, я бы о литературоведении даже и не подозревал. Да ты знаешь, какой Леня!? Знаешь, какие разговоры мы ведём? Особенно на речке. Вот я тебе расскажу.

В броуновском движении людских частиц, какие-то закономерности наверняка есть, но изнутри обнаружить чрезвычайно сложно. Встречаешься, сталкиваешься, расходишься, всё кажется в данный момент необыкновенно важным – и как не бывало. Но изредка, очень редко, всего-то несколько раз в жизни, сцепляешься с чьей-то судьбой – и надолго. А то и до конца.

Первое впечатление обманчиво.

Игорь часто встречал в узком ДПСовском коридоре этого темноволосого, кареглазого, чуть ниже среднего роста парня с весьма развитой мускулатурой – Лёня довольно серьёзно занимался спортивной гимнастикой. И в общежитии резвился – стоял и ходил на руках, а иногда даже делал заднее сальто. Особого интеллекта – может быть в связи с рельефными бугорчатыми мышцами – на лице не обнаруживалось. Интересно, что и у Лёньки об Игоре составилось примерно такое же впечатление – длинный, да ещё блондин, руками машет, в походке явные следы перенесённого рахита, вечно улыбается. В общем, никаких оснований для общения не было.

Однажды, когда утренняя гроза уже затихла и стёкла, изборождённые причудливыми вертикалями, посветлели и заискрились, выходя из умывальника с безопасной бритвой наперевес, Игорь глянул в окно и непроизвольно вполголоса прочёл:

По лужам облака проходят косяком,
И радостные радуги плывут под каблуком…

– Не «радостные», а «павлиньи». Неточное цитирование ис-

кажает стихи и унижает поэта, – голос культуриста оказался мягким баритоном.

– Я же не на публике… И, по-моему, усилил… Разве что лишняя стопа… Постой, постой, ты что, знаешь Арсения Тарковского?!

– Я-то само собой. А вот от тебя не ожидал. Стихи тебе, извините, как корове седло.

– А почему, собственно?

– Стихи откладывают отпечаток на выражение лица. Облагораживают. Во взоре, понимаешь, во взоре. Вот как у меня – улыбка задумчиво блуждает, а во взгляде трагизм жизни…

– А в кулаках её утверждение? Что-то у тебя мышцы не слишком поэтические. Не штангу ли ты часом по ночам тягаешь, вместо любования луной?

– Хорошо тебе, ты от природы здоровый, как караван-сарай. А нам и подкачаться не грех. Ладно, пойдём, у меня новый сборник Арсения Александровича. Только что достал. Стихи – закачаешься!

Вот так начали переплетаться их жизни и судьбы, несмотря на выявившуюся уже в очень скором времени разницу, а то и противоположность, характеров.

Лёня считал себя поэтом. Со школы или даже с детского садика, когда интеллигентные и достаточно зажиточные родители ставили на стульчик с декламацией чуть ли не «Медальонов» Игоря Северянина. Гости качали головами – надо же! А первый стихотворный лепет был с восторгом воспринят и раздут.

Собственно, это были почти все сведения о детстве друга. Не любил Лёня вспоминать ни себя, ни родителей, ни даже природу вокруг родного степного городка. И в стихах детство никак не отразилось. Что-то у него там не сложилось. То ли родители не перенесли трудный возраст сыночка, то ли первая любовь была не слишком удачная, то ли вообще отношения с окружающим миром не задались, но на розовый период жизни было наложено табу. Жаль. Человек без детства, что старик без молодости. «Как дерево без корней» уж слишком сильная метафора, но всё-таки, всё-таки…

А, между прочим, воспоминания других слушать любил с каким-то угрюмым и даже нездоровым любопытством.

Стихи писал в тетрадь – иначе может не получиться книга стихов. Сборник Лёню явно не устраивал:

– Сборник, Игорь, случайный набор настроений, объединенный только личностью автора. А книга должна иметь сквозной сюжет. То есть каждое стихотворение может читаться отдельно, как самостоятельное законченное произведение. И в тоже время должно являться частью общего. Завязки, кульминации, развязки. То есть работать на *Замысел*. И только в таком контексте – отдельной книги, а то и всего творчества, а то и всей поэзии, – может быть по-настоящему прочитано.

Как-то Лёня на где-то раздобытом «Ундервуде» начала века с мелкими круглыми клавишами с металлическим ободком, скверно отпечатал стихи. И дал посмотреть «глазками». Впервые осозналась разница между чтением и восприятием на слух, когда голос автора завораживает. Стихи оказались сложно сочинёнными. То есть несколько придуманными. В ту пору Игорь ещё не слишком разбирался в поэзии, но отсутствие глубоких чувств ощущал. Грубая желтоватая бумага почти разрушила устоявшееся впечатление – интеллектуальность, философичность и хороший русский язык.

В юности, влюбившись – и навсегда! – в Тютчева, Игорь как-то прочитал Хомякова, знаменитого при жизни поэта-любомудра. Его философские стихи, как и политические стихотворения Тютчева, особого впечатления не произвели. Правда, Хомяков, отдадим ему должное, в конце жизни в каком-то письме признался, что это его стихи философские. У Тютчева – настоящие.

Короче говоря, Лёнины стихи проверку «на глаз» не то, чтобы не прошли, но сильные сомнения вызвали. Конечно, ничего такого сказано не было, наоборот, были выражены приличествующие соображения и восторг. Но Лёня почувствовал, сжался и стал поглядывать довольно зло. Их дружба впервые подверглась суровому испытанию, но интеллект, оптимизм и острая взаимная необходимость ситуацию преодолели. В конце концов, молча уговорились стихи не обсуждать.

Как много нужно, чтобы *стать* поэтом! Способности, запал,

но, прежде всего, огромный труд сердца и ума. Труд, от которого видоизменяется не только душа, но, кажется, и тело. *Вообразить* значительно легче. Достаточно научиться рифмовать и иметь какие-то мысли. Лёня умел и имел. А как разбирал! Сразу становилось ясно, что так никто и никогда не писал. Знал, знал, Лёня что нужно в классном стихе. И восхищал рукотворной аллитерацией: «На древнем древе дрозд рубил лезгинку…».

А ещё Лёнька был борец с пошлостью. Если народ что-то любит или считает, значит, всё наоборот. Над кроватью повесил небольшой, но достаточно заметный лозунг «Футбол – опиум для народа!», за что был болельщиками едва не бит. Но не убрал.

Именно на Лёнькином примере, Игорь пришёл к выводу о коварной двуликости пошлости – «всё как у всех» и «всё не как у всех».

– Пусть так, – согласился новатор, – я выбираю второе.

– Лёньчик, а не проще быть самим собой?

И тут последовало кредо.

– Поэту нужен скандал! Как сказал Есенин Пастернаку: «Скандаль! А то так и проживёшь всю жизнь пастернаком!»

– И ты полагаешь…

– …что Сергей Александрович совершенно прав!

– Это в чём же?

– Игорь, ты же не станешь отрицать, что по популярности…

– Не стану! Как и то, что Есенин, а я люблю этого поэта, всё-таки не Пастернак. Популярность не мерило значимости. Иначе Михаил Исаковский, «Катюшу» которого распевает весь народ и я, между прочим, куда выше их обоих.

– Поэты, Игорь, бывают разные…

– Знаешь, мне это напоминает выражение одной дамочки не слишком тяжёлого поведения.

– Интересно, интересно. Поделись. Я не знал, что ты уже и фольклор собираешь в этих кругах, а не только…

– Это ты чего хочешь сказать?

– Ничего, ничего, Игорёк. Я не корысти ради, а токмо волею посетившего мя юмора. Так что она сказала?

– «Мужчины бывают разные – хорошие и заразные».

– Аргумент! И всё-таки популярность штука неплохая.

Да, им обоим плохо удавались жизненные устремления. Лёня хотел выделяться из толпы и не мог, а Игорь с детства мечтал быть как все и тоже не преуспел.

Но что все эти черты характера, которые так любят выписывать писатели, создавая образ, когда Лёнька был умён! Если под умом понимать потрясающие и распирающие знания. Что делать с ними – вопрос другой, но интересно же!

Именно Новокотов приобщил Игоря к литературоведению, открыв потрясающий мир понимания Слова.

Если что-то получилось в жизни, в сторону прошлого боишься дышать. Господи, а что если бы не было Лёни? Не стал бы писать? Или, что значительно хуже, состоялся бы ещё один полуграмотный писатель?

Сколько было упоительных разговоров и споров и на ходу, и у костра, возле отдыхающей под деревом перевёрнутой байдарки! Когда уже устроен лагерь и в палатке ждут ватные спальники с деревянными застёжками – клевантами, как называл их Лёня. Когда съедена до последней молекулы супокаша, иногда даже с наркомовским глотком спирта. Они ответственно относились к выбору места для ночной стоянки, предпочитая высокий берег с речным бризом, относящим дым и комаров. Даже если спуск к реке был затруднён.

Между кронами сияли звёзды и межзвёздная тьма, замедляя время и приобщая к вечности. Между рогатинами, над набравшим жар костром, кипел беспрерывный котелок и, попивая чай с дымком (ах, именно с дымком!), нельзя было не обсуждать самые жгучие проблемы жизни, науки, литературы... Как они любили извивы устного общения, которые и проследить почти невозможно. Которые не назначишь, не запланируешь, даже не загадаешь… Которые *случаются*, когда настроения созвучны, когда всем сердцем хочется говорить, доверять, спорить…

* * *

– А что, Лёня, если звёзды зажигаются, это действительно кому-нибудь нужно?

– А то! Нам с тобой, над нашей речкой, уж никак без них не обойтись. Это в городе, где ночью и неба-то нет… А здесь, представляешь, вдруг бы не зажглись! Тьма, тоска… И никакой Вселенной.

– Скажи, полное ощущение, что мы в центре Мира. Что всё стоит или движется вокруг нас. А может быть, и по нашему желанию.

– Правильно, Игорь, правильно! И к чёрту все космологические модели. То Вселенная расширяется, то сжимается, то вообще пульсирует, а человеку места нет. Куда нас физика с астрономией поместила? На какую-то третью планету от Солнца? Солнечную систему на край Галактики? А ту, в свою очередь, на самую периферию Вселенной? Как каких-то бедных родственников из деревни Костогрызовка. Не желаю! Я центр мира! И от меня отсчёт времени.

– Лёня, давай вернём древнегреческую картину мира, а? Помнишь у Шекспира: «*Взгляни, как небосвод Весь выложен кружками золотыми…*».

– «Венецианский купец»?

– Угу. Выложены на чём? Правильно, на тверди. Что ж мы, не видим эту твердь? Какая там ещё плотность материи!

– А как думаешь, Игорёк, уютно грекам было жить в своём мире? Не ощущали они себя песчинками в космосе, как мы?

– Ни в коем случае! А насчёт уюта и говорить нечего. Представь – Солнце, Луна, звёзды прочно прикреплены к своим сферам. На Землю никак упасть не могут. Каждая сфера размерено вращается вокруг древнего грека, можно даже предсказать движение. Сфер там, кажется, было десять.

– Это, Игорёк, только по началу. Аристотель, если не ошибаюсь, довёл до пятидесяти четырёх. И что же – великий перипатетик ошибался? Да ни в жисть!

– И вот лежит себе древний грек на берегу своего греческого моря-океяна в самом центре мира и наблюдает, и наблюдает... А сферы не спеша звёзды поворачивают, поворачивают… Хорошо!

Помнишь у Тарковского: «*Рабочий ангел купол повернул…*».

– И главное – при движении сферы издавали совершенные гармоничные, хотя и почти неслышимые душе в грешном земном теле, звуки – музыку сфер. Лежишь себе и балдеешь. А теперь? Не только сферы, даже эфир отменили. Вот и получили какофонию вместо музыки, как говорил товарищ Жданов. Или Сталин. А скорее всего вместе.

– Греки, Лёня, как учил нас Карл Маркс, есть детство человечества. А мы, понимаешь, от него отказываемся. Давай полежим у нашего вечернего костерка и может услышим эти божественные звуки? Я, например, сегодня чист и просветлён, как жертвенный агнец.

– Услышим, обязательно услышим. И подпоём что-нибудь из бардов. Но прежде, для полной стерильности, давай всё-таки окунёмся. В святые воды нашей речки. Слышишь, плещется – ждёт.

* * *

– Понимаешь, Игорёк, способы эпического изложения ограничены. В принципе, если на то пошло, их всего два. Прежде всего, повествование от первого лица. Что значит – позиции, лучше сказать *интенции*, героя и автора совпадают.

– Не всегда, Лёня, не всегда. А как быть с монологами Зощенко? Неужели мы рассказчика из «Пассажира» с его «Вы старушечка, божий одуванчик, не пихайтесь», отождествим с автором? Михал Михалыч, говорят, был человеком горячим, офицер, как ни как, мог бы и по сусалам…

– Но это же сатира!

– А причём здесь? Ты же говоришь о литературном приёме. Знаешь, Лёня, я недавно одну книжечку историческую пролистал, так там о подвигах Александра Македонского рассказывает, ты не поверишь, сам Александр Македонский. Книжечка похожа на пародию на русскую литературу, но никак не на сатиру. Так что стоит различать, когда автор и рассказчик одно лицо, что бывает разве в мемуарах, и когда автор поручает рассказ персонажу. Литература прежде всего игра. И правила в ней диктует автор.

– Игра… Вся наша жизнь – игра. Но в литературе, Игорь, ставки уж очень велики. Больше, чем жизнь.

– И не только писателя, но и читателя. Ещё недавно, а может быть и сейчас, за чтение некоторых книг можно было поплатиться.

– Хорошо, но обсудим это как-нибудь в другой раз. Итак, пусть будет в первом лице два «Я». Я о другом...

– Там вообще-то не два, а столько, сколько авторов… Скажем, «Я» Юрия Казакова совсем не «Я» Юрия Трифонова. Но понимаю – ты хочешь формализовать приём.

– Да. Второй, а может быть, даже первый, метод повествования – от третьего лица. Когда есть место и для автора, и для героев. Согласись, и степень объективации, и простор изложения значительно выше. При «Я» автор ограничен восприятием героя и последовательностью действий. Или вынужден ударяться в воспоминания.

– Вот, вот, вот, Леня! Время! Первое лицо может находиться где угодно. Хоть в гробу – как у Эльзы Триоле в «Великом никогда». Но течение времени должно быть синхронно для всех персонажей. Даже если герой спускается в прошлое. Или фантазирует. Хотя и эту условность можно нарушить… Но сохранять видимость правдоподобия, а читатель не может не соотносить описание со своим жизненным и литературным опытом, обязан.

– И «Я» ограничивает мысли и чувства других персонажей. Не могу же я знать, что он думает. Вот и приходится: «Иван Иванович хитро на меня посмотрел и сказал…».

– Зато можно высказать собственные ощущения в самой экспрессивной форме. Отсюда «исповедальная проза». Нет, это дело вкуса, или, если хочешь, стиля. А вот в третьем лице для одних время можно сжать, для других растянуть. В каких-то пределах, разумеется. То есть, не строго синхронизировать, понимаешь?

– Кроме того, Игорь, можно глядеть на действия героев со своего времени. Классический роман от третьего лица позволяет видения и знания автора и его героев совмещать чуть ли не на одной странице – и ничего. Никакой путаницы. А при «Я» точка

зрения только одна… Но я вот о чём… Выбор формы изложения за автором или диктуется замыслом?

– Трудно сказать… Думаю, форма приходит вместе с замыслом. Кому как… А скорее всего, писатель об этом не думает. Для него возможен единственный вариант, его и выбирает. По себе.

– Пожалуй… Не то, чтобы мне не нравилось «Я», но ближе всё-таки третье лицо. Может я зануда в глубине души?

– И не только в глубине, Лёня. Твои зеркала души так и сверкают карей тоской. Но не будем отвлекаться. И в третьем лице возможны два случая. В классическом варианте у героя имя. *«Левин не переставал чувствовать этот страх за своё незнание»*. Но тут интересно другое – а кто такой автор? С какой стати он излагает мысли и чувства героев?

– Так он вроде ни у кого не спрашивает…

– Да, но доверять мы ему должны. И тут тоже два случая. Или автор дух повествования, как говорил Томас Манн – невесом и вездесущ, или одно из действующих лиц.

– Вы как-то странно выражаетесь, Игорь Александрович. Получается, что автор творит свой мир и одновременно в нём живёт?

– А почему бы нет, Лёня? Автор, что, кому-то что-то должен? Постой, знаешь, тут меня одна мысль давно волновала. Насчёт Гоголя…

– Кого? Да разве о нём за полторы сотни лет не всё сказано?

– Это как вас понимать, Леонид Семёнович? Что не с моим рылом в калашный ряд? Я читатель и имею право на своё прочтение художественного текста. А кому не нравится…

– Ну извини, извини, забыл с кем имею дело. Так что за мысль?

– Вот смотри… Несмотря на невероятное впечатление от «Мёртвых душ», Гоголя сразу же стали обвинять в отсутствии положительных героев. А это в нашей литературе почти приговор. Как же без него, родимого, сеять разумное, доброе, вечное…

– Но, по-моему, и сам Гоголь так считал. Во втором томе обещал из Чичикова что-то такое сделать…

– Вот, вот! Стереотип мышления захватил даже самого Великого Новатора. А ведь положительный герой лежал, что называ-

ется, на самом видном месте. Это сам Гоголь! Или, точнее, автор. Ибо если мы автора считаем за персонаж, то знак равенства следует ставить с огромной осторожностью.

– Погоди, погоди, Игорь… Но герой должен действовать как действующее лицо. А что там делает Гоголь?

– Автор. Действует нисколько не скрываясь. Кто написал «Чуден Днепр…»? Чичиков, что ли? Гоголь вполне мог вложить эту великолепную лирическую миниатюру в уста уставшего от трудов праведных комбинатора, прилёгшего на бережку. Нет, это пишет сам автор. А вот рассуждения о доставшихся автору героях, которых, как мы понимаем, не он выбирает. Кто это рассуждает? Может Манилов?

– И что же отсюда следует?

– А то, Лёнечка, что откровенно приглашая нас в соавторы, Гоголь заставляет нас смотреть на своих героев его глазами. Глазами исключительно положительного героя. Вот где разумное, доброе, вечное! И по-моему, Гоголь первый, хотя не ручаюсь. Не всё читал. У Пушкина мелькает личное местоимение… Помнишь *«Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить....»*. Кто «мы»? Но это эпизод… И вообще «Евгений Онегин» отдельный разговор…

– Помнится, в школе мы учили, что положительным героем у Гоголя является русский народ…

– Ну, это даже не натяжка, а просто какая-то чужеродная вставка. Если там народ и есть то только в репликах типа «… доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» Весьма положительный образ… Пусть лучше ищут народ у Толстого. Там народ во всей красе…

– Неожиданно, Игорь, неожиданно… И замечательно. Прямо литературоведческое сочинение на тему: «Роль автора в прозе Гоголя». Это тебя Лотман научил так читать? А с Лотманом тебя, между прочим, познакомил я.

– Это уже сочинение на тему «Роль Новокотова в становлении личности Раманова».

– Но вернёмся к нашим баранам. Так что делать? Скрываться в тексте или выходить на первый план?

– Это зависит от автора. Если бы я писал, то рассказчиком сделал бы героя. Того времени, о котором ведётся рассказ. А сам, как сегодняшний автор, наблюдал бы, покачивал головой, а может быть даже и восхищался.

– Ты вряд ли будешь писать.

– Что вдруг? Я, Лёнечка, практически все буквы знаю, отчего же мне не писать?

– Шибко ты умный. А поэзия, как говаривал Александр Сергеевич, должна быть глуповата.

– Ну, ну, Лёня! Лукавство Пушкина ещё надо толковать. И не вырывать из контекста творчества и судьбы. Но даже если воспринимать буквально, не значит же, что писатель должен быть идиотом! Помнишь у Пристли в «31 июня»? «*Наша профессия не для дураков…*». Правда, там о волшебниках… А разве писатель не волшебник?

– Но не забывай об идущей следом фразе: «*Вот почему в ней наблюдается регресс вместо прогресса*».

– А это уже предостережение. От глуповатостей. Что такое ум, я точно не знаю, но помешать не может. Даже в поэзии. Своё, или вернее наше, «Горе от ума» я ещё не написал, но с Грибоедовым обязательно посоветуюсь. На текущий момент – а, Лёня? оцени бюрократический оборот! – горе не столько от образования, вон сколько с ромбиками на груди ходит, как с орденами, сколько от информации, ум заменяющей.

– Я имел в виду, что у тебя научный склад ума. Логика превалирует. Всё бы тебе анализировать да по полочкам раскладывать. А искусство, прежде всего, чувство.

– Но которое нужно выражать словами, красками, нотами… Балетными па…

– Конечно. Но диктует всё-таки чувство. И, как у Пастернака, «*…на сцену шлёт раба*»...

– И тут, Лёня «*кончается искусство*»…

– Но «*дышит почва и судьба*». Можно привести и противоположные примеры. И всё-таки записывать мысли, знаешь…

– Это вы, Леонид Семёнович, всё от зависти. Что ж я, потвоему, чурбан бесчувственный? Кто измерит глубину пережи-

ваний? Плачу же я над Анной Карениной… Если я, как воспитанный человек, стараюсь не проявлять эмоции, не значит же… Впрочем, может ты и прав… Но я буду работать над собой. И назло тебе стану гармоничным человеком. Писать мне пока не хочется. Я в науку хочу. Но вот читать…

* * *

– Так что тебя, Игорёк, в сопромате не устраивает? Стройная такая наука, на всё формулы имеет. Лично меня не устраивает только название.

– Чего, чего?

– Сопротивление материалов. Сопротивление чему? Есть же химические воздействия, физические и всякие другие. Что же, материал им не сопротивляется? Это как наглое название – Соединённые Штаты Америки.

– Они-то чем тебе не угодили?

– Но Америки целых два континента, пусть и считаются за один. А американцы только они. Остальные канадцы, там, мексиканцы...

– Оригинально, Лёня. Но есть же ещё история. Когда давали названия, была несколько иная геополитическая ситуация. По-моему, никаких других государств там не было. И сопромат складывался как сопротивление материала силовым воздействиям. Потом все поняли что к чему и сократили до трёх слогов.

– Ну, Бог с ним, с названием. Так что ты хочешь сказать?

– Как всегда не устраивают постулаты. Особенно основной – гипотеза сплошности. Ну, как так, во второй половине двадцатого века, когда уже и атом раздолбали, мы всё ещё полагаем, что материал равномерно, с одинаковыми свойствами, заполняет объём конструкции? Материаловедение уже давно оперирует – и использует! – и атомарные построения, и дефекты кристаллической решётки. А сопромат – ни гу-гу. Никаких атомов нет, никак они не взаимодействуют, а есть какая-то сплошность.

– Но, Игорь, атомные построения – это же другой уровень. Физика твёрдого тела. Читай Ландау «Теория упругости».

– Я читал. Очень интересно. Но что это мне, как инженеру,

даёт? Считать-то я всё равно должен по сопромату.

– Ну, когда-нибудь… Дойдёт физика и до нас грешных.

– Ой ли? Знаешь, где здесь собака зарыта? В ещё одном самом главном постулате – понятии «*напряжение*», *σ*. Что значит *σ*? Часть силы *F*, приходящаяся на единицу площади *A*. Килограмм, хотя килограмм – не сила, на, скажем, сантиметр квадратный – $\sigma = F/A$. Значит, чем меньше единица площади, тем точнее описание. Ну, давай перейдём к квадратным ангстрёмам. Куда сила попадёт? То-то. И вообще, напряжение – условная величина! Никаких напряжений в природе нет!

– А что же есть?

– Только сила и деформация. То, что мы можем увидеть, пощупать, измерить и описать. Вот ими и должен оперировать сопромат. Тем более, что их физическую природу мы можем проследить на самом, что ни на есть, атомном уровне. Ну, сейчас у меня времени нет, надо звёзды смотреть, но вернусь и начну создавать новый сопромат. На других постулатах.

– Вот почему, Игорёк, таких, как ты, надо убивать в детстве, как советовал Остап Бендер, из рогатки. Чтоб не портили людям жизнь, когда вырастут. Только одолеешь один сопромат, как какой-нибудь Раманов откроет новый. И, конечно же, куда более сложный.

Был этот свет глубокой тьмой окутан,
Да будет свет! – и вот явился Ньютон.
Но чёрт не долго ждал реванша,
Пришёл Эйнштейн – стало всё как раньше.

– Не волнуйся, Лёнечка, к тому времени ты уже перейдёшь в профессиональные поэты и будешь свысока похихикивать над нами, несчастными технарями.

* * *

– Ты веришь в любовь?

– Гм… Как-то я не мыслил об этом чувстве в плане веры… Уж не намекаешь ли ты, что в плавание следует брать девочек? Две

недели без женского общества ты полагаешь слишком?

– Грубый ты, Лёня. И приземлённый. Под такими яркими и невинными звёздами. Не стыдно?

– Уже повсюду рву на себе волосы. Но что ты спрашиваешь? В широком смысле Любовь и Вера – синонимы.

– Ну, я не с большой буквы, хотя любовь с маленькой не бывает. Я о любви к женщине. Где физиология, а где нечто высшее? В конце концов, человек избрал для любви ночь. Днём надо делом заниматься. Но ночью мало что видно. И всё же нам далеко не всё равно.

– Но, Игорь, остаётся масса других ощущений. Запах, например. Всегда неповторимый. Осязание кожи, волос... Нет, Игорь, тут не только и не столько физиология, сколько биология, в буквальном смысле – наука о жизни. Здесь и прогноз полноценного потомства, но это и у животных, и соотношение душ.

– То есть очеловечивание инстинкта продолжения рода. А одушевление и есть любовь. Но я не об этом. Я о единственной женщине. Может ли это быть? Как говорится – по гроб жизни. И как быть с гаремами, с любимыми жёнами, когда есть и другие, с наложницами.

– А это уже культура одушевления. Мы с тобой, несмотря на прилежно изучаемый научный атеизм, всё-таки воспитаны в христианской православной традиции – единственного брака, то есть единственной любви. Верный этой традиции, друг всех молодожёнов, товарищ Сталин, по-христиански даже разводы и аборты запретил, как нарушение морального кодекса строителя коммунизма. В исламе другие правила игры. Но и там, по-видимому, любовь существует. Читай арабскую поэзию. Хотя для нас – дикость. Правда, если вдуматься… Разве у нас девять десятых мужчин, если не больше, не имеют любовниц? Со всякими выслеживаниями, дикими сценами ревности и даже убийствами… У мусульман института любовниц в принципе нет. Влюбился, деньги есть, содержать можешь – женись себе сколько угодно. И живи спокойненько. Если сможешь, конечно.

– А как же быть женщинам, Лёня? Если и у них деньги есть?

Нельзя? Это что, отрицание даже возможности равенства? Нет, Лёня, этот путь нам не подходит. Но сейчас разговор не об этом. Жёны, любовницы – всё едино, только формы разные. Любовь человеку дана? Та самая, единственная.

– Не знаю, не уверен… Для высших взлётов духа талант нужен. И культура. Как ты передашь силу чувств? Все что-то чувствуют… У одних сила есть, у других хватает только на короткий роман или интрижку. Да и не каждому дано найти свою половину. Особенно в городе. Без, так сказать, лирической природы. В спешке и суете. И что делать? Особенно женщине? Годы идут… Семьи нет… Приходится искать какой-то компромисс. Строить жизнь на разуме. Подгонять чувства к суровой действительности.

– Но вот, Лёня, любовь пришла. «Они полюбили друг друга и поженились». А что дальше? Человек меняется в течение жизни. Как нас учит диалектика – скачкообразно, с переходом количества в качество. И вот в одно прекрасное или не очень утро обнаруживают, что они уже совсем не те. А что же любовь?

– Тут, Игорь, масса вариантов. Если повезёт – снова влюбятся. Но значительно чаще, насколько я знаю, нет. Ну, там, привычка, дети, квартирный вопрос… А лучше по-честному – разойтись. Жить с нелюбимым человеком – домашняя проституция.

– Но вот «повезёт»… Не заложено ли это в первоначальной силе любви? Они же меняются вместе… Отчего же не меняться в нужную сторону? Или от них не зависит…

– Ну… Они же не Адам и Ева, не только райскими яблоками питаются. Да и те змия встретили, как ты наверно заметил, поразному… Знаешь, Игорь, такие разговоры небезопасны.

– То есть?

– Помнишь сказочку Оскара Уайльда о сороконожке? Нет? Сороконожку спросили: как она ходит. Ну, это просто, сказала сороконожка. Сначала переставляю первую, пятую, седьмую… Нет, сначала вторую, десятую, двадцатую… Нет, сначала седьмую… И больше не смогла сделать ни шагу. Так что не всё следует анализировать и раскладывать по полочкам. А то и шагу не ступишь…

– Умолкаю, Лёня. Напугал до душевной дрожи. Но какой-то итог всё же подведём?

– Давай по Окуджаве – любить, что будет сил!

* * *

– Литературоведение должно стать наукой!

– Да, Лёня, этот тезис Лотмана неоспорим. Но наука предполагает методологию, которую сам же Лотман и нарушает. Где аксиоматика? Где правила игры? Где, в конце концов, натуральный ряд чисел литературоведения?

– Ты понимаешь, что такое *гуманитарная* наука?

– Нет, не понимаю. В чём, собственно, разница? Литература для литературоведа то же, что природа для физика. И, стало быть, для исследований ему необходимо определить предмет и цель, средства – приборы и инструменты, пусть и теоретические, – язык, переводящий натуру в исследуемую модель. Наука есть наука!

– Очень содержательное утверждение, Игорь Александрович. А физика есть физика. А литература есть литература.

– А литературоведение есть наука. Знаешь чего мне не хватало у Лотмана? Во-первых связи с другими искусствами и науками. Почему анализ живописи, музыки, архитектуры почти всегда сопряжён с литературными источниками? Прежде всего с поэзией. Ну да, читают-то все. А что сама поэзия? Поэт же тоже слышит и видит. И отражает в стихах. Если Есенин «*…весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне*», то как же не связать с Петровым-Водкиным?

– Откуда ты знаешь, что не связали? Ты что – всё читал?

– Увы, Лёня, увы. Но я имел в виду «Анализ поэтического текста». Ладно, Бог с ними, со связями. Главное в другом – практически нет математики. Ну да, синтагматическая ось, парадигматическая… Но это скорее наукообразная иллюстрация. Анализ, гениальный анализ, всё равно проходит в рамках литературного контекста. А помешал бы анализ симметрии поэтических текстов? Почему не проследить горизонтальную симметрию, заданную метром и его нарушениями? Вертикальную, определяемую

рифмами и их отсутствием. А что, золотое сечение в поэзии не действует? Только в живописи и архитектуре? А ряд Фибоначчи?

– Ты слишком многого хочешь. Где же гуманитарий получит математическое образование? И сможет ли совместить? Бросай, Игорёк, свой дурацкий сопромат и займись. Создашь математическое литературоведение. Только нужно ли оно будет кому-нибудь? Если гуманитарии не знают математики, а технари не читают Лотмана?

– А что ты думаешь, может быть и займусь. Так ли уж нельзя объять необъятное? Были же Леонардо, Альбрехт Дюрер, энциклопедисты… И ты ошибаешься, Лёня, технари читают. Мы, например, с тобой – не такие уж исключения. И как это гуманитарии не знают математики? Школу-то они заканчивали? Бином Ньютона проходили? Никто же их не заставляет заниматься дифференциальными уравнениями.

– Проходить-то проходили, да что толку. Как говорится, черпали воду решетом. А ты сам помнишь, что ли, бином?

– И не только. Даже теорему Пифагора могу доказать. Но дело не в формулах и построениях. Математика создаёт мышление и главный его инструмент – язык. Где язык литературоведения? Почему математические или физические построения могут быть изложены только на собственном специальном языке, непонятном непосвящённому? И, кстати, вне этого языка несуществующими. А что же словесность? Болтовня?

– В том-то и дело, Игорёк! Природа человеческого языка не имеет…

– «Улица корчится безъязыкая…»

– …и наука его создаёт для изложения собственных построений. Отсюда формулы. А литературовед вынужден излагать свои мысли на языке самого произведения. То есть быть одновременно и писателем и учёным. Произведение на тему произведения. Вот в чём сложность. И прелесть. Да, если исключить несложную терминологию, которую нужно просто выучить, нормальный русский язык. А многие ли сумеют прочесть хотя бы тот же «Анализ поэтического текста», я уж не говорю о «Структурах»?

Согласись, это куда сложнее математики.

– Такие попытки были и в науке, Лёня. Роберт Гук излагал законы на английском языке, отрицая формулы как бесовское наваждение.

– И что? Ты читал эти формулировки? Даже зная суть, понять ничего невозможно. И мы недаром связываем эти законы с именем Ньютона, давшим чёткую физико-математическую форму.

– Да что же, я формулы отрицаю, что ли? Но между ними всё же обычные слова. В научном языке определяются понятия. Тебя устраивают существующие дефиниции сюжета, фабулы, композиции? И что же, так и будем интуитивно понимать красоту, гармонию, впечатление? Научный язык стремится к однозначности, не допуская толкований. А художественный – совсем наоборот…

– Эк ты борешься со словом! «Научный язык стремится…». Со словом, Игорь Александрович, нужно дружить.

– Дружба не отрицает борьбы. Скорее, даже наоборот – предполагает. Представь себе: я во всём с тобой согласен. И безоговорочно признаю твоё лидерство, к которому ты так стремишься. И что?

– Пожалуй… Скука…

– И никакой дружбы. Разве что времяпровождение… Как при чтении: если ты победил автора – тебе всё ясно, разочарование. Автор тебя – не понял, угнетение. А вот если победили оба – проигравших нет, высокое наслаждение.

– Согласен. Дружба – движение вперёд с помощью друг друга. И тут не без зуботычин…

Да, были разговоры, были. И есть! И круг интересов ох, как широк – математика, физика, биология, история, искусство и искусствоведение… Их интересует буквально всё. Даже парапсихология.

Как-то Лёнька раздобыл затрёпанную книжку тридцатых годов с оторванным автором «Внушение на расстоянии», и они чуть ли не всё плавание с мистическим трепетом обсуждали проблемы телепатии. Даже ставили опыты. Безуспешно. Видимо не смогли преодолеть страшный сумбур в своих головах.

И сопромат, и конструктивная форма… И, конечно же, лите-

ратура! Прежде всего, поэзия. И, конечно же, жгучая для них в ту пору и неисчерпаемая тема – любовь!

Из дневника Юты. «*Скажи мне кто твой друг… Я рада за Игу, да и за себя, что у нас есть Чикин. Пусть Витя и относится ко мне немного снисходительно. Скорее, даже с небольшой ревностью. Мы с ним как бы одного класса. Ига и Лёня повыше – с детства много читали. Но Витя собирается, кажется, наверстать упущенное. Да только возможно ли? Что-то надо прочесть именно в детстве. Ну, хотя бы сказки. Теперь если и прочтёшь – как надеть белоснежный школьный передник. Может и красиво, да на улицу не выйдешь. Засмеют.*

Какие они разные! Витя ладный, хоть и среднего роста. Спортивный. Идёт – приятно посмотреть. Руками машет в меру, не то что Ига, голова поднята, как будто смотрит и видит далеко. Но и под ногами тоже – не спотыкается. Ига часто сутулится, а всё равно ни одного камня не пропустит. Интересно, всем хорош Витя, но я бы его никогда не полюбила. Почему? Может быть, потому, что у меня есть Ига и больше мне никто не нужен? Или Витя не мой тип мужчины? А что это значит? Что-то на уровне подсознания, которому Ига придаёт большое значение?

Ига с восторгом дружит и с Витей, и с Лёней. Но между собой они, кажется, не очень-то дружны. Скорее, через Игу. Надо осторожненько убедить Игу не слишком часто их сводить. А то ещё поругаются и Иге придётся брать чью-то сторону…»

В ПОИСКАХ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

Студенты с нетерпением ждут каникул – и летних, и зимних – не просто как заслуженный отдых, не так-то уж и устают, говоря по правде, но как долгожданную перемену – для глаз, для мыслей, для тела. Ну, неестественно же, в конце концов, засадить молодой здоровый организм на шесть-восемь, а то и больше, особенно перед экзаменом, часов в день за стол, согнув спину к книге или конспекту. Заставить смотреть не вдаль, что совершенно естественно, а на двадцать-тридцать сантиметров, детренируя гладкие мышцы зрачков. Постигать и запоминать формулы, определения, всякие последовательности, совершенно не нужные для добычи мяса, шкур, кореньев. На волю, в пампасы!

И лучше всего – с огромным абалаковским рюкзаком и палаткой-серебрянкой отправиться в степь, в тайгу, на речку. Уйти на таинственное чёрное озеро, затерянное со своими злыми и добрыми духами в самой глуши мироздания. А то и за три моря сходить – исторические примеры есть. Главное – как можно дальше от людей, цивилизации, книг, тетрадей. И профессоров. Хотя некоторые из них и сами не прочь уйти куда подальше.

И примет вас Природа, и откроет такие картины и тайны, что не повторятся никогда, но навечно уже будут с вами. И что-то такое сделается с вашей душой хорошее, но совершенно несказуемое, что вошли в воду какими-то такими, а вышли уже и другими. На других совершенно непохожими.

Хорошо!

Так что же, спрашивается, не высыпать на *лоно* не только студентам, но и всем нашим двумстам пятидесяти миллионам, включая грудных младенцев? А то и пяти миллиардам? И стать добрее, лучше, интересней. Задумчивее, наконец. С глазами, уже

что-то видящими и в себе.

Нет, не пойдут… Не разожгут костры из палого сушняка, не станут глядеть в смотрящие на них звёзды, не окунутся с тихим всплеском под пристальным взглядом полной луны в священные воды близлежащих рек, озёр, заливов, шхер…

А если и выйдут, то такая малая толика человечества, что ни в какую статистику не попадёт, разве что в погрешностях вычислений и затеряется.

Но почему, почему? Неужели всё дело в благах цивилизации? В пирогах, креслах, унитазах?

Конечно, природа не представляет привычных *удобств*. Да и идти надо по многу километров в кедах или тяжёлых ботинках с подкованными подошвами, плыть, карабкаться… За всё надо платить, но неужели плата так уж высока? Неужели полежать на спине на травке, брезенте или спальнике и остаться наедине с реликтовым светом межзвёздного неба, звёздами и созвездиями, видимыми до самой последней величины, не стоит усталости, мозолей или облупившегося носа? Неужели шашлык на даче вкуснее макарон с тушёнкою, поджаренного в живом огне на конце прутика зачерствевшего куска хлеба, заваренной в котелке душицы со сгущенным молоком?

Нет, только этим не объяснишь.

Природа, как известно, сфинкс и общается далеко не с каждым. Нет, она, как и вторая природа – искусство, не терпит и не допускает никакого неравенства – смотри, слушай, осязай. Неповторимые картины, запахи, звуки открыты абсолютно всем.

Но вот тут-то и загвоздка.

Да, природа не терпит неравенства, но ещё более не терпит равенства, как математического знака. Перед одними и теми же, доступными всем, картинами, текстами, мелодиями человек совершенно индивидуален. И чем больше всматривается, вчитывается, вслушивается, тем более *отдельным* становится. А значит, видит, чувствует, мыслит не так как все. А быть в обществе со всеми его трафаретами, обычаями, клише и в то же время быть отдельным от него нелёгкая роль и далеко не каждому по плечу. Ох, как тяжело осознавать, что ты один шагаешь в ногу, а осталь-

ные нет. Не лучше ли остаться в городе со всеми? Или, в крайнем случае, устроить пикник в посадке со всё теми же шашлыками на древесном угле. А в отпуск достать путёвку на курорт, в дом отдыха или, на худой конец, в профилакторий. И со всеми вместе плескаться в ласковом море, прогретом до тридцати шести и шести десятых, принимать солнечные ванны с кремами от и для загара, а вечером попивать на террасе ресторана сухое винцо или чего-нибудь покрепче. А преферанс по две копейки вист?

Нет. Не о них речь. Пусть себе наслаждаются реальной жизнью, которая проходит мимо них. И говорить о них как-то не хочется – они сами говорят без остановки.

Лучше поговорить о «неисправимых романтиках», как «по-доброму», а иногда и нет, отзываются в толпе. О тех, кто едет «*…за мечтами, За туманом и за запахом тайги…*», и прельщается совсем другой нереальной реальностью – картинами, создаваемыми Природой или Художником только для них, единственных. Пусть первозданность, с её Хаосом и интуитивно улавливаемым Космосом, хоть слегка просветлит забитую формулами голову с основательно выгоревшей шевелюрой.

И душу.

А иначе как же читать стихи и прозу? Пропуская художественные особенности, что ли?

…Юта, выросшая в лесу и ходившая в школу за семь километров по глухим тропинкам, не совсем понимала добровольность трудной, сопряжённой с немалыми лишениями и даже риском, походной жизни. Но в рассказах Игоря было столько яркости, неповторимых впечатлений и человеческих отношений, что она уже жила в них и даже мечтала – со страхом – когда-нибудь отправится с ним далеко-далеко…

Этот поход, рассказывал Игорь, вымечтывали весь учебный год и по книгам, и по картам, и обсуждали уже в деталях со всех сторон. Но собственных средств забраться так далеко на восток не собрать ни в жизнь, даже в расчёте на охоту и товарный вагон. Студенческий профком! Вот кто их частенько выручал, но по ме-

лочам. В основном на однодневные походы. Здесь требовалась сумма покрупнее. Но чтобы «выбить» деньги, нужна цель путешествия. Солидная и красивая. Чтобы отказать не было никакой возможности. А просто на отдых не дадут, в крайнем случае, путёвку на два-три дня в профилакторий…

И вдруг Чикин с Сашкой Нильчевским выдали – Тунгусский метеорит! Тайна-то до сих пор не разрешена. Только добраться до эпицентра взрыва, даже если бы студенческий профком выдал все свои запасы, удалось бы вряд ли. Вертолёты, спецснаряжение, согласования…

И была разработана сногсшибательная теория. Метеорит взорвался высоко над землей и осколки разнеслись на тысячи километров, а в центре, конечно же, ничего. Не там ищут, поэтому и не находят! К пояснительной записке были даже приложены расчёты и схема с наиболее вероятной траекторией, упирающейся в вожделенные Саяны.

И сдался профком! Триста пятьдесят рублей! По скрупулёзным подсчётам Начальника больше трети требуемой суммы.

Долгожданный поход по глухой сибирской тайге как-то не заладился с самого начала. То тропа пропадала средь бела дня, то мох рос не с той стороны, то Полярная звезда меняла ориентацию… А один раз даже солнечные часы остановились. Но – главное – не было единства. Разнороден был коллектив. Идея походов, как и всякое турбулентное движение, затягивает, если и не в центр, то по периферии, всякие посторонности потом в центр и попадающие. Единство времени и места, готовность переносить немалые трудности сплачивают людей? Миф! Объединяют, даже разъединяя, интеллект и интеллигентность. Или их отсутствие.

Игорь много и долго, если не всю жизнь, размышлял об интеллигентности и интеллигентах. Чёрт знает и откуда что берётся!

Книги? Условие совершенно необходимое, но недостаточное. Советский Союз, как известно, самая читающая страна мира. И что же? А почти что и ничего.

Впрочем, нет. Это *тогда* так казалось. Ныне, когда чтение

постепенно отходит куда-то в сторону и вниз, кажется уже, что времена были очень даже интеллектуальные. А, может быть, так оно и было? Во всяком случае…

Бог ты мой! Как читали! Вся страна, в очках и без очков, дома и в трамвае, на улицах и даже на работе не отрывала глаз от печатных строчек. Как прорвало. И откуда писатели взялись? С семнадцатого года их давили-давили, сажали-сажали… Казалось соцреализм все эти производственно-социалистические сказки победил окончательно и безоговорочно и до конца дней читать не перечитать павленковское «Счастье» и набираться «Мужества» Веры Кетлинской. Или метить в «Кавалеры золотой звезды» Бабаевского. А в лучшем случае, вместе с «Человеком-амфибией» Беляева бороться с бесчеловечной алчностью проклятого капитализма или плыть на Гриновских «Алых парусах» в славный город Зурбаган.

Как вдруг… Сначала, кажется, явился красавец Анатолий Гладилин с «Хроникой времён Виктора Подгурского» и незабвенной «Бригантиной, подымающей паруса». Тут же Аксёнов с «Коллегами», «Звёздным билетом», «Апельсинами из Марокко»… Вдруг совершенно советский, знакомый ещё по «Студентам», Юрий Трифонов разразился «Отблеском костра». А «Один день Ивана Денисовича» Солженицына?

А потом, уже с новой и настоящей русской прозой, пришёл Константин Георгиевич Паустовский с таким современным названием – «Время больших ожиданий». И давнишняя «Мещёрская сторона» показалась вдруг совершенно новой. Вот она, любовь к Родине, без лозунгов и идеологических выкладок!

А потом Юрий Казаков… Боже, ещё в пятьдесят четвёртом угадать, прозреть, что Россия вновь «На полустанке».

А потом…

А этот совершенно неожиданный взрыв поэзии? Евтушенко, Вознесенский… «Треугольную грушу» читали? Нет?! Да вы что! А «Озу»?

Эх, да что говорить! И романа не хватит вспоминать. Какие были литературные годы! Неужели всё это безвозвратно уходит

и на тумбочке останется один телевизор?

И всё-таки только книги интеллигентом не делают.

Происхождение? Как ни как, но язык и первые отношения с миром там, в детстве…

Из девятерых, согнувшихся под сорокакилограммовыми рюкзаками, только двое были из по-советски благополучных интеллигентных семей. Новокотов – отец директор какого-то градообразующего предприятия в небольшом городке, мать – переводчик с испанского. И Сашка Нильчевский – из ответственных работников, четырёхкомнатная квартира в центре города с импортной мебелью. Посещение Сашки всегда сопровождалось обильной кормёжкой – вы ешьте, ешьте, Игорь, не стесняйтесь. Так что визиты приходилось ограничивать – неудобно как-то.

Остальные были из разной степени нищеты.

Нет, интеллигентность в наших условиях что-то, воля ваша, непонятное. Разбираясь, Михаил Анчаров, хороший писатель, приводит определение какого-то украинского кинорежиссёра – не Довженко ли? – «интеллигентность – высшее образование сердца». Крепко сказано! Особенно, если учесть, что корень обозначения прослойки – «интеллект». То есть ум. Умное сердце – а? Да ещё и с высшим образованием…

Да вот беда. Никто дураком себя не считает, а насчёт образования сердца и говорить не приходится. Так что слова режиссёра только истинному интеллигенту и понятны. Для внутреннего, так сказать, употребления. А причастность к сообществу определяется внешней средой. По принципу – «свой – чужой».

Скорее всего, следует остановиться на обозначении советского человека, имеющего какое-то образование.

И всё-таки есть, есть что-то в этом слове ласкающее ухо и вызывающее зависть и злобу.

Но прелесть советской власти в полной иллюзии демократии и равенства. Во всяком случае, в студенческой среде. Нет основы расслоения – социального или имущественного неравенства. Да и дальше жизнь расставляет по служебной иерархии и личными достижениями не по родовой принадлежности. Другими словами интеллигентность

не передаётся, как титул, по наследству. Но завоёвывается.

Коммунистическая партия, правда, создаёт свою «элиту», с проверенной КГБ родословной, с закрытыми распределителями, баньками, «полянами» с шашлычками и хорошо очищенной водочкой, но при этом не закрывает наглухо вход. Молодость по большей части рвётся что-то сделать, отмечаемое обществом, стремится остаться в истории, творящейся на глазах.

Себя Игорь тоже относил к «из интеллигентов». Хотя родители были без образования, а мама вообще выучилась читать и писать самостоятельно, но книги читали и много. Несмотря на бедность, даже собралась библиотека этак в несколько сот томов, благо книги практически ничего не стоили, их надо было только «достать по случаю».

Папа учил правильно вести себя за столом, мечтая, что сын будет вращаться в «аристократическом обществе». Бедный отец! Он так и ушёл из жизни с несбывшейся мечтой. И не потому, что его мальчик «не соответствовал». Время пошло по совсем другому пути, не оставляя места утончённости ритуалов и отношений. Варвары, разрушив одряхлевшую цивилизацию, уже не чавкают и моются, но строят новый мир, в соответствии со своей агрессивной сущностью…А правила хорошего тона… Да существуют ли они? Это где-то там, в отвергнутом и разрушенном прошлом.

…Тот памятный инцидент произошёл на привале, на берегу прозрачного до черноты озерца, вдали от каких-либо примет цивилизации. Сосны обступили воду плотной стеной, но так, чтобы не промочить ноги. На узкой полосе сочной травки, заваленной давно раскрывшимися шишками, скинув с шумом рюкзаки с белёсыми разводами от пота и пав им на спину, отряд и расположился. Парни уже порядком заросли, штормовки потеряли свежесть. В движениях появилась расслабленность, способная к мгновенной реакции и точности движений. Обострились обоняние, зрение и слух. В общем, пришли в соответствие со средой.

Получив свою порцию холодной зайчатины с куском каши в

алюминиевой крышке от котелка, Игорь расположился верхом на громадном поваленном дереве и достал замечательный прибор – предмет прикладного юмора и зависти – складной нож, с отделяющимися лёгким сдвигом складными же вилкой и ложкой. Эх, хорошо, что ни говори! Что может быть вкуснее!

Командир Вася Азаренко, по кличке Начальник, возлежавший рядом в траве на левом боку на манер римского патриция, поглядывал на него, поглядывал и не выдержал.

– Игорь, ну скажи, здесь-то ты перед кем выпендриваешься? Живых людей мы ещё недели две не увидим. Перед нами, что ли?

– Василий, не прививай мне комплексы. Где это я выпендриваюсь? Ем себе, вроде никого не трогаю. Ты что?

– Я ничего, но зачем ты ешь ножом и вилкой? Да ещё мизинец оттопырил. Кто на тебя смотрит?

– Вот именно, Вася, не надо заглядывать мне в рот. Тебе не приходило в голову, что так просто удобно? Что я так привык-ши? Пусть это и наследие моего проклятого интеллигентского прошлого.

– Этого быть никак не может! Руками же проще и удобней. И помыть есть где. И если на то пошло, дичь только так и надо есть.

– Васисуалий, иди ты… и ешь руками. Я, обрати внимание, среди тебя культуру не насаждаю. Хоть мы здесь, в тайге, и играем в первобытных, но не до такой же степени! Может, ты и чавкать меня заставишь? Никто ж не слышит.

Подобные стычки вряд ли улучшали климат, но главное испытание, приведшее к окончательному расслоению, произошло уже во второй половине похода, ближе к концу.

Тяжёлая туча, зацепившаяся за отдалённые вершины гор, была делом обычным и не предвещала поначалу существенных осложнений. Ну, польёт-польёт, да перестанет. Ан нет! Лило пусть и не сорок дней, но дня три точно. И, судя по всему, не только в этой долине. Выглянув из палатки на четвёртое утро, народ обнаружил, что вековые ели, не слишком радостные и в солнечные дни, угрюмо стоят по колено в воде и явно готовятся к худшему.

Наводнение! Причём, вода прибывала довольно быстро. Лагерь

был свёрнут закалёнными борцами с дикой природой в считанные минуты, и началось поспешное бегство от наступавшей на пятки воды. Возвышенности и горы, до которых в ясную погоду было рукой подать, оказались далеко не близлежащими. Страха в условиях, требующих быстроты и реакции, ещё не было. Это чувство в случаях, когда надо действовать решительно, но не без оглядки, как правило, ретроспективное. Перспектива провести хотя бы и некоторое время в весьма прохладной и бурной водичке не улыбалась даже самым легкомысленным, на лицах читалась суровая озабоченность и осознание быстротекущего момента.

Что не помешало Новокотову, провалившись в яму с водой, как ему показалось, отрицательной температуры и, держась за причинное место, напевать любовную лирику Клячкина *«Что-то, что-то надо поберечь бы, А не сбережём, уж это точно…»*. На что Чикин, толстой веткой из болота таща бегемота, с риском свалиться самому, убедительно доказывал, что холод весьма полезен именно этому «что-то».

Где-то часам к трём пополудни они, наконец, выбрались на относительно безопасный каменистый островок размерами, как сравнил бы О. Генри, с носовой платок.

Посветлело. Вода, по-видимому, достигнув максимального запланированного для данного потопа уровня, перестала преследовать. Тайга, уже давно с любопытством наблюдавшая за невиданной, быть может, в этих краях борьбой человека со стихией, облегчённо вздохнула и принялась негромко обсуждать происшествие, восхищённо покачивая кронами.

Повалившись на рюкзаки и отдышавшись прямо в небо с несущимися обрывками бывших туч, стали осматриваться. Оказалось, что спаслись не только они. Прижимаясь к самой кромке и прижав уши, на них искоса поглядывали десятка полтора зайцев.

– Да, ребятки, выбор у них был небольшой… – Игорь ещё никогда не видел так близко и много диких зверёнышей.

– И заметь, Игорь, между двух смертельно опасных стихий они выбрали всё-таки людей. Вот что значит безошибочный инстинкт!

– Может быть, Лёня, они уже общались с дедушкой Мазаем?

А это уже не инстинкт, а положительный опыт.

– А что если они просто плавать не умеют? Научим? – деятельный Чикин сделал пару движений брассом.

И тут прогремел выстрел.

Торжествующий Старик, опершись на «тулку», высоко поднял за уши убитое животное.

Убить Старика на месте Нильчевскому помешали Начальник и Толик Бабенко, по кличке Злой.

– Вы что? На товарищей бросаться? Что я сделал?

– Ты… Ты… – Сашка задыхался от бессильной ярости. – Ты мне не товарищ! Ты… Ты хуже фашиста!

За ужином Игорь, Новокотов, Чикин и Нильчевский есть зайца отказались. Остальные ели, пожимая плечами.

– Всё равно на ужин добывать что-то надо было. Консервы что ли жрать, когда рядом дичь? Мы же охотники, в конце концов!

– Убийство – не охота. Так и мясника на скотобойне можно в охотники записать.

– А что, нет такой профессии? Или скот тоже перестанем резать? Запишемся в вегетарианцы и просветлеем душой?

Кандидатура Вани Лымаря, прозванного Стариком за некоторую разницу в возрасте, уже на стадии подготовки вызывала возражения. Уж больно был некультурен и в коротких отрывистых речах слишком часто обращался за образностью к нецензурной лексике. И хотя компания подбиралась мужская, это всё-таки смущало. До осознания интеллигенцией мата, как «составной части русского языка», было недалеко, творческая элита шестидесятых уже закладывала прочный фундамент неформального общения, но хотя бы девушки ещё не ошарашивали поминаниями «своими словами» интимных мест и действий.

Начальник, истинный народный демократ, бунт подавил легко, быстро и умело:

– А кто будет следить за боеспособностью нашего арсенала? Ты, Лёня? Или ты, Игорёк? То-то. А Ванька знаешь как с оружием обращается!

Что да, то да. Умел Старик и разобрать двустволку за считанные секунды, и смазать, и поправить, а на охоте элегантно носить на плече дулом вниз. Да что ружьё! Старик набивал патроны, отмеряя бездымный порох на глаз с точностью аптекарских весов! И войлочный пыж вырезал без примерок и с одного раза.

Что говорить! И Игорь, и Чикин, и Новокотов не только любили умелые действия, но и с большим почтением относились к мастерам.

Помнится, прошлым летом, проплывая на байдарке мимо пожилого рыбака, ставившего перемёт, так залюбовались, что чуть не наскочили на корягу.

– Вы только посмотрите – ни одного лишнего движения! А? – Чикин даже бросил грести.

– А какая пластика! Что там твоя Галина Уланова! Может мужичок прямо из ансамбля Моисеева?

– Пластика… Да… Нет, Лёня. Пластика здесь вторична и как следствие. Точность и целесообразность движений – вот что творит красоту.

– Пожалуй, Витя прав. Уланова должна думать о грациозности и производимом впечатлении. А рыбак даже не представляет, как он красив.

– Но удовольствие от своих действий получает.

– Как и мы.

Да, подкупал Старик своим мастерством. И товарищем оказался неплохим – охотно помогал и с удовольствием выпивал лишний глоток спирта, если кто отказывался. Нет, злости в нём не было никакой.

И вот, пожалуйста, – застрелить доверившегося нам, пусть и по необходимости, беспомощного зайца!

Наутро вода стала спадать, хотя и не так быстро как прибывала. Трава встала, ели вообще вели себя как ни в чём небывало. На освободившейся поверхности только промоины и зацепившиеся за кусты ветки напоминали о недавнем.

В походной цепочке Игорь с Лёней поотстали на допустимую в тайге дистанцию и без помех поминали безвинно убиенного зайца.

– А Старик не только не раскаивается, но ничего не может понять. Как же так, Лёня? А нравственный закон, который в нас? Или не у всех? Может, мы как-то не так представляем русский народ? Но с кого тогда писал Некрасов? Другие… От Тургенева до Паустовского и Казакова…

– Но Старик-то ничего этого не читал…

– Ну, знаешь! А дед Мазай читал? А Дерсу Узала? А поступали высоконравственно. Не имея никакого представления о культуре.

– Вот тут ты, Игорь, не прав. Дерсу исключительно культурен. И выписан Арсеньевым с такой любовью, что Фенимор Купер со своим Чингачгуком давно должен отдыхать на самой дальней полке! Только культура другая. Так, скажем, лесная. Или народная. С древними традициями и ритуалами. А у Старика никакой – ни нашей, ни народной. От дедушки – Мазая – ушёл, да никуда не пришёл.

– А куда и как ему идти? Мы же оказались бессильны что-либо объяснить. И не только Старику, но и народам, населяющим наши палатки… Самое интересное, что и Дерсу, и Мазай – мужики весьма и весьма практичные. Ты помнишь, чем заканчивается стихотворение Некрасова? «*Я их не бью ни весною, ни летом, Шкура плохая, – линяет косой…*». А если б хорошая? И вместе с тем – любовь ко всему окружающему космосу.

– Да, и заметь, любовь непрактичная, а даже рискованная. Лодку-то, по тексту, Мазай загрузил по уши. Заячьи, разумеется. И бревно взял в прицеп.

– Ну, не такая уж непрактичная – спасти, чтобы зимой настрелять… Нет, Лёня, мы не в той плоскости ищем. Ты прав, высокая душевная культура, вырабатывается и передаётся поколениями. Тут и письменность не нужна… Только любовь.

– А как же мы, Игорь? С нами Арина Родионовна русским фольклором не занималась. Как и со Стариком. Где её взять, такую любовь?

– Ты знаешь, я прихожу к выводу, что наши традиции в глубоких народных корнях – осознаём же мы себя как народ, как русские? – но не в современном нам народе. Где этот пресловутый народ? Так сказать, в исконном деревенском смысле. Да и исчезает деревня буквально на глазах. Превратив крестьян в деревенский пролетариат, большевики прервали связь времён. Мы, скорее, продукт литературы, барахтающиеся в этой чёртовой и непонятной жизни, в которой существенное место занимают Старики. И нравственность наша прежде всего литературна. Вот кто наш воспитатель! Хотя искусство воспитанием не занимается, а то достаточно было бы «Двух капитанов».

– И любовь? И к женщине?

– По большому счёту – да. Но, конечно, не только. Инстинкты были и остаются. Охотничий, например. Или продолжения рода. Но интерпретируем уже в литературной реальности. Ты понимаешь? На горизонте гомо литературикус. И любить без пушкинской Татьяны, Анны Карениной или Сонечки Мармеладовой культурному человеку уже невозможно. Покопайся в себе, Лёня, увидишь…

– Пожалуй… Тогда Старик может испытывать только желания, да? К охоте или к бабе…

– Нам остаётся только его пожалеть, хотя ни в какой жалости Старичок не нуждается.

– Скорее мы…

Тропа вышла на перевал и неожиданно открылся вид на бескрайнюю тёмную тайгу с вкраплениями разноцветных прогалин, скал, камней… Где-то внизу угадывалась извилистая и беспокойная речушка. И небо безмятежно стояло в редких белоснежных облаках, словно предлагая считать недавний срыв досадной случайностью, о которой и вспоминать в приличном обществе не принято.

Они смотрели как бы из космоса на величественную картину первозданного хаоса, смутно угадывая ритмы красок и линий и какую-то сложнейшую симметрию.

Господи! Отчего же хорошо-то так!

– Не за этим ли мы сюда пришли? – Игорь лицом показал куда-то на горизонт.

– Это наша родина, сынок. И уже вовеки будет с нами.

– Да, уж… Родина, родина… Но что есть Родина? Там где родился? Так не здесь же…

– Тему, Игорь, как-то и неудобно обсуждать... Пропаганда так уже всё опошлила, намеренно путая с отношением к государству, вождям, партии…

– Но всё-таки, всё-таки... Можно ли любить родину и убить вот так зайца?

– Любить… Это как понимать… Как ты думаешь, если война, Старик возьмёт автомат?

– Уверен. И подвиг совершит, не трус. Но на войне защищают жизнь, саму возможность существования, в том числе и близких, и себя. А, вот, если бы Старику представилась возможность уехать навсегда, куда-нибудь в Израиль или Америку, уехал бы?

– Скорее всего. Рыба ищет где глубже, человек где лучше… Но родину можно любить и там. Эмигранты…

– Э нет, Лёня! Вынужденно – другое. Я имею ввиду добровольно, за сытостью.

– А ты сам, Игорь? Если на родине станет совсем уж плохо, как, скажем, в тридцать седьмом?

– А что в тридцать седьмом? На нашей родине, сынок, репрессии начались чуть ли не с семнадцатого года и, думаю, никогда не кончались. Просто, в тридцать седьмом товарищ Сталин всерьёз взялся за уничтожение интеллигенции. Причём, обрати внимание, не какой-то там дореволюционной, уже совсем и не оставшейся, а собственной, выросшей на революции. Перестреляли и пересажали чуть ли не всех, кто высовывался. А кто из настоящей нетрусливой интеллигенции не высовывается? Если под этим партия понимает не какие-то злокозненные деяния – какие там, к чёрту, деяния! – а собственное мнение по любому поводу. Но полный интеллектуальный геноцид даже отцу народов не удался. Вот те кто остались и подросшая новая, и выделили этот год избиения интеллектуальной элиты. Простой народ, переса-

женный сотнями тысяч, языка-то не имеет…

Да что мы всё экстремумы берём?! Я же о любви, как о постоянном чувстве. Здесь, сейчас, мы любим Родину или нет? Разве, глядя на эти величественные картины родной природы, нас не переполняет чувство?

– До слёз, между прочим…

– Нас... Но мы о Старике… Нет, Леня, если серьёзно, любовь к Родине тоже категория культуры. Без дуба по дороге в Отрадное, без «Мещёрской стороны», без Шишкина и Левитана, без симфонии Чайковского такое чувство в себе не воспитаешь.

– А Леонардо? А Шекспир? А Бетховен? А джаз, который тебе так нравится?

– Да, Леня, да! И всё это тоже. Так уж мы устроены, что всё – стоящее, конечно, – берём себе. Благо никто не возражает. Но ты пойми – наше это всё-таки наше. Народ осознаёт себя и свою Родину в со- и противопоставлении «мы – они». И чем больше мы «их» знаем, тем дороже своё.

– Но если «они» не «мы», то кто? Враги?

– Упаси Боже! В культуре превалирует любовь, а не ненависть. Мы любим всех – от Гомера до Ибсена, а с их помощью глубже познаём себя. И дорожим собой.

Вдруг на видимую сторону ствола дерева головой вниз выскочила коричневато-дымчатая белочка с пушистым хвостом, и начала негромко верещать и сердито скрести лапками.

– Игорь, мы вторглись не в свои владения. Кажется, нас за соотечественников здесь не держат… Даже прогоняют.

– А что, разве внутри отечества нет борьбы? Это партия хотела бы видеть в нас сплошной монолит. А белочка не согласна. Её территория – не лезь. Вот если внешняя угроза – война, наводнение – тогда объединимся. И очень скверно, Лёня, если найдётся какой-нибудь Старик, который воспользуется случаем. Ну-ну, бельчонок, не сердись, не сердись. Мы уже уходим. Оставим твое царство в полной неприкосновенности. Только в память возьмём. Жаль, что не при фотоаппарате…

Белка притихла и только удивлённо смотрела им в спины –

что это было? кто такие?

– Как думаешь, Старик бы выстрелил и сейчас? Когда белочка решила, пусть и сердито, поговорить *со своими*?

– Ни в коем случае, Игорь, ни в коем случае.

– Да-а? Наши речи и демарши произвели на него неизгладимое впечатление?

– Ну, это вряд ли.

– Что-то я не понимаю…

– Что тут понимать! Во-первых, белочка к нему бы не вышла. А во-вторых, патронов уже мало и Начальник будет выдавать по счёту в случае суровой необходимости.

– Во избежание бесчеловечных поступков… Мудро…

Они услышали свист, блуждающий зигзагами между деревьев так, что не понятно с какой стороны. Их призывали. Видимо, привал. Но разговор хотелось закончить.

– А наш поход, Леня, – не часть любви?

– К родине?

– Ну, о чём же мы говорим… Не за Тунгусским же метеоритом, кстати, и не существующим, мы пришли.

– Стоп, стоп, стоп. Как это несуществующим? Что-то же было? Что-то же взорвалось?

– Но только не метеорит. Атомная бомба, газовая комета или инопланетяне что-то напутали…

– Слушай, Игорь… Я где-то читал… Может это великий Тесла экспериментировал? Что-то он говорил о передаче энергии без проводов… Неужели изобрел Абсолютное Оружие? И не доверив человечеству унёс свои секреты в могилу.

– Версия, Лёня, версия. Ни подтвердить, ни опровергнуть. Такой учёный уж если решил скрыть, то следов не оставит. Но наука на месте не стоит. Если такое было возможно, то за полсотни с лишним лет должны были бы и повторить, тебе не кажется?

– Ну да, ну да… Но у меня есть одно соображение. Место взрыва!

– То есть?

– Поставь себя, Игорёк, на место Теслы. Где испытать оружие

такой мощности? Раскрой карту мира – лучшего места не найдёшь. А может быть даже оно вообще единственное. Совершенно безлюдное, практически никто не пострадал. След оставлен на века. Где ещё? Над морем? Волна поднимется такая – смоет миллионы. И никаких следов. В джунглях Амазонки? Так там куча всяких племён погибнет. В Антарктиде? Кто узнает? Да даже здесь, в Сибири, сто-двести километров севернее и никто бы не увидел. Тысяча девятьсот восьмой год как ни как, ближайшая обсерватория в Иркутске. Может я и преувеличиваю, но такое снайперское попадание настораживает.

– Хм… Надо подумать. Действительно, странная случайность, если никто не целился. Но в любом случае вещественных следов нет. Раз за столько лет ничего не нашли, значит и не найдут.

– Но искать, Игорь, надо. Поиски нематериального знаешь к чему приводят? О-хо-хо!

– Вот и я об этом же. Знаешь, зачем мы сюда пришли? Романтика? Потрясающие пейзажи? Испытание первобытными трудностями? Это конечно… Но главное, Леня, мы прикасаемся к истокам народного самосознания. Народ, как сообщество, формируется в каких-то реальных условиях борьбы за существование. И на первых порах, да и дальше, это, конечно же, природа. Индивидуальная для любого народа. То, что историки называют вмещающий и кормящий ландшафт. Народо- или даже нациообразующий фактор. Религия потом. И в связи с природой.

– О какой религии ты говоришь? Все народы начинали с язычества. Жестокий Перун, солнечный Дажбог, ведьмы, упыри…

– Ты хочешь сказать…

– Именно. Язычество, скорее первобытное природоведение, чем религия. Правда, с жертвоприношениями. А Перун ещё и с человеческими. Но он к нам из Литвы, Перкунас...

– Глубокая мысль, Лёня. Я подумаю. Но тем более! Почувствовав эти первозданные пейзажи, мы лучше, тоньше поймём и национальный характер и нашу великую культуру. За этим-то мы и здесь. За эфемерным взглядом нашего пращура.

– Но страна наша огромна. А степь? А севера? А…

– А вот всё мы и пройдём. По мере возможности. И, желательно, в нетронутом виде.

Поход, во всяком случае, его суровая часть, закончился выходом на охотничью избушку с крохотным чёрным оконцем и дверью, подпёртой увесистой жердью – от нахального лесного зверья. Впервые за многие дни им ночевать в тепле и под крышей. Дальше – набитая охотниками тропа к людям, к дорогам, к дому… И тайга, вроде, уже не столь густая…

Э-эх! А всё-таки молодцы! Выдержали! И не перессорились.

Старик отсалютовал со всех стволов двуствольного орудия. Начальник наглядно пересчитал буйные головы и недосчитался.

– А где же… Мы ж, как будто, никого не съели?

– А ты себя считал?

– Да он не в счёт!

– Как так? В счёт. Но в отдельный.

В избушке, согласно законам таёжного братства, обнаружились обязательно возобновляемые или заменяемые запасы. Дрова, аккуратно сложенные с просветом у каменной печурки с прямым дымоходом. Подвешенные к чёрному от дыма и копоти потолку соль, спички, мука и даже полбутылки подсолнечного масла. Сухая трава и старые изъеденные шкуры на низкой деревянной, грубо сколоченной лежанке. Конечно, и они оставят всё, что осталось в полегчавших рюкзаках.

Сашка Нильчевский со Стариком затеяли жарить блины в жестяной коробке от киноплёнки – сухари всё-таки порядком поднадоели! Вышло что-то похожее на оладьи, а может и вообще ни на что не похожее, но съедобное до треска за ушами. Начальник к праздничному столу выдал почти весь оставшийся спирт со словами – пейте, мерзавцы, чтоб вы провалились со всеми вашими потрохами!

– Что ж ты, морда, в тайге-то зажимал?

– А вот как раз для этого случая. Конец – делу венец.

И был, как всегда, прав.

Отчёт профкому и в многотиражку «Советский студент» был написан в лучших традициях ненаучной фантастики. Были даже приложены невиданные образцы со дна горных озёр и срез столетней сосны, взятый с лесопилки, с явными аномалиями годовых колец в районе 1908 года. Ну, плюс-минус десять лет…

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Долгие гуляния доставляют влюблённым неиспытанные – впервые! – мимолётные и очень сильные наслаждения. В разговорах, улыбках, поступках они открываются и становятся всё ближе и ближе. Конечно, многое можно узнать и за столиком в кафе, и в театральных креслах, и даже на лекциях. Но прогулки… Открытые и всё время меняющиеся пейзажи и перспективы, солнце, звёзды, облака и даже всегда неожиданные осадки, заставляющие бежать и весело прятаться в подъездах, магазинах, кинотеатрах, определяют совершенно непредсказуемое общение с перескакиваниями с темы на тему, всплесками смеха и грусти и даже светлой печали. И как же не хочется расставаться!

Открытия следуют одно за одним. Вдруг открывается какая-то чёрточка в характере, вкусе, поведении, вызывающая удивление и умиление. Надо же, а она оказывается, не любит шоколадное мороженное! Зато пломбир – за милую душу! Хорошо, и себе не будем брать любимое темно-коричневое, мы и белоснежное слопаем с большим удовольствием.

Считается, что со временем открытия кончаются – всё уже сто раз увидено, говорено, ощупано. Наступает самое страшное для любви испытание – привычка. Которое почти никто не проходит, даже если жизнь продолжается. К привычному, как к статике, можно *относиться*, а любовь требует перемен. А вот если жить с открытыми глазами, если человек в движении всё время меняется, открытия продолжаются и до ста лет. Разве что интенсивность… Так ведь и темп падает…

Ну, до всего этого надо ещё дожить. А пока – взявшись за руки, гулять, гулять, гулять!

И вот ведь парадокс – не устают! Разве что, иногда в изнеможении присядут на что-нибудь, а то и прилягут. Но до чего же сладостно это чувство! И к усталости никакого отношения не имеет.

Можно, наверное, любить и сидя и лёжа – ну, ну! не в том смысле, а, скажем, на курортных лежаках или дачных гамаках, – но жизнь, а значит и любовь, есть движение. Вы скажите – а метания души? Ну да, ну да… Но разве движение душ не связано с телом?

Двое влюблённых держаться за руки. Между ними единый вектор силы тяжести и вектор движения вперёд к росту и укреплению любви. Вот вам и – как там в биологии? – билатеральная плоскость симметрии, которая куда как более выражена у подвижных форм, чем у сидячих. И совсем даже не нужно всё это понимать – двигаться нужно, двигаться.

Вот только вектор силы тяжести… Да какая там тяжесть! Летать хочется!

А какие открытия в полёте!

…Гуляя, Игорь вдруг обнаружил, что многие слова Юта понимает буквально и относится очень серьёзно. Так, слово «хлеб» для неё означало не только вид еды, но и саму еду. Выбросить кусок хлеба было святотатством и не допускалось никогда. В то же время мясо – ради Бога! Ему было весело познавать «женскую логику», но он уже понял – неосторожное, даже самое остроумное, слово может её задеть и больно. А огорчать её он не должен был и не мог. Иногда, редко, она плакала у него на плече от событий неудачного дня и он испытывал просто физическую боль и готовился убить преподавателя, безусловно несправедливо поступившего с его Ютой. И она быстро поняла, что слёзы уж очень сильнодействующее средство, и срывалась в самых крайних случаях.

Вдруг он открыл, что покупные цветы не доставляют ей особой радости. А вот сорванный им цветочек, просто веточка, красно-жёлтый кленовый листок или какое-нибудь необычной формы растение, приводят её в восторг, хотя сорванного – завянут же! – было жалко. У них даже появился обычай, сохранившейся на всю жизнь, за каждый цветок – поцелуй!

Открытия её свойств, черт характера, наклонностей были для него вне оценок хорошо или плохо. Видимо, он воспринимал её как данность, как природу, подлежащую любви, наблюдению и бережному отношению. Ему и в голову не приходило, что можно

думать и поступать как-то иначе.

Тогда Игорь вряд ли отдавал себе отчёт об *отношении* к Юте. Задумался уже лет через десять, после одного разговора с однокашником, Володей Дольским, женатым примерно столько же и жившим с женой как кошка с собакой. Причём огрызались и ссорились прилюдно.

– Представляешь, Володя, такая жара, а Юта не может спать с открытыми окнами! Ей кажется, что кто-то залезет. Приходится закрывать.

– Как приходится? Ты же понимаешь, что глупость? Не закрывай, да и всё.

– Но она же спать не будет!

– Ну и что?

– Как что?!

Так что же, Володе всё равно – будет переживать его женщина или нет? Или даже больше? Садомазохистский комплекс – сделать плохо ей, чтоб она сделала плохо тебе? Но любили же когда-то друг друга? Или нет? Или это тоже любовь? Умом можно понять многое, но почувствовать…

В головке Юты происходили несколько иные процессы. Для неё тезис о недостатках как продолжении достоинств и наоборот был достаточно абстрактен. Любовь не отменяет условий жизни, более того, для любви нужны условия и создавать их ей. Понятия «семья», «дети» ещё были туманны в её сознании, но она уже инстинктивно готовилась. Каков Игорь будет *в жизни*? О том, что он будет *заботиться*, не было ни капли сомнений. Но как? И сумеет ли она направить эту голову, этот неиссякаемый оптимизм на жизнь и дела? Она не столько понимала, сколько чувствовала, что если вовремя не исправить или хотя бы не скорректировать некоторые черты характера его и свои, то и любовь кончится, и жизнь не получится. И если он её наблюдал, то она его *изучала*.

Из дневника Юты. «*По-моему Ига разбросан и не аккуратен. Даже в мыслях. Не заканчивает одно и тут же берётся за другое. Это пройдёт? Витя Чикин заметил, что у Иги процесс накопле-*

ния и пока он не набьёт свою безразмерную память (красиво сказал!) не успокоится. Однако в жизни нужно добиваться, идти до конца. Есть ли у него чувство цели (где это я прочитала?)? Я ему вчера говорила о настойчивости, задумался. Интересно, как он думает – лицо становится сонным, даже слегка глуповатым, но ужасно милым!»

«Ига – добрый. Если бы только ко мне! И вообще – мужское ли это качество? Мама говорила, что только злые чего-то добиваются в этой жизни. Это вряд ли, но добряки часто бывают жалкими. Нет, он не добряк, просто не злой».

«Ига многих задевает, даже не замечая. Стоит кому-то что-то высказать, как Ига тут же подхватывает и часто с отрицания. Любимое начало его речей – «Нет!», даже если что-то принимает. Надо же считаться с другим мнением. Потом начинает разворачивать и развивать так, что и не вспомнишь с чего начали. Кому это понравится? Даже Леня зеленеет и начинает спорить, явно подтасовывая аргументацию. Только мудрый Чикин довольно улыбается и мотает на ус. А сам Ига рассказывал мне «Осуждение Паганини» Виноградова. Паганини доверяли на экзаменах играть композиции его школьных товарищей, которые он исправлял прямо по ходу игры, а затем находки использовал в своих сочинениях. Товарищи его люто ненавидели и даже обвиняли в плагиате. Напомнила Иге это место. Он как-то посмотрел на меня: «Сам чувствую, но что делать не знаю. Не молчать же». Ничего, научится – молодой ещё».

«Ига – хвастун. Врун, болтун и хохотун, как говорят у нас в санатории. Но, странное дело, хвастается чем угодно – ловкостью, которая у него отсутствует напрочь (смотри, как я поймал! смотри, как я ударил!), силой, тоже не слишком великой, и даже телом – надувает грудь, воображая себя культуристом. И только делом – науками, литературой – никогда.

На первом курсе у него был инцидент с физиком, о чём ходили слухи в институте. Я тоже краем уха слышала о каком-то студенте, который сцепился с преподавателем, но думала сту-

денческие байки. Ига мне ничего не говорил. Вчера разговорились с Ирой Юлиановой, ассистенткой кафедры физики, подругой Вити Чикина – они, наверное, поженятся – и она, как участница событий, мне всё живописала. Я записала её рассказ почти дословно. Даже название придумала – «Бои местного значения». Когда-нибудь Иге покажу. Наверно приятно будет вспомнить».

– Аня, да ты что, ничего не знаешь? А Игорь? Не рассказывал? Странно… А как же он твоё воображение поражает? Чтоб Игорь, да не прихвастнул… Правда, уже два с лишним года прошло, но я до сих пор, как вспомню…

Ладно, слушай. У тебя третьей пары нет? И у меня окно. Посидим? Я люблю наш сквер. Ещё бы здесь кофе давали, вообще кайф. Хорош денёк, скажи? Осени конец, почти всё облетело… Ты любишь осенние цветы?

– И осенние тоже.

– Это ты от Игоря юмором заразилась? Хорошо, продолжим. Ну, предысторию ты знаешь, да? Нет?

Я твоего Игоря знала ещё задолго до тебя, до того, как он поступил в институт. Между прочим, мы с ним ровесники и земляки, почти соседями были в нашем городе детства. Даже в один год в университет поступали. Я – на физмат, он – на физтех. Жаль, что не поступил – ей-богу физика много потеряла. И надо же – на сочинении! Ну, это ты, конечно, знаешь. А познакомились только здесь – бывает же!

Я сюда приехала по направлению, после университета. Одна, представляешь, из дома, ну, только-только от мамы. Знакомых – ноль. Общежитие, комната на двоих с Зойкой… Где есть, где пить, туалет за сотню ДПСовских метров… Ужас! Но ничего, пообвыкла.

– Вы до сих пор в этой комнате и живёте?

– Куда же мы, Анечка, денемся? Ну вот. Определили меня в ассистенты и в первой же группе на лабораторках – Чикин! Конечно, я тогда его не знала, но Витя стал ухаживать за мной буквально с первого занятия. Сначала подошёл с вопросами, потом встретил на улице, оглянуться не успела, а он уже приглашает в кино. Вот нахал! Но, знаешь, разница в положении – я препо-

даватель, он студент – именно с ним меня почему-то никак не стесняла. Ну, ты-то меня понимаешь, по интеллекту наши орлы заткнут за пояс любого. Да и возраста мы с ним почти одного. Я его всего на полгода старше. Короче, стали мы с ним встречаться. Через некоторое время Витя и познакомил меня со своим другом Игорем, о котором всегда отзывался уважительно, даже когда они ссорились. Вот тогда-то и начала складываться наша компания, в которой теперь и ты.

Игорь ещё отрабатывал последний год после техникума. На каком-то заводе работал разметчиком и хвастался, как он ловко работает керном и молотком. А у самого все пальцы левой кисти были вечно побиты. Правда, однажды при мне выбил моё имя на стойке забора. Вон, там, будешь проходить, посмотри.

– Это мне Игорь показывал. Но на вопрос, что же за Ира такая, не ответил. Оказывается ты. Я тебя тогда ещё не знала.

– Через год после Вити, Игорь, наконец, тоже поступил и, как ты уже догадалась, оказался у меня в группе. Занятия мы вели вдвоём с лектором Федей, Фёдором Васильевичем Трощенко. Ты его знаешь? Нет? Потешная фигура!

Федя постарше лет на пять, уже защитил кандидатскую и это был его первый поток. Жил тоже в общежитии, на два этажа выше. Парень неплохой, довольно знающий, вспыльчивый, но незлой, даже где-то и добрый. А самомнение! А покрасоваться – хлебом не корми! Знаешь, это часто бывает у деревенских парней, выбившихся в люди. Студенты, да и преподаватели, посмеивались, но Федя, конечно, ничего не замечал.

Ведём лабораторные и ведём. О том, что мы знакомы Игорь ни-ни. Ни словом, ни жестом. Учатся они с Витей легко и как-то весело. Вспоминаю свои студенческие годы и просто завидую. Ну, да, они же после техникума…

И вот однажды, на лабораторке по электроизмерительной аппаратуре всё и произошло.

Лектор объяснял, я ждала, когда приступим к делу. Трощенко вообще-то на меня глаз положил и при мне выпендривался особенно. Студентам это порядком надоело. Одним словом, скучали все.

От нечего делать один весёлый грузин, я его запомнила навсегда, Айваз Харикозиди, стал рисовать, поглядывая на Трощенко. Федя заметил и стал буквально позировать. Вот прорисовалась, довольно похоже, фигура в костюмчике, галстук, туфли… И вдруг – ослиная голова! Ты представляешь?! Трощенко позеленел, у него стало, как писал Достоевский, опрокинутое лицо. Тем более что он видел, что вижу и я.

– Это что? Это что? – взревел Федя – Это я?!

– Ну что вы! – Айваз, знаешь, так невинно улыбался, что и не подумаешь, – Это я шарж на одного… Я просто костюмчик срисовал…

Всё бы ничего, ну выгнал бы его Федя в крайнем случае, да и то – за что? Но тут подошёл Игорь и захохотал на всю аудиторию. Вслед за ним закатилась вся группа.

Тут же весь гнев был перенесён на Игоря.

– Я вижу вам весело. Так, так. Есть желание сорвать занятия.

– Да что вы, Федор Васильевич! Ну, смешно же!

– А в физике вам как? Тоже смешно? А вот мы посмотрим! Вы мне каждую лабораторку и каждый семинар будете сдавать. И экзамен. Вот тогда повеселимся.

– Да, пожалуйста! Только я не пойму, что же вы так нервничаете?

– Вот тогда поймёте! Особенно, когда не сдадите экзамен. Тогда всё поймёте! А сейчас не мешайте проводить занятия.

Кое-как Федя взял себя в руки и лабораторку довели до конца. И началось.

На следующем занятии Игорь, основательно подготовившись не без моей помощи, защищал предыдущую лабораторку весело и лихо. Трощенко кипел, но ничего сделать не мог и стал применять недозволенные приёмы – спрашивал уже то, что студент знать не мог. Игорь отбивался, но вынужден был признать, что знает физику ещё не всю. Студенты начали негромко возмущаться, и неудовлетворённый Трощенко лабораторку с натяжкой зачёл, но дал домашнее задание.

У меня, ты видела, небольшая библиотека по физике. Я её с

собой взяла из дома, страшно боялась, что чего-то не знаю и все увидят какая я дура. В тот же вечер Федя пришёл ко мне и попросил посмотреть пару книг, я принципиально не даю выносить – замотают, не сыщешь.

– Я этому гаду покажу! Он у меня попрыгает! Думает, что он в физике разбирается. Ладно, посмотрим. Как ты думаешь, если я ему вот это дам? И вот эту задачу?

Мы посидели, разобрались и наметили план.

Феде даже в голову не приходило, что я могу сочувствовать какому-то студенту. Рассказала Вите и он тут же предложил не только предупредить Игоря о готовящейся провокации, но и предпринять превентивные меры.

Взяли мы с Витей книги, и пошли к Игорю в кочегарку – он тогда там подрабатывал. Как всегда, откуда-то из под насосов выползла сияющая, довольная жизнью рожица:

– Бутерброды принесли?

Покормили мы его и объяснили ситуацию. Он – за книги, засыпал вопросами, но, обрати внимание, в отличие от Трощенко ничего не записывал. Как они с Витей соображают! И какая память! Смотрю на них и думаю: ох, не бабское это дело наука! Вот для таких мужиков – да.

Конечно, договорились: никому ни слова.

И грянул бой! Студенты сидели, затаив дыхание, как на симфоническом концерте. Трощенко – вопрос, Игорь, картинно наморщив лоб, – ответ. Задачу – решение. В конце концов, Трощенко опять взялся за недозволенные приёмы. Игорь вновь признал, что несколько ограничен в знаниях физики и плазменные процессы ему до конца не ясны. Короче, встречу отложили до следующего занятия.

Вечером Федя ко мне.

– У тебя по термодинамике есть чего? Я этому гаду… Слушай, откуда он физику знает? Что за техникум он такой закончил? Я ж ему вопросы почти профессиональные задавал. Вот гад! Но я его посажу на место! Он у меня попляшет!

Я ему, так, осторожненько:

– Федя, может не стоит? Оно тебе надо? Способный же парень. Смотри, уже студенты начинают посмеиваться. Да и что он тебе, в конце концов, сделал?

– Ты видела, как эта сволочь надо мной смеялась? Если бы он не студент, а я не преподаватель, я б ему морду набил! Правда, он здоровый… Но всё равно. У меня единственный способ проучить наглеца и я его использую. Будет знать, с кем связывается!

И так почти весь семестр! И ты знаешь, Игорь перечитал у меня массу книг, замучил вопросами так, что я уже и сама не рада была, но стал разговаривать с Трощенко чуть ли не на равных. И даже подкидывать вопросики.

Помню один из последних семинаров. Речь шла о реальном строении кристаллов. Студенты уже давно перестали понимать, о чём они говорят.

Изложил Федя преамбулу и приготовился задавать вопросы, как вдруг Игорь перехватил инициативу:

– Я полагаю, что экспериментальными физическими методами отличить упорядоченный твёрдый раствор от химического соединения невозможно. Не правда ли, Фёдор Васильевич?

Что такое твёрдый раствор? Ты же проходила. Не помнишь? Ну, ладно. Это когда в кристаллическую решётку одного элемента внедряется атом другого. А упорядоченный, когда все атомы располагаются в определённом порядке.

Федя немного смешался, но вызов принял.

– То есть как невозможно? А электронный микроскоп?

– А что он даст? Картинку расположения атомов? Так будет соблюдаться и ближний, и дальний порядок. Мне кажется, что отличия никакого не будет.

– Ну, хорошо. А стехиометрическая пропорция?

И это не помнишь? Определённое соотношение атомов. Например, вода – на каждый атом кислорода два водорода.

– А что? На столько-то атомов одного элемента, столько-то другого. Как и в соединении.

– Вот видите, Раманов, вы даже элементарного не понимаете. По вашей логике мы придём к формуле что-нибудь вроде феррум

998 це 2, так получается?

– Но это же уже теоретическая физика, а мы говорим об экспериментальной.

– Вы, Раманов, бросьте здесь заниматься софизмами и парадоксами. Здесь не место разводить антимонии.

Ну, тут Игорь выдал домашнюю заготовку.

– Подождите, подождите, Фёдор Васильевич, я понял! Можно отличить! Температура! С изменением температуры растворимость изменяется, а в химическом соединении соотношение атомов остаётся неизменным. До разрушения, естественно.

– Вот видите, сами же собственную глупость и опровергли. Вы нам лучше расскажите об аллотропии углерода. И, главное, почему такой полиморфизм возможен при одинаковых физических условиях.

Это, конечно, тоже домашняя заготовка, но, как физик, скажу тебе, – чистая подлянка. И я бы на такой вопрос сразу не ответила. А Игорь разделался, как повар с картошкой. Ты бы видела Федю!

Ну, после этого битва пошла на спад. Трощенко стал Игоря побаиваться и выходил из себя уже явно не по делу.

Кончилось всё по мирному. Экзамен у Игоря Федя принимать не стал, а поручил мне.

Теперь, при встрече Игорь раскланивается с ним самым доброжелательным образом, с такой, знаешь, искренней радостью. Я однажды присутствовала, чуть смехом не подавилась.

– Здравствуйте, Фёдор Васильевич! Как вы себя чувствуете? Мне кажется, вы немного похудели. Как ваша мусоросжигающая печь? Сильно мешает экономика?

Трощенко специализируется по плазме и носился с идеей сжигать мусор при сверхвысоких температурах. Из этого, конечно, ни черта не вышло – дешевле в космос выбрасывать, но в своё время на институтских конференциях шумел.

И вот что интересно. Ты же знаешь, как они спорят и ругаются с Витькой и Лёнькой – до посинения. Но дружба только укрепляется. А Трощенко слабак! Вместо того, чтобы подружиться со стоящим парнем, затаил бессильную злобу.

Честно говоря, я страшно рада, что всё так получилось! Витя даже жалеет, что не с ним такое приключилось. Во-первых, проучили этого зазнайку. И хорошо проучили! А Игорь разобрался в физике. Посмотришь, это ему сильно поможет в жизни. Физиком не станет, но учёным будет крепким. И в литературе поможет, вот увидишь – когда-нибудь будет писать.

Ну, что, пойдём? Вечером придёте? Мы с Зойкой картошку пожарим с луком, да на сале – Витя из дома привёз. Я Первый концерт Чайковского раздобыла, с Ваном Клиберном – Федька дал. Лёня новые стихи обещал почитать. Только бы не пел – с его-то слухом.

СТЫД

«Тот ещё не жил полной жизнью, кто не знал бедности, любви и войны» – говаривал О. Генри, описывая «Один час полной жизни». То есть, говоря другими словами, – сильно *не переживал*.

В этой триаде сердцевина (от слова «сердце») – любовь. Кто не любил, тот и не жил, а если и жил, то пусть сам решает зачем.

Но недаром американский юморист добавил в свою формулу ещё два ингредиента. Не то, чтобы любви недостаточно, но для полноты ощущений совершенно необходимо вмешательство посторонних сил, от влюблённых не очень-то зависящих. А тогда – борьба. За любовь, за богатство, за мир – временный, конечно, ибо всегда только промежуток между войнами. То, чего так не хватает в нашей мегаполисной, достаточно сытой жизни.

Так что же за тоска нет-нет да и охватывает нас среди сравнительного благополучия? Что-то наш организм недорабатывает? Адреналин? Надпочечники простаивают?

Говорят – биологи с археологами – наш мозг за последние сколько-то тысяч лет «похудел» где-то грамм на сто-двести. Интересно, за счёт какой половины? Надо думать всё-таки правой. Не поглупели же мы. Хотя кто знает… Если бы ещё определить что такое ум…

Ушла, ушла из нашей жизни острая борьба за существование. В буквальном смысле. Что наши страсти по карьере, машине, отдыху на гейзерах и вулканах Камчатки, против охоты на мамонта или бегства от саблезубого тигра? Где настоящие полновесные стрессы? Не сенсорное ли голодание толкает народы на всякие восстания, революции, войны… Ведь далеко не в самые голодные годы возникают. А вы говорите экономика, производительные силы, производственные отношения…

Нет! Жизни хочется. Борьбы. И любви, которая всё это обеспечивает и которую вряд ли знали ещё несколько тысяч лет назад.

Но уже тогда, осев на земле, обзаведясь домашним скотом, а потом и рабами, хитрый homo sapiens нашёл чем удовлетворить разевающее голодный рот правое полушарие – наука и искусство! Что, собственно и сделало его человеком разумным. Вот где разгуляться исключительно полезным для организма стрессам!

Вы скажете, а религия, политика, спорт? Да, конечно, но всё это, согласитесь, производные. С наукой и искусством человек начал воспринимать жизнь как игру. «*А игры не будет, что ж тогда остаётся?*» – вопрошал ещё в «Детстве» Лев Николаевич и за всю свою долгую жизнь альтернативы явно не нашёл.

Игра предполагает желание и знание. Но и наука и искусство всё время развиваются и сильно усложняются правила. Порой настолько, что и разобраться нет никакой возможности, да и играть уже не хочется. И начинает человек играться в такие игры, в такие эрзацы, что даже и не верится – человек ли. Наука – то, чем занимаются какие-то высоколобые специальные академики, и вообще, там сплошь математика. Настоящая литература превращается в полуироничную *классику*, для необязательного чтения, а лучше для просмотра по телеку.

Ох, если перестанут играть, особенно дети, в хорошие игры, то что же останется? Может быть совсем уже и ничего?

Но прочь грустные мысли! В юности ещё как хочется играть! И испытывать те ещё стрессы. Даже и физические. И если, побаиваясь, не стремишься к экстримам, жизнь их обязательно подсунет. И если только жив останешься, будешь крепче и умней.

…Он уже приобнимал её за плечи, и она обвивала правой рукой его талию, и даже целовались, но легко. Оба, если не понимали, то чувствовали, что именно Юта будет регулировать своей замечательной женской интуицией интимные процессы, а пока не позволяла поцелуям перерасти в страсть. Он и некоторую настойчивость проявлял, но она ещё не была уверена в себе.

Вскоре у них появился маленький праздник. Раз в неделю или две – по подработкам – они стали ходить в театральное кафе на площади. Днём там было малолюдно и сравнительно недорого.

Небольшое кулинарное разнообразие и некоторая отдельность за столиком со скатертью создавали как бы прообраз их будущей самодостаточной жизни и делали громадную студенческую столовую самообслуживания не то, чтобы постылой, а скорее суровой необходимостью. Они ходили бы в кафе и чаще, но…

Сказать, что они были бедны, значит сильно преувеличить. В сторону богатства. Стипендия – тридцать рублей – основной источник существования. Возможности родителей мизерны. Юте мама – зав. каким-то производством в детском санатории – раз в месяц присылала десять рублей и к праздникам продуктовую посылку. На каникулах шили платья и блузки. В кои-то веки пальто, а о шубе, даже и искусственной, можно было только мечтать.

Игорь даже посылал десятку из подработок родителям. Правда, и приезжал из редких побывок нагруженный – знаменитые мамины кольцевые пироги, выпеченные в «чуде» – так называлось круглое электрическое устройство со спиралью в центре, со сливой, яблоками, грушей, и, конечно же, обязательным вареньем.

Достаточно постоянным источником доходов было СПКБ (студенческое проектно-конструкторское бюро), в котором работал над изобретениями и проектами преподавателей и своими собственными по заказам предприятий. И по мелочам – сторожем (три – четыре студента на одну ставку), кочегаром, с высоким званием «оператор газовой котельной», в сезон грузчиком на шлакоблочном заводе (один день в неделю, всего сорок два человека, по шесть в бригаде на каждый день) и ещё кем и как придётся. Особой гордостью было место дежурного сантехника в женском общежитии мединститута. С руками, о которых говорят «вставлены не тем концом», его месяц туда устраивали и что-то платили, и месяц выгоняли, но тоже платили. А жизнь у медицинских девушек бурлила куда более кипучая, чем в родном политехе.

Но, при всём притом, нищета была весёлая – вся жизнь – и какая! – впереди!

Из дневника Юты: «*Когда Ига учится? Никогда? Он только делает обязательные задания и курсовые. На лекции почти не ходит –*

когда ему! И всё-таки успевает. Это и есть работоспособность? Или просто способности? А я? Господи, на кой чёрт мне все эти формулы? Когда я его спрашиваю, он смеётся: «Я же техникум окончил! С Сенжерменом, между прочим. Это тебе не шуры-буры. Что там учиться!». Только жалуется, что времени читать не хватает. С Эйнштейном надо разобраться и ещё энтропия его сильно волнует. Из термодинамики что-то помню – энтропия, энтальпия… Но Ига связывает с информацией. Запомнила – мера беспорядка системы. Действует и в природе и в обществе. Формулы приводит. Какого-то Больцмана. Оказывается, Вселенной грозит тепловая смерть. Но успокоил – ещё не скоро, пара миллиардов лет у нас с ним есть. Я слушаю и стараюсь понять. Иногда у меня от него голова трещит. Но какая красота мысли! Думала, что Ига всё это вычитывает. Нет. Это и его мысли. Просто разворачиваются они, как он говорит, на поле знаний. Без знаний, будь ты хоть сто раз умный, всё равно дурак – негде развернуться. Кажется, его интересует всё».

Фактически, почти вся работоспособная молодёжь исповедовала философию стоицизма, в большинстве даже не подозревая о её существовании. Но Игорь, ещё со времён Данилы, интересовался древнегреческой и римской философией и много рассуждал. Это было первое прикосновение Юты к интеллектуальной борьбе умов – до этого только спокойненько-агрессивная, неизвестно на кого нападавшая, марксистко-ленинская философия в толстеньком голубом «Спиркине». Для чего её учат, она так и не поняла.

– Понимаешь, Юта, великое это учение стоиков! Его начал ещё до нашей эры древний грек Зенон, знаменитый своим парадоксом насчёт гонок Ахилла и черепахи. Но по-настоящему развил уже в первом веке тоже грек, но римский, Эпиктет. Интересно, что два противоположных начала, как это всегда и бывает, появились практически одновременно – эпикурейство, философия праздности и роскоши, и стоицизм. Ну, эпикурейство нам ни к чему, никуда не ведёт, только к развалу и деградации. А вот лозунги стоиков «Выноси и терпи», «Живи и давай жить другим»

и многие другие актуальны и по сей день. Скажи? Между прочим, римская империя не знала лучшего управления, чем когда ею правил стоик Марк Аврелий, хотя ему и не везло – мор, варвары, парфяне. Тут ещё, правда, и другое. Платон считал – не будет в мире равновесия, читай процветания, пока правители не будут философами или философы – правителями. Марк Аврелий осуществил это единство, пожалуй, единственный во всей истории.

– Ига, а Ленин? Вон у него сколько трудов, успевай только выписывать цитаты к семинарам.

– Молодец! Соображаешь! Какой Ленин, да и Сталин кстати, философы другой вопрос, но базу философскую подводили. Серьёзные мужики были, не полуграмотный Хрущёв. Да только философия эта завоевания власти, скорее, даже программа. И требует ломки человеческого сознания. Всем было бы хорошо, если бы все были хорошие. Но не хотят же, мерзавцы! Знаешь, даже в утопическом социализме – не помню у кого, то ли у Сен-Симона, то ли у Фурье – при чисто теоретических разработках стал вопрос – а что делать с теми, кто не согласен с тем хорошим, что утописты планируют? Единственный ответ – изолировать и перевоспитать. До революции был довольно популярный – мне Данила рассказывал – деятель Ткачёв, считавший, что создавать новый народ, нужно основательно уничтожая старый, к планируемой жизни непригодный. На недоумение, сколько же придётся уничтожить, отвечал – вопрос состоит не в том, сколько уничтожить, а сколько оставить. Вот это цинизм – не переплюнуть! А мы говорим тридцать седьмой год. Марксизм – философия стада, во всяком случае, в нашем исполнении, – отобрать и самим стать хозяевами. Вот мы все и хозяева необъятной родины своей. И в то же время рабы – партии. Да ну их к чёрту! Стоицизм – жизненная философия самого человека, её не требуется разделять со всеми. Хочешь быть эпикурейцем? Ради Бога! Если ты мне не мешаешь, то живи и будь. Интересно, что Эпиктет был рабом, потом как-то освободился, а учение развил для свободных людей, даже господ. Интеллектуальных, разумеется.

«Выноси и терпи»… Юту поразило изречение да и вообще

простота и красота учения. Она и до этого разговора была, а получив теоретическую базу, и осталась, убеждённым стоиком – выносила и терпела…

– Ига, а ты сам кто? Стоик? Ты всё стараешься рассказать с юмором. Но ты же грустный, я чувствую. Неужели тебя не била судьба? Неужели твоё детство было таким безоблачным?

Игорь поглядел на неё, задумчиво ковырявшую прутиком землю, и вдруг понял – всё! Уже можно не бодриться, не красоваться, не хорохориться – он не один на Земле. Уже есть та, что возьмёт часть его боли, та, от которой никогда не будет тайных уголков. Та, которая будет жить его жизнью. А он – её.

И именно ей, немного погодя, впервые в жизни, избегая прямого взгляда, рассказал то, что не рассказывал никому и никогда. Даже маме. А может быть и себе.

В жизни бывают, слава Богу, не так часто, события или случаи никак дальнейшее не украшающие. Когда что-то в тебе меняется или совсем уж переворачивается. Когда противен сам себе. И не потому только что совершил нехороший поступок, это ещё куда ни шло, а попал в отвратительную ситуацию, даже от тебя не зависящую. О, это проклятое чувство бессилия! Все же, все неправы, а ты ничего сделать не можешь, никому ничего не объяснишь. Особенно остро ощущаешь в детстве. И, в зависимости от тяжести стресса, или ломаешься, или… Но в любом случае тягостные воспоминания ложатся на самое дно памяти как будто их и нет совсем. И только изредка, и по прошествии времени, на поворотных моментах жизни, обращаешься, чтобы очиститься и смелее идти вперёд.

…Его и раньше дразнили и обзывали, когда превосходил или побеждал. И всегда мучительно обижался. Но до этого не было ощущения безысходности. Просто – плохие пацаны. В игре, впрочем, забывалось.

И всё равно Игорь вспоминал своё детство как прекрасную и счастливую пору. Несмотря даже на самые страшные моменты.

Что-то около двенадцати лет, худющим блондином с серо-голубыми мамиными глазами, положили его в больницу, во *взрослую* палату. В городе, кажется, не было детских стационаров. Что с ним было, сейчас и не припомнить. Что-то с ногами, мучившее его всю жизнь. Помнится только не подтвердившееся – бруцеллёз. Тогда ещё пили сырое молоко.

Койка была у окна, выходившего на пустырь с карагачём и саксаулом. А по диагонали, у двери, лежал дядя Олег! Тридцати-тридцати пяти лет, с грубым добрым лицом, изрытым оспинками. Оспа… Что-то из литературы, из средних веков. Но хранилась где-то в юртах наших диких аулов. Где только не побывал дядя Олег на своей военной полуторке! И забирался так высоко, что – летом! – видел снег. Даже не верилось. Ну, Гималаи, Памир… Но и в наших горах оказывается!

А ещё на дяде Олеге были наколки – синие, на бледном теле, рисунки и надписи. Ленин и Сталин в сплетенных медальных кругах. «На волю с чистой совестью». Были и какие-то стихи, но уже не вспомнить.

Вот жизнь! Всё прошёл, всё видел. И такой человек – его друг.

Дружба началась сразу.

– Игорь, Игорь… Имена, понимаешь… Не по-русски… Егором будешь!

– Дядя Олег, как не по-русски? А князь Игорь? И Олег ещё вещий был…

– Князь, князь… Какой ты князь? Егор ты и всё.

А что? Егор даже интересней. Особенно Егорка, Егорушка. Не Игорёк какой-нибудь.

И пошли истории! Страшные, разбойные. Даже сейчас мурашки по коже: «А он дверь запер и на стол как заскочил с ножом. И кричит: найду! зарежу!»

Но больше дядя Олег любил слушать рассказы Игоря, из книг, которые тот помнил почти наизусть. «Тимур и его команда», «Васёк Трубачёв», «Дети капитана Гранта»… И, конечно, «Граф Монте-Кристо»!

– Вот это ещё расскажи… Про Мондегу…

И он без конца повторял: «Нам пишут из Янины». И про Кадруса, и про закопанного младенца… Только про Данглара дяде Олегу не нравилось.

– Дангляра надо было убить. Таких нельзя… Давить их надо…

– Так, дядя Олег, Дантес же его разорил! Представляете, как будет мучиться? Всю жизнь!

– Да-а… А как он снова наживётся? Эти всегда… Не-ет, их давить надо, сразу…

А на третий день дядя Олег сделал… арбалет! Настоящий! С двойной резинкой от трусов и стрелой, одевающейся на верх курка. И стрела летела! На тринадцать шагов!

Надо бы знать то послевоенное время, чтобы хоть чуть-чуть разделить Игорев восторг.

Игрушек не было. Совсем. Никаких. Мастерили сами. Вспомнилось: лянга – неровная свинцовая шайба с вплавленными конскими волосками, которую без конца подбрасывали боковой частью ступни, не давая упасть; альчики – отшлифованные напильником коленные бараньи косточки со значащими сторонами – айкура, това, чик и бок. Были ещё чижик, лапта… Бумажные фигурки вырезали для театра теней…

Некоторым отцы привозили с войны настоящие игрушки, но эти ценности оберегались пуще овощей на грядках.

У Эркина с Алмаатинской была целая обувная коробка «Батя» стойких оловянных солдатиков, правда, все о двух ногах. Играть ими было нельзя, но смотреть и даже трогать можно.

Папа Игоря привез с фронта две картины, писаные маслом. Одна, горизонтальная – натюрморт с живыми, откатившимися на край стола, виноградинками. Игорь подолгу рассматривал это весёлое изобилие, стараясь понять – какое мгновение, как говорил папа, остановил художник? Упадут виноградинки со стола или нет?

Вторая картина была серьёзная – Пушкин, копия И. Е. Репина с картины Тропинина, 1913 г. Много позже папа послал её на экспертизу в Третьяковку. Оказалась хорошая, но подделка.

В большой комнате Пушкин, слегка наклонившись над круглым столом, за которым Игорь делал уроки, строго следил за его

занятиями. А когда получалась клякса из-за проклятого восемьдесят шестого пера, то и хмурился.

Что-то папа привез и ему… Кажется, шапку, которую сорвали быстроногие хулиганы.

С арбалетом не расставался. Гладил строганные ножом ложе и цевьё, натягивал резину и стрелял, стрелял…

Сашок из соседней палаты, был уверен, что стрела может полететь и дальше, ей курок мешает. И однажды натянул так, что дуга сломалась. Сашок и сам испугался, но у Игоря просто сердце оборвалось.

– Кто сломал? – рассердился дядя Олег, – Сашок патлатый? Ты ему дал хорошенько?

– Как?!

– Как, как… Кулаками! И ногами…

– Дядя Олег! Он же не хотел, он только попробовал, чтоб дальше… Курок мешал…

– Попробовал… Вот и ходи… без ружья…

Наутро, на серой больничной простыне, лежал и улыбался целехонький арбалет!

– Дядя Олег!!!

– Ладно уж… Береги… – лицо, как всегда, было хмурым, но глаза пошли лучиками.

По всей видимости, у дяди Олега детей не было. И жены не было. Во всяком случае, рассказывая, о них не упоминал. Всю жизнь за баранкой… И никто его не навещал, не носил передачи. Когда угощали домашним, если и брал, то неохотно. Но мамины пирожки с рисом и мясом ел.

Всё имеет конец, как он понял много лет спустя, даже бесконечность.

Дядю Олега выписывали.

Накануне приехал шофёр с единственной в городе автобазы. Они расположились в худой тени деревьев, на редкой сухой колкой и какой-то безрадостной траве. На застиранном вафельном полотенце стояла бутылка, бесформенный кусок мяса с чесноком, желтая лепешка – «толкач», тёмно-красные помидоры и

лук. Неторопливая беседа бывалых мужчин. Кружась, не замечаемый, вокруг них, Игорь не пропускал ни слова. О достоинствах трофейной «Эмки», о закрытой каменным обвалом дороге на перевал, о снижении цен и о том, что жизнь становится лучше. Дядя Олег даже иногда неумело улыбался.

Собираясь прощаться, шофер, наконец, заговорил о том, зачем пришел.

– Ну, что Олежка, аварию проехали? На базу-то вернёшься? Будем шоферить?

– Ну… не знаю…

– Не можешь забыть?

– Да, нет… не в том дело… Нервы, понимаешь, не те стали… Не те…

– А что такое?

– Вот, еду, понимаешь… Дорогу переходит… жидовка… Нога сама на акселератор…

Удар был так внезапен и настолько силён, что Игорь застыл и как бы потерял сознание. Какая-то страшная сила обрушилась на него. Что это? Как это может быть?

Потом пронеслись мысли, которых он стыдился всю жизнь: «А вдруг дядя Олег узнает… Вдруг завтра папа приедет и все увидят…». Нестерпимо захотелось исчезнуть. Или чтобы стало совсем темно. Сердце застучало так, что испугался – услышат.

Когда движение вернулось, он убежал. К себе, на больничный чердак, где без помех читал всё, что попадало под руку. Сел на своё бревно и… зарыдал. Зарыдал сдавленно, стыдясь самого себя. Он, который готовился выдержать все пытки гестапо и не выдать тайну и товарищей, неудержимо рыдал. И бил себя изо всей силы кулаками по коленям.

За что? В чём они виноваты? Христа распяли… Но он-то не распинал… И папа не распинал. Его геройский, трижды раненный и награжденный папа вообще никогда и никого не обижал. Если и распяли, ну до седьмого колена… А уже почти 2000 лет. И Антонина Ивановна говорила, что ничего не было, что это религиозный миф. И в Бога-то никто не верит!

Он вдруг явственно увидел, как его неловкая мама переходит дорогу.

Почему, почему он не такой как все? Ну почему его папа… Даже мысленно он не мог произнести это отвратительное слово. А может, его перепутали в роддоме? У него же и глаза голубые, и волосы светлые, и нос курносый… Нет, нет, он же родился дома…

И отчетливо понял, что это непоправимо. Что это навсегда, на всю жизнь. И какое-то новое чувство так захватило его, что чуть вновь не завыл. Потом узнал – это тоска. Господи, за что?

Когда слёзы высохли, он увидел, что прижимает к себе арбалет. И с треском переломил через колено.

Наутро, когда пришла полуторка с облезлыми деревянными бортами, Игорь спрятался под крыльцо и слышал, как этот недоумённо искал и звал:

– Егор, Егорка, ты где? Уезжаю же…

– Олег, поторопись, мне к девяти на базу.

– Так, Егорушка-то где? Ну, пацан… белобрысый… С глазами такими… умными…

– Да дался он тебе! Всё равно уезжать.

– Я же ему машинку застрогал… Его-ор!

Вдруг стало страшно жалко доброго, доброго дядю Олега, и он чуть не вышел из своего укрытия. Может быть, и не дядя Олег виноват, а то тёмное и злое, что есть между взрослыми? Как же так?!

Но он не вышел. Полуторка запылила по битой дороге, увозя то беззаботное детство, когда не ждёшь удара в спину ни от кого и ниоткуда.

Больше он не плакал. Какая-то часть жизни закончилась, но книги, книги остались.

Из дневника Юты: «*Боже, какой ужас! Откуда это у людей? Я как-то раньше не замечала, а теперь оглянулась и стало страшно. Вроде бы совершенно нормальные люди, но при слове «еврей» просто звереют. Их не так уж и много, но есть. И это в Советском Союзе, с победившим коммунизмом-интернационализмом! И это в России, с её, как говорит Ига, традиционной веротерпи-*

мостью со времён ещё Ивана Калиты, а то и раньше. С её доброжелательным отношением ко всем народам. Ига обсуждал эти вопросы ещё в школе со своим кумиром – историком Данилой. И это после такой войны! После гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса»!

Я вспомнила, но Иге не стала говорить, рассказ маминого знакомого, дипломата какого-то ранга. Во время войны Вячеслав Петрович, тогда ещё подросток, был в оккупированном Киеве. И был очевидцем.

Немцы согнали всех евреев с его двора и погнали в Бабий Яр. А один мальчик лет двенадцати сбежал и вернулся домой. В это время во двор зашёл юный улыбчивый немецкий солдат в новенькой с иголочки форме и с автоматом. Немец стал отстреливать бродячих собак – немцы их страшно не любили. Как вдруг заметил мальчика и подозвал к себе. Они о чём-то мирно поговорили неизвестно на каком языке, и солдатик повёл мальчика к небольшому карьеру, в котором жители окрестных домов добывали песок. Поставил мальчика на краю, отошёл шагов на десять, снял автомат и прошил очередью крест на крест. Потом нашёл двух стариков с лопатами и заставил аккуратно закопать собак и мальчика.

И после всего! Что же за люди такие!

Интересно, я почувствовала, Иге действительно жалко дядю Олега. Того самого, готового задавить даже старушку.

Но каков Ига! Пережить такое, сталкиваться всю жизнь и остаться добрым и весёлым. И расположенным к людям. «Нет, – говорит Ига, – изначально я должен доверять человеку. Пусть докажет, что плохой». Какая же в нём сила должна быть! Откуда? Но печаль в нём есть. Ещё бы!

Никак не могу понять этих людей. Ну, взрослых не любить, если они тебе что-то сделали… Но ребёнка! Даже незаконнорожденный, даже и от изнасилования – ребёнок чем виноват?!

Ига говорит, что антисемитизм не так прост. Не рождается же человек антисемитом – становится. Значит, передаётся из поколения в поколение. И вера здесь, скорее всего, не причём. Тем более в нашей безбожной стране. Тогда в чём дело? Но пока

у него нет материала – в Союзе об этом никакой литературы. Как шутили Ильф и Петров – евреи есть, а еврейского вопроса нет. Но не может быть, чтоб никто об этом не думал. Будет разбираться.

А я разбираюсь в себе. Ни в семье, ни в школе этот вопрос никогда не обсуждался. И «жид» я услышала только здесь. В классе были и татарин, и армянин, и из Средней Азии, так и не узнали – то ли узбек, то ли казах. И были евреи – Оська Пирожок, по прозвищу Булочка, мои ближайшие подружки – Белка Пенхусович, Ирка Козакевич, которая писалась русской. Все мы были советские и даже когда ругались и дрались, национальностей никак не поминали. Не то, чтобы я не различала или не знала, но только на уровне – блондин-брюнет, высокий-низкий. Может быть, это особенность российской глубинки? Здесь далеко не так.

Ига – вылитый славянин, даже северянин. Малорослый Лёня шутит: «Игорь – русский богатырь!». Но это Игу не столько радует, сколько угнетает. Везде его держат за «своего», пока не узнают. А узнают, когда начинаются шутки, оскорбления или злоба, и ему приходится выкрикивать. Частенько поздно – отношения уже необратимы.

От своего происхождения, – говорит Ига, – не откажусь никогда. Как писал Илья Эренбург – пока в мире есть хоть один антисемит, я еврей.

С этим нам придётся жить…».

…Они пребывали в каком-то радостном ожидании. От встречи до встречи окружающий мир выполнял разве что служебные функции, и, казалось, не имел к ним особого отношения. Но если они не замечали никого и ничего, то вскоре выяснилось, что за ними наблюдали, и далеко не все без зависти и даже злости.

Как-то тёмным декабрьским вечером они подходили к студенческому городку, чтобы разойтись по общежитиям – до завтра, да? Когда они уже поцеловались и Игорь, помахивая рукой, сделал несколько шагов спиной вперёд, вдруг на Юту налетела веселившаяся неподалёку ватага ребят и, хохоча во всё горло, за-

бросала снежками и повалила в сугроб. Он растерялся, как всю жизнь терялся перед хамством.

В принципе, ничего особенного, вроде, не произошло, он и сам так возился с визжащими девчонками, тем более, что первый настоящий снег всегда в радость. Только что Юта гонялась за ним, а он за ней со снегом и смехом. И налетевшие ребята были знакомы…

Но тут что-то было не так. И вдруг он понял. Это сделали при нём, с его девушкой. Никто не мог, не смел, играть даже по-доброму с его Ютой! Но когда он, наконец, сообразил и у него потемнело в глазах, как в детстве, когда он бросался очертя голову, компания уже размылась и разбежалась. И остолбенел-то он на какие-то несчастные секунды. Господи, что она о нём подумает? Что он трус?

Трусом он, кажется, не был, хотя с неуёмной фантазией боялся многого. Но страх – предохраняющее чувство, мобилизующее организм. Хотя, иногда, и парализующее. Страхом природа наградила всё живое. А вот трусость – поступок. Необдуманные поступки у него бывали – и ещё сколько! – но трусливых вроде бы нет. Ещё в детстве он вычитал, – и это стало руководством на всю жизнь, – в «Затерянном мире» у Конан Дойла – герой определяется: мол, боюсь, но больше боюсь, что увидят, что боюсь.

Однажды, в девятом классе, его мужество испытывал один околошкольный бандит по кличке Пипич, сначала второгодник, а потом и вообще изгнанный из школы за *поведение*. Это было его первое, да, пожалуй, и единственное столкновение с «блатными», как тогда называли воров и кучкующуюся уголовную шпану.

Повод был совершенно нелепый. Пипич, в соответствии с криминальной романтикой, страдал неразделённой любовью к однокласснице Игоря Томке Савенковой. Покровительствовал и оберегал красавицу от какой-нибудь другой шпаны – если тебе кто что, ты только скажи, я за тебя… Томке Пипич не то чтобы нравился, но льстило, хотя *ходить* с ним она не собиралась.

Игорь с Томкой абсолютно ничего не имел, но, поскольку им было по дороге из школы, частенько шагали рядом. Пипич заметил и приревновал. На заднем школьном дворе около сарая с вёдрами и лопатами подошёл и не сильно, но умело и больно

ударил в солнечное сплетение и тягуче-гнусавым голосом – поблатному – предупредил:

– У тебя чего с Томкой? Ничего? Так чтоб вместе не видел, понял? Чтоб и близко не подходил, понял? Иначе…

И для верности ещё раз ударил в живот.

На следующий день Томка, как обычно, ждала его у выхода, и они пошли. Пипич шёл сзади с *кодлой*. Когда Игорь остался один, его окружили и стали бить. Кулаками и ногами. Но ногами достаточно осторожно, лишний раз иметь дело с милицией не хотели. После первого приступа экзекуции Пипич спросил:

– Будешь ещё ходить?

– Буду. У меня с Томкой ничего нет.

Повторили.

– Будешь.

– Буду.

После третьего раза Пипича уговорили отступиться – может, у них там действительно ничего нет?

Да, он вёл себя, как и полагалось комсомольцу. Выдержал. Вытерпел. Не сдался.

Тогда Пипич дал время на размышление. На принятие решения. И поступок Игоря был осмыслен.

Но разве не броситься на выручку любимой это не поступок?! Растерянность – не вид трусости?

Что же случилось, что с ним случилось? И страха-то никакого быть не могло – не бить же они Юту собирались. Не хулиганы же. Что ж они драться бы стали? Вмешайся – забросали бы и его, и всё бы превратилось в шутку.

Нет, нет, нет! Не превратилось бы. Не бить собирались. Хуже. Куда как хуже. Унизить! И унизили. И его и Юту.

Юта поднялась и, не отряхивая снег, побрела к двери.

Из дневника Юты: «*Почему, почему Ига стоял как столб! Он же мужчина, он должен, обязан был меня защитить. Мне же щёки снегом натёрли! Нет, этого он видеть не мог – спины заслоняли. Но всё равно! Видел же, что меня повалили. И что ему, в конце концов, грозило? Даже если бы его ударили. Никогда не про-*

щу! Такое не прощают. Это не Он! Как можно связать судьбу с человеком, который тебя не защитит. А если бы бандиты напали? Никогда не забуду его глупого, растерянного лица. Если бы на него напали, я бы зубами вцепилась! А он… Сижу и реву, вон, тебя, дневник, залила… Неужели это всё? Но я же его любила, любила… И всё равно люблю».

Игорь долго стоял и не мог придти в себя. Смотрел на отпечаток Ютиной спины с раскинутыми руками. И вновь потемнело в глазах. Стыд, огромный, непереносимый стыд заполнил его до совершенной невыносимости. Как он мог?!

В голове снова и снова проворачивалось мельчайшими деталями непоправимое. Вот он отошёл метров на пять, вот они налетели… Он должен был броситься сразу. Закрыть Юту и наносить удары во все стороны! Это же сделал бы любой! Что же, что же…

Вдруг всплыла фигура… Вот оно что… Юрка Крук! Вот что его ошеломило и не то, чтобы остановило, но сильно замедлило реакцию. Кто мог ожидать такой подлости от этого парня…

Крук был довольно заметен среди институтской элиты. Геолог, в экспедициях бывал. Играл на саксофоне, участвовал в КВН, что-то писал. Стихи ходили по рукам, в основном по девчоночьим, – «Только ты судьбой мне дана, только с тобой мне всегда весна…». Даже знакомство с Круком чего-то стоило.

Юрка поглядывал в сторону Игоря, однако попыток сблизиться не делал. Они были в разных весовых категориях и в какой-то мере соперниками. Это с Круком Юта *ходила* ещё на первом курсе и даже бывала в доме. У Юрки, в её городе, жил старший брат-офицер.

Игорь даже немного ревновал её к делам давно минувших дней. Юта смеялась:

– Ну что ты, Ига, что ты! Не было ничего, и быть не могло. Это сверху Юрка такой интеллигентный, а внутри – ничего особенного. Только и знает ныть да каламбурить.

Расстались они давно и, как казалось Юте, легко. Оказывается, не совсем… Тяжело ходить в отверженных…

Крук участие в снежном веселье не принимал, стоял немножко в стороне, как бы между ним и компанией, и как-то паскудно улыбался. Торжества на лице не было, тоже растерянность… Почувствовал, видно, что зачёркивает Юту навсегда, а какая-то надежда жила…

Из дневника Юты: «*Зачем, зачем я ходила в эту компанию? Зачем, зачем ходила с этим никчемным Юркой? Надутый, как индюк, на лице такая значительность, а рот откроет и говорит, и говорит всё то, что я и без него знаю. А может, даже больше и лучше. Всё пытался выдурить у меня поцелуй. Чёрта с два! Думала, что всё это несерьёзно, так, пошутили и хватит. Я чувствовала, что Юрка нехороший, но чтобы злобу таить… Какое у него там, на снегу, было подлое лицо! Неужели никто не увидел? Отомстил, гад…*

И эта компания… Интеллигенты, КВНщики… Им то всё это зачем было? Или и для них унизить человека удовольствие? Нет, тут другое… Давай, дневник, по-честному – не на меня напали, на Игу. Его хотели унизить. И унизили, гады. Почему его не любят именно интеллигенты? У всех амбиции, все себя воображают. А при нём становятся маленькими, как лилипуты. Если бы Крук сам напал, он же здоровый... Нет, именно компанией, как на Гулливера.

Я была всего лишь орудием мести. Кому приятно быть орудием? Да и не мести, наверно, а так, подлости…».

«*Ига должен был меня защитить? Да! Но он не струсил – растерялся. Подлость всегда врасплох. Как-то всё произошло неожиданно и быстро. И не били же они меня, шутили… Но со мной так никто не мог шутить! Я не их и никогда не была! Господи, что же теперь делать?*

Ига не подходит, обходит стороной. На нём лица нет. Ему стыдно, конечно. Как ему объяснить, да и что? Вот гады, вроде ведь и ничего такого, а как гадостно!

Но первой не подойду никогда!»

От ужаса и непоправимости происшедшего он долго не мог сделать ни шага. На его Юту напали и он не защитил! Как прова-

литься сквозь землю? Чтобы он теперь ни сделал, будет в лучшем случае глупо – после драки кулаками не машут. Почему нет дуэлей? Пусть бы Крук его убил, но позор бы смыл. Нет, это он бы пустил Юрке пулю в лоб.

Что же делать, что делать? Только что радостная и бьющая ключом жизнь кончилась, а он не умер, хотя лучше бы ему совсем не жить.

Как он пережил эту ночь – не помнил, но не ложился и даже в общежитие не пошёл.

Утром он нашёл Юрку. Понимал, что глупо, но ему нужен был хоть какой-то выход.

– Если ты ещё раз подойдёшь к Ане, смотри…

– И что же это такое будет?

– Убью! – он был даже не серьёзен, а просто грозен.

Крук понял – Игорь ищет ссоры, одно неосторожное слово и драка начнётся прямо здесь.

– Игорёк, да мы же пошутили, что ты шуток не понимаешь, что ли? Что мы её одну забросали тогда? Да целую кучу! И никто не обижался! Что, ты сам так не делал? Никто тебя обижать не собирался.

– Шути с кем хочешь, но Аню не тронь.

– Ой, ой! – облегченно выдохнул Юрка, – Как мы сильно испугались!

Он видел – Юрка струсил. Ну, хоть какое-то удовлетворение. В драке ещё неизвестно кто бы победил. И разве бывают в драке победители?

Время лечит? Чёрта с два! Всю жизнь помнит и даже сейчас напрягается и краснеет. Сколько ему мерещилось – на неё нападают, и он не задумываясь отдаёт свою жизнь.

Не напали. Мир, видимо, понял – врасплох его такими штуками уже не застанешь и больше случая не представил. А дальше испытывал их куда более изощрёнными способами.

Они не встречались месяца два. Как появиться к ней на глаза? На Новый Год уехал домой, ничего ей не сказав. И она переживала, но что делать не знала. Неужели это всё?

Нет! При всей остроте переживаний – до полного опускания

рук – где-то на самом дне сильно возбуждённых правых полушарий, они никогда не расставались – до конца. Как же можно жить друг без друга? Да и зачем?

Свет не без добрых друзей, с удовольствием следивших за развитием их отношений. Не зная что произошло, но полагая какую-нибудь ерунду, Витька Чикин привёл к себе в комнату её, а потом зазвал и его и как-то незаметно исчез. Он обмер, она отвела глаза. Мучительная сцена продолжалась невыносимо долго, пока Игорь, наконец, не прошептал: «Юта…». И умница Юта облегчённо заплакала.

Вышли они из полутёмной Витиной комнаты – предусмотрительный Чикин включил только настольную лампу – вместе, чтобы уже не расставаться никогда.

И вышли уже другими. Происшествие на декабрьском снегу никогда не обсуждалось, разлука не просто сплотила их, они стали осторожнее и между собой, и с окружающей вселенной. Разумнее.

Любовь, тем более ответная, расслабляет. Пребывая в тревожно-радостном состоянии, будучи счастлив и ожидая счастья, Игорь уже почти забыл тот страшный удар, нанесённый в далёком детстве дядей Олегом. Когда съёживался на больничном чердаке и прятался под крыльцом. Когда появилось чувство незащищённой спины, заставлявшее оглядываться и прятаться. Теперь это ощущение вернулось.

Появился страх потерять друг друга, который ещё надо было преодолеть. Любовь не уживается со страхом, справедливо считал Сенека. А апостол Иоанн ещё на заре нашей эры предупреждал: «Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; *боящийся не совершенен в любви*». Но что такое «совершенная любовь»?

СТАТЬ МУЖЧИНОЙ

Мужчине трудно сдерживать страсть. И дело не только в физиологических особенностях организма – что-то там вырабатывается, что-то на что-то давит, да и почти все женщины красивые... Воздержание – при направленности на одну, единственную, смотреть на другую красоту порою просто невозможно – штука еле терпимая, но при глубоком чувстве, осознаётся как совершенно необходимое и неизбежное, особенно при чистоте возлюбленной. Но вот наступает момент *во взаимоотношениях*, когда близость должна окончательно снять всё ещё разделяющее, отдельное друг от друга. Безраздельно *обладать*. Сделать целое из двух половинок.

Мудра природа, создав именно такой способ единения! Проникновение тела в тело, объединение в одно упоительное общее. Пусть на миг, но слияние душ уже остаётся навсегда. Или хотя бы надолго. И ещё дремлющая в девушке женщина чувствует, что пора, что нужно, куда острее и глубже, чем её легкомысленный спутник.

И затягивать момент мудрая природа явно не рекомендует. Всё надо делать вовремя, а уж тем более *это*. Объединяющие силы не могут расти бесконечно без новых взрывов энергии, а разрушающие тоже не дремлют. Выбить, вымыть, выветрить два-три кирпича – и здание рухнет. Или останутся величественные останки, любоваться и дорисовывать которыми былое можно, но жить никак нельзя.

Только природе нет дела до оформления формальностей – пришло время, так делай, чего ждать-то. Но вот человечество, цивилизация… Всякие условности, ритуалы, общественная мораль… И так въедаются, если не в душу, то в мозг, что и шагу не ступишь. Впрочем, об этом почти все романы, саги и даже сказки.

Короче говоря, до *росписи*, мальчик, и не думай. Для советской девушки, воспитанной на фантастике социалистического

реализма, было что-то магическое в этом бюрократическом обряде от лица партии, правительства и государства, скрепляющим брак (слово-то какое, брак – бряк, да ещё и двусмысленное). И не священник в праздничной ризе, освящавший священный союз от имени Бога, а некрасивая усталая женщина, стремящаяся как можно быстрее покончить с формальностями, с трудом и неправильно выговаривая фамилии, выдавала долгожданное свидетельство и объявляла мужем и женой. А уж вот после этого…

Смешно? Ничуть.

Смешна, а скорее трагична, подмена освящённого веками религиозного действа, но не сам факт *узаконивания* отношений. Конечно, лучше в церкви, при венчании (просто царское слово!), но если религия запрещена, то хоть в ЗАГСе, но публично, при людях поклянись мне в любви и верности! Ведь отдаю тебе самое драгоценное – невинность!

«Я твой хозяин, владей же ты мной…»

…Не то, чтобы Юта была вся во власти советских стереотипов мышления и поведения – она всегда была сама по себе и свои внутренние голоса слышала много лучше чем внешние, – но *выйти* замуж для неё было не простым звуком. Скорее завораживающей мелодией, возносящей в какие-то выси общественного положения. И мечты об этом торжественном моменте всё чаще носились по поверхности её возбуждённой коры. Вместе с туманными видениями близости – пугающими и манящими. То, что обозначалось ею словом *«это»*.

Она уже любила его и остро чувствовала – ему, да и ей, *это* надо, что слишком долгое ожидание близости может погубить любовь. Но наспех, без чистоты, где-нибудь? Никогда!

Игорь предлагал, но Юта отказывалась – расписаться и по общежитиям? Ей нужны были свои четыре стены, пусть и самые призрачные. Хоть как-нибудь отгородиться от вездесущего мира. Хотя бы начать строить свою крепость, даже с голого пятачка. И она, заглядывая ему в глаза, просила подождать. Он понимал, что при её не только душевной, но и чисто физической чистоплотно-

сти и брезгливости нужно ждать. Что ж…

…– Ига, а может быть любовь без *этого*?

– Нет! Никогда и ни за что! *Это* без любви представить можно, хотя есть в этом что-то механическое со стандартным набором средств, но любовь без близости – извращение, насилие над природой! Что-то такое было у Блока с женой, дочерью Менделеева… Но там были какие-то сложные и странные философские построения, чёрт их разберёт. Мне, во всяком случае, эта история не показалась красивой.

– А Вера Павловна? Она даже с мужем, года три кажется, оставалась девушкой… В разных комнатах спали…

– Ну, да… До третьего сна тянули… Но вспомни, Юта, уже на следующее утро она была счастлива и сожалела об этих безвинных годах. Хотя, честно говоря, как-то сомнительно, чтобы взрослая женщина, только что лишившись невинности, сразу всё бы и почувствовала. Этот роман вообще…

– А тебе что, «Что делать?» не нравится? Это же классика! Я так в школе зачитывалась. Правда, сейчас перечитывать не хочется…

– Знаешь, Ютик, иногда мне кажется, что Чернышевский написал этот роман, чтобы привить мне комплекс неполноценности. Я в школе всё прочитал по программе… Что-то понравилось, что-то не очень, где-то были непомерные восторги… И только что делать со «Что делать?» так до сих пор и не знаю. Всемирно известный роман… Новые люди… На гвоздях спят… Но читать-то невозможно! Да и сам Чернышевский признаётся – не только писать не умеет, но и языком не владеет. Зачем же мучить себя и читателя? Написал бы научную статью или монографию и прочли бы те кому надо. Может быть даже и я. Читал же я утопистов.

– Ига, но роман о любви? Какая же здесь наука?

– О любви… Но как же это Лопухов так лопухается, что даже жены, так сказать, не познаёт? Ждёт пока она полюбит Кирсанова? Чувствуешь, какая-то искусственность, если не придуманность, во всех этих построениях. Что значит свобода в любви? От чего? От близости, что ли. Любить – значит и обладать. Детей,

в конце концов, делать. Для чего же женятся? Недаром близость частенько обозначают тем же словом – «любовь».

– Ига, а без любви… Мужчинам же надо… Есть же коты, которые без разбора… Я же вижу…

– Нет, Юта, женщина должна понравиться. Пусть на какое-то короткое время, но всё-таки, всё-таки… Это тоже любовь, хотя и уродливая… Да и ритуал нужно соблюсти – ухаживать, там, признаваться…

– А ты мне признавался? Что-то я не припомню…

Действительно… Ухаживать, наверно, ухаживал… И сейчас ухаживает. И всегда будет ухаживать. Если за ухаживание – в первом приближении – считать заботу и стремление сделать приятное. Но признаваться… Да что за слово-то такое? Вроде что-то скрывал, скрывал или натворил и вот… Лучше – объясниться. Хотя тоже… Как будто были какие-то недоразумения…

Ну, да ладно. Понятно, что имеется в виду явственно объявить о своём чувстве и сделать предложение насчёт ближайшего и отдалённого будущего. И даже вечности.

Так признавался или нет? Надо признаться нет. То есть словами не оформлял. А Лариске признавался. Да ещё как высокопарно, без смеха и не вспомнишь. И Инне… Ну, там было уж очень натянуто, и вспоминать не хочется. А Нине так напризнавался, что чуть не плакала.

Юте, оказывается, нет… Вот так-то…

А нужно ли было? Любовь была так естественна, что, казалось, возникла задолго до встречи. Они терпеливо ждали друг друга, и вся предыдущая жизнь была просто прелюдией. И не встретиться не могли. Он сразу понял, что это Она. Юта ещё долго чего-то проверяла, но то, что у них любовь, не подлежало никаким сомнениям. Да и само слово «любовь» стало таким расхожим, неизвестно что и обозначающим. Стишки, песенки… «А я люблю-у-у тебя навек…»

В одном фильме такой эпизод. Героиня спрашивает: «Почему ты прямо не скажешь – люблю!»? На что герой заявляет о недо-

верии этому слову, а просто: «Ты мне нужна!»

И всё-таки был же какой-то момент, должен был быть. Когда стало ясно – брак, там, на небесах, уже свершается.

Да, был! Он помнил этот вечер до явственных картин, почти физических ощущений и стука сердца.

Они медленно брели по осени бульвара Пушкина. Было малолюдно и редкие листья на асфальте ещё не были растёрты и растоптаны. Старались не наступать. Стоял тот неповторимый запах начала увядания, которым веет от картин русских художников.

Под чуть загрустившими деревьями, на чугунных скамейках с деревянными рейками и затейливыми сквозными спинками, кое-где сидели пожилые пары и молча переживали свою жизнь. Особенно запомнился величественный старик, положивший подбородок на массивную трость с серебряным набалдашником. Рядом, с открытыми, но невидящими глазами, откинулась старенькая сухонькая жена.

Они с улыбкой помечтали, что тоже проживут долгую жизнь и когда-нибудь, именно на этих скамеечках, будут молча подводить итоги.

Игорь осторожно снял со скамейки красно-жёлтые листочки и вручил их Юте. И немедленно лёгкие губы на мгновенье коснулись щеки.

Присели. Он положил ей руку на плечи и осторожно притянул к себе. Она сначала устроила свою головку у него на груди, как вдруг подняла глаза и стала как-то особенно на него глядеть. Ему страшно захотелось поцеловать её. По-настоящему, не так, как она позволяла до сих пор. И почувствовал – можно. Юта сначала напряглась и вдруг обвила его шею и счастливо отдалась поцелуям.

Он совершенно онемел. Но Юта, отстранив головку перед новым поцелуем, со слезами на глазах прошептала: «Ига, Ига, я уже без тебя не могу…».

Так он признался ей в любви.

– Юта, я тебе тысячу раз признавался. И сейчас признаюсь. И всю жизнь буду. Проверим, конечно, но, по-моему, мы умеем

любить. А это не всем дано. Для этого вера нужна. В будущее. В Вечность. Нам же с тобой целую жизнь жить. Не шутка. И надо, как бы это сказать, приступать к более активным действиям. А то… Знаешь, как сказал Ричард Фейнман? Физик американский, лауреат Нобелевской премии, атомную бомбу делал: «*В идею, как в жену, нужно влюбиться и жениться. Потом видишь – то не так, это не так, но делать нечего, ты уже женат*».

– Тогда нам нужно срочно пожениться, а то ты ещё чего-нибудь увидишь…

– Хоть сейчас! И всё у нас будет так!

– Ига, а если я… ммм…, как говорили в старину, нечестная?

– Что?! Юта, такими вещами не шутят!

– А если не шучу? У тебя же были женщины? Наверняка! Почему же мне нельзя? Какое же это равноправие?

– Ты ещё скажи эмансипация! Равенство следует понимать как каждому своё, а не буквальное тождество. Кто-то хорошо сказал, мол, поверю в равенство, когда мужика научат рожать.

– Конечно, каждому своё. Мужчине – женщина, женщине совсем наоборот. Вот и равенство.

– Юта!!! Ты что хочешь сказать? Ты прямо скажи, потом поздно будет. У тебя было?!

– А что, разлюбишь?

– Разлюблю? Не то слово!

– Но почему, Ига? Вам можно, а нам нет?

– Потому! Женщина не мужчина. У нас ничего не происходит, а у вас кое-что нарушается. Да и не в этом дело. Познав кого-то, женщина будет сравнивать. Любимый уже никогда не будет единственным. И вообще невинность в христианской традиции. Я уж не говорю об исламе. В русских деревнях после брачной ночи даже простыню на забор вывешивали – смотрите, с нашей всё в порядке.

– Но сейчас же не домострой! Если девушка влюбилась и, скажем, ошиблась или что-то не получилось, что ж ей пропадать? Если все так будут рассуждать…

Разговор зашёл в какую-то банальность. Он понимал, что говорят о пустом – чиста она без всяких сомнений.

Но почему его это так взволновало? Почему от одной мысли темнеет в глазах? Даже тень сомнения довела чуть ли не до бешенства. Что это – рудимент? Аппендикс сознания? Или, скорее, подсознания? Ну и владей сейчас, причём тут прошлое…

Древняя иудейская мудрость гласит: «нет следа в небе от птицы, змеи на камне и в женщине от мужчины». Последнее скорее наоборот, но если нет последствий, то тоже верно. Кстати, игнорируя отцов-завоевателей и определяя национальность по матери, на тысячелетия сохранили народ.

Говорят даже, что основное русское ругательство первоначально имело довольно дружелюбный смысл – а не твой ли я отец. И только при переходе к моногамии стало тем, чем стало. Иначе трудно объяснить эту отвратительную и совершенно бессмысленную идиому.

Так в чём же дело? Почему не так волнуют поцелуи, тоже не оставляющие следа? Хотя нет, от этого видения – в губы! – кровь ещё как приливает к щекам.

Почему, почему он никогда не сможет смириться? Дефлорация? Ну, так это же раз в жизни… Да и чёрт с ней, в конце концов. Не такое уж серьёзное повреждение…

Откуда вообще у человечества взялся институт невинности? Не природное же чувство, у животных ничего такого нет.

Скорее всего, результат одухотворения, очеловечивания всего, с чем сталкиваются люди. Например, половой акт. Понятно, что в процессе самец ослабевает, менее защищён и уязвим. И ищет укромное местечко. Чисто утилитарный подход. А у человека целая поэзия – интим.

Может быть в начале, в отсутствии средств предохранения, нависала угроза безотцовщины и, как следствие, более слабого потомства, не имеющего шансов выжить в острой борьбе за существование. А затем, когда совсем уж первобытные угрозы миновали, – поэтизация, сильно возбуждающая любовная игра! И создание образа Женщины, чистой, невинной, дарящей Любовь.

И в прогрессивной моногамии – только ему одному, единственному – защитнику и завоевателю. Патриархат всё-таки.

В исламе идеализация чистоты довела аж до паранджи.

А может чувство собственника? Желание безраздельно и единолично владеть? На кой чёрт собственнику подержанная вещь? Ну, там, коллекционеру антиквариата... Да и то… Поставить и любоваться одно, а пользоваться… Юта наотрез отказывалась даже гипотетически приобретать не новую кровать с амурами на дуге спинки, выставленной в витрине комиссионки. Действительно, лежать с Ютой пусть и на самом дорогом и красивом ложе и знать, что на ней когда-то кувыркалась в своё удовольствие легкомысленная и невежественная красавица Мария-Антуанетта?

Нет, что-то он далеко зашёл. Сравнивать немного повидавшую женщину с подержанной вещью? Это уж слишком. Разве что вещь в себе… Или, точнее, вещь сама по себе… Нет, Юта, конечно, не вещь, но принадлежать ему будет безраздельно.

Ладно, Бог с ним – с Кантом и его трансцендентальной философией. Просто – близость всегда содержит риск зачатия. При неоформленных отношениях крайне нежелательного. Не страх же поэтизировать, вот и поём невинность.

Но сегодня девушки защищены от мужского произвола. Контрацепции навалом, в любой аптеке. Так что же, женщине пора раскрепощаться? Пусть, как мужчина, творит чего захочет? Да и патриархата уже как бы и нет.

А любовь? Сведём до физиологических потребностей? И очеловечим уже что-то другое?

Нет, нет и никогда! Он воспитан русской литературой и, несмотря на практический и теоретический, насильственно изучаемый, атеизм, православной культурой. Ему необходима единственная любовь! К Юте. И ни с кем он делить её не хочет и не может – ни в прошлом, ни в будущем и уж конечно ни в настоящем.

Он должен сделать её женщиной! Пусть это далеко не только физиологический процесс. Но с этого начинается! А без начала какое же может быть полноценное продолжение?

Может, он просто ревнив? А разве это чувство не составная часть любви? С которым нужно бороться, но ни в коем случае не побеждать.

– Юта, я не все! Может, кому-то и нравятся опытные женщины, ну и ради Бога! Ты не юли, Юта, ты прямо скажи…

– А сам как думаешь?

– Не верю! Ты даже целоваться не умела. Ну, этому мы ещё будем учиться. Но в наше время… Чёрт его знает… Нет, ты лучше всё-таки скажи. Тем более что скрыть всё равно нельзя.

– Придёт время, узнаешь. И всё-таки это атавизм. Женщина тоже должна быть свободной.

– Ну и будь свободной. Но только со мной!

У Игоря кое-какой опыт с женщинами был. Он нравился, и сам был речист и очень даже влюбчив. Правда, переход от слов к делу всегда давался ему тяжёло и даже мучительно. Смелый и дерзкий в мыслях, словах, на бумаге, в общении с реальными людьми ему решительности явно не доставало. Как правило, выручали сами женщины. Романы с покладистыми быстро заканчивались и забывались. Помнилась только первая любовь, сильно его насторожившая.

Честно говоря, Лариска была не первой и не такой уж и любовью, но именно ей предстояло превратить его в мужчину.

Настоящим сильным первым чувством, не считая влюблённостей чуть ли не с первого класса, стала златовласая, светлоокая Света Серебрякова, баскетболистка из десятого класса (он тогда был в девятом). Между прочим, Света так и осталась единственной блондинкой в его чувственной жизни. Но обитавшая в высших сферах, совершенно недоступная, не обращавшая никакого внимания на малька из низшего – во многих смыслах – класса, Света была скорее предметом обожания, чем реальностью и совершенно не присутствовала ни в каких сексуальных фантазиях. Окончив школу, светлая Света ушла из его жизни навсегда, так и не узнав о его любви. Но оставив смутное ощущение недостижимо-прекрасного.

Когда небольшая, плотная, тёмно-кудрявая, очень живая и, как он спустя некоторое время определил, чувственная, Лариска решила в него влюбиться и искусно предоставила ему объясняться, женская плоть всё чаще и чаще являлась ему в необузданных фантазиях. Появление *его* девушки, с которой он *ходит*, возможность обнимать и целовать *настоящую*, резко перевело его в другой разряд жизни.

Но оформлению и преданию гласности священного союза предшествовали некоторые формальности.

До него Лариска встречалась с его одноклассником и приятелем, довольно угрюмым и не бросавшим слов не только на ветер, тяжеловесом-разрядником Мариком Темноводовым. Марик был известным в широких школьных кругах борцом вольного и классического стилей, с большой коллекцией медалей, преимущественно бронзовых. Посвящённые, конечно, знали, что в те не очень сытые времена, тяжёлая весовая категория в юношеских соревнованиях редко собирала больше трёх-пяти участников. Да и популярность этого вида спорта была не слишком велика. Но призовые места, чуть ли не всесоюзные, впечатляли. Живую и непостоянную Лариску ореол спортсмена, которого окружающим следовало обходить во избежание, грел сравнительно долго, чуть ли не три месяца, но, в конце концов, перебрасываться словами по одному в час ей осточертело, и последовала бурная отставка.

Кодекс школьной чести требовал от нового фаворита личных объяснений – *по-честному* – что и было сделано незамедлительно. Марик удовольствия неожиданной заменой не выказал, но и возражать особо не стал, пробурчав что-то вроде пожелания удачи. Но на следующий день, после уроков, возникла ссора, правда, по совершенно другому поводу, а по какому именно, он так и не сумел выяснить. В первой, словесной, части драмы Марик с неожиданным красноречием высказал нелицеприятное мнение насчёт болтунов и выскочек, не имеющих ни гроша за душой и только мешающих настоящим людям идти своей нелёгкой дорогой, и что таких следует давить, как клопов. Игорь, за словом в карман никогда не лазящий,

заявил, что настоящие люди встречаются не только в тяжёлой весовой категории, которых и давить не надо. Во второй части соперники перешли к небольшому рукоприкладству без особого членовредительства, в ходе которого у него был разбит нос, но и он Марику подставил под глазом.

Права на Лариску были завоёваны в полном объёме.

Отношения развивались весьма стремительно. Уже через несколько дней он узнал о женском теле значительно больше, чем за всю предыдущую жизнь, причём в непосредственных ощущениях. Раскованная Лариска хихикала от его прикосновений и шлёпала по губам и рукам. О Господи! Какая это была чудная игра! А возможность ощущать пусть и небольшую, но круглую упругую грудь!

Вскоре было решено, что они обязательно поженятся, и даже сохранилась фотография, подписанная «Лара Потапенко-Раманова».

Позволено было многое, но не это. Её высокопоставленные родители опекой особенно не обременяли, но обожаемый дядя Петя предупредил (о чём было доложено): «Смотри, Лариска, целоваться, обниматься и всё такое – ладно. А дальше до свадьбы – ни-ни!». Но с основами современной контрацепции на всякий случай познакомил.

Как потом оказалось, дальше зашло и, по-видимому, задолго до него, но это было один раз, её подпоили, ей было плохо и тому подобное…

В тот вечер Игорь, как обычно, зашёл за ней без особого плана. Май стоял славный, было ясно и тепло, звёзды уже строились в созвездия и просто требовали уйти от фонарей.

– Лара, а пошли в Шевченко?

Так, в городском просторечии называли парк имени Тараса Григорьевича, расположенный на берегу большой и чудной реки. На входе имелась небольшая регулярная часть и огромное, тёмное и дремучее продолжение, до конца так и не исследованное. Закалённые любовью парни поговаривали, что добраться до предела смогла только одна парочка, назад уже не вернувшаяся. То ли увидела обратную сторону Луны, то ли тех самых трёх китов,

а может быть, что-то потеряла, чего, брат, не вернёшь. Но и видимой Луны и освоенной территории, заросшей густой травой-муравой, вполне хватало всем влюбленным города его отрочества.

– Ну, если больше некуда…

Они обогнули крохотную танцевальную площадку с бессменной «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую…» и углубились в дебри. После долгих и упоительных блужданий, вышли на невысокий, но крутой берег с длинной лунной дорожкой и устроились на свежей сочной зелени. Объятия были вначале какими-то задумчивыми. Но вот ей стало прохладно, и она прижалась к нему всем телом. Он крепко обхватил её, стараясь прикрыть со всех сторон. Поцелуи становились всё жарче, и как-то незаметно они оказались в горизонтальном положении…

Сколько раз он в мельчайших деталях вспоминал этот вечер! Поражался себе и был ужасно горд, что не испугался, не растерялся и вообще, как ему казалось, вёл себя как настоящий мужчина! Только что-то его смущало, беспокоило, что-то было не совсем так… И вдруг он вспомнил. Простынка! Откуда взялась эта проклятая тряпка, вместо обычной вчетверо газеты?! Он искренне считал, что всё произошло спонтанно, от переполнявших чувств, что этого просто не могло не произойти! Но простынка-то была заготовлена заранее… А может быть Лариска её давно носила?

Всё когда-нибудь заканчивается. Жар продолжался до самых выпускных и вступительных экзаменов. Но он не поступил и стал как бы неперспективным. Лариска поглядывала на него с большим сомнением. Они ещё повстречались немного и разошлись…

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Горожане… Тяжеловатое слово… От чего-то отгороженные. Когда-то от врагов, с адскими рожами лезущих на стены, несмотря на кипяток и расплавленную смолу. Но враги уже давно не те, а если и есть, то всё больше с танками и самолётами. Так от кого же теперь? Уж не от матушки ли природы? Или от самих себя?

Да и стены крепостные сохранились только в считанных кремлях, овеянных легендами и ароматом времени. А так и конца города не найдёшь – из одного попадаешь в другой.

Хорошо древним городам – Петербург, Рига, Великий Новгород – в них хоть следы времени на тёмных кирпичах, черепице и окнах с частыми переплётами создают какую-то надёжность существования – до нас были, есть, может и после будут. А что делать новым, которым лет по сто, а то и много-много меньше? Ни истории, ни архитектуры. И здания какие-то хлипкие – дунь ветерок посильнее, или, не дай Бог, землетрясеньеце с какой-нибудь магнитудой, и вот они уже пыльной грудой устойчивой пирамиды.

Ну, катаклизмы ладно. Все под Богом ходим. Но где же глазу отдохнуть от вездесущей примитивности? За что зацепиться?

И вот рождается человечек, растёт, формируется, живёт в образованиях таких искусственных, что даже вместо земли асфальт и бетон. Конечно, не без травки, не без цветов, не без кустов и даже парков и скверов, но всё в эвклидовой геометрии с такими правильными прямоугольниками, треугольниками, окружностями до примитивности. Конечно, всё это добавляет кислород в перегруженную газами атмосферу и должно радовать глаз и даже радует иногда, но как-то не очень. Разве что ещё остались неподконтрольные белоснежные облака, с такими очертаниями, что и геометрия Лобачевского бессильна их втиснуть в какие-либо фигуры и формулы. И поглядывающие

из своей равнодушной синевы – суетитесь? ну-ну. Правда уже и тучки научились разгонять…

И такая беспричинная тоска, бывает, человечка охватит, что чувствует – ещё немного и зов предков вырвется наружу, а уж какие формы примет, так прямо и не знаешь. И самосохраняя себя от внутренней пустоты, бросит взгляд на карту и куда-нибудь за город и побежит. Не только от будничной суеты, однообразия и переполненного общественного транспорта, от примитивности прямых углов, линий и параллелепипедов пятиэтажек, от пыльных улиц, проспектов и площадей, не только к живой природе и свежему воздуху, но и за глотком свободы общений, за иллюзией *безнадзорности*. Где место не только словам, но и поступкам. А то поступком горожан всё больше становится слово. И далеко не то, что было в начале.

Есть какое-то таинство в путешествиях. В открытии новых пространств, пусть они и открыты миллионы раз до тебя. Но открываешь-то для себя все эти виды, красоты и уродства, весь этот Космос и Хаос – все новые, совершенно ни на что не похожие. И что за странное, тревожно-приподнятое чувство охватывает при виде всех этих стеснений и раздолий? Почему всё становится твоим, как будто принадлежит тебе, и ты только терпишь других, никак не разделяющих с тобой первобытную радость ставшего родным ландшафта? Что толкает идти дальше и дальше, завоёвывая всё новые и новые пространства? И даже неважно куда идти – главное идти.

Нет, не объяснишь эту тайну желанием что-то узнать, расширить кругозор за счёт горизонта, посмотреть на звёзды с другой стороны… Это только попутно совершаешь что-то утилитарное. Неужели главным для викингов, Колумба, или Пржевальского было открытие чего-то нового? Да и знали ли они что откроют? Потом окажется, что плыли не туда, открыли не то. Нет, они плыли чёрти на чём, ехали на запыленных верблюдах со спущенными горбами, шли, увязая в песках, снегах, болотах, и счастливы были, если даже не доходили. Искусство – прежде всего для искусства, а путешествия – для путешествий. И так в пути душа

всему тревожится, изумляется и радуется, что больше ей ничего и не надо. Всё остальное – для тела.

…Игорь с нетерпением ждал весны, расписывая Юте прелесть первых походов «выходного дня», как это называлось в планах массового отдыха трудящихся. Юта немного тревожилась по поводу неведомых условий, но лесной быт ей был знаком с детства, и она сначала просто соглашалась, а потом вдруг как-то неожиданно тоже стала ждать и даже с каким-то непонятным нетерпением. Как будто для неё, в общем-то, рядовое событие становилось знаковым. Игорь её нетерпение почувствовал, сильно удивился непонятной реакции, попытался разобраться, но она загадочно улыбалась и отворачивалась. Ну да Бог с ним, главное – ждёт.

Главная радость ожидания – куда пойдём? Перебираются варианты, с подробным анализом преимуществ и неудобств, включая транспортные. Бывалые рассказывают, смакуя подробности, о таких заповедных местах, что становится ясно – более райских природы и условий в мире не существует. В общем – предвкушение.

Но бежать надо куда-то подальше. На город со всех сторон наступают другие города, свинарники, коровники, в которых животные, доведенные до уровня скотины, тоскливо жуют какой-то химический комбикорм.

Честно говоря, бескрайняя, но всюду распаханная, степь на столь короткий срок особого выбора не оставляет. Некоторыми семейно-озабоченными гражданами на субботу-воскресенье использовались даже лесозащитные полосы – *посадки* – но, согласитесь, это не серьёзно. Хотя…

Как-то они забрели с Ютой Бог знает куда, и в двойном ряду акаций обнаружили расположившуюся цветастой клеёнкой и верблюжьими одеялами группку из двух, видимо семейных, пар. День был жаркий, женщины в светлых, смахивающих на нижнее бельё, купальниках, мужчины в семейных трусах, распахнутых рубахах и в невесть откуда взявшихся бейсбольных кепках с надписью Chicago Bulls. В руках у одного была шестиструнная гитара. Второму женщина положила голову на колени.

– Смотри, смотри, Юта! Это же просто «Сельский концерт» Тициана! Который так долго приписывали Джорджоне. А? Только детали поменяло время…

В детстве, лет десяти, мама взяла Игоря к заказчице, ведущей артистке драмтеатра. Квартира была большая и богатая, обставленная не очень понятной ему мебелью. Запомнился небольшой мраморный столик с резаком как для обрезки фотографий. Тяжёлое изящество, как оказалось, ждало сигар. В углу стояло странное сооружение непонятной бронзовой красоты из трубок и сосуда с крышкой. Кальян, объяснила хозяйка, прикуривая очередную беломорину.

Пока мама и артистка хлопотали над рисунками и выкройками, а дело было нескорое, ему сунули с предупреждениями – только аккуратненько! руки чистые? покажи! – огромный фолиант живописи Возрождения и немного далее – маньеризма.

Книга была на немецком и Игорю не удалось прочесть даже фамилий авторов. Но картины, переложенные тончайшей полупрозрачной рисовой бумагой, поразили и врезались в память уже навсегда. До сих пор волнует таинство открытия картины, когда под прокладкой угадываются цвета и линии и вдруг обжигает светотень. Чьей кисти принадлежат картины, он узнал значительно позже и с трудом соединил имена с изображением. Долгое время искусство тех эпох воспринимал единым текстом – и Леонардо, и Боттичелли, и Караваджо… И Тициан…

– Ну, Ига, у тебя и ассоциации…

– А что? Смотри – деревья… Пусть у Тициана куда более мягкие и пушистые… Трава… Гитарист готов ударить по струнам… Второй серьёзен, как сельский мудрец. Чуть вдали дома, правда, девятиэтажки. В роли пастуха милицейская машина, за которой плетутся, как овцы, «Жигули» и «Волги»… Правая дева, как Муза, почти обнажена. А левая вообще с чайником – символ очищения… Ну, живи Тициан в двадцатом веке…

– Знаешь, твои аналогии напоминают анекдот из армянского радио: «Правда ли, что Имрекян выиграл сто тысяч по трёхпро-

центным облигациям?» «Правда. Но только не Имрекян, а Симонян. И не по облигациям, а в преферанс. И не сто тысяч, а сто рублей. И не выиграл, а проиграл».

– Ха-ха! А у меня другие ассоциации. Возрождение, Юта, Возрождение… Не его ли переживает наша страна? Хотя, кажется, дело идёт к концу… Ещё совсем недавно такую сцену невозможно было себе представить. Мигом бы ребята оказались в кутузке…

…Но, слава Богу, есть, есть в степи, километрах в тридцати от промышленного, задымленного и усталого города, довольно большой лесной оазис с водой в виде обширных прудов, поместному – *ставки*, тропинками, редкими белёными хатками. Вот туда-то и устремляется в свободный денёк с рюкзаками и палатками некоторая, пусть и незначительная, часть интеллигенции от пятнадцати до тридцати – и даже старше.

«Сторона моя, светом звеня, не сторонником – единоверцем раствори в своих ритмах меня…»

Май в том году погодой запоздал, но наступил. Открытие сезона планировалось на первое, но строгости по участию в первомайской демонстрации – только попробуйте не прийти! выводы по соответствию высокому званию советского студента будут сделаны незамедлительно! – и неприветливое небо с тёплыми, но частыми дождями, планы сорвали. Но не отменили.

К пятому-шестому распогодилось, лужи стали подсыхать, зелень обещала к девятому стать смелой, ласковой и ароматной. И уж если на городских клумбах плескались тюльпаны и нарциссы, а на газонах желтели одуванчики, то лесные цветы просто заждались! Пора!

День Победы, поистине всенародный праздник, но так уж заорганизован не был. Пришёлся на четверг, а, значит, прихватив пятницу и субботу, получаем целых четыре дня.

Ранним светлым утром, на триста тридцать седьмом километре, неизвестно откуда ведущем счёт, дизель с пятью вагонами приостановился и вывалил пять-шесть небольших групп, с шумом устремившихся в лес. Дороги у каждой компании были свои, голоса вскоре затихли, осталось тихое многоголосье леса.

Впереди, не делая ни одного лишнего движения и почти не касаясь приветливых веток, бесшумно прокладывал путь по хорошо знакомой тропинке Сашка Нильчевский. За ним, держась за руки и держа дистанцию, топали Витя Чикин с Ирой. Игорь с Ютой замыкали, беспечно отставая и нагоняя наперегонки.

Игорь обнял Юту за плечи – девочки шли без рюкзаков – и первые сотни метров они даже не разговаривали, только улыбались. Почти мгновенное перенесение из тёмной серости в свежую зелень деревьев и трав требовало вхождения, освоения красок, звуков, запахов. Они, что называется, пряли ноздрями.

«Лопнули почки и сразу, и сразу зелень явилась живою листвой. Время пробило и как по приказу ствол начинает свой круг годовой…»

Но вот сорван первый синий цветок, чуть вытянутые губки нежно коснулись его щеки, и полнота чувств потребовала слов.

– Господи, Ига, хорошо-то как! Я словно дома!

Её васильковый костюм замелькал среди молодых дубков – собирала букетик.

– Юта, ну куда ты подевалась? У воды наберёшь, там знаешь сколько? И разных.

– А я сейчас хочу!

– И ты знаешь названия всех этих трав и цветов?

– Некоторые знаю.

– А я, представляешь, сколько брожу по лесам, а имён растений так и не выучил. Да и некому было представить…

– Ну, ты же городской.

– Ты думаешь? Мне иногда кажется, что я не там и не тогда родился, и живу не так. Давай поселимся здесь, а?

– В палатке?

– Или в шалаше. Рай обычно ассоциируется с этим сооружением. Много ли нам с тобой нужно? Ты будешь всякие коренья и ягоды собирать, варить мясо, шить деревянной иглой. Я буду охотиться на мамонта и рыбу бить копьём.

– А ты умеешь?

– На мамонта я ещё не ходил, но на кабана разок было. А бить рыбу на Алтае пробовал. Есть там такая рыбка пуда на два – таймень. Плывёшь на лодочке тихонечко, в воду всматриваешься – стоит. Тут ты его острогой бац! Честно говоря, у меня не сильно получалось – надо совладать с преломлением света в воде, а это не просто. Но я научусь. В моей крови знаешь какой зов предков? О-го-го! Да и люблю я тебя. А ради любви и не такое творят.

– Вот и твори, Игорёк, твори! А я тебя буду любить!

– Всегда?

– Всегда… – она как-то странно поглядела.

Палатки поставили метрах в пятнадцати от воды на полянке, кое-где поросшей тихой травой, между не слишком густыми, но отгораживающими от остального мира деревьями и кустами. Где-то на противоположном конце ставка уже купались, и доносились крики и смех. Игорь и Витя вопросительно поглядели на Нильчевского, но Сашка был строг и непреклонен. Что ж, натаскали сушняка, вырубили рогатины и перекладину, запалили костёр, подвесили на скрученной проволоке старый заслуженный алюминиевый чайник, давно потерявший в боях и походах родную дужку с деревянными обкладками.

– Концы в воду! – наконец прозвучал клич Нильчевского.

Мальчики дружно бросились в ещё далеко не тёплую и не слишком прозрачную жидкость под немного тревожные, но восхищённые взгляды девушек, ограничившихся омовением восхитительных ножек. Игорь нырнул и преподнёс Юте раковину:

– Это, Юта, устрица. Пресноводная. В иностранной литературе пишут, что можно есть живой. Правда, при этом надо поливать каким-то средиземноморским соусом. Но у нас есть горчица.

– Вот пусть средиземноморцы и едят. Ты ещё лягушку поймай! Брось сейчас же, не мучай животное!

После чая с бутербродами ребята расположились позагорать, а Игорь повёл Юту показывать лес.

Лес ещё был сквозным. Листья уже оформились, но были не-

большими и нежными и даже в кронах не скрывали грубую от зимы кору. Подлесок был густоват, за лесом плохо ухаживали, но всё равно прямиком – навпростець – идти было приятно.

Она вооружилась прутиком и пыталась сбивать с веток всякие прошлогодние ненужности. Осторожно, стараясь не повредить свежую зелень.

Он уже знал это её свойство – не проходить мимо неправильностей. Сухая ветка склонилась к тротуару? Обломать – вдруг кто-нибудь оцарапается, а то и в глаз. Камень на дороге? Столкнуть – ещё споткнётся кто и упадёт. Что это – коммунистическое воспитание? Или просто хороший человек? Но он тоже казался себе неплохим, но вот же наклонялся, обходил… И в голову не приходило исправлять.

Они вышли на просеку с белым когда-то столбиком с затёртыми номерами квадратов.

– Ну, как тебе наш графский лес?

– Ничего. Только невысокий какой-то. У нас куда дремучей. И всё лиственный? А хвойные есть?

– Там, дальше. Возле сосен ещё дендрарий, я тебе покажу.

– Ига, а почему графский? Кому-то принадлежал?

– Да нет, никаких графьёв здесь никогда не было. Это мы его между собой так называем. А вообще-то, официальное название по посёлку, километрах в шести отсюда. Я тебе всё объясню, только сначала скажи – как лес? Что-то необычное чувствуешь?

– Не знаю… Не похож ни на что… Но лучше или хуже как-то не определю. Что-то меня даже беспокоит…

– Ага, что-то всё-таки ощущаешь. Юта! Ты находишься в самом центре чуда!

– Чуда?

– Именно! Может быть, как определил Шварц, обыкновенного, но чуда. Тебе разве не слышен оксюморон в сочетании «лес в степи»? По определению – или лес, или степь.

– Или лесостепь. Но здесь всё-таки степь… Действительно… Как же это?

– Ладно, Юта, открою тебе тайну. Это рукотворный лес! Заложенный на площади тысячи с лишним десятин, то ли казенных, то ли хозяйственных. Сейчас, насколько я знаю, насчитывают что-то около двух с половиной тысяч гектаров. И создал этот лес, ни на какой другой не похожий, Че-ло-век! По фамилии Граф-ф. Именно так, с двумя эф. Без всяких сословных титулов. Там, дальше, памятник, мы до него дойдём. И поклонимся.

– Расскажи, Ига…

– Обязательно, Юта, обязательно! А заодно разберёмся в твоём беспокойстве. Я тоже долго не мог понять – восхищался и что-то тревожило. Но, знаешь, при одной мысли об этом чуде меня охватывает законная гордость за наш народ. Согласись, только русский человек мог создать лес там, где каждое чахлое деревце на счету. В голой безводной степи. И в те времена! В самой середине девятнадцатого века.

– Всего лет сто с небольшим?

– Скорее уже… Ведь не просто посажен – выстоял! И нет сомнений, что на века. От первых посадок как будто ничего не осталось, вековых деревьев вроде нет, а мечта Граффа – вот она! Это наше мышление, на наших просторах и вольнице. Только нам по плечу такие проекты. Вот ещё, не дай Бог, реки повернём…

– Что же, нигде в мире нет таких лесов? Я что-то такое слышала. Даже где-то в пустыне сажали…

– Да, Юта, сажали. И сажают. Но это же потом! Графф-то был первый! Ты понимаешь, что это значит? Первый – всегда *единственный*! Последователи может и дальше пойдут, но дорогу прокладывают первые!

– Я-то хорошо понимаю, что значит первый. Женщины вообще это лучше чувствуют.

– Да? Как-то в этом смысле не размышлял. Так вот, в пустыне леса наверняка нужнее, чем здесь. Между нами говоря, тут-то лес зачем? Ну да, ну да – природо-, водо-, почво- и всякие другие охранные соображения… Даже и климат… Мы, вот, здесь дышим. Но стояла же степь миллионы лет и ещё столько же простояла бы.

– Любишь ты Ига большие числа, прямо как астрофизик.

Миллионы лет! Да тогда здесь, скорее всего, море плескалось со всяким ихтиозаврами. Так зачем же твой граф всё это натворил? Небось, не дешёвое мероприятие.

– Наука, Юта, наука! Что движет учёным? Польза? Практическое применение, как учит нас партия? Нет, нет и нет! Аристотель, гуляя по своим аллеям, даже говорил, что если наука приносит пользу, то это вообще не наука. Лю-бо-пытство! А что там внутри? А что если вот это влить в это? А почему если янтарь потереть, притягиваются волоски? И вообще – можно или нельзя? Конечно, нельзя! Не рос лес в степи никогда и расти не будет. А если… Корневая система у таких вот пород… Грунтовые воды… Может быть, дело только в начальном периоде? Не семена, а саженцы? Расчёты показывают… Надо пробовать! А наука денег стоит и их ещё надо найти, оторвать от всяческих насущных проблем. И ведь нашёл! И дали! И не советская власть, а совершенно отсталое царское правительство. Тоже, надо думать, заворожённое и нашими просторами и грандиозностью эксперимента. И, если и думало о пользе, так не на завтра же!

Они ушли с про́секи и теперь шли под дубками, с кружевными краями листиков. Солнце легко пробивалось сквозь кроны и разбрасывало повсюду яркие пятна. Юта напоминала «Девушку, освещённую солнцем» Серова, только красивее. Он сорвал три веточки, получил укоризненный взгляд и три поцелуя.

«А солнце светит и не знает, куда лучи его летят…»

– Давай, Юта, представим, как всё начиналось. Как принято в литературе – герой в конкретной исторической ситуации.

Сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы девятнадцатого века. Что в мире творится! Ужас! Маркс с Энгельсом запускают призрак по Европе. Россия проиграла Крымскую войну. Светлейший князь Горчаков ведёт сложнейшую политическую игру по восстановлению российского имиджа. Бисмарк объединяет Германию. Во Франции Наполеон третий устраивает грандиозную промышленную выставку, с которой, насколько я понимаю, начинается научно-техническая революция. Россия, что

характерно, представлена в основном обжираловскими рядами. Ну и так далее. Бурлит Европа, и в России не слишком спокойно. Именно в этот момент скромный русский учёный-лесовод начинает грандиознейший эксперимент, конечно оставшийся незамеченным. Да и сейчас мало кто знает и гордится этим деянием. А ведь какой научный и человеческий подвиг! Даже чисто в физическом плане Граффу пришлось вынести ох, как немало трудностей. Представь только борьбу с русским чиновником!

– И семья была… Наверняка сутками здесь пропадал. Бедная жена, бедные дети…

– А если жена сподвижница? А жёны декабристов? А если мне на тебя времени не хватит?

– Брошу. И уйду… К тебе.

– Юта!

– А что, все эти европейские события никак не сказались? Не притормозили, не ускорили…

– Да почти что и никак. Всё преодолел, как ты видишь, пионерский энтузиазм, а может быть и фанатизм. Или целеустремлённость. Как посмотреть… Впрочем, нет. Тут ещё некстати царь отменил крепостное право, что лишило Граффа и последователей даровой рабочей силы и, как следствие, заставило удешевить посадки. Но как-то выкрутились – то ли за счёт качества, то ли за счёт породы деревьев – стал преобладать дубок, – а, скорее всего, заиграла русская изобретательность и сметка. Во всяком случае, лес – вот он!

Они шли по солнечной стороне широкой аллеи с кронами, тесно стоящими плечом к плечу, сквозь строй каменных скифских баб, поддерживающих щербатыми от времени руками большие животы. Юта потрогала прутиком оспинки в районе пупка:

– Смотри, Ига, невесёлые какие… Одинокие… А ведь им когда-то поклонялись. Наверное, просили о чём-то…

– И они ни в чём никому не отказывали. Мы даже не знаем что, собственно, они символизировали. Да и точно ли это бабы? Может и мужики. Нет, скорее пришельцы бесполые.

– Ну, уж бесполые… Мы-то от них.

– Это вопрос сложный. Но и от них тоже. Чувствуешь аро-

мат времени? Создатели баб давно и безымянно сгинули, а эту тяжеловесную связь оставили как символ вечности. Давай, Юта, я тебя из чего-нибудь долговечного вырублю, и через тысячу лет люди будут знать, что я тебе поклонялся.

– Самое долговечное, Ига, слово. И бабы эти когда-нибудь окончательно разрушатся, а слово о них будет жить. Как всё живое, как этот лес.

– Да ты философ, Юта! Экие глубины в тебе открываются. А вот и Виктор Егорович Графф!

На них строго глядел из финского гранита совершенно обыкновенный человек, даже не атлетического сложения.

– Знаешь, Юта, всё-таки обидно. Такое сотворивший человек и почти неизвестен. Ладно, эти каменные бабы… Когда ещё их высекли… И письменности никакой не было… А лес-то автора имеет. У меня есть старая книга, папа дал, ещё довоенная, «Люди русской науки», сам Вавилов подбирал. Там все – от Ломоносова до Боткина с Семёновым-Тян-Шанским. А Граффа нет! Нашёл только в Большой советской энциклопедии.

– *«Бой идёт не ради славы, Ради жизни на земле…»*

– С товарищем Твардовским трудно не согласиться… Тем более «Новый мир» возглавляет. Ради жизни… Именно. Что оставили после себя все эти наполеоны, бисмарки, ленины-сталины? Кровь, смерть, горы трупов… А помнят. И в литературе их биографии чуть ли не по дням. А Графф стоит, как сиротиночка в лесу, и никому-то до него дела нет. Вот, будем знать, – умер в 1867 году. А где похоронен? Здесь могилы нет…

– А зачем, Ига, всем знать? Ты знаешь. Разве мало? Я теперь знаю. И запишу, чтоб не забыть. Кто хочет – знает. Или узнает. А какое дело Граффу до других?

– Наверно, ты права. Чикин тоже так говорит: «Все эти политики со всеми их идеологиями сгинут, а мой металлургический завод будет стоять». Ну, тут он напрасно на вечность уповает. К концу идёт железный век… Но стоять будет ещё долго. Может быть, в этом сермяжная инженерная и научная правда?

– Ига, а что насчёт моего беспокойства? Ты обещал разо-

браться. И вот что интересно. Ты восхищаешься фактом творения, а не самим лесом. А когда рассказывал о лесах твоей реки сентября, ни одной травинки не пропустил.

– Юта, ты, часом, не ведьма? Уж не мысли ли ты читаешь? Я тебя бояться начну.

– В каждой женщине ведьма. Особенно в любящей. А я тебя, кажется, всё-таки люблю.

– Кажется, всё-таки, или люблю?

– Люблю, люблю, успокойся, Даже, может быть, докажу... Так что же насчёт беспокойства?

– А посмотри, Юта, внимательно. Видишь? Деревья посажены рядками. Разве в настоящем лесу так бывает? В дикой природе есть ритм, улавливаемый только интуитивно. Когда всё красиво, но мы всё же выделяем отдельные части – лужайки, группы деревьев, целый пейзаж – как «красиво необыкновенно». Может быть, потому что выбиваются из общего неведомого порядка и хаоса. А искусственный ритм примитивен и это гнетёт. Слишком ясно хуже, чем ничего неясно. Но это если сравнивать с тем, к чему привыкли. Здесь следует восхищаться творением рук человеческих. Этот лес не с чем сравнивать. А, скажем, с тайгой просто нечестно. Как любой творец, Графф создал свои законы красоты, исходя из науки и целесообразности. Их и следует постигать и по ним оценивать.

Это как в литературе. Скверно и опасно оценивать один жанр с точки зрения другого. Помнишь, я тебе рассказывал, как вляпался Лев Толстой с критикой Шекспира? Камня на камне не оставил, объявил чуть ли не неумекой и графоманом. И был совершенно прав. С точки зрения драматургии. Но у Шекспира-то поэзия! И какая! Лев Николаевич вообще к поэзии относился с прохладцей. Бог ему судья. Но, правда, Тютчева признал, когда другие не очень. И на том спасибо.

Так что уйми своё беспокойство и восхищайся! Неплохо бы, конечно, разобраться в этих лесоводческих построениях. Уровень эмоционального восприятия прочно связан со знанием. Почвы, там, скудная вода, совместимость… Ну, да ладно… На всё

времени не хватит… Остановимся на интуитивном уровне.

– Ига, но красота-то… Человек же посадил саженцы… Даже без листьев наверно… А росли деревья сами, считаясь только с собой и со временем. Не мог же Графф знать высоту каждого, в какую сторону наклонятся, как ветви переплетутся…

– Что?! Юта! Ах ты умница! Вот чего мне недоставало! Конечно же – природа и человек… Об этом же у Гоголя… Ты помнишь сад Плюшкина?

– Честно говоря…

– Слушай, только сейчас и пришло в голову. Сад Плюшкина… Что сад? зачем сад? почему сад? Часто у Гоголя… Появляются вдруг описания, размышления, персонажи, чтоб навсегда уже и исчезнуть, как призраки, но во плоти. И думает читатель, думает, разнежась на великолепной прозе, дотоле совершенно небывалой, да и после немногочисленной: что же было? что пронеслось мимо него? мимо летящей по ухабистым русским дорогам тройки? Вот «Мёртвые души», сразу же мужики, о попутном колесе рассуждающие, доедет то колесо, не доедет, и больше мы их не увидим, а колесо останется, чтоб обтянуться шиной уже в самом конце, когда Чичикову надо сильно торопиться; вот молодой человек без лица, но в белых панталонах и фраке с покушениями на моду – что за тульская булавка с бронзовым пистолетом? зачем манишку на неё застёгивать? – оборотится, придержав картуз, и уйдёт в никуда своей дорогой, а к моде Гоголь вернётся, да не раз, да ещё как.

Вот и плюшкинский сад, на ровном месте описанный, кажется красивой на удивление вставкой, к поэме особого отношения не имеющий… Ан нет! Тут же перед нами история с деградацией самого Плюшкина, страшной своею страстью побеждённого, и воинствующего в ней, но от природы совершенно и даже от хозяйственного скопидомского смысла отделённый, с гниющими запасами, противоречащими его собственным устремлениям экономии и наживы. О, недаром был сад, пусть и запущенный, с вертикальной доминантой сломленной грозой берёзы, неизвестно как в этот сад и попавшей, увитой хмелем, цепляющим уже и другие верхушки. Сад, растущий привольно, без насильничиния над собственной душой и

оттого и красивый и гармоничный.

Но мы отвлеклись, отвлеклись, Юта! Так что сад? А вот и то, пишет писатель великий, великий уже и тем, что русский язык у него совершенно необыкновенный и настолько осязаемый, что даже и вкусный, что в этом саду соединились природа и искусство, да так, что по отдельности ни тому, ни другому создать такое совсем и невозможно. Когда по труду человеческому окончательным резцом проходит природа. Кто держит резец такой, кто направляет – Богу одному известно, а то сам Он и держит. И вот уже подевалась куда-то грубоощутительная правильность, совсем ни в какие щели не проглядывает голый и примитивный план, всё покрыто теплотой душевной и великой асимметрией, которая высшая форма симметрии, и только угадывается в нашем мозге радостными и цветными туманами.

Не так ли, Юта, и наш лес…

– Ига! Ого! Что с тобой? Ты говоришь прямо по Гоголю! Мне даже страшно. Можно ли так? Ты в себе?

– Да? Извини, увлёкся. А почему, собственно, не разговаривать и не писать по Гоголю? Ведь это же настоящий, исключительно ёмкий русский язык. И только для нас, для русских. Ну, как ты переведёшь всяким французам, немцам, англичанам тот же хмель, который кольцами «висел на воздухе»? Как и поэзию нашу. Это мы их легко переводим, ибо наш язык больше. Даже и улучшаем… Нет, хотят читать настоящего Гоголя – пусть учат русский. А нам повезло несказанно! Мы его от самого рождения знаем. И можем читать Гоголя, Пушкина и уж конечно Тютчева в подлиннике, представляешь? Правда, не все читать умеют такие слова…

Эх, если бы Гоголь мог видеть наш лес! А ведь почти при нём начиналось… Ну, пусть не совсем… Лет этак через десять после ухода великого писателя в вечность. Но как хочется, чтобы эти деревья, родившиеся, кстати, уже много позже, были немыми свидетелями и конца золотого века…

– Да… Здесь можно и нужно любить… – Юта нежно обняла, поцеловала и тут же отстранилась.

– Юта!

Они миновали низкорослые сосны и подошли к дендрарию. Замелькали яркие пятна с белыми табличками.

– Ну что, Юта, хлебнём пару глотков экзотики? Лесом эти экземпляры не станут, но какие-то флаги в гости к нам. Я от любопытства не сгораю, но интересно, интересно, какие могут быть формы жизни. Мы на них посмотрим, а они – на наш лес. Должны понимать наши чудеса.

– Смотри, Ига, листья как лепестки тюльпанов. Гинкго двухлопастный… Прямо из Японии…

– Где, где? А, вот он какой! Хорош. А, знаешь, этот красавец не так уж прост. С ним легенда, я где-то читал, нет, скорее ритуал, обычай. В день свадьбы жених и невеста – японские, разумеется, – срывают листок и разрывают – интересно, вдоль или поперёк? – пополам и каждый свою половинку потом хранит всю их долгую счастливую жизнь. Что только люди не придумают! Но всё-таки лучше, чем наш новомодный обычай – свадебный букет к подножью памятника Ленину. Он-то здесь причём? Не слишком был семейный человек…

Она остановилась, задумалась, изредка поглядывая на него. Что-то с ней делалось. Он хотел увлечь её дальше, положил руку на плечи и вдруг…

– Юта, ты дрожишь! Тебе холодно? – он сорвал с себя штормовку.

– Нет… Не надо… Ига, а давай и мы сорвём? На всю жизнь…

– Как, сейчас? Может, подождём? Представляешь, ты в белом подвенечном платье, с фатой… Я на руках подношу тебя к этим диковинным растениям и ты трепетно, двумя пальчиками…

– Прекрати! – она вдруг всхлипнула – Давай сорвём сейчас! Мы же всё равно вместе… Навсегда…

Он был поражён этим внезапным взрывом. Что с ней творится? Но до чего же она хороша! Он крепко обнял её, но она выскользнула и решительно сорвала листок. Разорвала вдоль и большую половинку отдала ему:

– Вот. Теперь храни. Всю жизнь!

– Конечно, Юта, конечно. Как зеницу…

– А где будешь хранить?

– Наверно, ты не должна знать? А, собственно, почему бы и нет… Ладно, скажу. В томике Тютчева, в том, что тринадцатого года, с ятями. Он наверняка будет со мной всю жизнь. А ты?

– Не скажу.

Солнце уже непрочно сидело на верхушках деревьев, когда они вернулись в лагерь.

Как он любил эти стойбища! Аккуратные, даже в самом полном беспорядке, всегда по новому вписывающиеся в конкретный пейзаж. Выгоревшие и полинявшие под дождями и солнцами палатки в достаточном отдалении друг от друга – рядом? никогда! пусть пионеры выставляют под линейку – уютно расположились под деревьями и приветливо помахивали входными полотнищами. Безусловный центр картины – неяркий, но набравший жар костёр, тихо разговаривал сам с собой, изредка шипя и потрескивая попавшейся сырой веткой. Дровишки расположились у дальней от палаток рогатины, а в пеньке торчал небольшой, хорошо наточенный топорик, со слегка загнутым топорищем. Некоторые детали будущей ночной одежды, в основном синего, защитного и темно-серого цветов, лежали в строго определённом беспорядке и набирали теплоту последних лучей уходящего солнца. Стол был обозначен прямоугольником клеёнки в мелкую клетку с розами, придавленную по краям угловатым песчаником и мисками с деревянными ложками. Скатанные спальники готовили себя под сиденья или изголовья. И над всем парил божественный аромат кипящих котелков.

Получили от Нильчевского молчаливый выговор за самовольную и длительную отлучку и приказ:

– Ну, завтра, надеюсь, вы соизволите денёк подежурить? Кое-кто тоже не прочь погулять по графскому лесу. У памятника были? Поклонились?

Сходу включились в вечерние приготовления.

Чикин затеял дискуссию о купании – до праздничного застолья или после? Приведенные аргументы за оба события были настолько хороши, что пришли к компромиссу – и до, и после. Игорь доба-

вил – и во время! Лучше вместо, ухмыльнулся Нильчевский.

Застолье сопровождалось речами, стихами и многозначительными тостами. Смех не умолкал до самой первой звезды. Только Юта была молчалива, но время от времени неопределённо улыбалась, что не осталось незамеченным.

– Устала? – участливо наклонился Витя – затаскал тебя твой шалопай?

– Немного…

После вечернего купания под небом, сплошь усыпанным звёздами, был совершён обряд опознавания созвездий с открытиями совершенно новых из звёзд, незадействованных древними греками. На небосводе появились «Анютины глазки» и «Ириния» с альфами, бетами и гаммами.

«Средь бездны звезд слежу Кассиопею…»

Но вот, наконец, угомонились, улеглись, уселись вокруг костра и начался бесконечный чай из алюминиевых кружек с неспешными разговорами с совершенно свободной тематикой – о скифах и сарматах, когда-то так же и здесь же постигавших мироздание, о науке, литературе, философии… Но когда Игорь сцепился с Чикиным о степени идеализации расчётной схемы конструкций, девушки потянулись к палаткам. Выпив ещё по кружке чая и придя к соглашению, что расчёты ещё очень несовершенны, и они решили оставить костёр догорать в одиночестве.

Он тихонько забрался в палатку, но почувствовал – не спит. Потянулся поцеловать – лицо было мокрое. Он обнял, она дрожала.

– Что ты Юта, что ты? Что случилось? Я с тобой, я всегда буду с тобой… Любимая, ну что ты…

Вдруг он увидел, что она лежит на спальнике как-то свершено открыто. О, Господи! Неужели?

– Юта, Юточка, милая…

– Ига, Ига, не сейчас…

Он не переставал её целовать, и руки уже скользили, оголяя её. Она прижалась к нему, но тело было каменное.

– Юточка, любимая…

«Не торопись, не торопись…» – всплыло чьё-то предостережение, и гладил, гладил и целовал, целовал…

Наконец она немного оттаяла.

– Ига, Ига, мне будет больно?

– Нет, Юта, нет… Ну, немножечко, может быть, немножко… Ну, потерпи, Юточка, потерпи…

Он вдруг испугался, что она закричит.

Но она не закричала.

…Не останавливаются прекрасные мгновенья – восклицай, не восклицай. Ночь не замедлится, продолжится луны скольженье. Звезда, теряя блеск, уже глядится в сторону рассвета. Жизнь продолжается! Земля по плоскости эклиптики ритмичный не изменит шаг. А хочется, хоть иногда, пусть не остановить, но задержать – продлить, продлить очарование…

И только память оставляет шанс запечатлеть объёмную картину с размытой неопределённой рамкой, не отграничивающей от остального. И обращаясь можно вновь переживать испытанное прежде наслажденье.

Но в памяти движенье тоже происходит. Прошедшее в ней оживает и живёт. И даже изменяется в неведомые формы. Художник-время никогда своим произведеньем до конца не удовлетворён и бесконечно водит нежной кистью, чуть-чуть меняя цвет, и контуры, и фон – по времени воспоминаний… Не трогая основы, слава Богу!

Из дневника Юты (конечно, шифром): *«Я – женщина! А в мире как будто ничего не изменилось. Ига тут же пропел: «Нет, Юта, ты не понимаешь! Наш мир уже не тот. Он много лучше стал». Я не пойму – в какие-то минуты то ли блаженства, то ли сильного возбуждения, Ига говорит так складно, что и не поймёшь то ли стихи, то ли ещё что-нибудь, но удивительно красиво. Век бы слушала. Спросила, отвечает, что сам не замечает, только слова строятся у него в какой-то порядок и доставляют*

ему большое удовольствие. Может он поэт?

Интересно, это будет доставлять мне удовольствие? Как Ига был ласков! Как я его люблю! А больно было совсем чуть-чуть. Или это он так сделал? Ребята догадались? Рожицы у них какие-то лукавые. Или мне кажется?

Теперь мы муж и жена! Настоящие. А расписываться не буду. Не могу я так – расписаться и разойтись по общежитиям? Нет! Если Ига меня бросит, то пусть его не связывает какая-то роспись. Но он меня не бросит никогда!

Лепесток гингко кладу тебе, дневник, на эту страницу. Храни беззаветно и всю жизнь!»

РУБЕЖИ

Наука давно приучила нас представлять время в виде однонаправленной прямой со стрелкой на конце, устремлённой в бесконечность. С привязкой к нулю получаем образ горизонтальной координатной оси абсцисс, стремящейся куда-то за горизонт. А законы Ньютона рассматривают эту прямую ещё и палиндромом, позволяющим кататься взад-вперёд с одинаковым успехом. Нынешние жизнь, теория относительности и квантовая механика что-то все процессы делают уж больно необратимыми…

Но в природе нет ни прямых линий, ни окружностей, ни квадратов, ни равнобедренных до равносторонности треугольников. Да и целых чисел, желательно нечётных, к которым стремился ещё Пифагор, не забывая о священной десятке, тоже немного. И уж совсем нельзя игнорировать иррациональные, а то и просто мнимые.

Нет, жизнь не движется по прямой. Скорее совершает гармонические колебания. И когда пересекает пресловутую ось, возникают узелки или точки отсчёта.

Один сиво-вислоусый дидусь в украинской деревеньке на самом краю страны, начиная неторопливый рассказ, великолепно увязал все координаты: «Це було за два роки до того, як у Ганы, шо на тим кинци сила, корова здохла». Вот оно – событие, навечно отмеченное на шкале!

В каждой жизни таких точек сколько-то наберётся. От которых отталкиваешься. Или проклинаешь.

Но многолик человек. И жизней проживает немало. Вот он одновременно – одновременно ли? – и сын и внук, и дед и отец. А ещё работает. А ещё и муж. Да мало ли чего? И что же? У всех этих ипостасей одна жизнь, одно время? Нет! И осей много, и на каждой свои точки. Конечно, связь какая-то имеется, в голове-то одной происходит, и иногда увязываются: «Когда дед умер, я как раз заканчивал школу». Но чаще – нет.

Бывают, бывают моменты, когда все, или почти все, колебательные процессы сходятся. То ли сами, повинуясь каким-то неведомым законам, то ли мы к чему-то подсознательно стремимся, или то и другое, но вот мы подошли к такому перелому, где прошлое уже осознаётся, а будущее настолько неясно, что достаточно самого малого толчка для самых больших изменений. Как сказали бы математики – точка бифуркации. А гуманитарии добавили бы – жизнь есть цепь таких переломов. Когда один период жизни заканчивается, а за ним вновь возникает начало и новые точки отсчёта.

И не пугайтесь термина «бифуркация». Ну, сходятся кривые и сходятся – подумаешь! Никто же не заставляет функции дифференцировать. А описать можно так – дух захватывает. Перечитайте-ка эпиграф. Знал ли Набоков этот термин термодинамики и синергетики? Вряд ли. Но описал – и как! – так точно, что в словечко можно просто влюбиться.

Вот эти узлы, пусть даже и Гордиевы, ни забыть, даже если и захочется, ни разрубить никак нельзя. А иногда даже без них и жизнь представить трудно.

Если, конечно, дальше всё пошло так, что в сторону прошлого и дышать не хочется. Ну, а если… А что если? Жизнь-то одна.

…Эта победная майская ночь, осталась для них навсегда одним из самых светлых воспоминаний. Среди множества испытанных ими начал, первая брачная ночь – именно так! – стала надёжным основанием их чувственной – и не только – жизни. Как важно хорошо начать! Всю жизнь Игорь восхищался её поступком – точностью выбранного момента и совершенно естественным поведением. Она доверила, отдала себя – и он взял!

Но жизнь продолжалась! Начало, тем более такое замечательное, требовало продолжения и развития – остановки просто запрещены. Но как? Что делать? Не в лесу же оставаться, пусть даже и в самом графском. Уже и палатка аккуратно сложена под спину в рюкзак…

Комнату в общежитии получить нереально – только с ребён-

ком. Единственный выход – снять комнату или угол, но… Обязательное условие Юты – отдельность. Хотя бы без проходов через хозяев. Дорого, чёрт возьми, дорого!

Они и так еле сводили концы с концами. Особенно тяжело было с одеждой. Как Игорь мечтал одеть свою Юту в красивые платья! И испытывал нечто вроде чувства вины – он, мужчина, не может обеспечить любимой женщине достойное её красоты одеяние. Когда период нищеты миновал, он всегда ликовал от любых, даже самых неразумных, покупок. Впрочем, при Ютиной рассудительности, безумных поступков она совершала до обидного мало. Если не считать ночь в графском лесу…

Потом оказалось, – из наблюдений, дневников, разговоров, – что она была не такой уж пай-девочкой. В школе озорничала ещё так! До сих пор вспоминает мокрые промокашки в розетках, реплики, неожиданные подсказки… А однажды, когда немного ослабели морозы, отменившие на несколько дней уроки, пришла в школу и оказалась с ещё тремя девочками запертой в классе ждать остальных. Когда выяснилось, что не дождаться, а химичка, чего доброго, начнёт урок, выпрыгнула со второго этажа, раскрыв заклеенное по контуру на зиму белой бумагой на мучном клейстере, окно. И обрекла себя на долгие нудные проработки с упором на порчу социалистического имущества. И, при всём притом, и комсоргом школы была, и пионервожатой. Чёртиков в ней гнездилось до чёрта, с радостью, а иногда и без, испытывал не раз на себе. Но понятие долга в ней было очень сильно. И всё, что она считала должным делать, делала несмотря ни на что. И если не получалось – переживала.

Снять что-либо подходящее – тридцать-сорок рублей. А их совокупный доход, ставший таковым сразу после памятной ночи, составлял в среднем сто-сто десять в месяц.

Он стал думать о дополнительных заработках, но на «семейном совете» Юта решительно возразила:

– Игорь, в конце концов, уже осталось ждать недолго. Я в декабре защищаюсь, и зарплата это тебе не стипендия. Тоже будет тяжело, но квартиру снимем. А там и ты защитишься. Ну, куда

тебе сейчас ещё работать? Твоя работа в СПКБ и на кафедре, может быть, твоё будущее. У нас вся жизнь впереди, не испортить бы её сейчас! Ты знаешь, в ЗАГСе сразу не расписывают, а дают испытательный срок. Ну, будет этот срок у нас не месяц или сколько-то там, а подольше…

– Проверим чувства? В обстановке, максимально приближенной к боевой?

– Не смейся. И потом, мы же ещё не съездили к моей маме, к твоим родителям. А благословение получить надо.

– А если не дадут?

– Типун тебе на язык!

С тяжёлым сердцем, но он вынужден был согласиться. Твёрдых заработков не было видно, а высунув язык бегать по городу в поисках случайных… Игорь знал, что это такое.

Да, их близость подверглась суровым испытаниям. Никаких «случайных» возможностей в виде пустых на часок комнат Юта не признавала:

– Запомни, я в чужую постель никогда не лягу!

Оставались речка, лес, палатка…

Ждать! Он был старше её на два года, но оканчивал институт позже – техникум, отработки. А Юта училась на полгода дольше обычного. Генсек Хрущёв помимо небывалых новаций в сельском хозяйстве – кукурузы, чуть ли не за полярным кругом, в строительстве – панельные пятиэтажки, и повальный переход на железобетон вплоть до Останкинской башни, даже, говорят, в Николаеве стоит, надо полагать на вечном причале, целый железобетонный корабль, успел начудить и в образовании. Для поступавших сразу после школы, не имеющих двухлетнего рабочего стажа, были организованы так называемые «рабочие» группы. По схеме: первые три семестра днём работаем, вечером учимся и только затем дневная форма обучения. Общий срок – пять с половиной лет.

Система рухнула вместе с самодеятельным кукурузником, но Юта испытала её на себе, получив квалификацию штукату-

ра пятого разряда из шести. Неплохо. Правда, зачем инженеру рабочая специальность именно штукатура, было понятно только партии, никому этой государственной тайны не выдававшей, но Юта иногда подштукатуривала дома у мамы и довольно умело.

Так что, заканчивали они с разницей в полтора года, а до промежуточного финиша оставалось долгое-долгое «рукой подать»... Что ж… Терпеть и ждать, ждать и терпеть. Выноси и терпи…

Между тем у Чикина и Новокотова уже подошло долгожданное время защиты дипломов.

На Лёньку, собственно, никто и не нападал, дипломный проект был, в общем-то, рядовой и не слишком интересный – ангар, большепролётное покрытие. Конечно, Лёня не мог не повыпендриваться и дал рассуждения о конструктивной форме. Этот вопрос – что такое конструктивная форма? – неожиданно на студенческой научной конференции задал Прожекторский, и промолчали даже кандидаты наук. Как, однако, часто научные работники употребляют термины, не особо вдумываясь, что они означают. Теперь Лёня размышлял на лестнице и махал кулаками после драки.

Прожекторский, как всегда, бросил камень вовремя и точно. Круги и споры не утихали довольно долго. Много и горячо спорил Лёня, а в дипломе зафиксировал особое мнение, родившееся во всё тех же диалогах на берегах их реки сентября.

– Игорь, конструктивная форма есть категория эстетики. Сочетание элементов конструкций оценивается законами красоты. В конце концов, и архитектура не что иное, как конструктивная форма, если отвлечься от лепнины и всяких прибамбасов.

– Но согласись, Лёня, если конструкция рухнет на голову, это будет не слишком красиво.

– А причём здесь? Прочность входит в понятие красоты. Красивое – значит прочное. Ещё совсем недавно архитекторы делились на настоящих, первого сорта, ориентирующихся на красоту, и прочих, что-то там считающих от неуверенности в себе.

– А Пизанская башня? Красива и прочна?

– А то! Пропорции, арочные проёмы… Архитектура!

– А наклон?

– Портит, конечно… Или придаёт пикантность. В современной архитектуре такие мотивы есть. Кроме того, историческая память – Галилей, как ребёнок, бросающий всякие предметы…

– Нет, Лёня, у непонимающего башня вызывает ужас – вот-вот упадёт. Какие уж тут красоты. И только знающий, что линия центра тяжести далека от края основания, может любоваться и без опаски идти путём Галилея, бросая камешки и бумажки.

– Что ты хочешь сказать? Красота должна включать сопромат и механику? А женщину оценивать не только по внешнему виду, но и по работе кишечника?

– Ты слишком далеко заходишь. А даже и так. Если у девушки плохо работает желудок, то у неё и вид соответствующий, особенно цвет лица, и, несмотря на природные данные, интуитивно понимаешь – лучше не связываться. Кстати, Микеланджело в начале пути спускался в мертвецкую с острым ножичком в руках, что было запрещено под страхом смертной казни…

«Творя на мраморе поверхность, рискуя жизнью, резал мертвецов…»

…ибо хотел знать, что там у них внутри. И посмотри на его Давида – сумел передать не только внешность, но и – извини за соцреалистические приёмы – внутреннее содержание. В области живой красоты мы все специалисты, и у самих внутренние органы имеются в том или ином состоянии. А вот без понимания работы конструкции возможна ли эстетическая оценка её формы?

– Конечно, на том же интуитивном уровне. Я бы к Кантовым законам, что внутри нас, добавил бы и красоту.

– Ну и получил бы от Канта по шее. Нет, Лёньчик, невозможно. Особенно на современном этапе. Прежде архитектор использовал строительные материалы, апробированные веками – камень, кирпич, дерево, ну, бетон. Свойства известны и ему, и зрителю. Красота! И более или менее понятны законы красоты – золотое сечение, несвешиваемость и так далее. То есть, внешний вид материала определял и прочность – из опыта. Но даже и

тут – любуясь развалинами Колизея, понимание грандиозной инженерной сложности, осуществлённой блестящими римскими архитекторами и инженерами, совсем нелишне. Но при теперешних материалах – сталь, железобетон, пластмасса, композиты – одного интуитивного опыта явно маловато. Возьми сталь. Десятки марок с самыми разными прочностными и пластическими свойствами, а по внешнему виду никакой специалист не отличит. Сколько в этой плите арматуры? И там ли она, где нужно? Свойства и расчёт диктуют сечения, и, стало быть, конструктивную форму. Скажем, Эйфелева башня. Ты знаешь, что Эйфель был несколько удивлён восторгами красотой его сооружения? Кстати, далеко не всеми современниками разделяемыми. Были видные и непримиримые противники, считавшие башню не только уродством, но и позором Парижа. Какой-то писатель даже грозился из-за неё навечно уехать из столицы. А Эйфель-то думал в основном о прочности, минимизации массы, технологичности, целесообразности, соответствии сооружения назначению и так далее. Пожалуй, один из первых случаев красоты созданной расчётом. До Эйфеля что-то не припомню. И для восприятия совсем нелишне понимать работу сквозных конструкций. Не умеешь читать – истинная красота пройдёт мимо тебя. Как в поэзии, да и вообще во всех видах человеческой деятельности.

– Так что? Красота для профессионалов? Не понимаешь – не смотри? Этак, Игорёк, мы от технической красоты отсечём не только гуманитариев, па́дающих в обморок на уроках математики, но и вообще громадное большинство.

– Да чёрт с ними, с гуманитариями! Почему учёный и инженер обязан интересоваться искусством, даже на скрипке играть, а гуманитарий не задумывается, почему смять листы бумаги с его писаниями легко, а уничтожить разрывом значительно труднее. Никто же не требует специальных знаний, но понимать работу конструкций не так уж и сложно, достаточно хотя бы поинтересоваться. Основы сопромата должны читаться в любом ВУЗе, да, по-моему, так оно и есть. Есть популярные книги – пусть читают. Не зная языка танца, ты же не

пойдёшь смотреть балет. А то будет сплошное ногодрыжество. Под музыку.

– Ты, Игорь, затронул несколько другую, но очень интересную тему, надо будет как-нибудь обсудить. Какое и получают ли гуманитарии образование в наше время? Для большинства филологов теория литературы одна болтовня. Сколько не разговаривал – только даты, имена, названия, биографии, историческая обстановка, классовая борьба... Не зная математики, а туда идут преимущественно такие, не обладая научным мышлением – а бывает ли другое? – они же и теорию искусств понять не могут. Но – что интересно – даже не подозревают, что что-то не так. Разговариваю – значит, понимаю. А много разговариваю – много понимаю. Между прочим, большие гуманитарии, что-то создавшие, люди, как правило, всесторонне образованные. И совсем не чураются точных наук. Лотман рассказывал о видном профессоре филологии, по-моему о Томашевском, так тот даже подрабатывал в техническом ВУЗе, читая математику.

– Да, Лёня, и наоборот. Не касаясь, хотя бы на уровне предисловий и послесловий, теории искусств и технари лишают себя красоты. Я это испытал на себе. Если бы ты меня не познакомил с литературоведением, я бы до сих пор говорил, что Пушкин хорошо, но Лермонтов мне нравится больше. И считал бы себя знатоком, потому что поэзию любил без знания её законов и языка. Но истинная красота открывается мне только сейчас и, надеюсь, это будет продолжаться всю жизнь. Я бы даже ввёл термин – умная красота. Или знающая.

– Трудно переоценить значение Леонида Семёновича Новокотова в становлении прозябающей личности Игоря Раманова. Но мы сейчас не об этом. Кстати, «умная» красивее, чем «знающая». Так что же такое, по-твоему, конструктивная форма? Как её оценить и восторгаться грамотному человеку?

– В наиболее общем виде – *целесообразное* сочетание конструктивных элементов.

– В каком смысле целесообразное?

– В самом широком. Это и понимание предназначения сооружения, и обязательные, хотя бы начальные, знания работы конструкций. Ну и, безусловно, уровень эстетической развитости. Это для зрителя. Или, как говорят на Западе, потребителя. Для профессионала целесообразность – соответствие сочетания конструктивных элементов назначению и предъявляемым требованиям. И красоте! Иначе будут примитивно-прямоугольные пятиэтажки. Вспомни, Лёня, формулу архитектуры Витрувия – между прочим, первый век до нашей эры, – формулу на все времена: «прочность – польза – красота». Именно в таком порядке! О пользе и красоте можно спорить и спорить, но без прочности, согласись, никакой красоты не может быть. Привести пример?

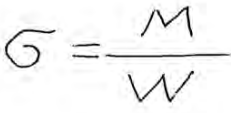
– Давай, Игорёк. Для особо непонятливых.

– Ты видел балки, на которых стоит переход между первым и третьим корпусами? Конструктивная форма – сварная двутавровая двухметровой высоты с продольным и поперечными рёбрами жёсткости. Рёбра для чего? Правильно, для обеспечения устойчивости сжатой зоны стенки, для перерезывания возможных волн выпучивания. Так вот, на монтаже, ориентируясь на только им известную симметрию, безграмотные монтажники перевернули балки. Вроде бы мало что изменилось, но продольное ребро оказалось внизу и стало не только бесполезным, но и опасным – лишний сварной шов в растянутой зоне. Спрашиваю одну студенточку: как, нравится? Очень даже, отвечает, как оборочка на юбке. А для нас с тобой уродство и никакой конструктивной формы.

– Может ты, Игорь, и прав, но красота всё же прежде всего. В искусстве есть даже целое направление – конструктивизм. Но в нём, в основном, функциональное соответствие… И целесообразность… Так что же, пусть учат сопромат?

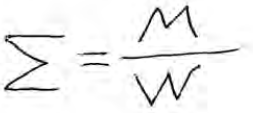
– И теорию искусств. А сопромат, между прочим, Лёнечка, несмотря на некоторые противоречия, удивительно красивая наука. Кто-то из великих даже сформулировал – формула верна, если красива. А? Только красоту-то надо понимать. И даже чувствовать. Вот я на песке – что может быть долговечнее? вспомни

Архимеда – жизнь отдал за песочные чертежи, напишу великую формулу поперечного изгиба:

А? Какая симметрия, если у эМ слегка раздвинуть ножки! А если включить смысл? Изгибающий момент на момент сопротивления. Момент на момент и чья возьмёт!

– А было бы куда красивее, если вместо маленькой σ поставить большую. Смотри Игорёк:

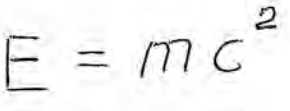
Тут тебе уже не только симметрия, но и роскошная дисимметрия! И вообще, это уже живопись, вернее графика.

– Великолепно, Лёня! Немедленно зафиксировать прямо на этом песке и во все учебники. Но совершенно необходимо начертить рядом ещё пару великих формул. Поперечный изгиб этого достоин.

– Согласен, в конце концов, сопромат в разделе наук не что иное, как математическая физика. Или физическая математика.

– Но на правах падчерицы. Ландау в своей книге, кажется, нигде не упомянул. А напрасно! Давай, Лёня, пиши.

– Пишу:

– Отлично! Связать энергию со скоростью света! Только гений Эйнштейна и мог. А знаешь, я бы ещё добавил корень квадратный из минус единицы.

– Что вдруг?

– Уж очень любил мнимые числа Велемир Хлебников. Даже

писал: «*Полюбив выражения вида √-1, которые отвергали прошлое, мы обретаем свободу от вещей*». А, Лёня? Ты только вдумайся – полюбив корень квадратный!

– Гениально!

– А ты говоришь красота, красота…

Кроме эстетических рассуждений о конструктивной форме, по тем временам довольно неожиданных в техническом языке проекта, Лёня ещё и похулиганил – пару страниц зарифмовал, правда, записав в строчку. Слава Богу, пояснительные записки никто не читает, но посвящённые – почти весь курс – понятное дело, ухмылялись. Лёня немного волновался и сбивался с тона солидного учёного, вынужденного объяснять элементарщину доцентам и профессорам. Но формальности защиты были на удивление быстро улажены, вызвать на дискуссию не удалось, и через двадцать минут новоиспеченный инженер был в объятьях товарищей.

У Чикина было много интересней. Хотя шума особого Витя не производил, не трепался почём зря, выбирая собеседников, от которых был какой-то прок. А таких было немного.

Удалось-таки Вите воплотить кое-какие идеи по десульфурации чугуна или – официальный термин! даже в учебниках встречается – *обессериванию*. И какой же это замечательный остроумец придумал! Какое тонкое чувство музыкальности русского языка! Чтоб ему на том свете беспрерывно облегчаться!

В проекте Чикин привёл расчёты по оптимальному количеству добавок, уже частично использовавшиеся в разработках заводского проектно-конструкторского бюро.

Начал Витя прорабатывать свою главную тему – внепечная обработка жидкого чугуна – ещё после техникума, с подачи своего первого учителя и друга Ивана Ивановича Баниоли. А с обретением знаний упорно расширял и углублял идеи.

Игорь с Чикиным были на разных факультетах, но достаточно жарко обсуждали приключения идей до самых профессиональных тонкостей. Любили они эту роскошь устного общения и не упускали возможности вовлечь в работу мысли друг друга.

Беседовали они, как правило, прогуливаясь по безлюдным закоулкам, но более всего любили за столом с бутылкой сухого вина и банкой кильки в томатном соусе.

Игорь помнил и не без удовольствия вспоминал увлекательнейшие обсуждения, особенно первые разговоры.

– Ты пойми, Игорь, железная руда включает в той или иной степени – зависит от месторождения – обязательные примеси. Полезные и вредные. Полезные, естественно, следует сохранять при плавке, а с вредными необходимо бороться.

– Борись, Витя, борись. Применяй к железу железное правило Горького: «Если враг не сдаётся, его уничтожают».

– Ну, к чему привело это правило страну, да и самого Алексея Максимовича, известно. Не отвлекайся и меня не сбивай. Так вот, злейшие враги стали – фосфор и сера. Фосфор делает сталь хладноломкой, а сера красноломкой.

– А ты, Витенька, и того и другого побольше. Пусть они уравновесят друг друга.

– Если бы! Сталь станет растрескиваться и при низких температурах, и при высоких.

– Да, что ж я не понимаю?! Ты, кстати, забыл про такой компонент как углерод, который хоть и делает железо сталью, но в определённых количествах. Знаешь, исторически, при переходе от сыродутных ям и кричных горнов к шахтным печам, к домницам и домнам, металл стал науглераживаться, и мечи начали ломаться, как девочки на танцах. Англичане называли такую сталь, ну, мы-то теперь знаем, что это чугун, pig iron – свиное железо. В русском языке отголосок – чугунные чушки.

– Игорь, оставь ты эти филологические экзерсисы поэтам. Не отвлекайся. Так вот, с фосфором бороться несколько проще, но если руда или кокс заражены серой…

– Витя, ты случаем не фетишистом стал? В твоих речах чугун выступает прямо-таки как живое существо. И ты, как медик, борешься с его наследственностью, недостатками, болезнями…

– А разве не так? Это посторонний – науке и жизни – думает

о куске стали как о мёртвой материи. Но мы-то с тобой знаем, что вот в этой ферме, в каждом раскосе идёт интенсивная внутренняя жизнь. Что при определённом напряжении начинают двигаться дислокации, встречаться и, в результате, размножаться. Причём, с довольно многочисленным потомством. При встрече одноименно заряженных дислокаций – детишек до пяти тысяч, как утверждает современное материаловедение. Английский материаловед Гордон даже назвал эти процессы интимной жизнью дислокаций. Согласись, весьма одушевлённый термин. Я бы сказал, даже пикантный.

– Может твой чугун ещё и думает? А может и чувствует? Чикин! Не делай ему больно!

– Оздоровить больной серой чугун, значит сделать его жизнь комфортней. Но ещё раз призываю – не отвлекайся! Итак, сера…

– Безобидный такой элемент… Хотя нет – пахнет преисподней. Что же она там вытворяет в металле?

– Образует легкоплавкие соединения, которые при нагревании расширяются и разрывают металл.

– И её надо удалять полностью?

– Ни в коем случае! Инженер так вообще думать не может. Это учёный может позволить себе. Помнишь, «Физики шутят» – сначала определять устойчивость стула на одной и на бесконечном количестве ножек, а потом всю жизнь рассчитывать на четырёх. Нет, как и углерод, серу надо вводить в определённые пределы. Удаление каждой сотой доли процента стоит денег. И немалых.

– Но сейчас же как-то удаляют?

– Конечно, Игорь, конечно. Наши булатные мечи гнутся, но не ломаются. Проблема в том, чтобы удешевить и упростить процесс. Прежде всего, сократить время.

– Я понимаю, ты хочешь изменить химию процессов? Какие-то новые вещества?

– Да нет, химизм тут простой – серу превратить в лёгкие соединения и вытеснить на поверхность. То есть, ввести элементы, соединяющиеся с серой более охотно, чем железо. Тут выбор небольшой. Потом – разлить по изложницам и верхнюю часть слитка удалить.

– Так в чём проблема?

– В площади соприкосновения с преобразователем. Ковш – не пробирка. Масса металла двадцать, а в перспективе и значительно больше, тонн. Понимаешь, над чем я бьюсь?

– Давай, Витя, применим системные методы. В процесс плавки чугуна в домне вмешаться нельзя?

– Нет, конечно. Чтобы вмешаться в руду, её надо расплавить. Не пинцетом же выковыривать.

– Уговорил. В эту сторону думать не будем. Тогда остаётся поверхность жидкого металла в момент её доступности. То есть после плавки. Так?

– Да, так и называется – внепечная обработка.

– Как можно увеличить площадь соприкосновения? Имеем жидкость. Значит, увеличение внешней поверхности – перемешивание. Как горячий суп ложкой – больше соприкосновения с холодным воздухом, быстрее остывает. Встряхиванием, наклонами или как-нибудь ещё, тебе лучше знать. Или увеличение внутренней поверхности.

– Как, Игорь, как?

– А чёрт его знает. Ты механик-металлург, ты и думай над устройством. Но принципов не много. Либо увеличение преобразователей… Ну, это не путь, понятно, будут плавать на поверхности, больше чем вступают в реакцию не введёшь. Либо что-то вроде вспенивания.

– Вспенивания?

– Ну да. Мыльные пузыри, как известно, сильно увеличивают поверхность и, кстати говоря, захватывают грязьки на коже, когда моем руки. Помнишь, мы ещё с тобой на Бии удивлялись – почему пена на порогах всегда грязная? Очищает воду. Кажется, при обогащении руды это называется методом флотации.

– Тут что-то есть. Надо думать.

– Давай. А как ты думаешь, если и мозги вспенивать, количество мыслей должно увеличиться?

– Если только не закипят.

Так что Игорь был, конечно, в курсе дипломного проекта и шёл на защиту как заядлый меломан – получать удовольствие от верхнего ля.

Защита, чуть ли не впервые в истории института, состоялась на выездном заседании комиссии в небольшом зале проектно-конструкторского отдела металлургического завода. Помещение было рабочим, чистеньким и даже уютным. Со стен на каждого зрителя в отдельности смотрели внимательные глаза великих металлургов – Ломоносова, Чернова, Курако, и почему-то Менделеева. А сколько ещё славных лиц могли бы украсить это служебное пространство! Например, Майкл Фарадей – великий физик тоже сталь легировал. А то и совсем уж неожиданный Константин Сергеевич Станиславский, который до принятия сценического псевдонима был просто Алексеевым, хозяином небольшого заводика. И показал себя неплохим инженером – изобрёл, говорят, алмазную фильеру для волочения стальной проволоки.

Для комиссии поставили стол под красным ситцем, вокруг на деревянных стендах чикинские чертежи, схемы и формулы. Народу набилось много, в основном заводчане – пришёл не только проектный люд, но и цеховики, и Центрально-заводская лаборатория чуть ли не в полном составе.

Чикин раздобыл где-то приличный темно-синий костюм и скромный, но со вкусом, галстук в красно-белую полоску – знай наших!

Вёл себя Витя солидно, без всяких видимых волнений. С докладом уложился в положенные пятнадцать минут, хотя здесь вряд ли кто ограничил. На вопросах возникла дискуссия – некоторые сомневались и даже возражали. Обсуждение затянулось часа на полтора. Кое-кто из старичков даже в туалет успел сбегать. Витя продемонстрировал надёжный щит, а местами и отточенный меч. И всё это тихим и спокойным голосом, заставляя себя слушать. А один раз, стервец, умудрился Игорю подмигнуть.

Радостную, но не совсем внятную речь произнёс руководитель, профессор Зельдин, отметивший практическую направленность работы. В заключительном слове председателя прозвучало – «рекомендовать в аспирантуру». Теперь у Чикина есть всё для начала:

статья в академическом журнале, авторские свидетельства, рекомендация и… партия. Двери в науку не приоткрыты, а распахнуты во всю ширь!

– Я на вас удивляюсь, Виктор Иванович! Закалка стали делает некоторых металлургов железными? Где это ты научился на защитах подмигивать? Ты хоть немного внутри волновался?

– Ты знаешь, Игорёк, только до первого слова. А потом как рукой сняло. Даже подраться захотелось. Что, собственно, волноваться, когда результат известен.

– А рекомендация в аспирантуру? При не слишком удачной защите могло и не быть. А так…

– Нет, в аспирантуру мы сразу не пойдём. Года два я на заводе поработаю. Не для пресловутого знания производства. Работы техника с меня и так достаточно. Но я должен разобраться со структурой, организацией и управляющей элитой завода. С человеческими отношениями, обрядами и ритуалами, наконец. Изнутри. Миром, товарищ Раманов, правят интересы. И мне необходимо их понять. Когда я к ним буду обращаться со своими разработками, они должны считать меня своим, понимаешь? Да и начну работать над диссертацией здесь. С Зельдиным уже говорил… Что есть диссертация? Теория – безусловно, но главное – разработки! А это завод. В лаборатории можно исследовать только какой-нибудь элемент… Да и то в нашем деле не слишком значительный.

– Знаешь, но всё-таки из аспирантуры в цех как-то легче зайти и посмотреть, что там творится, чем наоборот. На заводе же ты будешь не в бирюльки играть, там работать надо. В цехах всё ухает, громыхает, скрипит отчаянно… Цвета насыщенные – от жёлтого до огненно-красного. Как тут сосредоточиться? Не потеряешь ли время?

– Что-то безусловно потеряю… Но найду, думаю, значительно больше. Наука наукой, но мы с тобой, прежде всего, инженеры. А это высокое звание обязывает. Да и не в цех же я мастером пойду – в проектно-конструкторское. Там, конечно, громыхает, но не так.

Из дневника Юты: «*Ну, Витина защита – это вообще! Надо же! С ним разговаривали на равных. И кто! Специалисты с лысинами и сединами! Как они значительно покряхтывали, скептически улыбались. Но одобряли. Зельдин, Витин руководитель, сначала был крайне напряжён, но потом расслабился и улыбался. Председатель, серьёзный мужик, был доволен, как слон. Неужели Витька с Игой никого не боятся? Нет, Ига тоже не боится, но так не сможет – всё рано будет волноваться и краснеть. А с Витьки – как с гуся вода. Вот характер! Я смотрела на Иру – восторженная улыбка не сходила с лица. А что? Нам, женщинам, ужасно хочется гордиться своими парнями. Витей можно*».

НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Как рождаются новые идеи?

Хорошо сформулированный вопрос содержит в себе и зародыш ответа. Но надо разбираться.

Что значит «новые идеи»? А могут ли рождаться старые? Не лишнее ли слово? Но откуда-то это сочетание взялось?

Считается, что явление идей процесс сугубо индивидуальный. Рождаются в голове, а в чужую как-то не залезешь. Но какие-то объективные законы всё же есть? И почему в одной голове появляются, даже в изобилии, а в другой нет? Конечно, все эти вопросы к психологам, но и самому хочется разобраться. Психологи, как и историки, хорошо объясняют как это было. А вот как будет? И будет ли? Ведь открывателю или изобретателю важно не только поймать идею за хвост, но и запомнить то удивительное, ни с чем несравнимое состояние, когда удалось. Как поэту, мечтающему вновь испытать то мучительное счастье, которое только что было – и даже в чём-то выразилось – и прошло.

«Когда мучитель мой мной овладеет снова…»

Раз уж о поэтах…

Одно из важнейших качеств художника – слух на пошлость. Иначе – ох, повторит что-то бывшее до него, даже считая открытием собственным. Именно слух, а не только знание. Знание, конечно, совершенно необходимо… Но всю-то мировую поэзию… От Гомера… Хорошо бы знать, так невозможно же. Хотя настоящего в искусстве не так уж много. Но всё равно – без такого слуха обойтись никак нельзя.

Не так ли и учёному, изобретателю необходим слух на стереотип мышления? Не всякое ли открытие есть ломка устоявшихся мнений? И тут только логикой не обойдёшься. Нужно суметь почувствовать, прежде чем понять, что что-то в поставленной зада-

че не так. А тогда уже логично сформулировать «Как рождаются идеи?», без ненужного определения «новые».

И слух этот не природное явление. Всю жизнь его надо развивать и развивать. А для этого знать и чувствовать.

Всё время единство левого и правого полушарий. Два крыла, на которых можно парить даже в безвоздушном пространстве. На одном крыле далеко не улетишь…

…Юта не то, чтобы даже похорошела, но расцвела. Исчезла, если и была, угловатость, походка стала плавной с небольшим разворотом плеч и высоко поднятой головой. Как говорили в детстве – не идёт, а пишет. Неповторимую дробь её каблучков он различал в уличной какофонии даже на пределе слышимости и часто поражал приятелей задолго до видимости – Юта идёт!

Они по-прежнему долго гуляли, насколько позволяла уплотнившая время сессия. Но если раньше выбирали пустынные улочки, то теперь обнаружили, что им приятно пройтись «под ручку» и по местам густонаселённым. Ему казалось – все смотрят и восхищаются Ютой, потому что не восхищаться ею было нельзя. И не завидовать тоже. И она считала, что с Игой «не стыдно пройтись по нашей деревне» – выражение одобрения её мамы.

Они весело строили планы. Проходя по центральной улице – по дореволюционной старинке first line – *первая линия* – невысокой послевоенной застройки «сталинскими» домами, Игорь предлагал на выбор дома́, в которых они могли бы счастливо жить. Окна должны были выходить на уличные клумбы с мириадами роз самой разнообразной расцветки, с преобладанием тёмно- и томнокрасных.

– А вот здесь, Юта, живёт в громадной четырёхкомнатной квартире сам Нильчевский. У них даже домработница есть. Под видом деревенской родственницы. Семья глубоко партийная, а высшие иерархи сами «слуги народа» и им собственных слуг вслух иметь никак нельзя. Как, Юта, может здесь обоснуемся?

– Вообще-то, я не против. Хотя эта штукатурка нижнего этажа «под шубу» и силикатный кирпич создают какую-то тяжеловесность. Но и основательность.

– И карниз подкачал. Я имею в виду нижний, ложный. Со-

всем не должен повторять верхний, а откликаться эхом со своими обертонами. Но планировка квартир весьма просторная. Правда, бестолковая – то коморка, то футбольное поле. Нет, Юта, здесь начальство. Мужики с животиками, дамы расплылись… О чём нам с ними говорить на лестничных клетках? Проще надо быть, проще.

– Не в панельный же идти? Там знаешь, какая слышимость? И разговаривать на лестницах не надо – итак всё будешь знать.

– Ну, нет. Этот вариант, Юта, рассматривать не будем. Это уже другие улицы. Есть такой замечательный довод в споре: «Если вам не нравится архитектура, что ж вы в этом доме живёте?». Особенно хорош для советского человека, стоящего в очереди на квартиру чуть ли не всю жизнь. Но на стадии воспитания вкуса, на которой мы находимся, согласись, весомый аргумент.

– Ох, Ига, дадут ли нам выбирать! Как и всем советским людям. Кроме, разве что, обитателей дома Нильчевского…

– Не разрушай игру, Юта. Что наша жизнь? Игра! Как поётся в известной арии. А игра имеет и утилитарную цель – подготовиться к будущему. Нам с тобой надо определиться – что мы хотим? Какова наша мечта о доме? Идеала может и не достигнем, но к чему стремиться? И, обрати внимание, мы с тобой говорим «дом», а подразумеваем квартиру.

– Я хочу дом! Пусть это будет даже квартира.

– Виват, Юта! Против такой логики не попрёшь. Будет тебе дом. С совершенно отдельным от всех входом. Какой-нибудь выход найдём.

Но безоблачным будущее представлялось, пожалуй, только ему. Юта была в лёгкой, но всё-таки тревоге – как-то всё будет? То есть верила, верила, но… сомневалась. Впрочем, собственный дом, где бы она была полной властительницей, ещё явно не был ближайшим будущим. Значит, пока можно помечтать.

А вот насчёт будущего через СПКБ и кафедру Юта как в воду глядела! Кем она его видела? Вряд ли её представления обретали какую-то конкретную форму, но её правое полушарие всю жизнь

работало безотказно. Сейчас ей было почти безразлично кем он будет, важно, чтобы *был*!

Именно в эти дни, хотя об этом Игорь даже не догадывался, решалась его судьба – научная и жизненная. То, что он в дальнейшем назовёт «рабочая специальность». То, над чем будет работать долгие и нелёгкие годы. Где будет побеждать и терпеть поражения…

Как правило, знаки судьбы распознаются спустя какое-то, иногда и значительное, время. И в сиюминутности могут иметь весьма непрезентабельный вид. В данном случае предтеча явилась в образе аспиранта Васи Тиунова. Не то, чтобы они дружили, но знали друг друга давно – охотились, были в компании – ещё в доинститутские времёна. Нет, это у него тогда времена были доинститутские, а Вася на момент знакомства был уже на четвёртом курсе. Но возраста были примерно одного – что там год-два в самом начале третьего десятка!

А охотились – на тех самых перепелов – вместе всего один раз. Вернее два – первый и последний. Та, уже давняя, история оставила противный привкус и сближаться с Васей не хотелось. Васе наверно тоже. Но судьба сводит и разводит, не считаясь с желаниями. Дело, *интерес*, сводят порой очень далёкие полюса.

Они встретились в институте лет через пять-шесть после памятной охоты. Вася уже успел окончить институт, отработать по направлению с годик, где-то в Казахстане, вместо положенных трёх – сумел открепиться, поработать пару лет мастером на нашем заводе и был принят Прожекторским в аспирантуру. Работали в СПКБ, но независимо друг от друга.

Началось с пустяка.

– Игорь, там темку можно провести через СПКБ от кафедры. Зарплаты месяца на два-три. А делов, по-моему, на пару недель.

Оплата по хозяйственной тематике при развитом социализме была принята повременная по сроку действия договора, независимо от суммы. Другими словами, студент мог получать не более тридцати рублей в месяц, сотрудники и преподаватели в зави-

симости от должности и степени побольше, но тоже немного... И независимо от количества договоров – делай хоть сто одновременно. Система, прямо скажем, не способствовала повышению производительности труда, но препятствовала обогащению некоторых способных индивидуумов. Конечно, были попытки обойти установленный порядок за счёт включения в тему доверенного товарища с последующей отдачей тридцатки. Ну, не без вознаграждения, естественно, – обед в столовой, а то и бутылка. Но за такое вылетали из института только так! И вообще, это уже уголовщина. Игорь по совету Васи разок попробовал, передрожал и отказался от подобных фокусов раз и навсегда.

– А что, Вася, за специфика?

– Понимаешь, там у них конструкции поржавели, потрескались и есть опасения – не рухнут ли. Нужно проверить несущую способность, ну, там, замерить остаточные сечения, просчитать и выдать заключение о пригодности к эксплуатации. Если нет, разработать что-нибудь по обеспечению прочности и надёжности. Ты как?

– Вася, всегда пожалуйста. Руководитель ты?

– Да, нет. Мне ещё нельзя, но я свяжусь с Прожекторским и попрошу кого-нибудь из взрослых.

– Замерять будем вместе?

– Да у меня, Игорёк, сейчас отчёт. Что там замерять? Возьмёшь пару студентов с практики, я договорюсь, и посмотришь. Если будут какие-то сложности…

Работа была сравнительно проста, и хотя проходила в рамках научно-исследовательской тематики, особого отношения к науке не имела. Только пришлось повозиться с чертежами – ювелирная работа по увеличению сечений существующих элементов.

Они протянули установленные договором сроки и готовились сдавать работу – Вася оформлял документы, Игорь – отчёт и чертежи.

Вот тут-то и явилась сама судьба в лице великого и могучего Якова Михайловича Прожекторского – доктора, профессора, заве-

дующего кафедрой, лауреата, члена и прочая, и прочая, и прочая.

Ореол вокруг золотой головы явственно виден не был, но небожителем Прожекторский безусловно был. И не только в глазах студентов.

Небольшого роста, щупленький, с классической лысиной центральной части черепа, и внимательными круглыми, чуть удивлёнными, карими с желтизной глазами без очков, Прожекторский был *доктором*, одним из трёх или четырёх на весь политехнический. В то время высшая учёная степень что-то значила!

Историкам, глядя назад, проще, чем современникам, но уже тогда многие понимали, что партия приступила к разрушению сталинской системы организации образования и науки. Сталинские методы руководства достаточно изучены и многократно осуждены. И поделом. Но при всём притом, во главе научной школы или направления становился, как правило, человек всеобъемлющих знаний, ибо отвечал за результат. Нередко рискуя свободой, а то и собственной жизнью. При такой системе большого и маленького культа личности, конечно, неизбежны провалы, например лысенковщина, но в целом система работала, пусть и не слишком эффективно. Отцы-основатели, как правило, смертны, а на смену приходят люди совсем другой формации. Далеко не всегда озабоченные только наукой… И всё-таки система работала.

И получала наука, слава Богу! Даже кандидат наук зарабатывал до четырехсот пятидесяти рублей, не говоря уже о докторах. При средней зарплате где-то сто тридцать – сто пятьдесят. Собственно, Сталин следовал известному принципу Наполеона, провозглашённому в Египетском походе: «Ослов и учёных на середину!», оберегая самое ценное. Эту фразу не раз повторял Данила в знаменитом Крымском походе, выстраивая в горах цепочку, девочек оберегая со всех сторон. Всем руководящая партия, при Сталине в науку особенно не лезла и степеней, званий, а то и образования вообще не имела. Главное для комиссара – классовое чутьё, а всё остальное…

В каком-то кинофильме, из ленинианы, даже был знаменательный эпизод. Ленин поручает матросу руководить банком. Тот отнекивается, дескать, не умеет, ничем не руководил, да и денег-то толком никогда не видел… На что Ильич резонно замечает: «А я, батенька, когда-нибудь руководил государством?». Вот уж действительно! Однако образованным вождь мирового пролетариата всё-таки был.

Но вот усложнившиеся производительные силы, посчитала партия, перестали удовлетворять производственным отношениям. И обкомовцам, райкомовцам и всяким парткомовцам было предписано – всемерно повышать образовательный уровень! Что в переводе с партийного означало – обзавестись дипломами. И почтенные партработники потянулись в институты, к подневольным им преподавателям. И чёрт бы с ними, ну дали бы им корочки-дипломы, подумаешь! Но соблюдение формальностей с одними, потянуло снижение требований к остальным. Преподавателей стали оценивать по успеваемости, которую они сами же и определяли. Сначала исчезли двойки, а потом и тройки стали редкостью. Советская система образования стала расширяться и накреняться.

Дальше – больше. Система подготовки научных кадров тоже стала обрастать процентоманией. Сначала кандидатов стало, как собак нерезаных, а потом дошло и до докторов… Роберт Оппенгеймер, отец американской атомной бомбы, посетив Советский Союз, выразил своё восхищение советской системой подготовки научных кадров, но недоумевал – куда же она идёт, всё время расширяясь? На что ученый секретарь Академии наук с лёгкостью необыкновенной заметил – а у нас скоро все учёными станут! «Страшный смысл сказанного дошёл до чиновника не сразу, – писал Оппенгеймер. – Ну, не все, поправился секретарь».

В описываемое время процесс только начался. Время тиуновых ещё не наступило, и Прожекторский лидировал не только на региональном уровне. Однако Тиунов уже аспирантом был. Как это могло случиться? Как этот неразвитый и не слишком умный парень стал учеником самого Прожекторского? Много позже, когда Игорь стал задумываться и даже допрашивать

пана профессора (уважительное звание среди студентов, среди сотрудников – шеф), начал понимать. Член партии с чёрт знает какого года, Прожекторский, как заведующий кафедрой, не мог не думать в наступающих условиях о социальном статусе своих учеников и сотрудников. А тут, как назло, почти все из интеллигентов. У Тиунова же и происхождение и биография – партийные пальчики оближешь! И, кроме того:

– Наука, Игорь Александрович, движется за счёт заинтересованных лиц. А кто больше заинтересован, если не аспиранты? Как поднимать и развивать лабораторную базу без денег, которыми к тому же сам не распоряжаешься, и имея в штатном расписании двух малооплачиваемых лаборантов? А у Василия Евгеньевича рабочие руки, пробивные способности, знакомства, наконец. И, если на то пошло, кто мне телевизор исправит? Вы?

Да, своих могильщиков следует выращивать самим. Кому ж это дело можно доверить…

Но до могилы в прямом и переносном смыслах было ещё далеко. А пока…

Историческая встреча произошла в пятом учебном корпусе, на втором этаже, у стенда с образцами сварных соединений.

– Раманов, вы там с Тиуновым какую-то работу заканчиваете по существующим конструкциям? Сложно?

Игорь чуть не остолбенел. С ним заговорил *сам*! До сих пор общение с Прожекторским осуществлялось на курсовых и экзаменах. К чему бы это? Как бы сказал Новокотов – к дождю.

– Совсем нет, Яков Михайлович, по-моему, просто. Надо было восполнить потерянные элементами площади сечений. Я добавил.

– На сварке?

– Да, конечно, Яков Михайлович.

– Вот что, Раманов, – Прожекторский посмотрел на часы, – если вас не затруднит, покажите-ка мне материалы, часа, эдак, в три. Договорились?

– Хорошо, Яков Михайлович. К вам в кабинет?

Ничего себе! В кабинет к самому Прожекторскому! Но с чего бы это? Работа вроде пустяковая. Вася и липовый руководитель расписались, в чём же дело? Уж не хочет ли Прожекторский его проверить? Как бы ни нарваться на незапланированный экзамен.

На всякий случай Игорь проглядел учебники, ещё раз проверил расчёты и пошёл. Интересно, что ему и в голову не пришло искать Тиунова. Работу фактически сделал сам и ответственность, считал, лежала на нём. О субординации в научном мире он узнал значительно позже.

Прожекторский предложил садиться, посмотрел расчёты и чертежи. Потом откинулся и посмотрел на Игоря внимательно, хотя и не совсем раскрытыми глазами.

– Вас как зовут?

– Игорь.

– А отчество?

– Моё? А зачем? Александрович.

– В научном мире существует этика отношений, и мы коллег обычно называем по имени-отчеству.

– Я коллега?!

– Да, Игорь Александрович, раз выполняете научную работу. Привыкайте. Но вот что… Скажите, на какие виды нагрузок вы рассчитывали?

Вот оно! Началось. Сейчас будет допрашивать с пристрастием. Но зачем? Может в аспирантуру возьмёт? Так он же ещё только на четвёртом.

– На постоянные – собственный вес и вес вышележащих, и временные, в данном случае снег.

– Так-то оно так… Но если какая-то нагрузка действует, значит, напряжённое состояние уже есть?

– Да, конечно.

– А как же будут работать новые и старые сечения?

– Пропорционально площадям.

– Вот что, – Яков Михайлович хитро посмотрел на него и на часы, – я на Учёный Совет, а вы подумайте и приходите завтра в это же время.

– А над чем думать, Яков Михайлович? У меня что-нибудь в расчётах не так?

– Это как посмотреть. А думать надо о работе конструкций. Как воспринимается нагрузка. И уже из этого строить расчётные модели. Подумайте, подумайте, это не вредно.

Игорь вышел от Прожекторского в смятении и недоумении. Человека, как говорила чукча, чего хотел? Ошибок в формулах не было – указал бы. В вычислениях? Ну, Прожекторский не Корейко, в уме не посчитает. И что значит «как посмотреть»? Расчёты или правильные или нет, что там смотреть? Причём здесь нагрузки? Работа конструкций… Ну, работали и будут работать. В чём дело? Не пошутил же профессор…

А ведь и ему казалось, что что-то не так… Не слишком нравились ему расчёты, откровенно говоря. Но в чём дело разбираться не стал. А сколько раз говорил Новокотов, что чувствам надо доверять.

Стоп. Давай думать.

Каких аспектов расчётной модели коснулся Прожекторский? Напряжённое состояние, виды нагрузок и, особо подчеркнул, работы конструкций… Работа конструкций… Так, возьмём самое простое – растяжение. Нагрузка определяет усилие F в элементе и вызывает напряжение σ в зависимости от площади сечения A.

$$\sigma = F/A$$

Откуда и требуемая площадь при переходе на предельное напряжение. Так, F – усилие от максимальной нагрузки, т. е. от суммы постоянной и временной. Работа конструкций… Деформации… Ну, хорошо, нагрузки две, попробуем приложить раздельно. Так, сначала постоянную… Ну и что? Она определит какое-то напряжение, деформацию, потом добавится временная… Стоп!

Кровь бросилась ему в голову. Стресс был так велик, что он зримо представил весь процесс расчёта. Если напряжение в существующем элементе от постоянной нагрузки уже есть, то никакое увеличение сечений его не изменит. Если, скажем, вре-

менной вообще не будет, то добавленный металл будет просто висеть дополнительной нагрузкой. И вступит в работу только при достижении существующим материалом пластических деформаций. Ай да Прожекторский! Но сам-то как прошляпил?! Это же очевидно! Вот болван!

Ладно, что же получается? Под воздействием постоянной нагрузки Fn в существующем сечении Ac напряжение $\sigma_п$ уже действует. И добавленное сечение $Aд$ будет работать только на временную $F_{вр}$, и общее напряжение

$$\sigma_{об} = Fn/Ac + F_{вр}/Ac+Aд$$

Ну и осёл! Всё переделывать! Нет, кровля лёгкая, постоянная нагрузка не более пятнадцати процентов от временной, он брал с запасом, да и сортамент дискретен, берём ближайший верхний… Чертежи остаются, только расчёты. А если бы там железобетонные плиты лежали? С ума сойти!

К утру расчёты были готовы. Чёрт возьми, стыдно идти. Но надо. Придётся поморгать. А возмечтал – в аспирантуру! Как бы вообще не погнал с глаз долой…

Тиунов вызвал его с лекции.

– Ты что, был у шефа? Почему мне ничего не сказал?

– Да, как-то неожиданно. И тебя не было. В коридоре встретил, зайдите, говорит. И материалы велел захватить. Я пошёл…

– Пошёл! Тема моя? Я должен знать. Вдруг шеф меня спросит, что я должен – моргать?

– Но Прожекторский же меня вызвал?

– Ты дурочку не валяй. Ты кто? Студент. Отвечать-то мне.

– Ну, спросит – ответишь. Да и где мне тебя было раздобыть? Домой, что ли, к тебе бежать?

– Ладно, проехали. Но я тебя, Игорь, прошу – через мою голову ни-ни. Ты ещё не знаешь шефа. Ты ещё не видел его в гневе. Разорётся – не остановишь. Так что там случилось?

– Ошиблись мы. А пан профессор тут же всё понял. Даже неудобно…

– Не мы, а ты. Так что за ошибка?

Игорь стал объяснять, но к его удивлению Вася долго не мог понять, да, кажется, так до конца и не врубился.

– Но сечение-то мы добавили?

– Но на постоянную же не работает. Только на временную. А если б там была тяжёлая кровля? Представляешь?

– А что, это шеф сказал, что ошибка? Или ты сам?

– Я-то сам, но он же явно намекал. Идите, говорит, подумайте над работой конструкций. Что же не ясно? Конечно, сразу понял…

– Не знаю… И что дальше?

– Да ты не волнуйся, я уже всё переделал. В три надо опять в кабинет. Слушай, Вася, пойдём вместе, а? А то мне как-то боязно…

– Нет уж! Сам нахомутал, сам и разбирайся. Но потом мне скажешь. Я в лабораторном корпусе буду. Договорились?

В кабинет Игорь вошёл вибрируя всеми клеточками. Будучи блондином, он ко всем своим бедам ещё и охотно краснел по любому поводу и, судя по взглядам Прожекторского, алел и сейчас.

– Ну-с, Игорь Александрович, что скажете?

– Я всё понял, Яков Михайлович. Даже не знаю, как это у меня получилось. Стереотип сработал. Я всё исправил, вот…

– Стереотип, говорите? Так, так… Молодцом. Всё-таки разобрались. Понимаете теперь? Сначала работа, а расчётные модели потом. А вот в случаях центрального и внецентренного сжатия вы немного не правы… Не правы… Если устойчивость не потеряна, то коэффициент продольного изгиба должен учитывать всё сечение – и новое, и старое.

– Почему? Потеря устойчивости возможна только от приложения временной… А! Ну, да! Собственно продольному изгибу будет сопротивляться уже всё сечение. Значит, коэффициент φ следует определять… Как же это я? Я исправлю…

– Да не волнуйтесь вы так. Этого же нет в учебниках. Совершенно новая задача, и вы её решили самостоятельно. Радоваться надо, а не переживать, – Яков Михайлович широко улыбнулся и вернул расчёты. – В чертежах, надеюсь, ничего не пришлось менять?

– Нет, я же брал с запасом, да и ближайший номер сверху...

– Но я бы на вашем месте всё же добавил примечание и крупно: «Внимание! Работы производить только при отсутствии снеговой нагрузки!»

– Ой, я совсем уже… Надо же… Конечно, Яков Михайлович, обязательно!

– И вот ещё что… Сварка… Часть существующего сечения ослабляется в момент наложения шва… А напряжения от постоянной нагрузки действуют… Ну, в вашем случае ерунда, но при значениях, близких к предельным… Тут есть над чем подумать.

Прожекторский откинулся, положил голову на спинку кресла и стал пристально смотреть на Игоря.

– Так, так. Что же мне с вами прикажите делать? Вы как, Раманов, учитесь?

– По конструкциям на отлично.

– Это-то я и без вас знаю. Вы, кажется, техникум заканчивали? А кто вёл конструкции?

– Селианов.

– Архип Венедиктович? Видный был проектировщик. Жаль, не защитился. Везёт вам на учителей. Ну, а по остальным предметам?

– Да как вам сказать, Яков Михайлович…

– Понятно. Жаль, конечно. Хотя и понятно. Честно признаюсь, я сам особым отличником не был. Тоже приходилось подрабатывать… Но то были другие времена. Кстати, я могу вам зачесть эту работу как второй курсовой. Согласны?

– Ещё бы! Спасибо, Яков Михайлович.

– Вы переходите на пятый? Подыщите с Тиуновым на диплом что-то в этом роде.

Прожекторский опять заскучал.

– Но что же с вами всё-таки делать? Вы Поля Робсона «На том я стою» читали?

– Да. А что именно?

– Помните, там есть такая формула – чтобы чернокожий был равен белому, должен быть на две головы выше?

– Вы имеете в виду моё происхождение? – Игорь вновь покраснел до корней волос.

– И это тоже. Взрослейте, Игорь Александрович, взрослейте. Наука творится не в безвоздушном пространстве. Много людей и все разные… Хорошо, отложим пока… Но трудно будет, ох, как трудно… – Прожекторский грустно и надолго задумался.

Игорь прекрасно понял намёк профессора. Хотя параллель была не совсем точной. В Америке как раз заканчивалась эра расовой дискриминации, а в Советском Союзе начиналась эпоха почти открытого государственного антисемитизма. Причём аргументация, как писал О. Генри, была проста, как редис, и незатейлива, как грабли. Евреев в Союзе 0,2 процента или сколько-то там, а среди интеллигенции, в том числе и научной, не десятые доли, а очень даже большие единицы, если не десятки. Явный перекос, который следовало выправлять административными мерами – не пущать! Тем более что некоторые вели себя не совсем корректно – получали, понимаешь, добротное советское образование, а то и степени, и намыливались на историческую родину. А остальные, правда, не все, ортодоксы тоже были, пытались всяческими путями избавить своих детей от проклятой пятой графы – записывали на фамилию и национальность отца или матери, ещё что-то вытворяли, используя лазейки наидемократичнейшего социалистического законодательства. Хотя в однонациональных браках это было почти невозможно. Да и от партии родословную не скроешь.

Но откуда взялись эти проклятые проценты? Сомневаться в статистике не приходиться – такого рода учёт в СССР поставлен достаточно точно. Правда, не совсем ясно зачем его вести, если советский народ давно уже представляет многонациональное единство. Почему тогда не выявлять проценты среди интеллигентных блондинов или брюнетов? А нормален ли процент москвичей в культурных и политических элитах? Не маловато ли выходцев из Владивостока или Кушки?

Но всё-таки, всё-таки… Процент… Может быть действительно евреи так талантливы от природы? Может мозгов больше? Размеры шляп порядка шестидесяти и выше? Или особый

хитрый ген наличествует?

Бросьте господа – ну, не товарищи же! – антисемиты! А то и у вас обнаружится какой-нибудь нечеловеческий ген. Особенно у зоологических.

Нет, ничего такого в крови нет. Тем более, кровей намешено столько, что сам чёрт не разберёт. Впрочем, как и у любого другого народа. Вон, Витька Чикин – умница на зависть не только евреям. И, заметьте, практичен. А в крови… Наверняка татары с монголами постарались.

Не вы ли сами делаете обыкновенных людей, заклеймённых пятой графой, энергичными и талантливыми? Если даже невинного ребёнка окружаете такой «заботой», что уже в дворовой иерархии прикладывается масса сил, чтобы просто выжить, не быть на положении парии. Вот и приходится быть на две головы выше. Не вы ли возбуждаете такие защитные средства организма, что запала хватает на всю жизнь?

Э, да что с вами разговаривать! Вас даже ненависть не сильно объединяет и продвигает, хотя власть отчасти ваша.

Но откуда взялся антисемитизм? Ведь по всему миру… Распятием Христа не объяснишь. Не то и итальянцев, нынешних римлян, пришлось бы…

В любом конфликте минимум две стороны. Надо бы рассмотреть и с той и с той… Но где взять данные?

Ладно, отложим пока. Но будем думать.

– Так, так… Мы с вами столкнулись с совершенно неисследованной областью существования конструкций во времени. Вы получили формулы, не слишком сложные, но их до вас не было. Представьте статью на конференцию. Всё новое должно быть опубликовано.

– А как? Я ещё ни разу не писал…

– Ну, так начинайте. Обсудите с Тиуновым…

Прожекторский вновь глубоко задумался, возвёл очи горе, затеребил нос и завздыхал. Интересно, как мыслила эта сравнительно небольшая голова, но с прекрасным лбом и широко по-

ставленными глазами? Почему Юта считает пана профессора некрасивым? Очень даже симпатичный. Уютный, маленький кабинет казался колыбелью великих мыслей.

– Ладно, – очнулся Яков Михайлович, – время терпит. К этой теме обратятся через несколько лет, а может быть и позже. Многое, очень многое, особенно в нашем регионе, строилось в годы первых пятилеток, и критический износ наступит почти одновременно. Но время ещё есть. Пока основное направление – создание экономичных и технологичных конструкций. Да, собственно, этому я вас и учу – проектированию новых конструкций. А как ведут себя существующие… Заканчивайте институт, там посмотрим… Случай в этой изменчивой жизни играет не последнюю роль. Всего хорошего и не теряйтесь.

Тиунов на маленьком токарном станке, содержащем в названии букву «ять», строгал образцы из конвертерной и мартеновской стали. Ладони были в масле и металле, но на всём остальном, включая белоснежную рубашку, не было ни пятнышка. Ну, дал же Бог руки! Вот сейчас – смоет бензином, опустит рукава и, свеженький и чистенький, пойдёт на занятия. Поразительно!

Тема Васиной диссертации – сравнительное исследование механических свойств мартеновских и конвертерных сталей. Где там наука, чёрт его знает. В статистической обработке полученных данных? Ну, да, Прожекторскому виднее.

– Вася, представляешь? Не ругался! И вообще сказал, что это неисследованная область. Велел нам с тобой статью писать.

– О чём? Что добавили сечения? Что-то я здесь никакой новизны не вижу.

– Да, нет! Проблема в работе конструкций. На какой стадии включается добавленный металл. Здесь, говорит, ещё конь не валялся. А формул, что я получил, ещё не было.

– Ну-ка, покажи мне ещё расчёты. Или я чего не понял? Шеф даром не скажет. Почему ты отдельно считаешь на постоянную и временную длительную нагрузки? На них даже один коэффициент надёжности по нагрузке.

Часа полтора он ещё и ещё растолковывал Васе осознанную им новизну. Что-то у Васи забрезжило.

– Ага, добавленный металл в работу вступает на нагрузку уже после усиления? Так бы сразу и сказал! А то постоянная, временная… Да, здесь статья может получиться. Ну, давай, пиши. И шефа включим. Фамилия рядом с ним чего-то стоит.

– Вася, а как? Не весь же расчёт включать?

– Да кого интересуют вычисления! Сначала дай постановку задачи, ну, там, зачем это надо, не забудь о повышении надёжности, затем вывод формул, и что в итоге получили. Вывод – эксплуатация может быть продолжена без замены конструкций, соответствуют таким-то действующим нормам. И все дела.

Шеф поставить свою подпись отказался – в работе не участвовал, статью не писал.

Тезисы вышли в материалах конференции – доклад делал Тиунов. А Игорь впервые увидел свою фамилию, напечатанную типографским способом!

Но впереди красовалась фамилия Тиунова.

Когда Юта радуется – светится. Вообще-то, лицо у неё довольно серьёзное, но способно передавать малейшие движения души. Если уметь читать. А мгновенно вспыхивающая улыбка заложена в строении её рта и глаз. Верхняя губка как-то сразу вздёргивается и открывает беленькие ровненькие и остренькие зубки. А реснички чуть опускаются, не закрывая глаз, давая уголкам лучиться. И лицо становится бесхитростным, даже простеньким. Любил Игорь её улыбку и старался вызвать. Но удавалось не всегда.

Рассказ о встрече с Прожекторским привёл её в восторг. Сам пан профессор обратил внимание на её Игу! Это уже не только разговоры и планы. Впервые их будущее начало приобретать реальные черты. Такой человек просто так не скажет. И она счастливо прижималась к его плечу.

Из дневника Юты: «*Вот это да! Научная статья, да ещё на четвёртом курсе! Ига будет учёным! Мой муж – учёный… Даже*

мечтать не могла. Но я же сразу поняла, что Ига необычный. Ох, сколько ему ещё учиться! Если бы сразу, завтра же… Ну, ничего, мы умеем выносить и терпеть.

Почему Ига рассказывает всегда с юмором? Слушаешь и кажется, что они с Прожекторским страшно веселились. Ну, Ига, может быть, и улыбался, но представить весёлым пана профессора не могу.

Между прочим, многие считают Игу несерьёзным. Мне даже сочувствуют, дескать, прохохочет всю жизнь. Ига говорит, что это у них от недостатка юмора. «Все глупости в мире делаются с самым серьёзным выражением лица». А когда я его спрашиваю, зачем ему так много юмора, ведь утомляет же, он начинает размышлять самым серьёзным образом.

– Прежде всего, Юта, юмор – способ выжить в этом мире. Время нам с тобой досталось такое неправильное и противоречивое, что иначе просто камень на шею. Вон, посмотри лозунг «Планы партии – планы народа». Если у народа есть планы, то на кой чёрт ему партия? Но мы с тобой тут же пошутим, что если у партии есть планы, то на кой чёрт ей народ? И спокойно пройдём мимо бессмыслицы.

А во-вторых, Юта, юмор ставит пределы применимости. Чётче ощущается граница. Вот тебе новенький анекдот. Зэк отсидел двадцать лет и вышел за колючий забор. Май, солнышко светит, травка зеленеет. Хорошо! Видит – в песочнице играет девочка. И так захотелось выразить свои чувства, сделать что-то приятное… Зэк подходит, гладит девочку по головке и ласково так говорит: «Балдеешь, падло?». Ну, а теперь сама определи границы применимости приёмов выражения. У юмора ещё много всяких сторон…

И всё-таки я не пойму – как уживается в нём удивительная серьёзность отношения к делу и постоянная улыбка.

К статье отнёсся очень по-деловому. От Тиунова проку немного и Ига взял в библиотеке несколько научных журналов, стал изучать методологию. Вот его выводы.

1. Вначале, как и в литературном произведении, должна быть экспозиция. То есть, вкратце, что было прекрасного до меня и чем я недоволен. Отсюда задачи работы.

2. Методология исследования, описание исследовательского аппарата и связное изложение полученных результатов. Желательно оформить в математическую или иную модель.

3. Заключение. Область применения результатов и, главное, что ещё надо сделать для всеобщего счастья.

Ну, думаю, статья будет нешуточная».

ЖЕНА ВРАГА НАРОДА

Судьба… Человек предполагает, а… Таинственное слово! Что-то от нас не зависящее? То ли предначертанное, то ли случайное. Так распорядилась судьба… То есть, ты чего-то хотел, а не получилось, или наоборот, – судьба! И прочно связанные с этим словом – повезло, не повезло.

Самые отъявленные атеисты и материалисты верят в судьбу. И даже молятся – только бы пронесло! только бы повезло! только бы миновала чаша сия! Прав был монах Ансельм – все во что-то верят… У людей религиозных упования проходят последовательней и культурней, хотя и несколько однообразно.

А какое множество поговорок, пословиц, речений! От оправдательного «Против судьбы не попрёшь» до отчаянного «Судьбе навстречу!».

Но среди множества надежд и разочарований есть и отдающие ортодоксальным марксизмом: «Твоя судьба в твоих руках!». Или – инвариант – «Человек творец своей судьбы!».

Да? И в какой же степени?

И всё-таки, согласитесь, в этом что-то есть. Да, мы плывём в утлом судёнышке (простите за трафарет) по незнакомой реке и совершенно не знаем что там за поворотом. Хорошо если коряга торчит над водой – оплывём. А если сантиметров на десять ниже и никакие струи её не обозначают? Судьба? А ведь сантиметр правее или левее и пронесло бы!

И всё-таки, и всё-таки… Не заложен ли в нас наш путь? Если Бог дал нам свободу воли, то есть выбора, то не вложил ли и некое предзнание?

Во времена Дарвина некоторые белые бабочки потемнели, и стали лучше сливаться с почерневшей от промышленной гари и копоти средой. И выжили, оставив ни с чем прожорливых птиц. А

оставшиеся белоснежными были съедены до весьма значительного снижения популяции. Что и утверждает дарвиновскую эволюцию, естественный отбор и так далее, и тому подобное. Но откуда у бабочек взялся механизм потемнения их резных и исключительно красивых крылышек? Он что же, был вложен заранее в их двойную спираль, в предвидении массы чадящих заводов и фабрик?

Не вложены ли и в человека варианты его судьбы – то ли в гены, то ли в линии на левой или правой руке, а то и на обеих? Или какой-то выбор всё-таки остаётся за нами? Ну, пусть не в самой полной мере…

…Где-то в начале июня, Игорь сумел сдать пару экзаменов досрочно, выкроилась неделька, и они, наконец, отправились в долгожданное путешествие на Ютину родину за запоздалым благословением к её маме. Решено было сказаться зарегистрированными, иначе их ждали разные постели. Конечно, уловка не сработала – конспираторы, отговариваясь, что брачное свидетельство у них будет с особенным золотым теснением, но только позже, забыли об отсутствии штампов в паспортах. Но, к счастью, будущая тёща зятю поверила и неудобных вопросов задавать не стала. Ни ему, ни даже дочери, отношения с которой были далеко не простыми.

Уже в поезде охватило сильнейшее волнение. У него – в предвкушении новых открытий, пейзажей и человеческих судеб, у неё тревожное – как всё будет, как мама...

В детство Юты, пути вели по удивительной, литературно-сказочной, истинно русской местности. Вот так он и представлял срединную Россию – леса, пересечённые равнины, глухие грунтовые дороги с колдобинами и буераками и спорые холодные речки. И небольшие чёрные озерца-болотца, где только что, пригорюнившись, сидела сестрица Алёнушка. Сосны, ели и обязательные тонкие гибкие берёзки… Его сразу охватило острое и грустное чувство Родины, хотя сам рос и жил то в горах, то в степи. Собственно, он любил всё, но здесь была та самая «Мещёрская сторона», о которой мечтал с самого первого прочтения, но всё как-то не дававшуюся.

В какое волнение и трепет приводит посещение мест исторических, пусть и только семейных или литературных! Впрочем, близкие люди всегда связаны не только кровью или отношениями, но и народом, и родиной, и целым миром.

Стефан Цвейг как-то написал о священном чувстве, испытываемом при виде рукописей и черновиков любимых произведений. С ожесточёнными зачёркиванием, перечёркиванием, заметками и рисунками на полях… Вещественными следами битвы автора со Словом и Временем.

А что говорить, скажем, о земле, помнящей лапти великого писателя? О деревьях, шумевших над головой в такт мукам творчества? О скамейках, на которых рождались великие образы?

У Игоря, при посещении Ясной Поляны ещё в доисторические времена, даже родились строки, по обыкновению не записанные, но запомнившиеся:

Под низким русским небом тишина.
Над светлой памятью лесов, полей и пашен.
Здесь и травинка каждая важна,
И прорастает – из былого в наше.

Что-то похожее Игорь испытывал и здесь, где бегала маленькая Юта, и здесь же, совсем недалеко, Фёдор Иванович Тютчев проезжал, рассеянно поглядывая поверх понурых лошадей на дорогу во Вчиж.

– Юта, ты представляешь, где ты живёшь? Если бы ты была не отсюда, полюбил бы я тебя?

– А что здесь такого? Лес как лес. Просто, это мой лес, а значит особенный. Ты ещё узнаешь наши заколдованные места, в которые дважды попасть никак нельзя. Увидишь видения, которыми полон лес и дол. Я тебе всё покажу. И леших, и кикимор. И всяких шишиг.

– И про ведьм не забудь. Хотя, одна уже передо мной. Волосы-то распусти.

Пригородный поезд приостановился у крохотной будочки обходчика и попыхтел дальше, затеряв их в подступающих к рельсам чащах. Покладистая и не сильно заезженная грунтовка три киломе-

тра вела к цели, если и разветвляясь, то только на тропинки. Деревья приветливо кивали Юте и изучающе смотрели на него – свой? Надежда на попутку – с вещами всё-таки – так и не оправдалась. Даже вдали не заурчал ни один мотор. И ни встречного, ни поперечного – совершенно одни. Но с птицами. И комарами, которых занятые вещами руки никак не могли отогнать. Впрочем, вдыхать острые лесные ароматы и целоваться не мешали. Хорошо!

Детский санаторий, в котором жила Ютина мама, открылся неожиданно, сразу за краем деревьев. Обнесённый старинной кирпичной стеной неправильный прямоугольник бывшего монастыря XVIII – XIX веков, а, может быть, даже и древнее, – лежал прямо на берегу чистенькой и проворной Снежки. На деревянных мостках, как и сотни лет назад, не старая ещё женщина в цветастом халате, стоя на коленях, полоскала белое постельное бельё. Иногда течение натягивало простыню, слегка искажая и колебля прямые линии. Женщина пела.

Религией в этом ныне детском заведении уже и не пахло, все культовые сооружения были или снесены, или преобразованы. Только на боковом фасаде монашеской когда-то обители проступал на серо-синей извёстке выложенный тёмно-красным кирпичом крест, удалить который можно было только со стеной.

Перед входом площадка была расчерчена «классиками», и Юта тут же в разножку запрыгала по клеткам, счастливо смеясь.

– Девчонка!

– Ну, не мальчишка же!

От ворот вглубь двора вела старинная, истёртая временем, кирпичная дорожка, упирающаяся в кирпичную же, совсем неплохо сохранившуюся, водонапорную башню. Башню вполне можно было считать архитектурным сооружением – пропорции явно соответствовали золотому сечению, и выложена была углом кирпича наружу. Под конической полуразрушенной кровлей шла оживлённая птичья жизнь.

Тишина. Только в дальнем углу усадьбы крытая летняя столовая звенела посудой и детскими голосами.

Александра Александровна оказалась крупной и статной женщиной, не выглядевшей моложе своих пятидесяти с лишним. Ста́тью Юта пошла явно не в неё. Будущая тёща, рассчитав время прибытия, задумчиво стояла на деревянном крыльце, с большими щелями между потемневшими от времени половицами, в ожидании крутых перемен судьбы. Шутка ли – младшая дочь вышла замуж!

Из Ютиных рассказов Игорь знал, что Александра Александровна одинокая женщина тяжёлой судьбы и нелёгкого характера. Волновался – станет ли совершенно незнакомая женщина родной? Станет, внимательно взглянув на нее, решил он, но пуд соли и не один придётся съесть. «Учти, – ещё в дороге с чисто женской логикой грозила пальчиком Юта, – моя мама не тёща! Я этого слова не люблю».

После недолгих представлений, некрепких и осторожных объятий и поцелуев, Александра Александровна ввела в древнее примитивное одноэтажное строение коридорного типа – по три комнаты на каждой стороне. В одной, в середине, ныне одна-одинёшенька, а когда-то с двумя дочерями, и обитала Александра Александровна. Общая кухня с одной печкой и тремя столами располагалась в самом конце коридора, *удобств* – нет, ну какой эвфемизм! – как тогда было принято говорить, во дворе. Ну, не совсем – за монастырской стеной, на берегу Снежки. Но вода в доме была.

Комната оказалась квадратов двадцать, разделённой дощатой перегородкой. В ближней к двери половине стояли стол-шкафчик с посудой и продуктами и парой табуреток. В дальней размещались крепкий дубовый стол со стульями, раскладной диванчик, полуторная железная кровать со стальными шариками на спинках, казённая тумбочка и прикроватные половики. Игорь с ужасом попытался разместить себя с Ютой и явственно услышал скрип панцирной сетки. Но, как оказалось, им отводился совсем другой простор в соседнем, более современном, двухэтажном доме с ванной и туалетом – подруга Александры Александровны была в отпуске.

Стол был уже накрыт и, что называется, ломился от яств – жареное мясо, картошка, солёные огурчики. А в середине красовалась старинная тёмно-зелёная с литыми гербами и надписями

бутылка с отменным шестидесятиградусным напитком – поместному *чемергес*. Зятя встречали по полной программе.

Первые натянутости не быстро, но преодолелись, и вот уже невесёлая Александра Александровна смеялась до слёз, закидывая голову, слушая рассказы и анекдоты студенческой жизни, даже кричала «горько», с умилением и грустью глядя на долгий поцелуй.

А в конце застолья Александра Александровна запела – и как! Глубокое грудное контральто, природная постановка и прекрасный слух. Особенно умиляло не только пение, но и желание играть содержание старинных романсов с выделением по её мнению ключевых слов. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось. В этот час ты призналась, что нет любви…». Пела, по старинной русской традиции, как бы в полузабытьи, вся отдаваясь песне.

Ого! В тёще-то масса нереализованного, предстоят ещё те открытия.

Из дневника Юты: «*Господи, я дома! И с Игой. Ему здесь нравится всё. И мама. Слава Богу, я так волновалась. Ига в дороге меня успокаивал: «Но это же твоя мама! Как она может мне не понравиться? Понравлюсь ли я ей, вот вопрос!». Кажется, понравился. Ох, и трудно маме угодить. Я смотрю, как они разговаривают, и понимаю – я уже не только её дочь, но и Игина жена. Мама, конечно, немного ревнует. На меня как-то удивлённо смотрит и почти не разговаривает. Привыкнет? Мамочка, мамочка, я не буду делить любовь между вами, это разные любови. Ты же тоже когда-то выходила замуж!*»

Незаметно наступил вечер, и решительная минута настала. Из старого сундука появился комплект постельного белья, и они были отпущены в апартаменты. Александра Александровна засуетилась, в движениях появилась какая-то растерянность, вот-вот заплачет. Юта, махнув ему рукой, обняла маму и, пока он курил на крыльце, они долго-долго шептались.

– Всё в порядке?

– Ну, да… Это же мама… Она так одинока… Она тебя обязательно полюбит…

Александра Александровна действительно его полюбила и искренне желала им счастья. Вот только её представление о счастье далеко не всегда совпадало с Ютиным. Кажется, Бисмарк говорил, что генералы всегда готовятся к войне прошедшей. Не так ли родители? Уберечь от козней своего времени, а оно уже совсем-совсем другое…

Впервые за всю свою короткую жизнь они оказались одни и в человеческих – поистине царских! – условиях. Юта заставила его отвернуться, пока раздевалась. Так она будет поступать всю жизнь, заставляя каждый раз её добиваться. Вот игра, которая никогда не угнетала и не приедалась!

Наконец, как писал Александр Сергеевич, ревнивые одежды пали, и они уж дали волю чувствам! Да так, что не только не было сил двигаться, но и разговаривать...

«Что говорить, когда тела отговорили…».

Утром Юта ушла к маме хлопотать и разговаривать. А Игорь бессовестно спал, пока не был разбужен лёгкими поцелуями. Он было снова притянул её к себе, но она умело выскользнула.

– Вставай, бесстыдник! Посмотри, какое утро! Даже день уже. Ты что, сюда спать приехал?

– С тобой, Юта, хоть круглые сутки! А сколько уже?

– Да к двенадцати подходит. Пошли кушать. Мы уже с мамой и не знаем – завтрак или обед?

– Будем считать, что первый завтрак я пропустил. Ну, что ж, начнём со второго.

Он смущённо поздоровался с насмешливо улыбающейся Александрой Александровной и что-то пробормотал в своё оправдание.

Праздничная жизнь быстро стала втягиваться в какую-то колею. Днём, обнявшись, бродили по многу километров вниз и вверх по речке, купались, собирали цветы и гербарий, и целовались, целовались, целовались… Открытия следовали один за другим. Провела Юта по тропинкам, которыми ходила в школу – семь километров туда, семь обратно. Вот на этом болотце страшно вздыхал и бормотал леший, но в трясину ни разу не утащил. А вот это место без

мальчишек и пройти было нельзя – из чащи нёсся просто нечеловеческий вой. А здесь на буреломе мальчишки курили «бычки», подобранные в посёлке возле магазина – она однажды попробовала, но ужасно не понравилось. А тут находили страшные черепа с зияющими глазницами, и неразорвавшиеся мины.

– А, вот, – смотри-ка, сохранилась! Это партизанская землянка. Представляешь, каково им там было?

– Слушай, Юта, здесь и одному-то… И сыро как… А накат уже сгнил, вот-вот рухнет… Интересно, если б пришлось, выдержал бы?

– Наверно... В этой землянке, и долго, партизанил Пал Петрович, мамин второй муж, я тебе рассказывала. Хороший был человек, но недолго прожил. Всего-то год с небольшим и была мама замужем, если можно назвать замужеством. Такие страсти рассказывал, мурашки по коже. Видишь болото? Когда немцы прочёсывали лес, партизаны ложились на спину так, чтобы вода полностью покрывала тело. А на лбу держали пистолеты, представляешь? А там, дальше, с километр, да сейчас и не пройдёшь, наверное, до сих пор стоит виселица с тремя петлями. Нет, нет, я туда ни за что не пойду! Я страху ещё в детстве натерпелась.

Под вечер ходили к Источнику, бившему небольшим фонтанчиком из неглубокой каменной чаши. Пили и набирали воду для чая.

– Пей, пей, это вода святая, излечивает от всего. Знаешь, сколько сюда приезжают?

– А если я здоровый?

– Так никакая хворь не пристанет!

Вечером пили чай из медного с разводами от старости самовара. Топился самовар древесными углями. Голубоватый дымок обволакивал терпким смолистым ароматом. Пили долго, отдуваясь, с кусковым желтоватым сахаром, раскалываемым серебристыми щипчиками. Идиллия!

Ему ужасно хотелось разговорить не слишком разговорчивую тёщу. Откуда Юта? Окружавшую её с детства почти нетронутую природу увидел, почувствовал и полюбил. И таинственный вечный сумрак её лесов, и Снежку с мостиком с замысловатым рисунком перил над живой водой, и древний, иссеченный време-

нем, кирпич монастырских стен, строений и дорожек. Но хотелось покопаться в генах семейной истории, ощутить Ютины корни. Александра Александровна казалась совсем неординарной свидетельницей времени.

Откуда мы? Советская власть основательно стёрла родословные. Гордиться принято было рабоче-крестьянским происхождением, а почти у каждого в предках оказывались то дворяне, то буржуи, то зэки с островов Архипелага, а то и вообще родственники за границей, что делало потомков подозрительными и неблагонадёжными. Целое поколение не знало правды не только о своих дедах и прадедах, но нередко даже и отцах. А если и знало, то не распространялось. Лет до двенадцати Юта считала отца – согласно маминой версии – пропавшим без вести. Такими считались бойцы, не вернувшиеся с войны и неизвестно где лежащие. У кого-то Игорь прочитал – война не окончена, пока не похоронен последний солдат. Судя по попадавшимся черепам, война не окончена и по сей день. Так бы и гордилась Юта отцом, отдавшим жизнь за свободу своей Родины, если бы однажды в пасмурный и невесёлый осенний день мама не показала на невысокого очень худого мужчину – это твой папа. Нашёлся…

И в глубины собственной жизни родители забирались выборочно – кто знает, что сболтнёт советское дитя. Смешных, печальных и даже трагичных примеров вокруг было сколько угодно. Словом, побаивались.

– Был случай, – вспоминала Александра Александровна, – ещё в те времена, Аньке было лет шесть. Тогда держать домашнюю скотину в городах не то, чтобы запрещалось, но облагалось таким налогом, что оправдать себя животное никак не могло. Кажется, это приравнивалось к частному предпринимательству.

Пришла комиссия проверять. Строго так спрашивают – ни кроликов, ни свиней? Да, нет, что вы, откуда. Вдруг Анюта: «Мама, как же? А Васька?» И смех и грех! Вроде и ругать не с руки, а единственного поросёнка обложили налогом.

Александра Александровна не спешила с откровениями.

Хотя времена стояли далеко не сталинские, страх, подкожный страх много повидавшего и пережившего советского человека, всё равно оставался. Но понемногу отошла, оттаяла пятидесятитрёхлетняя женщина и заговорила. Не только доверилась, но где-то на подсознательном уровне почувствовала – её жизнь может остаться, не уйдёт с ней в могилу.

А помирать в скором времени Александра Александровна собиралась. Шутка ли – при такой тяжёлой жизни и дожить до шестидесяти? Нет, так не бывает. И хотя прожила ещё тридцать лет, сбережения и одежду на похороны в старом комоде хранила и Юте по секрету показала. Юта плакала.

Как передать эту неплавную, со скрываемыми эмоциями, речь не слишком образованного – четыре класса, – но читающего человека? Буквально? Ничего не выйдет. Литература имеет свои законы. Здесь нет мимики, жестов, интонации и регулируемой силы голоса. Словами, только словами…

В одной из телепередач, замечательный клоун и киноартист Юрий Никулин рассказывал, как пробовал играть пьяного: «Слушай, – предложил я режиссеру, – а давай действительно напьюсь и сыграю!». Попробуй, разрешил режиссёр, только ничего не выйдет. Попробовали, сняли. И я с ужасом увидел на экране кривляющегося человечка, очень неумело изображавшего пьяного». Такая вот метафора устной и письменной речи.

История Александры Александровны сложилась постепенно из кусочков монологов, произносимых всё более и более внятно. Конечно, всего не расскажешь, но суть её нелёгкой жизни всё-таки проявилась, как когда-то в кювете и красном свету приобретали очертания чёрно-белые фотографии.

– Жизнь моя, Игорь, распадается на какие-то куски, собирать тяжело, да и получится ли целое? Как будто я прожила несколько жизней. И была в них разным человеком. Вот моя жизнь, вроде, устроилась, Аня вышла замуж – гора с плеч. Нет, что не выйдет не боялась, такие на дороге не валяются, кто-нибудь бы взял. Хорошо, что ты. Но какая я теперь? Кому нужна? И зачем мне жизнь? Нет,

ты меня не успокаивай, я к тому, что живёт зачем-то человек? После всего пережитого теперешнее – рай! Не голодаю, дети пристроены – что ещё нужно. Но зачем? Всё кажется не так прошла жизнь, не для того я на свет явилась. Хотя, конечно, Богу виднее.

– А начиналось хорошо! Я сейчас детство чаще и чаще вспоминаю, кажется мне всё сплошь голубым и розовым.

Семья наша была рабочей, но далеко не бедной. Я младшая из четырёх сестёр, а потом появилась и пятая, сводная. Матери почти не помню – умерла, когда мне ещё и шести не было. Ну, как все дети, какие-то отрывки. Вспоминается почему-то запах длинных мокрых волос – купала меня вместе с собой. И ещё как шла по дорожке мимо цветущих яблонь. Больше, пожалуй, ничего и не осталось… Вот… А ведь это мама моя… А что у вас от меня останется? Ладно, ладно… Вот лет через пятьдесят и скажешь. Любовь не забывается? Это ты к тому, что чем крепче я вас буду любить… Ну, уж как получится.

– Жили мы в большом и крепком доме – жилая половина и большая мастерская отца. Сначала по ремонту весов – от аптекарских до вагонных. Ну этого я почти не помню. Потом, перед самой революцией, в гражданскую и ещё при НЭПе, отец ремонтировал и изготавливал железные кровати для армии. Руки у него были золотые, всё, как говорится, спорилось. Ещё было трое работников, которые жили отдельно во флигеле. А ели всегда все вместе.

О, это, знаешь, какой был ритуал! За стол садились все девять человек – и стар и млад. Причём сам отец садился последним, когда стол был полностью накрыт. Ели из общего котла, стоящего в центре стола, деревянными ложками. Первая ложка за отцом, потом остальные. И знаешь, что интересно? Каждый загребал со своей стороны и мясо мог достать только, когда оно подплывало к его краю. За нарушение можно было получить ложкой по лбу, а то и из-за стола вылететь. Но наедались все. За столом разговаривали, смеялись. Осталось какое-то чувство ежедневного праздника.

Нет, почему, тарелки, конечно, были – стояли в большом буфете в горнице. Но их доставали только по большим дням – на пасху, рождество… Почему? Даже не знаю… Но что-то в этой

древней традиции было умиротворяющее. Есть такое выражение «переломить кусок хлеба», то есть объединить судьбу. Общий котёл рождает родство, люди чувствуют себя своими, что ли… Будь моя воля, ей-богу, и у себя бы такое завела. Но теперь большими семьями не живут, теперь квартиры, а не дома. Вот и вы получите одну или, дай Бог, две комнаты… Разве что в гости приехать…

– Отец был мужчина видный, с шевелюрой, усами и светлыми глазами. Опасный для женщин человек! Как сейчас говорят – мужик! Я не помню, старшая сестра рассказывала, – то ли быль, то ли легенду. Влюбилась в отца какая-то богатая *«графиничка»* и приезжала к матери торговать. Дескать, отпусти мужа, а я за это твоих дочерей возьму на себя. И образование дам, и воспитание. Но и мать не отпустила, и отец не ушёл, сохранилась наша крепкая семья. Ненадолго.

Когда мама умерла, месяца через два или три, это я помню, отец вдруг исчез. Неделю нет, другую. Старший работник, ладный такой красавец Коля, взял старшинство и дела на себя. Думал, думал и решил: двух старших сестёр оставить, работницы уже, а меня с Клавой отдать в приют. Плакали мы и уже вещи собирали, как вдруг явился! Да не один, а с крепкой такой, красивой женщиной. Вот, говорит, это будет теперь вам мать. Так вошла в нашу жизнь мачеха, Клавдия Говриловна. Да знаю, знаю, конечно, Гавриловна, но выловил её отец где-то в волжских водах под Нижним Новгородом, нынче Горький, и окала она отчаянно.

Отец нас любил, правда особо не цацкался. Ругать ругал, но никогда не бил. А если Клавдия Говриловна наказывала – без обеда оставит или в угол – сердился. Мачеха тоже была женщиной не очень ласковой, однако мать нам заменила и разницы между нами и вскоре появившейся своей дочкой никогда не делала.

Работать нас приучали сызмальства. В меру сил – за скотиной ходить, убирать, стирать. У всех были свои обязанности.

Отец намеревался дать нам образование. Старшие сёстры ещё успели походить в гимназию, даже французский язык учили. А я уже в советскую школу ходила. Ввела тогда советская власть обязательное начальное образование – четыре класса. Больше

мне учиться не пришлось.

– Детство моё счастливое кончилось как-то незаметно. Дом с мастерской отобрали, отец пошёл работать на завод, и наступила бедность. Правда, она была повсюду, годы были трудные. Голодать не голодали, но общий котёл кончился, ели когда, где и что придётся. Жили всемером в одной комнате и спали под одним одеялом. Ты эти времена по литературе знаешь, только они там сильно приукрашены романтикой, как ни как социализм с коммунизмом строили. И сейчас строим. И вы будете строить. И дети ваши.

Что значит «трудные годы»? Бог его знает… Тогда-то мы не знали, что живём в «трудные годы». Просто выживали. Я и про революцию, и про гражданскую войну узнала куда как позже. А тогда видела вооружённых людей, слышала пальбу, на моих глазах убивали… Хлеба не было… Трудные годы! Невозможные…

Потом жизнь немного наладилась, но к прежней радости уже не возвратилась никогда. Закончила я свои четыре класса, Клавдия Говриловна больше не разрешила – зачем девке-то? Дома работала, а в пятнадцать пошла на швейную фабрику. Началась моя рабочая биография.

– Знаешь Игорь, во всякой русской, а может быть и не только, сидит Золушка. Вот придёт Принц, примерит хрустальную туфельку, и жизнь обернётся самой лучшей стороной. Попросту говоря – хорошо бы удачно выйти замуж.

Мой принц явился в гимнастёрке с ромбиками лейтенанта. Среднего роста, чуть выше меня, худощавый, но ладный, сейчас бы сказали спортивный. Анюта вся в него. Заприметил меня на улице, без ложной скромности сказать – девушка я была видная, подошёл, заговорил и начал ухаживать. Полюбила ли я его? Честно говоря, не знала тогда, что это такое. Да знаю ли и сейчас? Ну, конечно, в книгах читала, но к действительности это как-то особого отношения не имело. В романах любят, страдают, мечтают, по-моему, от нечего делать. Вон, у Толстого, как дворяне любили! Простой народ и слова-то такого не знал. А мой Володя вообще слов на ветер не бросал. Весь был в себе и очень решительный. Вот пришло время, решил жениться и всё тут. В нём самом-то любви особой никогда

не было. Но женщина ему нужна была, семью себе представлял – во всём должен быть порядок. Грамотный был, в политике разбирался, газеты от корки до корки читал. А ещё рисовал. Сначала только карандашами, а потом и кисти взял, масленые краски, акварели. Хорошо рисовал, похоже. Мой портрет сделал, так я там такая красавица! Только жаль, что я всё это считала баловством – не Шишкин же. А если бы поддержала, может быть, совсем другим человеком был. И то, что случилось не случилось бы… Да и он моё пение с удовольствием слушал, но всерьёз не принимал. А как мне хотелось петь! Может, я для сцены и родилась. Но такие уж мы были люди, из такой вот среды…

Связать свою судьбу с ним было не страшно, казалось, на него можно опереться. Да и «пройтись с ним по нашей деревне» было не стыдно. Отцу, как я теперь понимаю, Володя понравился не сильно, но ввести в семью коммуниста и офицера посчитал в наступивших временах не лишним. Да и дочка хорошо пристроилась. Так, в девятнадцать лет я оказалась замужем, а в двадцать уже и дочку родила. Хорошенькую, ну прямо ангел! Не обращай внимания, я всегда плачу, когда вспоминаю Ниночку. Трудно вам, мужчинам, представить себе, что значит для матери первый ребёнок. Да и объяснить вряд ли возможно. Но, вот, не дал ей Бог жизни. И мне на всю жизнь положил тяжесть. Хотя, вроде, и вины за мной нет. Наверно в помыслах…

Пять лет ей исполнилось, когда в садике разразился дифтерит. Слухи ходили – вредительство. Умирают, мол, в основном дети офицеров. Теперь-то понимаю – ерунда, и садик-то был офицерский. Но тогда верила. Господи, как я убивалась! Однажды с кладбища – я каждый день ходила – без сознания привезли. И самое страшное – снится и снится. То на речке, то в саду, а то и просто на кроватке сидит, но всегда улыбается и шепчет: «Мама, мама, а я живая!». Просыпаюсь – сердце останавливается. Я уже и ложиться боялась. Отощала страшно, лица на мне не было. Слава Богу, послушалась одной богомольной старушки. Втайне от Владимира Дмитриевича – если бы узнал, не знаю, что и было бы – взяла горсть земли с могилки и в церковь. Ужасно боялась, чтоб

не увидели и не донесли. Жена коммуниста и в церковь, представляешь? На следующий же день его бы отовсюду выгнали. Ну, как освятили, я землицу на могилку и снесла. И ты знаешь, как рукой сняло! И по сей день не снится. Ой, не могу я больше – слёзы душат. Иди уже, поди тебя Аня заждалась…

А почему ты её Ютой зовёшь? От Анюты? Хм… Интересно… А я думала от уюта…

– Но вообще-то до войны мы жили неплохо. И комната была, и жалование офицерское совсем даже ничего, и пайки… Родителям помогали. Нет, только моим, Владимир Дмитриевич сирота, детдомовский. Через два года по смерти Ниночки, родилась Лидочка, увидишь ещё, крупная здоровая такая, – в меня. А ещё через два с половиной – Аня.

К этому времени Владимир Дмитриевич хорошо продвигался по службе – в капитаны произвели, подал в Академию и приняли было, но война помешала. И ещё повезло – на фронт не отправили, а послали преподавать в пехотное училище.

Повезло… Стыдно сказать, но сколько раз я проклинала это везение! Если бы он был на фронте и даже, прости, что скажешь, действительно пропал бы без вести, я бы хоть оставалась женой офицера…

Ну, вот. Оказались мы в военном городке на берегу Волги. Три казармы, барак для наёмных рабочих, хозяйственные постройки, двухэтажный офицерский дом. Квартира хорошая – большая светлая комната, с общей кухней на этаже. Ну, тогда других и не было. С продуктами тоже без особых проблем. Я, как офицерская жена, не работала, сидела с детьми. Так тебе сказать, я и войны-то особо не чувствовала. Владимир Дмитриевич человек очень аккуратный, даже чересчур, и в быту хлопот не доставлял. Всё на месте, всё чисто, лишний раз ни стирать, ни гладить. Вот только мы почти не разговаривали – о чём? Художественную литературу не читал, театров не было, о работе рассказывать не любил. В свободное время рисовал – и карандашами и маслом. По-моему, хорошо. Да, вот эти картины его, всё, что осталось… Я слышала, ты Ане говорил, что слишком натуралистично и какая-то точка пейзажа не та. Ну, не знаю… Я всё это видела своими

глазами, и мне нравится.

– Перед этими самыми страшными событиями смотрю, Володя много читает какие-то специальные книги. Сталинскую конституцию изучает, налоговое законодательство, юридическую литературу. Ну, думаю, по работе.

День этот помню до мельчайших подробностей. Светлый такой июльский, небольшой ветерок несёт от Волги запахи и прохладу. Благодать! Ане пять месяцев, и я кормлю её грудью.

Смотрю в окно – к дому идут три фигуры. В середине по походке, правда, какой-то странной, узнаю Володю. У него же занятия, куда в такой час? Подходят, я сначала ничего не могу понять, потом обрывается сердце. У Володи сорваны погоны, ремня и планшетки нет. По бокам два здоровых особиста. Сколько раз я слышала эти истории, но не приведи Господь пережить самой! Как всегда в таких случаях – может ошибка? Кто-кто, но Володя же сто раз проверенный и правоверный коммунист. Но эта мысль не зацепляется, всем известно – наши органы никогда не ошибаются и даром не сажают. Всё. Конец.

Зашли. Я ни жива, ни мертва. Отступаю перед ними, они меня теснят и к его столу. «Гражданка Гуркузова! Согласно постановлению мы должны произвести обыск в вашей квартире». Слова не могу сказать. Рылись они в его книгах, вещах, искали тайники, но как-то не очень рьяно. Забрали бумаги и почему-то книги. Я всё ещё не могла в себя прийти. Вдруг заплакала Анюта, и я вернулась к жизни. Кинулась к Володе: «Что ты сделал, что ты сделал?!» «Шура, я только написал письмо товарищу Сталину. Поверь я ничего…». «Разговорчики! Гражданка, вы не должны касаться арестованного. И уймите вашего ребёнка».

Его увели, и я поняла – жизнь кончилась. Вдруг обуяла жажда деятельности – надо что-то делать, что-то делать… Оставаться так было просто невмоготу.

Побежала к знакомому майору госбезопасности – иногда к нам заходил. «Кирилл Игнатьевич, что, что произошло? Что теперь будет?» «Александра Александровна ваш муж показал себя врагом народа». «Но что натворил? Может по глупости?». «По глупости, Алек-

сандра Александровна, такие вещи не делают. Он написал письмо с критикой закона о налогообложении военных. Без подписи». «Как же нашли? А если не он?» «А почерк, Александра Александровна? Такую каллиграфию ни с чем не перепутаешь». «А может быть в законе какие-то неправильности?» «Гражданин Гуркузов написал об ошибках в законе, который предложил сам товарищ Сталин. Вы думаете, что Он – глаза закатил к портрету, висящему за спиной над головой – может ошибаться?» «Что же будет, что будет, Кирилл Игнатьевич?». «Плохо будет, Александра Александровна, плохо. Ничем помочь не могу».

Никто не мог. Да никто и не собирался.

– Проплакала я всю ночь, что только не передумала! И, знаешь, не его жалела – себя и детей. Вся жизнь проплыла перед глазами. Всё будни, будни и никакой особой радости вспомнить не могла. На таких переломах, я где-то читала, люди вспоминают что-то заветное, что уже останется с ними, чтобы судьба с ними не делала. То, ради чего стоило жить. И, поверишь, не на что было мне опереться. А ведь мы с ним прожили вместе уже немало. Конечно, были какие-то праздники, смеялись и веселились… Но вспомнить – нечего. Только тогда до меня дошло – чужие мы были с ним всю жизнь. Да и могло ли быть иначе? Жизнь нас учила не жить, а выживать. До любви ли тут? Для любви, знаешь… Человек должен быть необычным. Конечно, каждый человек необычен, если в душу к нему влезть. А если и души никакой нет? Одна аккуратность и порядок. Да и в себе что-то надо иметь. Нет, не смогла я его полюбить. Способность к любви не всем даётся… Вон, я смотрю, как Анюта на тебя смотрит – аж светится. Вообще-то она у меня вредная и завзятая, ты ещё хлебнёшь с ней, а, вот, гляди, любить умеет… Грех говорить, но родной дочери завидую! Может, ты не такой уж и гений, как она говорит, да разве ж в этом дело? Ты береги её, это редко. Бабы народ практичный, не все за нищего пойдут…

– И всё-таки никогда не могла понять, как мог Владимир Дмитриевич решиться на такой шаг, даже не посоветовавшись со мной? Да я бы костьми легла, не дала бы сделать такую глупость!

Ещё своим почерком. Хоть бы моим, сто лет бы искали.

Какой гражданский долг, Игорь, о чём ты? Не подписался же. Не на партсобрании выступил, что он свою партию не знал? Нет, Игорь, понимал Владимир Дмитриевич на что идёт. И из-за чего? Из-за каких-то процентов? Добро бы *своей* жизнью рискнул, а о нас подумал? Даже отсидев столько лет, так ничего и не понял. Он, видите ли, страдалец за идею – за какую, чёрт возьми, за проценты? – а плохо, мол, было всем. Конечно, страданиями не сравниваются, советские лагеря не шутка, никто не говорит. Но он ушёл в небытие, где все были такими, а нас оставил жить отщепенцами среди людей, ещё вчера бывших друзьями. Из-за страха нам даже кусок хлеба боялись подать. Будь ты проклят, прости, что скажешь!

Ой, что-то я разошлась. Хуже нет бередить старую, так и не зажившую, рану. Но всё равно, слушай, раз взялся. Расскажу, может легче станет. Никогда не рассказывала. Боялась, как бы детям не навредить. Да и сейчас боюсь.

– Вышла я на следующий день и сразу ощутила клеймо на лбу: жена врага народа. Сторонились, а то и убегали. Оно и понятно – и за сочувствие можно было загреметь.

Ну, только бы это ладно. Но как дальше жить? Ни денег, ни карточек. Уже и хлеба не могла получить. Несколько дней на тощих запасах, – какие в войну запасы! – а дальше?

Тут же комендант объявляет – выселиться из квартиры в двадцать четыре часа. Куда? В барак. Комнатка три на три, тёмная, здесь же и стирать, и готовить.

Прошу работы. Комендант, так, с издёвкой, – может, думаешь, мы тебя в официантки определим? И не мечтай. В подсобницы пойдёшь.

То есть в прачки.

И пошло! По десять, а то и больше, часов в день стирка, стирка, стирка… Всё вручную – это у немцев были какие-то машины – и всё вшивого солдатского белья. Ты уже и не видел, наверное, – такая волнистая стальная доска в корыте и по ней, до ряби в глазах, с силой водишь туда сюда, туда сюда намыленное

вонючим хозяйственным мылом. Ночью тело дёргается и кости ломит – страшно. Лида – три годика! – смотрит за Аней, я два-три раза бегаю переодевать и кормить. И так изо дня в день, изо дня в день. Без просвета. Особенно тяжело зимой. Темно, полоскать – вода ледяная. Руки распухают, красные. Как я выдержала, не знаю. Если б не дети, грех так говорить, руки бы на себя наложила. Я уже, не поверишь, человеком себя не чувствовала. Загнанный зверь. И всё это за еду. И то только, чтобы с голоду не умереть. Два года, два года! Почти без выходных и праздников.

Мой мозг просто оцепенел. Наверно охранительная реакция. Не могу вспомнить ни одной мысли. Как животное – то надо сделать, то, и как бы хозяин палкой не ударил. И всё это в том же самом городке, где я гуляла с Лидой и Аней, смеялась с подругами, встречала с работы офицера Красной Армии.

Потом я часто думала – может на каторге всё-таки было бы полегче? Хоть о детях бы позаботились. Но на каторгу за что-то ссылают, пусть за глупость, как моего, но меня никто ни в чём даже не обвинял. Что же, жена врага народа тоже враг? Да ещё и похуже?

– Совсем неожиданно добралась до нас Клавдия Говриловна. Отец устроился километрах в шестидесяти железнодорожником. Но только чуть божий свет увидела, как новый удар – заразилась я от бельевых вшей брюшным тифом. Не приведи Господь! Положили меня в больницу, и провалялась чуть ли не три месяца. Один раз даже похоронили – подруги по несчастью уже и на венок собрали. Это когда я совсем сознание потеряла. Но оказывается, при брюшном тифе есть роковой сороковой день – совсем худо, помираешь, но если выживешь – всё, на поправку. Как видишь, выжила.

У меня с тех времён одно свидетельство сохранилось – письмо отца Мане, средней сестре, она с мужем переехала в Сталино:

«Спешим вас уведомить о положении Шуры. Она лежит в больнице с 22 июня. До этого лежала дома две недели. Болезнь её брюшной тиф. Мать теперь живёт в военном городке с детьми. Температура у Шуры всё время 38,7, 39,8, 40. Почти всё время бредит. Я к ней приходил в больницу и она говорит мне, что ж

это Настя делает? Зачем она детей моих забрала? Это безобразие! Так что на выздоровление надежды очень плохие. Володя уже два года сидит. Дали десять лет....»

– Ну, выписали меня наконец, вышла – страшно смотреть. Стрижена наголо, худющая, что твой скелет, от ветра шатает. Но в больнице всё-таки кормили и сравнительно неплохо. А дома – если барак считать домом – только-только с голоду не умереть. А когда дело на поправку ох, как есть хочется! Немножко, тайком, через Клавдию Говриловну, некоторые офицерские жёны помогали – то крупой, то молоком, а иногда и костями с остатками мяса. Поправилась я немного и с ужасом представляю – снова за проклятую стирку. Знаешь, болезнь, тем более тиф, штука страшная, но всё-таки была отдушина, всё-таки перерыв. Не ходить на каторгу, сбросить заботы, да ещё и ухаживают. А помрёшь, так и вообще кончится весь этот кошмар…

Но, слава Богу, уже за стиральную доску вставать не пришлось. Тут как раз наш город освободили, и отец нас перевёз. Шла со станции и не узнавала – полгорода разрушено, разбомблено, взорвано, места живого нет. Но послевоенная жизнь уже начиналась.

О Владимире Дмитриевиче было решено говорить – пропал без вести. Я не верила, что вернётся, из лагерей редко кто возвращался. За одним сроком давали следующий, и без конца. Писать я ему не писала – боялась, но посылки потом иногда с оказией передавала.

– Надо было, и срочно, устраиваться на работу. Карточки на продукты могли получать только работающие. Как быть с Аней? Не военный городок, в перерыв не прибежишь. А в садики – сотенные очереди. Но тут начало мне немного везти. Встретила и разговорилась со знакомой по прошлой жизни женщиной. Оказалось, работает в здравотделе. Приходи, говорит. Посмотрела метрики – так ей же два года пять месяцев! Как же в садик? Ясли-то ещё не открыли. Я стала уговаривать – она у меня очень аккуратная, всё умеет делать сама. Это правда, Аня с пелёнок чистюля, а брезгливая, не приведи Господь. В голод и то харчами перебирала – по краю тарелки развесит и есть не будет ни за что. Ну, ладно, говорит знакомая, скажем, что ей уже три.

Удалось устроиться в обкомовскую столовую посудомойкой. И началось моё восхождение. Я уж так воспитана, не могу работать спустя рукава. Тут Аня в меня. Да и работу боялась потерять. Словом, мыла посуду на совесть. Заведующая, садясь за стол, себе посуду перемывала, а тут глядит – чистая! Ну и ко мне расположилась. Потом повар, Геннадий Васильевич ко мне присмотрелся и взял в помощницы кухаркой. Благообразный такой, в очках, с седыми подстриженными усами, из дворян. Стал учить меня готовить и детей давал покормить на кухне – выносить ничего нельзя было, в лучшем случае выгонят с работы. Сделал из меня настоящего повара. Стала я его заместительницей, а в перспективе – старенький он уже был – и на его место. Отмечали меня, на доску почёта портрет вешали. Я как-то успокоилась, поправилась немного, на праздниках даже пела. Геннадий Васильевич глаза утирал, всё говорил: «Пропадает у тебя, Шура, настоящий талант!».

Аня в школу пошла, с ученьем мне никогда хлопот не доставляла, не то, что Лида. Вот не хотела учиться и всё! Тетрадки возьмёшь, так хоть сразу в печку. И на второй год оставалась, еле закончила. Ну, да не про неё сказ...

В общем, жизнь пошла более или менее.

И тут выдвигают меня депутатом городского Совета. В это время крепили блок коммунистов и беспартийных, ну и двинули меня как рабочую, беспартийную и бессловесную. Анюта, помню, услышала и спрашивает: «Мама, а блок против кого?». Пришлось ей объяснить, что такие вопросы задавать нельзя. Ну, она девочка понятливая...

Я перепугалась до смерти. Теперь же проверят и докопаются, что я жена врага народа! Что делать? Думала, думала – может, пронесёт? Война, неразбериха... Но, в конце концов, не выдержала и пошла в партком. Выслушал меня секретарь и говорит: «Партию не обманешь, партия всё знает. Что ж ты думаешь, мы тебя до выдвижения не проверили? Но ждали, когда ты сама придёшь. Раз пришла, то всё в порядке. Быть тебе депутатом». Так я там и просидела, слова не сказав. Хлопала мудрым решениям партии, да руку вовремя поднимала. Но чувствовать себя уверенней стала.

Уже мне и квартиру обещали – депутат всё-таки. И успокоилась я как-то. Стал даже и пережитый кошмар куда-то отдаляться, только по ночам иногда просыпалась с криком, детей пугала.

– Как вдруг – является! Ещё и узнать не успела, а сердце ёкнуло. В каком-то полузэковском обмундировании – ватник, ботинки на рыбьем меху… Сколько я себя потом проклинала – сразу надо было, сразу вытолкнуть и захлопнуть дверь. Да разве в такой момент сообразишь! «Шура, я за тобой». Как? Что?

Отсидел Владимир Дмитриевич все десять лет, от звонка до звонка. А я как-то и считать перестала, всё пыталась забыть. Но выпустить-то его выпустили, да не совсем. Теперь на три года на поселение, в Киргизию. Только на несколько дней разрешили заехать, забрать семью.

Что делать? Обман насчёт «пропал без вести» раскрылся, стыдно стало людям в глаза смотреть. И – знакомая картина! – кое-кто стал сторониться, несмотря на депутатство. Отец и сёстры в один голос – надо сохранить семью, детям нужен отец, да и тебе уже под сорок, новую не заведёшь. И, что интересно, чувствую я жалость к нему. Своё как-то за эти годы не то, чтобы забылось, но притупилось. А на него смотреть было тяжко – и по жизни-то худой, а тут…

Ну поехали. Заброшенный лесхоз в предгорьях, крохотный домик из самана… Кругом горы и лес, но после нашего странноватый – дикие яблоньки, орехи, алыча… Какая-то почти первобытная бедность. Немного русских, в основном киргизы. Школа, правда, русская.

Теперь пришлось хлебнуть прелестей натурального хозяйства – корова, свиньи, куры, огород. Владимир Дмитриевич устроился бухгалтером, хозяйство на мне.

Всё бы ничего, выдержала бы, после той вечной стирки любая работа не покажется слишком тяжёлой. Девочки помогают: орехи собирают, даже на сдачу, – продавать нельзя, а сдавать совхозу за копейки можно, – ягоды, дрова… Анюта коровку нашу так полюбила, что ходила как за родной. Да она тебе сама расскажет – всё помнит. Всюду живут люди, и здесь можно было бы жить… Но вот Владимир Дмитриевич…

– Я тебе уже говорила, он и раньше-то был невесёлый и неласковый. Прямолинейно-правильный. А тут… Я где-то читала – раб, других отношений не зная, борется с рабовладельцем, чтоб стать на его место. Не с рабством борется, а с рабовладельцем. Стал вести себя Владимир Дмитриевич как надсмотрщик в лагере. Это вот так, это так и только так. Девочки должны были с него снимать и чистить сапоги. Выслушивать его длинные и нудные проповеди не шелохнувшись. Бить не бил, но чуть что – пощёчину или затрещину. Так уж жизнь сложилась, что я сама-то с ними никогда особо ласковой не была, один раз Аньку даже побила, но не унижала никогда. Короче, отцом так и не стал. Девочкам чужой и мне чужой. Ни о какой любви и речи быть не могло, даже видимость семьи создать было невозможно. И знаешь, что меня больше всего отвращало? Как он прятал куски хлеба под матрац. И всё понимаю, откуда и почему, а ничего с собой поделать не могу – просто душит отвращение.

В общем, терпели мы с девочками, терпели – чуть больше года – и не выдержали. В один поистине прекрасный день собрали пожитки и вернулись в наш город. Больше я Владимира Дмитриевича никогда не видела. Да и видеть не хочу.

– Вернуться-то вернулись, но куда? Отец уехал по работе далеко, у сестры своя семья разрослась, тесновато стало. С очереди на квартиру, конечно, сняли. В столовой тоже все места заняты. Опять эта неопределённость. И тут вдруг Геннадий Васильевич где-то разузнал и порекомендовал меня на свободное место шефповара, как сейчас говорят, или – официально – заведующей производством в этот санаторий. Я не раздумывала ни секунды. Во-первых, отдельная комната, в ней и живу по сей день, да и помру, дай Бог… Ладно, ладно, не успокаивай, все там будем… Во-вторых мне очень здесь понравилось. И, главное, никто меня не знал, и можно было начинать жизнь заново. Тихо здесь, воздух замечательный, и до города всего тридцать километров. Оставила я Лиду заканчивать десятилетку у сестры, а с Аней переехала. До школы в посёлке далековато, семь километров, но Анюта у меня быстроногая…

Прижились мы тут. Летом из города приезжали родственники

и знакомые чуть ли не каждое воскресенье – тогда ещё была шестидневка. Стол накрывали, в лес ходили, на дамбу купаться – ты уже там был. Зимой на лыжах кататься. Знаешь, очень даже хороший распорядок установился – будни буднями, но есть и праздник. Чувствую, что это последнее моё пристанище. И не возражай. Приезжать к вам буду, но жить я уже ни с кем не смогу. Со своим характером и вам жизни не дам, так что лучше не надо.

– И посетила меня, Игорь, на старости лет, не смейся, какая ни какая, а любовь. Пусть недолгая, пусть неправильная, а всё-таки любовь.

Встретила я Павла Петровича. Разговорились, и что-то между нами произошло. Вот как в книгах описывают. По работе он часто приезжал в санаторий, стал захаживать и как-то, уже поздно было, остался. По настоящему мне никогда не везло, оказалось у него семья и дети, да и старше меня он на десяток лет, но решили мы, что у нас любовь. «Шура, сказал он мне, пока дети школу не закончат, я семью не брошу. Но жене скажу сейчас. А потом мы с тобой распишемся, и будем жить по-настоящему». Благородный был человек и заслуженный – командир пар-тизанского отряда. Я девочкам сказала, что выхожу замуж, и Пал Петрович стал оставаться у нас, когда мог. Анюта обрадовалась и полюбила ну, прямо, как отца родного. Свой-то родным так и не стал… И ему Аня приглянулась – баловал сильно. И конфеты покупал, и на кино денег давал, и просто по головке гладил, к чему она совсем не привыкла. Когда же он ей коньки с ботинками подарил, так вообще хвостиком за ним ходила.

А однажды утворила такое, до сих пор смех берёт. Как-то в школе задержалась, и санаторские мальчишки ушли без неё. Зима, темнеет быстро, всё-таки девочка, и одна по лесу идти побоялась. Что делать? Она адрес Пал Петровича узнаёт и к нему, как родному. Представляю его жену! Хоть и всё знала, но такое! Переночевала Анька как ни в чём не бывало, а на другой день вечером рассказывает. Я и обмерла – ты что, с ума сошла? А она: «А что? Пал Петрович очень обрадовался!» Я потом у него спросила – как, мол? «Да уж, ошарашила, так ошарашила! Я, грешным делом, подумал, что

с тобой что-то. А девчонка молодец – не растерялась. Что жена… Кончено у нас с ней всё и навсегда. Ну, ещё царапина…».

Так и продолжалось у нас, да недолго, с годик. Умер Пал Петрович посреди жизни. Вроде бы ничто не предвещало – сердце разорвалось. Поговаривали, жена даже скорую не вызвала. Сам через дорогу до телефона дополз и умер. Если бы у меня на руках, может и спасла бы… Даже похоронить не могла – кто я ему?

– Вот, собственно, и вся моя долгая, долгая жизнь... Хоть кусочек любви, но всё-таки выпал. И на том спасибо. Боль уже ушла, а радость, может быть, единственная настоящая осталась. Да такая, что и смерть скрасит…

Ой, иди уже, дай поплакать вволю.

– Дальше тебе Аня лучше меня расскажет. Спасибо, Игорь, первый раз я так свою жизнь собрала. Может не так уж и страшно? Скольких жизнь била куда больнее меня. Самыми страшными были те два года. Если задуматься – всего два года. Сколько-то в моей долгой уже жизни. Но жива осталась, дочерей вырастила. Не знаю, скажешь ты мне спасибо за Анюту, но, наверно, скажешь. Славная она всё-таки, хоть и вредная. Но ты-то, думаю, с ней справишься…

Любовь у вас... А ничего взамен жизнь не даёт, поверь мне. Так что благословляю вас, хоть вы меня и обманули. Ну да, распишитесь, это Анька всё. Но если она тебе так верит, ты уж её, да и меня, не подведи…

НА САМОМ КРАЕ

«В жизни всё не так, как на самом деле» – делился «Непричёсанными мыслями» польский остроумец Станислав Ежи Лец.

И в самом деле! Если есть некий факт, то жизнь не что иное, как его восприятие. И переживание. Особенно если сильно касается. И переживается так, что и факт уже не факт, и даже трудно вспомнить с чего началось. А уж если взять свидетельства двух очевидцев, то в пору засомневаться – об одном ли событии речь.

Вот вам передали: ваш друг сказал «Петя дурак». Правда? Абсолютная. Но не спешите обижаться и затаивать смертельную ненависть. Вполне возможно, друг всего лишь считает: «Петя дурак, что затеял ссору с начальником – съест с потрохами». С таким мнением может быть вы уже и сами согласны.

Впрочем, здесь мы имеем дело с одним из гнуснейших видов лжи – правда, но не вся. А речь о другом – *о само́м деле*.

Возьмём, скажем, весьма реалистическую прозу, пусть даже и не без фантазии. Как автор убеждает в правдивости изложения? Конечно же, точной и тонкой деталью. Но деталь-то выбирает он сам из совершенно бесконечного множества. А реально ли такое описание? Или только правдоподобно?

Вот вечно голодный студент описывает праздничный стол при первой встрече с тёщей: «Стол был уже накрыт и, что называется, ломился от яств – жареного мяса, картошки, солёных огурчиков. А в середине красовалась старинная тёмно-зелёная с литыми гербами и надписями бутылка с отменным шестидесятиградусным напитком – по-местному *чемергес*». Может быть на столе ещё что-то было, но до утоления первого голода во внимание не принялось? Его подруга, особым аппетитом никогда не отличавшаяся, наверняка нарисовала бы другую картину: «Ну, мама расстаралась! Какие салатики!

Особенно её фирменный «осенний» с мелко накрошенной антоновкой – чуть-чуть, в самую меру. А селёдочка с розоватым лучком кольцами на белоснежном блюде! А паштет из гусиной печёнки, уложенный мелкими волнами в хрустальную вазочку? Блеск!».

Так из чего выбирать? И стоит ли? Из нескольких зарисовок составится, может быть, более объективное мнение, но полное – никогда! А сам стол, покрытый белоснежной скатертью? А деревянная пластинка, подложенная под левую ножку, чтоб не шатался? А… В общем ещё пару, а то и больше, страниц самого художественного текста.

Только для чего это всё? Цели-то описания совсем другие – дать героя в возможной полноте его эстетических и нравственных оснований. Стол лишь создаёт эффект правдоподобия, ибо читатель себе собственную картину из непротиворечивых деталей вполне может представить, сам не раз сталкивался, и посчитать «как в жизни». Значит, автору можно доверять.

О, эти живописные детали! Некоторые авторы так увлекаются, что могут не одну тысячу слов потратить на низкую дверную притолоку. Да так опишут, что даже и лбом стукнешься. Читаешь-читаешь, а потом и ловишь себя – а к чему это всё? В рамках эстетического дискурса, что ли?

Не пора ли ввести в литературе математический принцип – необходимо и достаточно? Особенно достаточно. Хотя… Писатель тоже человек, так иногда описать хочется, что и не удержишься.

Нет, за «на самом деле» обратимся лучше к живописи. Там уж всё наглядно, за словами не скроешься.

Но… Вот «Мона Лиза»… Заворожённые совершенно необыкновенной красотой, загадочной полуулыбкой, не сразу обратим внимание на тщательно выписанный пейзаж за её спиной. Зачем он? Почему не традиционный тёмный условный фон? Что это за хаос с водой и потрясающей дорогой? Потом начинаешь понимать что хотел сказать Леонардо – красота на фоне хаоса. И хаос не такой уж хаос если присмотреться. И дорога… Да только Мона Лиза единственна и совершенно незаменима, а пейзаж мог быть и иным и тоже со смыслом.

Вот «Пейзаж с падением Икара» Питера Брейгеля. Икара-то нет,

только ноги из воды торчат! Исключительно детальный пейзаж, а за героем обращайтесь к «Метаморфозам» Овидия? Гениально!

Развивалась-развивалась живопись и решила отделаться от самых живописных, но не обязательных деталей. Выхватывается такая деталь, что даёт представление обо всём – смотрите Шагала, Дали или Модельяни.

Нет, тысячу раз прав Ежи Лец – в жизни всё не так, как на самом деле. Тем более в искусстве.

А когда попадаешь в какую-то новую среду, когда обрушиваются впечатления на все органы чувств, куда гнаться за всеми деталями. Ухватить бы хоть что-нибудь…

…Юта осталась у мамы на каникулы, а Игорь должен был уезжать. Срочно домой, а потом в стройотряд. Помахала до последнего вагончика, побрела одинокая и скрылась в своём лесу. Не привыкли они расставаться… Тоска… Ну, да ладно, не надолго же…

Из дневника Юты: «*Вот я и одна. Никогда бы не подумала, что будет так тяжело. Что же это – я не могу без Иги? Без его слов и улыбок? Без его неловких – я всё время боюсь, что он мне что-нибудь сломает, – но таких нежных рук? Он всё время ищет ко мне прикоснуться. И я не могу без его тепла. Мы уже одно и нас нельзя делить? Можно ли так? Или только так и нужно? Что мне без Иги мои тропинки, полянки, любимые места… Как Ига впитывал всё моё! Я и сама глядела совсем другими глазами. Я не потеряю себя? Нельзя же думать его мыслями, говорить его словами, смотреть его глазами. Нет, нет, такая я не буду ему нужна. Что он во мне нашёл?*

Мама как-то грустно говорит, что быть любимой это прекрасно. Да. Но любить ещё прекрасней.

Почти два месяца. Как я доживу?

Будем ходить в лес за грибами, ягодами.

Уже на полпути Игорь ясно увидел – дома лето вступило в права. Но ещё без жары и пыли. Закончилось цветение, завязи скрылись в тёмно-зелёной листве.

«Время любви и зачатий невинных сходит, как белый в рубинах налёт…».

Чикин с Новокотовым отправлялись перед началом трудовой деятельности в поход на Чусовую. Игорь тоже принимал деятельное участие в подготовке – до сих пор ни один поход без него не обходился. Но он уже был женат, как сказали бы теперь «гражданским браком», и чувствовал великую ответственность – за Юту. А её надо было не только накормить. С этим они с грехом пополам как-то справлялись. Хотя…

Они, конечно, не голодали. Много позже задумался – а что такое, собственно, голод? В детстве ему пришлось пережить это страшное бедствие буквально – еды не было вообще. Картина, преследующая всю жизнь, – у него рахит, он стоит возле калитки и из-за огромного живота никак не может увидеть носки своих ботиночек. Ждёт маму, чтобы заныть: «Ты принесла хлебушка?».

Но есть и другой вид голода. Набить желудок есть чем, но чем? Дело не во вкусности или, даже, полезности, но хотя бы в безвредности. Полбуханки хлеба, вода и леденцы – обед, конечно, заменяют… Впрочем, оптимизм, молодой здоровый организм – и желудок способен переваривать камни. Жизнь впереди!

Нет, прежде всего, Юту, да и самого, нужно было хоть немного приодеть. И, скрепя сердце, Юта согласилась: вместо похода Игорь поедет в студенческий строительный отряд. Юта тоже собралась, но Игорь был твёрд, как скалистые берега снившейся целую зиму южно-уральской реки, – никогда его женщина не будет унижена грубым физическим трудом. Мамонта должен забивать мужчина.

На заработки собралась бригада романтиков в семнадцать человек. Уж если пропадать лету, то хоть мир посмотреть. И отправились ни куда-нибудь, а к полярному кругу, с надеждой побывать и за.

Собственно, это был не совсем студенческий отряд, но студенты были тоже. В те времена в сезон по стране бродило немало

строительных бригад в поисках заработков. И находили. У государства были большие планы, а бесчисленные строительные организации, мягко говоря, пробуксовывали, как колхозы – народу много, толку мало. Борьба за повышение производительности труда если и давала результаты, то в основном в строго поставленной отчётности, и в увеличении количества призывающих плакатов и лозунгов. Короче, с трудовым энтузиазмом у народа было слабовато. Какой-то выход был найден в допущении стихийных временных трудовых коллективов, получающих *за результат*, а не за время, проведенное на работе. Различали два вида таких *договорников*: дикие «шабашники», состоящие из профессионалов, и студотряды. Но у последних было значительное преимущество – не платили подоходный налог. Вот шабашники и стремились всеми правдами и неправдами, используя комсомольские и даже партийные связи, присвоить себе гордое звание ССО – студенческий строительный отряд. В такую бригаду Игорь и устроился. Отряд, конечно, назывался «Юность», хотя младшему было уже двадцать три, а старшему под сорок. Было даже предложение переименоваться во «Вторую молодость», но поддержки почему-то не нашло.

Тундра его потрясла. Несмотря на литературную подготовку, край оказался совершенно ни на что не похожим. Равнина простиралась до горизонта на все четыре стороны, и глазу можно было зацепиться только за облака на поразительно низком небе. То, что Земля приплюснута у полюсов было зримо практически буквально. Земная поверхность была покрыта сплошным тёмно-зелёным мягким ковром с произвольно разбросанными яркими небольшими цветками. И кругом поблескивала вода. Под ветерком растительность не шевелилась, только зеркала воды покрывались рябью. При пристальном рассмотрении – он опустился на колени – растительность оказалось удивительно красивой и разнообразной миниатюрой. Можно было различить крохотные дубки, берёзки, плакучие ивы и другие деревья с диаметром стволов не более сантиметра. Вот тебе и энциклопедические мхи и лишайники! Заросли напоминали японские карликовые сады,

только меньше и выразительней.

Интересно, в наших Ботанических садах растёт масса всякой экзотики из всех климатических районов мира, но никогда он не видел что-либо похожее на тундру. Да, тёплый климат, видимо, имитировать проще чем полярный. Неужели всё это может расти только здесь? Странная, странная жизнь на самом краю земли… Да и жизнь ли? Охватывало ощущение, что все эти растения уже родились стариками и скоро скроются под тяжкими снегами…

Пустынной картине некоторое подобие жизни придавали небольшие, незоопарковые олени со скульптурными рогами, расписывающими небо загадочными иероглифами. Мирно и малоподвижно разбросанные вокруг посёлка, олени изредка задумчиво кивали большими головами, как бы соглашаясь с суровой действительностью.

А что здесь длинной-длинной заснеженной под самые окна зимой? Которая, казалось, только-только закончилась и вот-вот начнётся снова.

Хаотичный посёлок, с деревянными одноэтажными домиками, располагался километрах в десяти от Северного Ледовитого океана. Чуть в стороне Игорь впервые увидел знаменитые «балки́» – небольшие, метра два в диаметре и четыре в длину – металлические цилиндрические сооружения, напоминавшие цистерны, с небольшим окошком, вписанным в окружность боковой поверхности и входом на торце. Вероятно, что-то вроде африканских бидонвилей, но там-то температуры совсем другие. Господи, где и как только не живут люди! В некоторых балка́х обитало до пяти человек. Временная, растянутая на годы и годы жизнь…

Но люди, приехавшие сюда за длинным рублём, как оказалось, не слишком торопились на Большую Землю. Что-то завораживало в этом крае и образе жизни. То ли постоянная борьба с переменным успехом с неумолимой стихией, то ли красота края, правда, больно уж суровая, то ли чувствовали себя хозяевами судьбы. Во всяком случае, не жили от зарплаты до зарплаты. Один интеллигентный пастух с аккуратной бородкой с седыми прожилками даже сказал без всякой улыбки: «Здесь место белому человеку!

Во всяком случае, советскому…». Острее любовь и вкус к жизни? Надо будет перечитать Джека Лондона и Юрия Казакова.

Население в основном состояло из европейцев, но в некоторых деревянных домиках существовали и ненцы-самоеды (самоядь, самоедины), как их называли в старинных русских летописях. Вспомнилось: «Мы самоеды, едим себя…». Некоторые, в причудливых и тяжёлых национальных одеждах, приспособленных всемерно сохранять тепло, даже занимали должности, согласно национальной политике партии. Впоследствии бригадир покупал браконьерского осётра исключительно у местного рыбинспектора. За бутылку, естественно.

Повальное, в буквальном смысле, пьянство Игорь тоже увидел впервые. Как раз накануне приезда отряда подошла баржа с продовольствием и спиртным, и мертвецки пьяные ненцы – и женщины! – в лужах мочи валялись на деревянных тротуарах. «Вот это и есть геноцид, – увидев его выражение лица, опечалился ярко синеглазый рыбак, похожий на Пана с картины Врубеля, в высоких резиновых сапогах. – У них же алкоголь не расщепляется как у нас. То, что с этим народцем не смогла сделать суровая природа за тысячи лет, мы сделаем с помощью «Шипра» и сорокоградусной за несколько десятков. И ничего ж поделать нельзя…».

Европейцы, надо сказать, тоже пили по-чёрному. Но по сравнению с ненцами действие водки казалось просто баловством.

Бригаду быстро расселили по домикам, и трудиться начали в день приезда. Бригадир, тоже впервые попавший в тундру, огляделся и изрёк: «Ну, что ж… Безрадостный пейзаж… От работы отвлекаться просто некуда. На сегодня: нивелировка, план, колышки…».

Игорь, конечно, был определён в подсобники – грузить, разгружать, подавать, растворо- и бетономешалка... По двенадцать, а то и по четырнадцать, часов в сутки. Сначала режим работы казался непосильным, но втянулся довольно быстро. Даже находил время читать.

Хозяин, у которого Игорь поселился, носил странную фамилию Готовый – так и напрашивалось: «На что?». Но шутить как-то не хотелось – уж больно суров был Владимир Андреевич. И человек

явно не простой. Тяжёлый медальный профиль, серые пристальные много повидавшие глаза. В бригаде быстро заслужил уважительное прозвище «Белогвардеец», за неизменную фуражку с коротким козырьком и высокой тульей, хотя по возрасту – под пятьдесят, а, может быть, и меньше – никак участвовать в борьбе с большевиками не мог. Прозвище скорее отмечало некую принадлежность к сгинувшей русской интеллигенции.

Но что за фамилия такая? И однажды, к концу первого месяца пребывания постояльца, после чая с вареньем из каких-то терпких северных ягод, уже основательно присмотревшись к Игорю, немногословный Владимир Андреевич неожиданно разговорился.

– Да, Готовый... Так сказать, часть речи, обозначающая признак, качество, свойство – старый, красный, готовый… И звучит совершенно по-русски, как бы не оставляя сомнений в происхождении.

Не совсем так. Или совсем не так. Поставь ударение на первый слог и сразу услышишь что-то иностранное. И так оно и есть.

Известным мне со слов деда, основателем рода где-то в глубине восемнадцатого века был немец Гот, вероятно получивший своё прозвище от германского племени. Теперь уже не установишь, происхожу ли я от остготов или визиготов, но, скорее всего, от восточных.

У немцев фамилия Got (не Gott – Бог) тоже сохранилась и встречается. Например, фашистский генерал-полковник Гот (уж не родственник ли, упаси Господи!), упомянутый в книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления».

Есть ещё шведский остров Готланд от тех же корней.

Так вот, этот мой прапрапрадед к возмущению всей немецкой колонии женился на украинке из соседнего села – видимо крепко влюбился – и соплеменниками был изгнан. Поселилась пара в селе Черныши, где и основала родовое гнездо. В Чернышах родились и мой дед, и мой отец, и я. Но, увы, уже не мои дети. По семейным сведениям немецкой крови больше не вливалось, так что во мне её какая-то надцатая часть.

По семейным преданиям мой, уж не знаю сколько раз «пра», дед был человеком трудолюбивым и основательным. «Оброс»

внушительным хозяйством, которое вёл с немецкой аккуратностью и практичностью. Среди односельчан пользовался уважением: «Нехай вин и нимэць, алэ людына гарна».

Пошла ли на пользу смесь немецкой и украинской кровей или нет, но только потомки немецкую деловитость растеряли и со славянской беспечностью довели хозяйство до полного развала. Так что мне уже не досталось почти ничего. Разве что дом…

А трансформация фамилии, видимо, такова. Сначала прозвище (по-украински и сейчас фамилия – призвище) Го́тов: «Чей парень? Го́тов». В следующем поколении, очевидно, русское «Гото́в», а ближе к украинскому – Гото́вый. В те времена писарями фамилии присваивались без лишних забот и раздумий.

В доме было несколько самодельных полок, весьма плотно уставленных книгами. Будучи прирождённым книголюбом, Игорь немедленно провёл ревизию библиотеки и, к своему удивлению, обнаружил систему и характер владельца – история, философия, русская классика и довольно обширная поэзия. И вдруг – «Доктор Живаго» Бориса Пастернака какого-то иностранного издательства.

– А что, Владимир Андреевич, не боитесь так открыто держать? Вроде бы запрещена?

– Знаешь, Игорь, у нас ходит такой анекдот. За Полярным кругом, в полном белом безмолвии едут на санях два чукчи. Едут день, едут два. Молчат. Наконец один не выдержал: «Слушай, расскажи, однако, анекдот какой. Политический». «Политический? Ты что?! Сошлют!». Так что ссылать меня дальше некуда, разве что в Сочи. Да и кто здесь из власть имущих знает Пастернака?

– Я прочту?

– Конечно.

Вот так, на краю света, очень вовремя для литературного и человеческого развития, Игорь впервые прочитал нобелевский роман, который оценил очень высоко и ставил в ряд великих, наряду с «Тихим Доном». И как-то само собой образ Юрия Андреевича Живаго стал неразрывно связан с Владимиром Андреевичем. Прежде всего внешне, хотя портреты Пастернака Игорь знал хорошо.

Как важно прочесть вовремя!

Уже в довольно зрелом возрасте Игорю попала «Тяжёлая лира» Владислава Ходасевича, до той поры в Союзе не издававшаяся. Он чуть не плакал с досады – прекрасные стихи показались повторением, многие находки уже были задействованы непрерывным литературным процессом. А первооснова всегда больше эпигонства.

– Вам понравился роман, Владимир Андреевич?

– Мне кажется, такие литературные и общественные события не описываются словами вроде «понравился». Роман вскрывает такие язвы и гнойники времени, что тут думать и думать, работать и работать. Нравится или нет.

– А что вам кажется главным?

– Тема христианства.

К такому повороту Игорь не был готов. Правда, и «Ветхий завет», и «Евангелие» уже были прочитаны – Лёнька Новокотов раздобыл у какого-то набожного поэта, писавшего примитивные, но очень светлые стихи, славящие Христа. И он, и Лёня воспринимали Священное Писание как литературный текст, как первоначальную поэзию, наряду со «Словом о полку Игореве» и мифами Древней Греции. А в ответе Владимира Андреевича почувствовалось другое – вера. Впрочем, и сам хозяин, поглядев на него, решил не касаться этой темы.

– А что тебе, Игорь, бросилось при первом прочтении?

– Пожалуй, стиль и совершенно необыкновенный язык. Когда читаешь такие строки, как «Стояла ясная осень с морозом», просто задыхаешься от восторга. Кто ещё бы мог так написать! Не обычное «ясная морозная», а именно через союз «с», делая мороз отдельным от осени, создавая временный вынужденный союз.

– Э, да ты поэт! Пишешь?

– Меня почему-то многие спрашивают... Так, по случаю, несерьёзно. Я технарь по образованию, предполагаю заняться инженерной и научной работой. А в литературе я читатель.

На этом беседа *на тему* как бы и закончилась. Люди, не тяго-

тящиеся молчанием, ушли бы в свои думы, не обращая внимания на собеседника. Но Игорь к таким явно не относился. Переходить к другим темам не хотелось, а чай был далеко не кончен.

– Владимир Андреевич, а что ещё вас поразило? Ведь ваша жизнь по времени немного пересекается с действием романа?

Владимир Андреевич неторопливо раскурил трубку, тяжело задумался и с сомнением поглядел на Игоря. Потом решился.

– Не совсем… Смерть Живаго приходится на годы моего младенчества. Так и ты можешь сказать, что жил на одном отрезке времени с Пастернаком. Но кое-что перекликается. Например, голод. Хотя я его пережил совсем в другие годы… Но такое не забывается и стоит только наткнуться в описании, как картины всплывают с необыкновенной яркостью.

– Расскажете?

– Ну, слушай. Такое мало от кого услышишь.

Владимир Андреевич помедлил, как опытный рассказчик, ненадолго ушёл в себя и решительно затянулся.

– Об этом у нас не пишут, а если и вспоминают, то только как происки врагов народа. Мне тогда было лет пять, но помню всё до мельчайших подробностей. Страшные были времена. Украину, и не только – в бытность мою на Кубани и в Поволжье узнал, что и там было то же самое, – постиг жесточайший голод.

В те времена, да и в последующие, за слово «голод» можно было легко попасть в НКВД, а там умели объяснять, чем «голод» отличается от «временных трудностей». Не буду вдаваться в политическую и социальную подоплеку причин этих жутких событий. Это дело историков. Но это было! Тем ценнее должны стать свидетельства непосредственных, чудом выживших, участников.

В Чернышах моих вымерла добрая половина. В первую очередь гибли старики и дети. Но самое страшное – каннибализм. В Чернышах, в моих родных Чернышах! Может показаться странным, но власти к фактам людоедства проявляли удивительную терпимость – ни одного уголовного дела не было заведено. А только мне известно как минимум пять случаев. Один из них произошёл совсем рядом, через два двора от нашего.

Конечно, прямых доказательств в таких делах нет, но первое подозрение возникло у соседей тёти Оксаны, когда разнёсся вкусный запах чего-то жареного. К ней, конечно, постучали и поинтересовались – где взяла и что такое жарит. Оксана долго не открывала, а когда открыла никаких следов приготовления пищи не было. На все вопросы отвечала отрицанием.

Однако через некоторое время стало заметно отсутствие её дочери Алёны:

– А де ж це Олэна? Мабуть хворае?

– Та ни. Пишла до бабы, мией маты, на другый кинэць сэла, та и застряла.

Как выяснилось, у бабушки Алёны нет, и вообще она к ней не заходила.

Последнее свидетельство дала четырёхлетняя младшая дочь:

– А маты ии заризала.

– Як це так?

– А вона спытала исты, а ничего нэ було. Вона тоди лягла на лавку та й заснула. А маты кажуть: «Вона всэ одно помрэ». Та й заризала ии. А крови було – аж страшно.

Оксану в селе с тех пор звали «Заризяка».

Вот такие воспоминания навеял роман. Может и не прямо, так по касательной…

Между тем работа ладилась и спорилась. Материалы были завезены морем заранее ещё весной и все сразу – специфика снабжения края. Так что, обычная для страны формула «раствор ёк, сижу куру» не действовала. Под руками квалифицированных умельцев сооружение росло на глазах, порождая удивлённые взгляды аборигенов. Выходных не было. Только по субботам, после пяти, устраивали банный день – у Владимира Андреевича была русская банька по-чёрному.

И всё же два дня разнообразия выпали.

Как раз на середину срока выпал день рождения Игоря. И решено было широко отметить.

Джек Лондон в «Мартине Идене» обещал написать статью о

психологии пьянства в рабочем классе, имея ввиду целительные свойства алкоголя при мышечной угнетённости. Оно и при умственной действует безотказно, и где больше алкоголиков среди интеллигенции или пролетариата ещё нужно посчитать. Опытный бригадир, не разбираясь в теории вопроса, понимал – введенный им сухой закон пора нарушить – производительность начала падать, движения стали механическими, жизнеутверждающий смех слышался всё реже и реже.

Погибающий от жажды рыбинспектор снабдил не только осетриной – да что там осетрина, надоело! – но и совсем уж деликатесами: нельмой, муксуном, пикшей. Вкупе со свежей олениной, закуска обещала быть знатной.

Единственное механизированное средство передвижения в посёлке, допотопная полуторка с прямыми воинственными линиями кузова и кабины, уже с утра ждала, поблескивая помытым капотом.

День был сухой, солнечный и не утомительно ветреный – проклятую мошку немного сносило. Бригада устроилась в кузове, а Игорь, как именинник, был помещён в кабину вместе с грустной лохматой собакой. Накрученный монтировкой мотор, наконец, заурчал и неспешное движение к Обской губе началось. Водитель, с утра уже порядочно «принявший на грудь», правил дорожного движения не соблюдал, так как никаких дорог, собственно, и не было. Только след от вездехода, нерегулярно привозившего горючее с ближайшей прибрежной военной базы. Владимир Андреевич как-то заметил – повреждённая тундра восстанавливается очень и очень долго.

«В тундре след от вездехода зарастает двадцать лет…»

Неспешный край… Северные люди, не потерявшие человеческий облик, двигаются на всяких механических устройствах крайне осторожно – след в след.

В кузове звучали ритмически активные песни, собака положила умную морду Игорю на колени, шофёр нёс какую-то ахинею – весело! Вскоре показался океан с плотным песчаным многокилометровым пляжем – чуть размытая граница между двумя пустынями. Воздух был

пропитан романтикой дальних странствий и приключений.

И одно тут же и произошло.

Подъезжая к берегу, водитель весело заорал, тыча пальцем в какой-то прибор:

– Смотри, смотри, вода закипела!

– Так останови!

– Зачем? Смотри сколько воды! Холодненькой! Мы сейчас быстренько в ней мотор и охладим!

И направил машину прямо в море.

Теперь представим себе ожидания вперёдсмотрящих. Игорь: машина едет в море, значит, сейчас утонем. Водитель: здесь по колено метров сто, песок плотный, как асфальт; охладим чуть-чуть и дальше. Ну, и как вы думаете, чьи ожидания сбылись? Опытного водителя? Чёрта с два! Машина стала медленно, но неуклонно погружаться.

Первой среагировала собака, стрелой выскочившая в окно. Затем Игорь лихорадочно и безрезультатно попытался открыть дверцу. Весёлый водитель проявил удивительную в данных условиях находчивость и незаурядные задатки физика-экспериментатора:

– Да ты погоди, не суетись. Сейчас вода в кабину зайдёт, давление уравняется, и спокойно откроем.

Что и удалось сделать, когда вода подошла уже под подбородок. Ребята на берегу, соскочившие при первых признаках катастрофы, уже раздевались, готовясь к спасению утопающих. И только выбравшись на берег, Игорь почувствовал, что водичка-то не больше семи-восьми градусов.

Обступили протрезвевшего водителя:

– Ты что, с ума сошёл, алкаш? Ты зачем машину утопил? Ныряй, сволочь, за продуктами.

– Да я здесь сто раз ездил! Этого не может быть. Как же так? Тут же воробью по колено… А-а! Понял!

Оказалось – несколько дней назад, в бурю, выбросило баржу, которую потом стаскивали обратно. Вот в этот след – на 400 километров пляжа! – и попала наша машина. А вы говорите, Елена Сергеевна Вентцель, вы же И. Грекова, теория вероятностей!

Попасть в такую яму можно только полностью игнорируя какие-либо теории. Нет, не читал водитель ваш учебник, вот и сумел снайперски въехать. А если бы читал вашу «Кафедру», то был бы совсем другим человеком…

Посоветовав обсушиться, что и было сделано, на костре из сухих водорослей, и заверив, что всё будет в порядке, водитель куда-то исчез. Часа через полтора вернулся на вездеходе. Как пловцу и имениннику, из-за которого и было всё затеяно, Игорю пришлось нырять в ледяную воду, цепляя трос за неуловимый крюк.

Так, крещением в кристально-холодной воде Северного Ледовитого океана, он встретил свой двадцать пятый год рождения.

Другой день разнообразия выпал уже ближе к концу.

Несущий службу заказчика, пожилой и единственно трезвый ненец, попросил дать одного человека на отлов школьников. Бригадир, поддавшись на умоляющие взгляды подсобника, скупо и неохотно кивнул, и через полчаса Игорь уже обозревал необозримую тундру с двухсотметровой высоты. А ещё через полчаса вертолёт пересёк Полярный Круг. Станислав Лем писал – не верьте, подлетая к планете, что на ней написано как она называется. Но для человека, путешествующего по картам, и с детства считавшего этот пунктир неотъемлемой частью глобуса, личное присутствие на географической точке что-то, да значит! Вертолётчик поглядел с покровительственной улыбкой:

– Что, в первый раз? Да нет здесь никаких ориентиров, не ищи. Я-то по приборам, да по пятнам воды. Но ситуация всё время меняется…

Почему-то вспомнился Паустовский с одесской газетной уткой: «Сегодня в районе Пересыпи лопнул меридиан…». Всего лишь условная линия, а, вот, поди ж ты…

Сезонная ловля школьников, как понял Игорь, не что иное, как народная ненецко-советская игра с правилами и ритуалами.

На короткое северное лето школьников из интернатов отпускают в семьи, откуда они страшно не хотят возвращаться, а родители отпускать. Народы эти давно покорены и приметы зна-

ют: прилетел вертолёт – отдавай детей. Но игра разворачивается довольно тонкая.

При подлёте вертолёта дети в резиновых сапогах разбегаются по тундре и вроде бы как бы прячутся, хотя спрятаться на этой бескрайней равнине никак нельзя. Задача ловца дойти до каждого и привести за ручку к вертолёту. В это время родители готовят вещи. После сверки со списком оказывается, одного-двух не хватает. Начинаются переговоры и долгие поиски в чумах.

Северные чумы Игорь тоже видел впервые. Высокие конические островерхие сооружения казались не слишком надёжными и совершенно непонятно как выстаивающими на диких северных ветрах. Не казались они городскому глазу и тёплыми, хотя оленьих шкур было предостаточно. Тем не менее, эти сборно-разборные жилища выдержали испытания и ветром, и холодом, и временем. И никакими утеплёнными палатками, несмотря на XX век, так и не были заменены.

Внутри чума тоже мало что изменилось за тысячелетия. Всё тот же очаг справа от входа с довольно едким дымком, всё те же нехитрые лежанки из оленьих шкур… И только на дальней стороне, на небольшом деревянном постаменте вместо векового идола стоял украинский транзисторный приёмник «Мрія», то есть мечта. В данной исторической обстановке это чудное украинское слово слегка ошарашивало и навевало определённые, довольно грустные, мысли.

Наконец разновозрастные дети были упакованы, и Игорь увидел в иллюминаторе воздетые к небу и вертолёту каменные лица сорокалетних ненецких старух.

Дети сидели молча, неподвижно и как-то равнодушно. Никто, даже первоклашки, не плакал. Не смотрели в иллюминатор. У большинства были неповоротливые шеи. Но среди всего этого вырождения, как надежда, сверкала быстрыми глазами десятилетняя северная Нефертити. Господи, откуда взялась эта красавица? Где научилась так отводить и строить глазки? Немного свежей крови?

Здесь, на Севере, Игорь впервые заметил, что политика партии по ассимиляции населения и созданию единого советского народа явно пробуксовывает. Конечно, европейские мужчины имели сношения с местными женщинами – и ещё как! – тем более что аборигены относились к этому довольно спокойно и свободно, но смешанных семей практически не было. Что это – инстинктивное стремление сберечь собственную национальную идентичность? Или трудности перехода от родоплеменного строя к развитому социализму?

Подумалось, что к такому выводу можно было прийти значительно раньше. В его среднеазиатском детстве, рядом с городом жили, и уже довольно долго, выселенные со своей земли чеченцы. И там тоже не наблюдалось интенсивного перемешивания. Обособленность сохранялась вплоть до возвращения.

И ещё одна особенность будоражила ум. Игорь знал, что аборигены не слишком преуспевают в науках, особенно в математике. Это интриговало – почему? Лишённый расовых предрассудков, он не верил, что в крови есть что-то такое. И если воспитание и обучение ведётся в интернатах, то должен же быть результат. Однако почти что никакого не было.

Тайна приоткрылась в разговоре с не по-северному плотным и крупным ненцем, пытавшимся продать соболя. Выяснилось, что числа парню никак не даются – цену он объявлял то пятьсот, то пятьдесят рублей. И вдруг дошло – как можно сказать «У меня два сына», когда это Петя и Ваня, ни по какому признаку друг на друга непохожие? Как можно сказать «десять оленей», если каждого оленя знаешь в лицо, вернее в морду? Вспомнился Дерсу Узала с его один, два и много. Наша бесчеловечная абстракция ими попросту отвергается со дня рождения. Что это за натуральный ряд чисел, если к одному яблоку прибавляют совершенно другое и получают два одинаковых? А может быть они мудрее нас? Сбросил бы Трумэн атомную бомбу, если бы понимал, что погибнет не сотни тысяч каких-то япошек, а сто тысяч человек, совершенно отдельных индивидуальностей? А может быть и в физике что-то не так? Может быть, сто нейтронов минус десять

не так-то уж и равны тысяче минус девятьсот десять? Аксиома ли натуральный ряд? Надо подумать…

На обратном пути ждало происшествие. Неожиданно вертолёт пошёл на снижение, сел на сравнительно сухом островке и подобрал двух парней. Игорь спросил у пилота:

– Вы что, договорились? Как ты их нашёл?

– Да никто ни о чём не договаривался. Ты же видел – махнули рукой вот я и сел.

Ничего себе! Вертолёт как попутка? Вот уж действительно северный менталитет.

Парни – один осетин, другой казахстанский немец – оказались пастухами, е́дущими в шестимесячный отпуск после многолетних трудов. Отпуск начался сразу, прямо в вертолёте. А может быть, судя по несвязной речи, и немного раньше.

На потёртом полотенце появилась в изобилии водка, хлеб, оленья кровь, чеснок и нельма. Вот тут-то Игорь и совершил один из самых героических поступков в жизни. Со стаканом водки ему отломили солидный кусок нельмы. Водку он выпил, отказывать парням было никак нельзя, а нельму попытался тихонько отложить в сторону, что не осталось незамеченным.

– Ты что боишься? Мы что, по-твоему, самоубийцы? Рыбка проверена со всех сторон. Ешь давай, не стесняйся.

И он съел! Два месяца потом пугался каждой колики в животе, но пронесло.

Дело в том, что как только бригада вступила в тундру, строго предупредили: ни в коем случае не есть сырую рыбу. Только после тепловой обработки. На побережье свирепствовал описторхоз. Были даже случаи полного разъедания печени. Но чуть присоленная нельма – ни с чем не сравнимый деликатес, тающий во рту! Да и парней не хотелось обидеть.

Объект был завершён досрочно, за что полагались договорные премиальные, и даже был прихвачен ремонт теплотрасс. Кстати, теплотрассы тоже были диковинные – идущие над землёй. В городах, подземные теплотрассы угадываются по парую-

щим колодцам и талым линиям на земле и асфальте. В физике есть такой метод – декорирование, широко используемый и в литературе – пишем одно, а проступает совсем другое. Скажем, провод за дальностью не виден, но, если села стая птиц, обозначается. Ну, там треки в камере Вильсона и так далее. Здесь же трубы, обёрнутые стекловатой и рваным рубероидом, с коленами горизонтальных температурных компенсаторов, шли открыто, прямо по тундре. В этом что-то есть – ремонтодоступность, не надо каждый раз разрывать тротуары и дороги.

Наступала пора прощания с тундрой и Владимиром Андреевичем, необычным представителем европейской диаспоры.

– А как вы сюда попали, Владимир Андреевич?

– Долгая история… По профессии я военный лётчик. Когда комиссовали, перепробовал всякое, но места себе так и не нашёл. Да и с женой… В общем, был на грани. Бросил всё к чёртовой матери и уехал куда подальше. И ты знаешь, вновь почувствовал себя человеком. Трудно, но хоть коммунизм не строишь… Знаешь, здесь, куда даже зэков не ссылали, чувствуешь себя свободным. Ну, более свободным. Да и не так одиноко, тут есть такие, ты же видел. И заработки… До пенсии доживу, а там посмотрим…

В последние дни Владимир Андреевич как-то нерешительно поглядывал на Игоря и уже в самом конце решился.

– Игорь, ты, вот, в литературе разбираешься… Я тут долгими зимними вечерами стал писать воспоминания… Не то, чтобы на что-то претендую… Но хочется осознать себя и время. Откуда я и зачем живу…

– Но это и есть сюжет настоящей литературы. Писатель пишет, чтобы докопаться до себя, запечатлеть время в себе. Читатель – это вторично, как и литературное мастерство. Хотя владение словом немаловажно, конечно.

– Вот, вот. Может, возьмёшь? Я под копирку пишу. Что-нибудь скажешь… А если покажутся интересными свидетельства времени, может быть, когда-нибудь, литературно обработаешь…

– Конечно, Владимир Андреевич, с удовольствием.

– Только тут у меня встречается украинская речь. Решил сохранить… Вольно было Толстому писать по-французски, все понимали. Я пишу в русской транскрипции, а где непонятно даю перевод в скобках. Колорит хотелось передать.

– Та я розумию украиньською без усякого переклада. Мой отец по происхождению местечковый еврей, хоть и без образования, но хорошо знает идиш и древнееврейский. Даже каллиграфически пишет. Но меня им не учил, считает мёртвыми. Если хочешь, говорит, учи латынь и греческий, на них цивилизация. Когда жили в Средней Азии настаивал на изучении местного языка – до сих пор в памяти с полсотни слов. А когда переехали на Украину, сказал – здесь живёшь, должен знать язык титульной нации. И подсунул любимую тогда мной приключенческую фантастику – «Таемныцю двох океанив» Адамова.

– Молодец твой отец! А то, знаешь, у нас, там, на западенщине, ходит анекдот. В ресторане к русским подходит официант: «Чого паны бажають? Е видминна горилка з перцем». «Слушай парень, а ты по-человечески говорить можешь?» Этот синдром старшего брата ещё понаделает бед.

Рукопись была исполнена некрасивым и не очень разборчивым почерком. Но острота зрения и воображение, непременные атрибуты рассказчика, присутствовали.

Надо признаться до серьёзного прочтения мемуаров было ещё далеко. Сейчас Игоря волновали совсем другие вещи…

Тесен мир! Кто мог знать, что через три десятка лет, уже в конце жизни Владимира Андреевича, они вновь встретятся, и Игорь дочитает до конца честный, без всякой литературщины, мартиролог.

Встреча была радостной и пронзительной. Игорь никак не мог отпустить Юту, как будто боялся новой разлуки. Юта хотела всплакнуть, но удержалась, только слёзы стояли. И тёрлась о его двухмесячную бороду.

– Такой смешной в бороде. Какая густая! А почему тёмная? Ты же натуральный блондин.

– Натуральный. И на голове, и на бороде. Просто разная натуральность. Но не волнуйся, посмотрели и хватит. Завтра сбрею.

– А может не надо? Ты такой смешной.

– Надо, Юта, надо. Не такой уж я нудный, чтоб ежедневно ухаживать за этой растительностью. Да и не люблю украшений. Я и так красивый. Если не снаружи, то внутри точно.

Он вручил оленьи сапожки с белой опушкой и требовал примерить тут же на вокзале. Они болтали и не могли остановиться. В первые же часы он рассказал о своей северной эпопее. О тундре, о Полярном Круге, о купании в Северном Ледовитом, о нельме в вертолёте… И о Владимире Андреевиче.

– Ига, как ты всегда находишь таких людей? Можно подумать, они специально живут там, где ты бываешь.

– Юта, все люди интересны. Кроме неинтересных. Противоречия между обществом и личностью в нашей стране так велики, любой человек переживает такие трагедии и трагикомедии, что хоть с каждого пиши портрет. Время заставляет переживать себя. Дай только людям высказаться. Правда, нужны условия. Нужен участливый и понимающий слушатель. И находят. Зайди в любую пивную…

По его рассказам всё получалось легко и интересно. Как будто он был на курорте. Даже работа по четырнадцать часов представлялась весёлым приключением. «Представляешь, я кидаю цемент, Вовка песок, и наши лопаты встречаются как раз над бригадиром. Смеху…». Но Юта всё больше грустнела и смотрела виновато.

– Что-то не так, Юта? Что-то случилось? С мамой?

– Нет, нет. С мамой как раз лучше, чем когда-либо. Но вот с тобой… Ты так похудел…

– Это комплимент! Если я в папу, то в будущем придётся потрудиться, чтобы не располнеть. А тут без всяких усилий!

– Не пижонь… Ты же из-за меня поехал работать.

– Из-за нас. Ну и что?

– Ну, как… Ты работал и тяжко. Я же вижу. А я отдыхала. Мне стыдно. Я тоже могла бы подзаработать.

– Так, Юта. Эти мысли надо выбить из твоей темноволосой головки раз и навсегда. Давай поговорим серьёзно.

– А ты можешь?

– Только на эту тему. Ты думала, почему Творец разделил почти всё живое на полы?

– Чтоб размножаться.

– Но у него была масса вариантов. Делением, почкованием, самооплодотворением и ещё Бог знает как. Разрежь червяка – будет два. Но нет! Для высших форм жизни Творец предпочёл именно такое деление – самец и самка. Почему?

– Ты меня спрашиваешь или Творца?

– У Творца спрашивать как-то неприлично. У него дела поважнее. Но предположить можно. Я думаю, для разделения функций. Самец добывает, самка сохраняет.

– А как же львы? Насколько я знаю, у них самка охотится, а лев только удовольствие получает.

– Ну, для него *это* не такое уж удовольствие. Скорее работа. Если через каждые полчаса, то тут не до охоты… Но речь не об этом. Пусть иногда с переменой мест, но кто-то добывает, кто-то разбирается с добычей. У человека – мужчина охотник, женщина у очага. Мужчина на фронте, женщина обеспечивает тыл. Так?

– Угу. Другими словами, ты воюешь, я домашняя хозяйка. Видишь, недаром я не спешу расписываться.

– Э нет! Там, в графском лесу, мы с тобой из двух половинок создали некое целое. Согласна?

– Как учила одна учительница: «Дети! Сколько можно говорить, что половины это две абсолютно равные части. Не может быть большей или меньшей. Так почему же большая половина из вас до сих пор этого не понимает?»

– Вот! Конечно, половины равны. Но функции разные. Кибернетическая метафора: самец – оперативная память вида, самка – постоянная. Самец добывает, а самка разбирается – что оставить, что выбросить, а что и обработать до неузнаваемости. Какие функции важнее? Обе! Это для внешнего мира, с которым предстоит нешуточная борьба, мы целое. А внутри – диалектиче-

ское единство противоположностей.

– Хорошо говоришь! Но если спуститься с философских высот, то мне всё равно отводится роль домашней хозяйки?

– Ни в коем случае! Домашнее хозяйство, конечно, вести надо. И будем вместе. Но и здесь функции – мне дрова и воду таскать, ну, полы и посуду мыть. Тебе, видимо, варить, стирать, гладить – только не брюки, это я сам, для стрелок сила нужна. Был бы дом, там договоримся. Как выражаются партийные чиновники – определимся на месте. Обеспечить быт в наших условиях – не шутка. Но только домашняя хозяйка – это баба, а не женщина. Высокое звание «Женщина» нужно заслужить. И держать. Это не только и не столько признак пола. Это интуиция, это грация, это изящество, это отличный от мужчины внешний и внутренний облик. И ещё множество всяких отличий. Женщина – красота рода человеческого! Она должна вдохновлять поэтов, а не сама писать стихи.

– А Ахматова? А Цветаева?

– Великие исключения, подтверждающие правила. Анна Ахматова замечательная поэтесса и очень мне нравится. Цветаева вообще гений, но её лирическая героиня вызывает во мне отторжение. Но об этом мы ещё поговорим.

И чтобы оставаться Женщиной, всю жизнь надо принимать определённые меры. И прежде всего избегать тяжёлого физического труда. Он не только огрубляет формы, но и гасит тонкую женскую интуицию. И ты никогда не будешь таскать, поднимать, бросать, носить всякие тяжести. Только в спортивных целях, это другое дело.

– А мужчина от этого умнеет что ли?

– Ну, если как система, то вряд ли. А от случая к случаю – закаляет. И, кстати, поднимает мужское достоинство – добыл, притащил, накормил. Но мы о другом. Мне позарез нужно твоё интуитивное восприятие мира. Уже сейчас, когда я излагаю и рассказываю, твоя реакция заставляет доосмысливать и даже переосмысливать. И это когда я ещё только учусь. А когда делом буду заниматься? Нужна мне будет отупевшая от физической работы баба? Я уж не говорю о других аспектах. Усталую женщину лю-

бить тяжело, да и она не очень-то. Так что, нам твою женственность надо хранить, лелеять и развивать.

– Так может мне совсем не работать? Ты обеспечиваешь, я встаю часам к двенадцати, а ты мне кофе, который я не люблю, в постель. На перламутровом подносе. Женственности – вагон! Крррасота!

– А это уже другая крайность, приводящая к тем же результатам. Ленивая женщина – ещё бóльшая баба. Особенно интеллигентная. Вернее полуинтеллигентная – с языком. Так сказать, человек слова. Нет Юта, оружие, как известно, без употребления ржавеет. Сохранить и развить интуицию можно только в движении. Ты должна жить! Познавать себя и других в процессе производственных и личных отношений. Вот, будешь инженером – и работай! И будешь неплохим инженером, уверен. С твоей тщательностью… И я буду с тобой. Чем могу…

Но до достойной тебя зарплаты мне ещё очень далеко. А держать нас в нищете не могу и не хочу. Других форм заработка я пока не вижу. Значит, время от времени, может даже каждый год, мне придётся ездить на шабашки. Уж если я хочу, чтобы ты оставалась женщиной, то позволь и мне быть мужчиной. И не так-то плохо физически поработать. Как холодный душ по утрам: залезать тяжело, но когда разотрёшься – тело горит и светится. Так что, я свою часть работы выполнил, теперь ты – трать!

– Ну, не знаю… Не совсем ты меня убедил, но потерей женственности напугал. Знаешь, добирайся быстрей до академика и вопрос отпадёт сам собой.

– Я постараюсь. Но даже если я – с твоей помощью, естественно, – буду выполнять пятилетку в три, как призывает партия, а то и в два года, то подождать и потерпеть всё-таки придётся.

– Выдержим. Мы же вместе!

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Время! Что за категория такая? Физическая ли? Философская? И в чём она дана? В ощущениях?

Тут явное противоречие. В физике – однонаправленная ось, только вперёд. Причём равномерно и бесконечно, как натуральный ряд чисел. И ни начала, ни конца. А в ощущениях? О! Совсем другое дело! То летит, то тянется, то ускорится, то замедлится, а то вообще остановится и простоит совершенно неопределённое время. Но это, правда, редко – в основном летит.

А может никакого времени в природе нет? В самом деле – чем мы его измеряем? Год? Но это круг вокруг Солнца. Сутки? Но это оборот вокруг оси. А мельче – час, минута, секунда – это лишь части или частички кругов.

Что же есть? Что можно, так сказать, пощупать? Движение! То есть путь и скорость. Вот для их взаимосвязи мы и выдумали время. Ну да – скорость есть путь делённый на время. То есть на части кругов. Сопоставляем своё движение с движением Земли. А если посмотреть правде в глаза? Что если время лишь характеристика, причём условная, движения? Путь на скорость?

«В природе времени наверно нет. Есть вечное движение Вселенной…»

Скорость мы ощущаем. И ещё как! И по ветру, треплющему волосы и обжигающему щёки, и по мелькающим картинкам из окна вагона, и по звуку, отстающему от самолёта.

И никаких противоречий! То, что скорость постоянно меняется, дано нам в самых сильных ощущениях прямо с детства.

Ну, хорошо. Конечно, каждому хочется побороться с аксиомами, определениями и, так называемым, здравым смыслом. Эйнштейн вон что со временем натворил… Кстати, до сих пор с ним не все согласны.

Но порассуждали и хватит. Не то в игривой художественной ткани обнаружится и верхоглядство, и самомнение, и, вообще, лжеучёность. Доказывай потом, что поэзия…

Но есть ещё одна категория времени – память. Сохранённое время. Вот тут-то уж мы с ним можем творить что угодно. Или так только кажется? Не само ли оно укладывается, живёт и всё время изменяется? Даже выбрасывает из себя целые куски. А то возьмёт в каком-нибудь кошмарном сне и явится, заставляя и потеть, и краснеть, и подскакивать.

И всё-таки что-то удаётся бережно достать, развернуть и сохранить. Хотя бы на бумаге. И тогда складывается история. Объективная ли? Вспоминающему кажется что да. И стоит ли разубеждать? Тени сомнения нет-нет да и посетят самые потаённые уголки, что-то тревожное подымут… Но не для себя ли самого человек сочиняет историю? И какое прошлое ему представится, таким он и будет в настоящем.

«Мне кажется – и так оно и есть!»

Интересно, была ли история до письменности? Или, хотя бы, до наскальных рисунков? Что-то, безусловно, было. Кости, наконечники, остатки кострищ… Но история ли это? Или реконструкция бытия?

А если человек не записывал, не записывал, да вдруг решил вспомнить? Из всех свидетельств только какие-то разрознённые документы и сохранились. И, как антрополог по костям, ищет им место, ищет, восстанавливает, восстанавливает...

Ну, что ж… Другой истории у него нет

…Темп жизни после графской ночи сильно возрос. Время закружилось, завертелось и понесло их к концу года – к Ютиной защите, первому семейному рубежу.

В ноябре высвободили несколько дней и поехали к его родителям. Юта страшно волновалась – брала двумя руками за плечо, прижимаясь лицом, как бы боясь, что он оставит её одну. Игорь волновался тоже. Как-то маме покажется Юта?

– Ига, а если я не понравлюсь? Знаешь, какие бывают случаи. Даже слово «свекровь» какое-то страшное.

– В стиле твоих изречений, Ютик, мне бы стоило заявить, что моя мама не свекровь. Но тут вопрос более серьёзный. В отличие от жены, родителей не выбирают. Больше скажу, я где-то слышал, что жён бросают и даже меняют. Родителей – никогда. Так что придётся тебе жить с моими папой и мамой. А им с тобой. Но они, в принципе, хорошие. И ты, тоже в принципе, хорошая. И, главное, красивая – ребята подтвердили. Что же может помешать хорошим людям полюбить друг друга? Тем более что есть общее поле и предмет для любви – я.

– А если меня всё-таки не полюбят? Ты же сам говоришь, что я вредная. Разлюбишь?

– Юта, есть вопросы, которые лучше не задавать. Ни себе, ни мне. А то ещё думать начну. Фактически ты спрашиваешь, кого я выберу, если что. Отвечаю: безусловно, родителей. И, безусловно, тебя. Нет и не может быть никаких альтернатив. Ты должна их полюбить. А они тебя. И только с этим ты едешь, а они тебя ждут. Умница, всё будет хорошо.

Мама с папой ждали во дворе и делились своими волнениями с соседями. Двор, замкнутый на ворота одноэтажными домиками, показался ему совсем крошечным, хотя в детстве был очень даже большим. Смотрины получились публичными – соседи, старившиеся вместе с родителями, тоже ждали. Молодёжь выглядывала в окна. Ну, разговоров будет! Но впечатление они с Ютой произвели. Он смотрел на маму – кажется всё в порядке. В дверях шепнула:

– Хороша, хороша. И носик точёный.

Папа волновался. Порывался сказать комплимент, но, смутившись, стал показывать их небольшое и не слишком богатое жилище. Игорь и сам стал оглядывать родные стены со смешанными чувствами щемяще-родного и уже отжившего. Раньше не замечал, а теперь стали просто давить низкие потолки – два двадцать. Когда-то в первый раз допрыгнул и с гордостью показывал испачканные извёсткой пальцы.

Вот, так называемая, большая Комната… Пушкин смотрит на него всё так же строго и ожидающе – хорошо ли выполняются жизненные уроки. Вот круглый стол, с которого, казалось, только что убрали тетрадки и учебники и накрыли мамиными, его любимыми блюдами. Собственно, комната была единственной – ещё прихожая, она же кухня с когда-то дровяной, а теперь газовой печкой, и маленькая глухая без окон родительская спальня. В этой бывшей кладовой, в распор между полом и потолком, стоял сработанный папиными руками платяной шкаф с матерчатыми стенками. Там, среди одежды, Игорь прятал свои первые папиросы. В спальне был погреб с вертикальной лесенкой и однажды, зажав в кармане криминальные табачные изделия, спеша к спасительному шкафу, не зажигая свет, Игорь провалился к счастью не в слишком глубокую яму, оставленную почему-то открытой. «Беломорканал» разлетелся и, только собрав все до единой папиросы, он почувствовал страшную боль в лодыжке.

В большой Комнате лежала всё та же зелёная дорожка с красными полосками по краю. Когда в доме появился пылесос «Вихрь», её пылесосить было нельзя – волоски вырывает, считала мама.

Он посмотрел на Юту – нет, кажется, убогим дом не считает. Все мы откуда-нибудь…

За столом неловкость стала пропадать. Папа, правда, попытался поспрашивать Юту – что читает? как относится к балету Хачатуряна «Гаяне»? была ли в «Третьяковке»? Юта краснела, но отвечала более или менее связно. Мама допрос прекратила, обратившись к Ютиной блузке – сама шила? Молодец!

Ну, конечно! Едва встав из-за стола, папа увлёк Юту к своим таблицам. Ничего, выдержит, Игорь её предупредил. Мама, политкорректно выждав полчаса, Юту из жарких объятий множимых и множителей освободила, а Игорь увёл папу во двор, где уже собирались вечерние шахматы.

– Хорошая девочка. И такая интеллигентная! Хорошенькая! Но, кажется, с характером? Справишься?

Ну, с папой всё ясно. Но и с мамой он волновался напрасно. К вечеру Юта чувствовала себя легко и раскованно. А можно ли

с его замечательной мамой иначе?

Во двор выползли Толик с гитарой, Эдик и Иван – все уже почти взрослые. Спели по старой памяти на полуиспанском, выученным с пластинки, «Бесаме мучо», «Мурку» и ещё пару блатных песен. Потом появилась отполированная их общим детством рогатка и склянка на сарае была разбита вдребезги. Юта была представлена без церемоний, но галантный сердцеед Ваня к ручке приложился. Юта была принята.

Эдик Школьников, студент первого курса физико-математического факультета нашего университета, улучив момент, увлёк его на дикий запад двора и затеял разговор о физическом сотворении мира.

– Понимаешь, Игорь, теория Большого Взрыва всё объясняет. Из ничего, из точки!

– Да что же объясняет? Ну, долбанул кто-то и пошёл волновой процесс. Разве не вся наша жизнь так? Вдруг, откуда ни возьмись, толчок – и пошло-поехало. Откуда берутся идеи, слова, любовь, наконец? Почему мысли начинают строиться в порядке, которого до никогда не было? Вот я женюсь… Спрашивается, чего вдруг? А ведь этот, невесть откуда взявшийся толчок тоже взрыв точки, который породит новый мир, вселенную, если хочешь, с уймой галактик. Откуда, что, почему? Ну, ладно. Задавать вопросы, что было до начала неприлично. Всё это если и нельзя понять, то принять можно. Ты другое скажи. Взорвалось, полетели всякие кварки, прото-что-то и так далее, не будем копать глубже. Но какого чёрта они стали строиться в химические элементы? Что заставило электрон вращаться вокруг протона? Летели бы себе да и всё. Что им пространства не хватало?

– Так ведь эта протоплазма стала охлаждаться. Заряды, электромагнитные и гравитационные поля… Вот и стали слипаться. При хаотичном движении…

– Да откуда же это хаотичное движение взялось? Откуда взялась асимметрия? Ну, ладно, чёрт с ним, ну построились в водород. Зачем же дальше? И расскажи мне, Эдик, пожалуйста, как и зачем они построились в ураны и трансураны? С тем, чтобы потом разлагаться?

– Ну, знаешь… Есть же законы эволюции живой и неживой материи. От простого к сложному…

– А потом наоборот? Не проще ли предположить, что этот взрыв точки, или лучше назвать Божественный толчок, пришёлся по каким-то сверхуранам и сверхгенам. И началось разложение до водорода и вирусов с сохранением всех промежуточных стадий. Хотя всё равно непонятно – кому и зачем это было нужно. Нет, дорогой Эдуард Константинович, без Творца здесь никак не обойтись…

– С помощью Господа Бога можно объяснить что угодно. Только что это даст?

– Я сказал не «Бог», а «Творец». В данном контексте это не одно и то же.

– И в чём же разница?

– Ну, тут надо определить, что есть наука… И чем она занимается. Насколько я понимаю, наука начинается с Фалеса из Милета. Между прочим, шестой век до Рождества Христова. До него были какие-то знания. Дело даже не в том, что он начал выстраивать стройные цепи логических доказательств. Но, главное, выдвинул положения, на которых наука стоит по сей день. И дальше стоять будет.

– Ты имеешь в виду аксиоматику?

– Разве что самой науки. Нет, Фалес предположил, что Вселенная управляется какими-то неизменными объективными законами независимо от того, кто их создал. То есть ни боги, ни черти, ни герои тут не причём. И дальше – человек способен мыслию эти законы познать. Гениально! Вот так, просто, раз и навсегда отделил науку от мистики. Пусть всякие мистерии просят у богов защиты, дождя, побед и ещё Бог знает чего, а наука постигает законы природы. То ли ей присущие вечно, то ли кто-то их сотворил. Я склоняюсь к последнему.

– Что-то я, Игорь, не пойму, куда ты клонишь. Честно сказать, я этого историзма не знал, но чем занимается наука известно. Причём здесь Большой Взрыв?

– Сейчас. Таким образом, наука со времён Фалеса занимается

мироустройством. И имеет громадные достижения. Но в вопросах происхождения, откуда что взялось, она явно буксует. Ибо не может ответить на бесконечный ряд вопросов – а что было до? Зачем? Почему именно так и так далее. И слагает собственные легенды, которые иногда называются аксиомами. Чем лучше теория Большого Взрыва – в смысле происхождения – библейского сотворения мира? Конечно, теория позволяет строить более не менее стройную космологию, что-то даже предсказывать… Но вопрос «Зачем?» не только остаётся без ответа, но и задавать нельзя. Нет, Эдик, здесь явно просматривается непостижимый *Замысел* Творца. С самой большой буквы. А постичь *Замысел* только физикой, боюсь, всё-таки невозможно.

Эдик засунул палец в нос и задумался, а Игорь пошёл к Юте.

Женщины – он впервые объединил этим словом маму и Юту – осторожно, но без опаски прощупывали друг друга. На лицах была уже радость открытий. Ну, слава Богу!

Из дневника Юты: «*Замечательные родители! Александр Леонтьевич, кажется, чудак. Какая густая, кудрявая и чёрная шевелюра! И седины для шестидесяти с лишним не так уж много. Нос с горбинкой – греческий. Глаза карие, как у меня, только с зелёной искоркой. Улыбчивые и добрые. Ига на него как-то неуловимо похож, но совершенно разномастные.*

Его таблицы, наверно, чего-то стоят. Потешно объясняет – всё просто, надо только множитель и множимое найти, а потом добавить вот эту цифру, а потом вот эту… Ничего себе просто! Но я, как Ига советовал, соглашалась и даже какие-то вопросы задавала – остался мною доволен. Он, как и Ига, живёт в своём мире. И безумно любит Нину Осиповну. Это после стольких-то лет! Если Ига в него…

Очень гордится Игой. У него, говорит, мыслительный процесс от природы. Только считает Игу лентяем. Я не удержалась – как же? Он же работает как проклятый? Оказывается, есть лень физическая и лень умственная, победить которую куда сложней! Ты, Анечка, должна ему помочь, а то и заставить работать. Для его же пользы. Возразила – по-моему, я скорее должна заставить

его отдыхать. Ну, это тоже…

А Нина Осиповна просто чудо! Маленькая и очень миловидная. Фигура, правда, расплылась – животик, талии нет. Не слишком быстрая, но подвижная. Глаза Игины – серо-голубые и переливаются. Всё-таки, Ига, наверное, больше в маму. Но и у Нины Осиповны и у Иги черты лица неопределённые, нет резких черт, как, например, греческий нос или кустистые брови… Нет, Ига сам по себе.

Никакая она не свекровь, а просто мама! А как она сразу упростила отношения: «Анечка, можешь звать меня мамой, можешь Ниной Осиповной. Только, прошу тебя, – не обращайся ко мне никак не называя». Я бы и сразу мамой, но тогда и Александр Леонтьевича папой, а тут что-то пока не могу. Может быть, потому что у меня отца фактически не было? Там посмотрим, привыкнуть надо.

Оказывается, мама замечательная портниха! Профессионал! И мы уже обсудили, что она будет мне шить – и платья, и блузки. Брюки нет, эта мода ей не нравится, и она никогда не шила. Когда снимала мерку, приговаривала: плечи чуть широковаты, попробуем реглан, грудь маловата, но достаточно высоко, ну ничего, родишь, там посмотрим, а талия и попа на месте, подчеркнём.

Книги у них на этажерках, только в кино видела. Старомодно, но необычно. Они много читают, это чувствуется. Папа разговорчив и обо всём. Мама – нет, не болтлива, но какая речь! Не верится, что она даже в школу не ходила. Только почерк выдаёт – видно, что и писать училась сама.

Игу любят, особенно мама. С папой отношения немного конфликтные – разные взгляды на политику, культуру и вообще на жизнь. Папа, например, верит в коммунизм и газетам, а у Иги скепсис написан на лице. Но и он папу любит – по своему, я бы сказала покровительственно.

Мама от Иги без ума, но он её обижает – не пишет. Она даже всплакнула. Ну, я Иге дам! Мама с надеждой смотрит на меня – теперь-то всё будет в порядке? Да, конечно, Нина Осиповна, хоть каждый день.

А ещё мама строго спросила: «Я вижу, Игорь тебя любит. А ты его?» Я не сразу, но сказала – люблю!»

Игорь много и подолгу показывал Юте город. Сначала школу. К сожалению Данилы не оказалось, куда-то уехал. К школьным приятелям решил не заходить – слишком мало времени, а как не посидеть, вспомнить, выпить… В другой раз.

Немного прошлись по историческому центру, по набережной – и в парк. Вот регулярная часть. Красиво, скажи? Но что-то уж слишком многолюдно. И сколько аттракционов! Хочешь на колесо? Нет? Тогда айда в дебри.

Ноги как-то сами вынесли его на тот самый берег, где с Лариской… Господи, Юта захотела присесть прямо на место простынки! Ни за что!

– А почему? Я устала. Смотри, какой красивый вид. Будь я художником…

– Нет, нет, Юта, тут недалеко такой вид – закачаешься! Пойдём, пойдём.

– Что-то ты темнишь, Ига. Что-то связано с этой кручей? Ты чего покраснел? Ну, ладно, пойдём, когда-нибудь расскажешь.

Они вышли к острову, на который он переплывал, держа вещи над головой. Как он любил, уединившись в невысоких кустах, чувствовать себя островитянином, чуть ли не Робинзоном Крузо… Но эта часть суши, окружённая водой, уже часть парка… Многолюдно… Да и мост…

Возвращаясь, они вышли на так называемые боны – деревянные пятидесятиметровые бассейны прямо на реке. Здесь он выполнял свои разряды. А один-единственный раз, когда тренер попросил поплыть стометровку за кого-то – так, поплавай для разминки и пойдёшь на свои двести – даже выполнил первый.

– Знаешь, какой у меня тут случай был? Прямо рыбацкий рассказ.

Пришёл я на соревнования заранее, размяться. И поплыл к острову и обратно. Вдруг на середине руки касаются чего-то скользкого. Глянул – передо мной огромная рыбья голова медленно двигает жаберными крышками. Я её схватил двумя руками – не вырывается. А до бонов метров сто. Ну, держу, двигая только ногами. На бассейне заметили, соревнования, конечно, прекратились, уже

ставки принимают – доплывёт? Доплыл. Шуму, шуток разговоров! Кто-то определил породу, довольно редкую в нашей реке – марина. Даже просили продать. Тут же выявили причины необыкновенной нерыбацкой удачи. По реке носился со страшным шумом глиссер и, видимо, мою пятикилограммовую рыбину и оглушил. Мама сделала свою знаменитую фаршированную рыбу. Жаль, что я тогда рыбу не ел, только юшку…

Юта всё настойчивей просила рассказать о родителях. Скорее всего, не просто любопытство. Инстинктивно, чисто по-женски, она хотела знать прошлое, чтобы хоть немного ориентироваться в будущем. Чего от него ждать? От чего беречь? Как жизнь повернётся?

Он начал рассказывать и вдруг обнаружил, что знает катастрофически мало. Вот, пожалуйста! Всегда стремился разговорить других, отмечая причудливые извивы жизни, а глубоко копнуть судьбу собственных родителей так и не удосужился. Почему?

Много причин. И леность мысли – формула папы, преследующая с малых лет. И сознание отсутствия родовитости – не бояре, не дворяне, ни в культуре, ни в науке. И просто – своё всегда успеется. Но главное, пожалуй, в отсутствии гражданской гордости за своих предков – и у него, и у родителей. Ремесленники, торговцы… Конечно, остаются сыновние чувства, воспоминания детства, но никаких материальных следов, даже наследства. У мамы остались только большие портняжные ножницы из золингеновской стали и ножная швейная машинка «Зингер».

Но всё это оправдания. Просто скотина он бесчувственная, мог бы хоть из любопытства записать имена и профессии… Говорят, что у некоторых народов вместо колыбельных перечисляют своих предков до библейских колен. «У Еноха родился Ирад; Ирад родил Михиаеля; Михиаель родил Мафусала….». Ощущение отмирания семьи? Какой-то ненадёжной становится ячейка общества – без прошлого… И без будущего?

Но что знал, как-то систематизировал и рассказал, дав себе зарок как-нибудь устроить родителям допрос с пристрастием, тем более что времена уже не сталинские и прошлое можно вспоминать без особой опаски.

Не успел… Мама умерла вскоре после их свадьбы. Успела узнать о беременности Юты, но внука, о котором так мечтала, не дождалась.

Игорь не помнил, чтобы мама когда-нибудь болела. Такие труженицы как-то не имеют на это времени. Вот и сейчас она всего лишь сломала правую руку. Мама всегда была не очень ловкой, но двигалась достаточно осторожно и никаких повреждений, кроме порезанных пальцев, не имела. А тут, на ровном месте, зацепившись за дорожку… Казалось бы, не такое уж горе – ну рука, ну гипс… Срастётся. Ещё и шестидесяти трёх нет… Но мама оказалась выбитой из колеи привычного трудового ритма. Вынужденное безделье оказалось куда опаснее сломанной руки. Возраст… Через месяц все болезни, доселе скрытые и подавляемые ежедневными заботами, полезли как беды из ящика Пандоры – ревматизм, давление, сердце… Рука срастись успела, но мама уже не оправилась.

Он в это время был в военных лагерях – финал военки, мучившей со второго курса, – день в неделю и уж сбежать никак нельзя. И тут два летних месяца бездарно потей в гимнастёрке. Только что закончились последние пыльные военные игры, где ему довелось вести танк целых сто метров. Вдруг был вызван к весёлому майору по прозвищу «Три царапины на ж….». Майор грустно поглядел на улыбающегося новоиспеченного лейтенанта и решил не церемониться:

– Будь мужчиной, Раманов. У тебя умерла мать.

Это было первое страшное потрясение в жизни. Говорили, что он почти потерял сознание.

Мамы, мамочки, такой любимой, всегда бывшей с ним в любых разлуках, больше нет… Он уже понимал безвозвратность смерти. И ощутил какую-то незаслуженную обиду – у него отняли мамину любовь. За что? Как теперь жить?

Боже, почему он так мало ей писал? Почему не находил слов для своей любви? Неужели ничего нельзя сделать? Неужели он никогда не сможет обнять и сказать заветные слова – мамочка, как я тебя люблю!

Никак не мог представить её мёртвой. В памяти вставала живая

мама, с неопределённой полуулыбкой Моны Лизы. Да так и осталась…

Добирался около двух суток, но вспомнить дорогу никогда не мог. Во дворе уже стоял катафалк, соседи в чёрном как-то бессмысленно толпились, но мама ещё лежала в большой Комнате на круглом столе. В последний раз он увидел её спокойное белое лицо в обрамлении седых волос в рамке обитого красным гроба. И понял – всё. Вдруг он заплакал, чего с ним не было с самого раннего детства – папа отучил. Юта взяла его за руку, отвела от гроба и тоже заплакала, прижавшись к плечу.

Как оказался на кладбище не помнил. Навсегда врезалась в память крышка гроба. Больше он не увидит маму никогда.

Через десять месяцев умер папа. Рождения внука дождался, но так и не увидел. Успел отправить два бодреньких письма и даже посылку с приданным для новорожденного – «своему дорогому, любимому и первому внучку», о котором мечтал. Брат, правда, успел сделать родителей бабушкой и дедушкой, но одарил пока только внучкой.

Смерть папы Игорь себе не прощал никогда. И брату. Как они могли оставить его одного?!

Мужчины редко переживают своих жён, с которыми прожили всю жизнь. Видимо, теряют цель. Последние годы были страшно одиноки, но вдвоём. Он представил себе папу в совершенно пустом доме, где всё было с ней и для неё. Если у мамы отношение к папе было не таким простым, то папа любил беззаветно. И жить без неё не мыслил. Что творилось в его голове? Какой ужас одиночества одолевал его бессонными ночами? Что испытывал в последние мгновения, когда разорвалось сердце?

Всё это Игорь осознал стоя у могилы. Но почему, почему он не подумал об этом раньше!

Не оправдание – что он мог сделать? Да, без квартиры, без денег, беременная жена… Но вопрос-то о жизни и смерти! Вот этого он не понял. Или не захотел думать? Как-нибудь, само собой… Вот устроятся они с Ютой, заживут и дедушку заберут. Но жизнь, вернее смерть, времени не даёт. И ничего уже не испра-

вишь… Нет, не смог он стать взрослым в нужный момент. Можно было положиться на старшего брата уже с квартирой… Но у брата свои сложности и трудности… Да и времени опомниться папа им не дал…

Известие застало Игоря на целине под Кустанаем в строительном отряде. Он ещё не успел отправить письмо с адресом и его долго искали через штаб. На похороны не успел.

Брату и Юте удалось похоронить папу рядом с мамой. Так и лежат вместе, как жили. Прости Господи прегрешения наши…

Ниточки оборвались и уже навсегда. Никогда не узнать столь дорогих сердцу подробностей жизни любимых. Хорошо хоть он успел рассказать Юте то, что знал при жизни мамы с папой. После смерти рассказ был бы совсем другой.

– Бабушек и дедушек я не знал. Мамин папа умер до моего рождения. Вроде был портным в мастерской, в которой училась шить мама. Больше никаких сведений, даже нет фотографий.

Кем была мамина мама совершенно неизвестно. По всей видимости, просто домашней хозяйкой. В конце жизни была прикована к коляске. До рождения младшего внука, то есть меня, дожила, но вместе мы прожили недолго – десять месяцев.

Началась война, и тихий украинский городок в первые же дни подвергся бомбардировке. Одна бомба попала в соседний двор. Торцевая стена двухэтажного дома отвалилась и обнажила обстановку комнат как театральные декорации. Мама смеялась: «Как ты можешь помнить, когда тебе и года не было!». Странно, но я с фотографической ясностью помню взрыв, вернее последствия. Возможно, я и вообразил себе эту картину по многочисленным рассказам. Но откуда взялись такие детали, как старинные венские стулья с гнутыми ножками? Где я мог их видеть? В детских книжках? Бог его знает, но помнил же Лев Толстой момент рождения…

– Эвакуация… В страшной и бестолковой суматохе папа посадил маму со мной и братом в вагон, а сам побежал за маминой мамой. Но тут вдруг колоколом объявили отправление. Папа за-

метался, но выбора не оставалось, и вскочил в уже набиравший скорость эшелон. Вины папиной не вижу, но мама так этого папе никогда не простила. От бабушки в моей памяти не осталось даже имени.

О папиных родителях примерно такие же сведения. Известно, что дедушка занимался механизмами для сельского хозяйства, потом, перебравшись в город после революции, ремонтировал велосипеды. Имел даже мастерскую, что по местечковым понятиям было не мало. Чем бабушка занималась неизвестно, видимо, тоже была домашней хозяйкой и воспитывала пятерых сыновей – папа младший.

С приближением фронта эвакуироваться наотрез отказались. Побывав в Германии и пережив оккупацию в Первую мировую, считали немцев очень культурным народом. А слухи – газет не читали – об истреблении евреев полагали советской пропагандой. Никаких сведений о них, сколько не разыскивал папа, нет. Видимо, как и все, были убиты и безымянно сгинули в одном из многочисленных массовых захоронений.

– Эвакуироваться пришлось дважды. Сначала эшелон привёз нас в какой-то донской посёлок, вскоре занятый немцами, а затем мы оказались на берегу Иссык-Куля. Так что моё раннее детство прошло в рыбацком посёлке, среди гор и тянь-шаньских елей, на удивительно красивом озере с грозными ветрами, вырывающимися из ущелий, – *уланами*. Как-то один такой порыв унёс на середину лодку с рыбаками вместе с моим братом. Помню лицо мамы – страшное и окаменевшее до неузнаваемости. Даже когда посланный катер нашёл и привёз бедолаг, лицо мамы ещё долго приходило в себя.

Знаешь, зимой Иссык-Куль не замерзает, отчего и получил имя – горячая вода. Но, несмотря на название, водичка в нём не слишком тёплая, даже жарким летом. Не оттуда ли у меня любовь к холодной воде? Там же, годика в четыре, я научился плавать. Пережитый страх помню до сих пор. Папа с мамой загорали, а я барахтался у берега, отталкиваясь от дна и погружаясь с головой. Коварен Иссык-Куль! Мелководье кончается где-то в двух-трёх

метрах и сразу обрыв метров двести. Я подпрыгнул в очередной раз, погрузился, а дна не достал. Задёргал изо всей силы ногами, воздух в лёгких был, и всплыл. Но дна-то подо мной нет! От ужаса перехватило горло, и я не смог издать ни звука. Руки и ноги мои отчаянно заработали и я поплыл в открытое море, так как развернуться к берегу никак не мог. Папа заметил меня уже в метрах семи-восьми: «Смотри, Ниночка, плывёт!».

– Редкое совпадение – родители появились на свет в один день. Но на моей памяти двойной день рождения не отмечали. Я узнал дату уже старшим школьником и теперь отмечаю, но, как правило, вдали, без них – шлю телеграммы.

Мама грамоте никогда не училась и с детства была отдана в швейную мастерскую. Вскоре выросла в замечательную портниху, как тогда говорили «закройщица», ныне модельер. Ощущение красоты дано было ей природой. Но что даёт природа? Способности к чему-то. Дальше надо развивать. И мама развивала. Не пропускала ни одного, редкого по тем временам, журнала мод. Из богато иллюстрированного «Огонька» вырезала заинтересовавшие её фасоны платьев и не только на актрисах. В театре, кино и просто на улице всегда отмечала оригинальные детали и аксессуары. Очень интересовалась живописью, в основном портретной. С папой, теоретически более подкованным, ходила в картинные галереи. Предпочитала старых мастеров, но внимательно рассматривала и уже разрешённых импрессионистов. На стенах в нашем доме всегда висели оригинальные картины, копии и литографии, обязательно в рамках. Особенно любила «Неизвестную» Крамского – у нас в семье называлась «Незнакомка», по-моему, даже более точно, – подолгу рассматривала, иногда со слезами на глазах.

Предпочитала портреты и в литературе – Наташа Ростова, Анна Каренина, тургеневские женщины… Часто говорила о женщинах Каупервуда из «Трилогии желания» Теодора Драйзера.

Но при очевидных способностях никогда не рисовала, только платья и фигурки. Видимо, при ограниченности образования, весь её немалый творческий потенциал реализовывался в мире тканей, которыми всегда был полон дом – мама была очень аккуратной, но с

бесчисленными лоскутками зачастую справиться не могла.

– Я поздний ребёнок и осознал наряды самой мамы, когда ей уже было за пятьдесят и фигура безвозвратно утрачена. Одевалась очень просто, даже сказал бы аскетически, но элегантно, насколько было возможно. Однако на фотографиях довоенных времён представала красавица в театральных нарядах воздушных и необыкновенных. В те времена они с папой играли в каком-то самодеятельном театре, и мама шила костюмы себе и всей труппе. Свои сценические успехи оценивала очень скромно, зато папа был настоящий герой-любовник!

– Непрерывное художественное развитие вылилось в знаменитый тонкий мамин вкус. Термин довольно туманный, надо полагать призванный отделить от тех, кто им не обладает. Толковый словарь трактует «вкус» как «чувство, понимание красивого и изящного». Так чувство или понимание? Ну, не будем спорить, мама обладала и тем и другим.

В доме время от времени появлялись заказчицы и были примерки. Обставлялось это весьма таинственно, как приход в гости и с чаем. Легенда на случай фининспектора – шьём подруге. Среди маминых «подруг» были довольно известные актрисы и жёны начальников. Между прочим, мама входила с ними в довольно тёплые отношения. Так что в доме было некоторое подобие салона. Частенько шила и в домах заказчиц.

Сохранилась семейная легенда, что когда мама была беременна мной, жёны начальников НКВД высылали за ней машину – «чёрный воронок».

Сейчас мама уже активно не шьёт, только родным и действительно подругам. Всё большую откровенность современной моды не признаёт и руки отказываются кроить мини-юбки. По большому шитью скучает и потихоньку стареет.

– А познакомилась с папой в мастерской, где уже была закройщицей. Невеста папиного брата шила у неё свадебное платье и как-то зашла вместе с будущим деверем. Папа в симпатичную портниху немедленно влюбился, стал ухаживать и делать предложения. С четвёртого раза было принято. Тот романтический

период мама всегда вспоминала с загадочной улыбкой. Ох, было, было что-то там, чего детям не расскажешь…

Меня мама любит, хотя не всегда понимает. Трудный возраст или период упрямства, проходивший у меня бурно и трудно, да и не совсем прошедший, пережили без существенных потерь только благодаря маминой любви и такту. Я тоже всегда маму любил и люблю, и угроза маминых слёз всегда была действенней любых наказаний. И в войнах с папой без её поддержки я бы наверняка проиграл.

Если есть во мне, Юта, склонность к художественному восприятию мира – от мамы. И моё правое полушарие навсегда останется благодарным золотому веку моего трудного детства.

– Папа… С ним куда сложнее.

Не считая крайнего малолетства, папа вошёл в мою жизнь довольно поздно – лет в пять. Девятое мая 1945 года он встретил в Праге, но закончил войну на Дальнем Востоке – улаживал последние конфликты Второй мировой.

Я играл на улице в чижика, когда соседка-узбечка обняла меня за плечи: «Беги, отец вернулся!». Я давно готовился к этому дню и сильно волновался – узнаю ли? Нет, сразу понял, что этот черноволосый кудрявый мужчина с ефрейторской полоской на погоне за столиком во дворе, совершенно непохожий на фронтовые фотографии, и есть мой папа, но не узнал. И в нерешительности остановился. Но папа уже почувствовал кто перед ним и высоко взметнул меня над головой.

– Я очень гордился своим папой. Папой-солдатом, папой-воином. И как горестно было моё разочарование!

У Эрнста из соседнего двора отец был снайпером. Открыв рты, мы слушали его рассказы: «Я себе местечко устрою и лежу – часами. Только немец покажется, я его чпок – и нету немца. И опять лежу. Семьдесят три фрица снял!». Тогда «убить врага» для нас не было синонимом «убить человека». Лозунг «Убей немца!» кого-то из высшей интеллигенции, то ли Ильи Эренбурга, то ли Константина Симонова, был естественным, как и другие военные слова: «штаб»,

«фронт», «тыл» и даже таинственная «рокада». И поэтому мой первый жгучий вопрос к папе после радости встречи был: «Сколько ты фрицев убил?». Как я мечтал выйти во двор и с гордостью сказать: «А мой папа сто снял!».

Папа нахмурился и не ответил. Но я не отставал. И только когда мы остались одни, обнял меня, отстранился и посмотрел прямо в глаза: «Сынок! Я воевал. И в обороне был, и в атаке. Стрелял вместе со всеми, и кого-то мои пули настигали. Но запомни, сынок, потом поймёшь, людей я не убивал!». Потом я понял, но тогда…

– История жизни папы распадается на три периода – древнюю довоенную, военную и новейшую.

Начало биографии сокрыто от меня довольно густым туманом. Что знаю? Родился в местечке, где-то в Белоруссии. Три года учился то ли в русской, то ли в еврейской школе. Скорее всего, всё-таки в хедере – знал древнееврейский. В тринадцать лет стал трудиться – на рынке. Что-то подносил, что-то грузил, за чем-то смотрел.

Сразу после февральской революции, семья перебралась в город. Ну, тут уж у любознательного подростка интерес к жизни резко возрос. Представляю – из Богом забытого местечка в бурлящий идеями и действиями, быстро меняющийся мир! Не пропускал многочисленные митинги и собрания – часто вспоминал пламенные речи трибунов. Противоположные взгляды и призывы звучали рядом, на разных концах городской площади. В Октябрьской революции, а потом и в гражданской войне не участвовал и особых политических воззрений не приобрёл. Но взгляд на мир сильно расширился и появились интеллектуальные интересы. Начав с лозунгов и прокламаций, стал читать. В дальнейшем советскую власть считал вечной, подлежащей изучению и прогнозированию.

Чем занимался, как добывал средства в начале трудовой деятельности почти неизвестно. Рабочий, грузчик – хоть и среднего роста, но физически крепок – и, кажется, спекулировал на рынке.

Есть в его трудовой книжке за этот период одна интересная отметка – «Секретарь райземлеса». Чтобы это значило? Интерес-

но, папа довольно словоохотлив, любит рассказывать и даже в лицах, а вот многие страницы юности и молодости так и остались нераскрытыми. Видимо, не слишком удались.

Судя по всему, в этот период начинает самостоятельно учиться. Проходит всю школьную математику. Мечтает об интеллигентной работе и к моменту женитьбы уже счетовод в системе «Заготзерно».

Тут и начинается его настоящая, творческая биография.

– Став счетоводом, папа увлёкся числами. В те времена множество людей умножало и делило многозначные на многозначные в столбик. Специальность! У папы к этому делу оказались большие способности – считал быстро и почти безошибочно. Но вскоре эта рутина ему сильно надоела. А что если столбики объединить по показателям? Что если заранее вычислить и свести в таблицы? По свидетельству мамы папа работал круглые сутки. И разработал!

Потом годы хождений, доказываний, докладываний... И когда уже потерял надежду, вдруг где-то кому-то показалось и понравилось. Через десять лет таблицы всё-таки издали. Всё детство я гордился папиными цифрами. Да и сейчас это законное чувство нисколько не прошло. А уж друзьям хвастался! Я, когда название читаю, так меня просто распирает. Вот, посмотри:

ТАБЛИЦА

Для расчёта заготовительных цен и скидок веса при зачёте в план на новомасличные культуры и сорго по совокупности качественных показателей.

(По системе Раманова А. Л.)
Кампания 1939/40 г
Для всех областей Союза ССР

К моменту издания, папа таблицы сильно усовершенствовал, придал им универсальность для всех сельскохозяйственных культур, и они издавались пачками ежегодно вплоть до появления «Феликсов» – механических счётных, как бы сейчас сказали, аналоговых, машинок, трудные маленькие ручки которых считающий люд крутил до кровавых мозолей.

Война застала папу в зените профессиональной славы, каких-то небольших авторских отчислений и сравнительно высокой должности старшего счетовода. А перед самой войной вдруг пригласили на первый всесоюзный съезд изобретателей и рационализаторов. В Москву! По-моему, папа чувствовал себя в этой буйной и крикливой компании не совсем в своей тарелке, и вспоминать не очень любил. Особенно смотрели на него волком многочисленные собратья, сочинители таблиц. Тем не менее, именно папина работа была отмечена и сам «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин вручил весьма почётный по тем временам значок «Изобретатель и рационализатор СССР» и какую-то денежную премию. Об этом папа любил вспоминать. И смешно изображал сухонького старичка Калинина и себя, споткнувшегося на подходе к трибуне. К сожалению, я значка не видел – исчез при эвакуации. Папа об этом никогда не говорил, но мама проговорилась – поменял на солидный узелок, то ли гороха, то ли фасоли и на какое-то время спас семью от голода.

Закончилась триумфальная победа папы довольно скромно – доской почёта, заметкой в многотиражке и больше ни на что не повлияла. Серьёзный карьерный рост при отсутствии даже школьного образования и беспартийности, конечно, был невозможен, а о научной работе не могло быть и речи.

Между прочим, папины таблицы издавались и, по-моему, ещё издаются, но после войны уже без его фамилии. Запятнал себя папа бронзовой чернильницей, запятнал.

– Работа над таблицами была фактически завершена, усовершенствовать было больше нечего, можно было только расширять область применения. Папа подозревает, что дальнейшее продвижение возможно, но требует исследований свойств чисел методами ему недоступными. Он даже купил книгу по теории чисел, но осилить не смог. Его «университетам» не хватало первых десяти школьных лет.

А книгу старшеклассником прорабатывал уже я, но совсем с другими целями.

Папа заскучал и занервничал.

Кончилась его счетоводческая деятельность трагически. Уже в эвакуации, при попытке расширить сферу применения таблиц на новые местные культуры, нарвался на хамоватого партийного начальника, не преминувшего оскорбить изобретателя по национальному признаку. В ответ папа, как Лютер в беса, запустил в него бронзовой чернильницей, изображавшей чуть ли не Парфенон, но не промахнулся и был посажен на год за хулиганство. Политику, видимо, решили не шить из-за публично необсуждаемых оскорблений начальника. Досрочно освобождён и призван на фронт.

О войне рассказывать не любил, даже об орденах и медалях. Знаю только, что был пехотинцем на разных фронтах. Был ранен, последний раз опасно – в шею. Но осколки горло не затронули, оставив по бокам два длинных коричневатых шрама. После ранения был переведён в штаб писарем и счетоводом. На том войну и кончил.

– Как уже говорил, я ребёнок поздний. По возвращении папе было уже далеко за сорок. Но даже сильно постарев, он взрослым так и не стал. Всю жизнь его одолевали всякие идеи – метался, хватался за разные работы, бросал, начинал… Никогда не был степенным солидным человеком! И ещё своеобразный юмор к месту и не к месту. И темперамент. И хвастовство.

По всей видимости, у мамы иные представления о положении в обществе. Хочется основательности и прочности. И какие-то конфликты при устройстве послевоенной жизни стали возникать. Любит ли мама своего непредсказуемого мужа? Думаю, да. Даже восхищается и гордится его свершениями. Но неудовлетворённость, нереализованность девичьих надежд, совершеннейшая невозможность что-либо изменить в характере папы, всё чаще склоняют к грусти и печали.

– Счетоводом папа больше быть не захотел, хотя занятия числами не оставлял никогда. Рыбацкий посёлок с единственным предприятием – рыбсовхозом – показался слишком тесным и папа перевёз нас в столицу республики. И вдруг устроился в фотоателье. Нет, не фотография его заинтересовала, но возникли идеи по раскройке материала для паспарту. Хитро улыбался и

говорил, что кроме геометрии Евклида есть ещё и Лобачевского, в которой параллельные ещё как пересекаются! Что-то удалось ему сильно сэкономить, а излишки реализовывать на рынке в условиях всеобщего дефицита. Ну и, конечно, часть фотографий делалась, так сказать, частным образом, минуя приходные и расходные книги. Долго так продолжаться не могло – соответствующие органы, имевшие огромную сеть добровольных осведомителей, стали присматриваться, и папа вовремя ушёл.

– Вскоре захватила новая идея. Где-то папа вычитал о законе Больших Чисел – так в популярной литературе называлась теория вероятностей. «То, что незаметно для малого количества, прорисовывается в большом. Выйди на улицу – можешь ли быть уверенным, что в первой десятке прохожих мужчин и женщин окажется поровну? А вдруг пройдёт рота солдат? Но если взять тысячи, сотни тысяч, миллионы, то закономерность будет соблюдена. И после какого-то числа уточнений не будет».

Мама забеспокоилась – к чему бы это?

А вот к чему.

Когда мирная жизнь стала налаживаться – исчезли карточки, деньги приобрели вес – испытывая недостаток в средствах, партия обложила народ невиданным доселе налогом. Форма побора была исторически и международно признанной и презентабельной – облигации Государственного Трудового Займа. На эти бумаги полагались выигрыши из расчёта двух процентов годовых и полное погашение через двадцать лет. Но в отличие от общепринятой мировой практики, в полном соответствии с духом развивающегося социализма, распространялись облигации *добровольно-принудительно*. То есть, теоретически можно было и не покупать, но такая несознательность ассоциировалась в глазах КГБ с враждебной антисоветской деятельностью с такими выводами, что отказавшихся смельчаков в стране не нашлось.

В выигрыши никто не верил, а погашение через двадцать лет, когда уже должен был наступить коммунизм, как-то теряло смысл. И бессмысленные бумаги старались сбыть за любую цену – хотя бы по два-три рубля за сторублёвку.

Вот тут-то папа и обратился к Большим Числам. «Если у тебя облигаций на сотню, то выигрыш должен составить два рубля в год. Но минимальный разовый выигрыш – сто рублей. Значит, ждать в среднем пятьдесят лет. Ну, если повезёт раньше, но погоды это не сделает. А если у тебя на пять тысяч, то считай, что сто рублей у тебя в кармане. Если скупать облигации, то через год-полтора они себя окупят, а дальше – пожизненная рента!».

– Подобные рассуждения и последующая деятельность от меня тщательно скрывались, во избежание синдрома Павлика Морозова, и узнал я уже значительно позже, когда трест, по выражению О.Генри, лопнул. И недаром опасались. Прецедент был. Когда мамино шитьё подверглось атаке фининспектора, меня мучили сомнения – имею ли я право скрывать от государства незаконную деятельность? От доноса удержало только страшное видение – маму ведут на расстрел. Но мучился долго – а если бы меня фининспектор спросил? Ох, боюсь, не солгал бы.

В принципе, ничего противозаконного в папиной деятельности не было, но партия не могла допустить неконтролируемое обогащение отдельных несознательных граждан. В ходу был термин «нетрудовые доходы», зафиксированный и в уголовном кодексе.

– Ввиду отсутствия первоначального капитала, на создание финансовой основы ушло года три. Ещё через пару лет облигации стали приносить стабильный доход. Причём папа боялся крупных выигрышей, можно было засветиться – по номерам первоначальный владелец устанавливался легко, и к оплате не предъявлял – только погашение. На нашу семью стало спускаться некоторое подобие благоденствия. Мама этих денег ужасно боялась, но понемногу начала привыкать.

Увы, богатство в советской стране штука неправильная, непрочная и опасная. Окружающий мир не мог смириться с ненормальным явлением и должен был как-то себя проявить. И не замедлил.

Аркадий, мой старший брат, активный участник проекта, не справившись с давлением переполнявшей его страшной жгучей тайны, проболтался своему лучшему другу Севе Логинову, от которого секретов просто не могло быть. Севу фантастическая

папина идея сильно увлекла и, увидев пару раз папу у сберкасс, где в ближайших подворотнях и проходили финансовые сделки, у Севы тоже родилась идея никак не связанная с математикой, с которой был не в ладах.

Я хорошо помню этого крупного решительного парня с льняными волосами – брат брал меня к нему месить ногами саман для каких-то хозяйственных построек.

Не отягощённый, в отличие от моего брата, излишними нравственными принципами, Сева решил папу шантажировать, с целью урвать себе кусок по революционному принципу экспроприации экспроприаторов.

Обставлен был шантаж красиво, во всяком случае, Севе так казалось. Принёс газету с описанием какого-то сурового процесса над любителями лёгкой наживы – вы читали, Александр Леонтьевич? Сейчас за такие штуки по головке не гладят. После чего попросил взаймы сумму, далеко выходящую за возможности простого советского человека. Папа намёк понял, но заявил, что такие деньги ему и во сне не снились. Сева посоветовал подумать и выразил надежду, что такие возможности в течение месяца могут и отыскаться. Папа крепко подумал и решил не откупаться, ибо понимал, что шантаж никогда не кончается и то, что известно одному, может стать доступным и другому. В результате мы срочно и тайно покинули город моего детства и переехали сюда, на Украину.

– Но главная беда была впереди.

Тут, как раз на переезде, умер товарищ Сталин. Это историческое, чтобы не сказать эпохальное, событие мы с папой перенесли по-разному.

Я был не только правоверным пионером, но верующим истово, со всей страстью присущего мне воображения. А отношение к Сталину было поистине религиозным, хотя и языческого толка – с поклонением бесчисленным скульптурам и портретам. Однажды в туалете, если так можно назвать дощатое надворное сооружение со щелями и дырками, я случайно порвал газету – туалетной бумаги тогда не было и в помине – с портретом Сталина. Господи! От ужа-

са я чуть не провалился в зияющую подо мной яму. Мне казалось, что вот сейчас разверзнутся небеса и огненный карающий меч… О происшедшем я сказал только маме. Мама с плохо скрытой улыбкой осудила мой поступок, но обещала купить ещё один экземпляр, к которому я отнесусь более бережно.

Смерть Сталина была для меня не только вселенской катастрофой, но и ввергла в сильнейшую растерянность. Как Бессмертный – этот эпитет повторялся тысячи раз в речах, газетах, песнях и стихах – мог умереть? На кого нас оставил? Кто-то, по-моему, Корней Иванович Чуковский, писал, что дети могут простить близким многое, но только не смерть.

«Смерть мою сыновья мне не скоро простят, слёз глотнув незаслуженной ими обиды…».

Папа отнёсся к событию значительно более спокойно, хотя на людях горевал и даже хватался за голову. А маме – шёпотом, в постели, но я услышал, – предсказал: грядут большие перемены, даже и к лучшему. Впрочем, добавил папа, нас это вряд ли коснётся. Во-первых, папа верил в коммунизм – если ежегодно снижаются цены, пусть и на малые проценты, то когда-то эти проценты кончатся! А во-вторых, мы обеспечены.

И ошибся. Всё-таки советская власть приучила к стабильности и предсказуемости. Исключая, конечно, катаклизмы типа войны, стихийных бедствий… Впрочем нет, ни извержений, ни наводнений, ни засух советская власть не замечала. Разве только в осторожных рассказах немногочисленных очевидцев. В общем, какие-то незначительные события местного масштаба. Движение вперёд к всеобщему благоденствию неостановимо и всякие мелочи, типа землетрясений с тысячами жертв, не в счёт, и такая информация нашему народу не нужна.

Помню, один анекдот тех времён. Наполеон присутствует на военном параде на Красной Площади, но не смотрит, а читает «Правду». Маршалы Мюрат с Даву взволнованно теребят императора: «Ваше Величество, вы только посмотрите! Какая артиллерия, какие танки, какие самолёты… Да если б нам такое оружие!»

Бонапарт криво улыбается: «Да если б нам такую прессу, никто бы и не узнал, что мы проиграли!».

– Не учёл папа, что система чуть-чуть пошатнулась, и стала меняться, сама не зная в какую сторону. И совершенно неожиданно перемены коснулись нас и весьма существенно.

К власти пришёл лысый, толстый, простоватый с виду, но с крестьянской хитрецой Хрущёв. Новый генсек был человеком энергичным и деятельным. И среди прочего отменил обязательные трудовые займы, а о выпущенных велел забыть на те самые двадцать лет. Другими словами – больше занимать не буду, но и долги не отдам. Народ, естественно, с энтузиазмом воспринял отмену поборов, а ненужные облигации отправил в семейные архивы – чёрт его знает, может действительно детям когда-нибудь что-нибудь отдадут? Но папа не поверил. И оставлять в доме на долгие годы чемодан улик не стал, хотя их уничтожение выросло в довольно серьёзную проблему. Рукописи, как известно, не горят, а облигации если и горят, то неохотно. И сжечь такое количество в городских условиях не просто. Но так или иначе задача была решена и, спалив последнюю облигацию, папа грустно изрёк: «Никогда не играй в азартные игры с государством, сынок. Проиграешь…».

– Семья вновь вернулась к обыкновенной советской бедности. Папа ещё пометался, сменив несколько работ, но новых идей безопасного обогащения больше не нашёл. В конце концов, осел администратором областной филармонии, открыв мне доступ на все симфонические концерты.

– Но не успокоился. Его немалая творческая энергия вновь обратилась к числам. Теперь ему покоя не давала таблица умножения. Многозначных на могозначные.

Главным его оппонентом, раздражителем и противником стал неведомый ирландец О'Рурк, таблицы которого широко издавались в Советском Союзе. Это была объёмистая, страниц на пятьсот, книга стального цвета, постоянно потрясаемая папой.

Папе пришла в голову замечательная идея – разложить процесс умножения на единицы, десятки, сотни и так далее, то есть обыкновенный столбик расположить в табличной форме с за-

ранее вычисленными результатами. Кроме того, там была масса более мелких идей, например объединение произведений по последним цифрам. Папа писал таблицы на больших листах бумаги и оснащал подробными инструкциями по применению с многочисленными примерами. На всю жизнь врезался в память синий каллиграфический почерк и стиль изложения.

Построенные на его принципах таблицы были в разы компактнее О'Рурковых и значительно удобнее в пользовании. Но света так и не увидели. А жаль. Не только для папы и для меня, но и для математики. Уверен, некоторые открытые закономерности ещё ждут своего часа. Но с именем папы связаны не будут.

Последнее изобретение выглядело комичным, но поистине потрясающим. Папа решил объединить таблицы со… счётами! Выглядело это устройство раскрывающейся книжкой на форточных навесах – слева таблица, справа счёты. Части произведений находились по таблице и тут же складывались на костяшках. Ну, ты это уже видела. Папа с секундомером в руках предлагал желающим перемножать четырёхзначные числа – секунды! Куда быстрее, чем на «Феликсах»!

Господи! Ещё десять-двадцать лет назад цены бы не было папиным разработкам. Но на дворе уже вторая половина XX века, на горизонте маячат калькуляторы и компьютеры и до возни с таблицами и счётами никому дела нет. Тем более чиновникам. Помню письмо, полученное папой из министерства культуры, на предложение издать его таблицы:

Уважаемый тов. Раманов А.Л.!

В связи с Вашим письмом в адрес СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР сообщаем, что вопрос о целесообразности издания составляемых Вами таблиц следовало бы рассмотреть в областном издательстве совместно с кафедрой вычислительной математики университета.

– Когда папа понял, что отвергают не его идеи и изобретения, а просто весь этот раздел, когда-то существенной деятельности человека, что труд не облегчают, а автоматизируют, на него было

жалко смотреть. Господи, и ещё раз Господи! От таких талантов и такой работоспособности не остаётся ничего… Разве что память прямых потомков…

И всё-таки его работа не совсем пропала. И брат, и я видели этот труд и, будем надеяться, энергию мысли папа передал.

– Меня папа увлёк проблемой простых чисел. До сих пор нет формулы общего члена ряда. Где-то в восьмом классе я самостоятельно дошёл до сита Эратосфена. Впрочем, гордиться особенно нечем – при современном уровне математического, даже школьного, мышления, метод лежит на поверхности. Древний грек размышлял всё-таки в третьем веке до нашей эры!

Сильно увлекла подсунутая папой теорема, так до сих пор никем не доказанная: «*Любое число натурального ряда может быть представлено суммой не более трёх простых*». Кажущаяся простота, как будто не требующая особых знаний, увлекает. И я знаю людей, угробивших жизнь на поиски решений. В принципе математика не очень жалует сложение и вычитание, ей, как папе, подавай умножение и деление. Лично я дошёл до блестящей, как мне казалось, геометрической интерпретации. Где-то в девятом классе доказал, что в равностороннем треугольнике сумма перпендикуляров опущенных на стороны из любой точки внутри треугольника, равна высоте. Осталось только доказать, что в бесчисленном количестве точек найдётся удовлетворяющая условию теоремы. Вот до сих пор ищу… А если серьёзно, прочтя «Распределение простых чисел» К. Прахара и ещё кое-что, убедился в тщетности попыток решить задачу в рамках существующей аксиоматики математики. И пришёл к выводу – натуральный ряд есть проекция каких-то мировых линий, экстремумы которых и есть простые числа. И с таким нелинейным рядом можно решить любую задачу. Осталось только найти эти линии… Ищу…

– Сейчас папа катастрофически стареет. Ещё возится с таблицами, тут предела совершенствованию, по-видимому, нет. Но уже понимает – не пробиться. А тогда дело превращается в хобби.

Но творческий потенциал не угас. Никогда особо не жаловавший поэзию, вдруг стал писать стихи, увлекаясь каламбурной

рифмой. Сначала писал басни. До сих пор помню:

А где же наш Наполеон?
На поле он!

Теперь пишет акростихи. Маме, мне, соседям…

Много ходит. Круглый год спит на открытом воздухе – очень полезно для здоровья. Усиленно советует и мне.

Играет в шахматы. Кстати, меня научил сразу по возвращении с войны. Говорил, что в окопах мечтал со мной сыграть. Помню, как впервые у него выиграл. Увидел комбинацию и, чтобы папа не заметил, переставил фигуру не руками, а зубами. Папа, вроде бы, не заметил…

Живут они с мамой одни и мирно, но жизни им явно не хватает. Брат далеко, да и я не близко. А будь мы вместе, страстно бы жили нашей жизнью – переживали бы наши успехи и неудачи, рассказывали соседям и немногочисленным знакомым… Но дать им жизнь, можно только пожертвовав собственной…

Провожали молодожёнов – звание закрепилось сразу и безоговорочно – всем двором. Друзья детства даже собрались на вокзал, но тактичный Ваня рекомендовал не мешать родителям. Толик и Эдик полезли обниматься, Иван ограничился крепким рукопожатием, а Юте ручку поцеловал.

Папа, как всегда, пытался шутить и излучать бодрость, но на сей раз удавалось плохо. Сквозила необычная растерянность. Упрямый и противный (от слова «против», считал папа) Игорёк уже окончательно уходит во взрослые. Есть от чего загрустить.

Мама не плакала, но слёзы стояли.

– Нина Осиповна! Мама! Я обязательно буду вам писать! И часто. И Игу заставлю.

Женщины обнялись, а у Игоря защемило сердце.

ДИВЕРТИСМЕНТ

Жизнь никогда не движется равномерно. И даже равноускоренно. Нет, всегда с какими-то рывками – то вперёд, то назад, а то и куда-то в сторону. В природе наверно вообще равномерного движения нет. Это что же, без ускорения, а значит и без сил? Так представляется золотой век и именно поэтому никогда не наступит. Да и может ли он быть для современников?

Возьмите золотой век поэзии. Да там метаний и рывков было столько, что чуть литературу не разорвало. А ускорение развили такое – до сих пор катимся. Сказали бы вы Александру Сергеевичу, что он живёт в золотом веке! Известный был насмешник, тут же и припечатал бы эпиграммой. Но время ему всё-таки досталось на зависть.

И всё же бывают, бывают в жизни периоды, когда ничего, казалось бы, не происходит. Вернее ничего особенного – происходит-то всегда что-то. Может быть, даже и очень важное, но осознаётся потом, когда золотой век остался где-то далеко позади…

Скорее всего, такое затишье наступает после чего-то уж очень бурного. Или, когда ожидания то ли не сбылись, то ли не совсем так. Тогда нужно закатывать рукава и, как говорил вождь всех народов товарищ Сталин: цели ясны, задачи определены – за работу товарищи. Цель уже кажется близкой и тем рубежом, после которого наступит настоящая жизнь. А до неё надо просто дожить.

…С днём защиты Юта его надула – сказала на день позже.

– А я уже инженер! Ага!

– Как?! Когда? А я?

– Тебе бы только смеяться! А я женщина серьёзная! Взяла и защитилась – на отлично!

– Юта! Умница! Но это же не честно! Я тебя прямо там бы и

обнял. И вообще – почему?

– Я тебя стесняюсь. При тебе мне кажется, что я такая дура. А без тебя – ничего.

Так всю жизнь и будет. В свои профессиональные дела она постарается его не вмешивать, только в особых случаях. С одной стороны не хотела, чтобы он растрачивался на её глупости, с другой – главное – стремилась к самостоятельности, опасаясь, что он подавит интеллектом. И только овладев профессией, став сильным инженером, научившись обобщать проблему, стала общаться с ним, заставив уважать себя как специалиста.

Наверно, правильно. Научиться соображать, стать личностью, постоянно пользуясь не своими решениями, не переживая собственные ошибки и находки вряд ли возможно. Кроме того, не оставив за собой какие-то части собственной жизни, можно потеряться и в других. Тогда она станет ему неинтересна.

В полную противоположность, Игорь всегда вовлекал её во все сферы своих размышлений и никогда не действовал без совета с нею. И хотя по принципиальным поворотным моментам жизни и деятельности решение оставалось за ним, но принималось с её обязательным участием.

Ему нужно и важно было именно на ней оттачивать мысли, определения, формулировки, доводя до *понятности* – не только ей, но и себе. Он страшно сердился, если она что-либо не понимала, – значит надо ещё думать. И она старалась вникнуть во все детали, участвуя в развитии мысли и чувствуя свою необходимость. Хотя порой это было ох, как тяжело! Конечно, многое она не понимала, многое – во избежание перегрузки и в целях самосохранения – выходило в другое ухо, но кое-что задерживалось, а что-то и навсегда.

«Банкет» по случаю защиты, с водкой, жареной картошкой и бутербродами с докторской колбасой, был организован в её комнате общежития. Народу набилось человек пятнадцать. Юта попыталась отказаться от сорокоградусной, заявив, что не пьёт эту гадость. Однокашники выразили недоумение, и даже возмущение:

– Как не пьёшь?! А как же ты будешь на стройке работать?

Юта прощалась со студенческой жизнью с некоторой грустью – окончена часть жизни, но и с радостью. От волнения предстоящей самостоятельной жизни и капельки водки похорошела до невозможности. О Господи, когда же они останутся, наконец, вдвоём!

Собрались и у Чикиных. Ира с Витей уже расписались и получили комнату в трёхкомнатной преподавательской квартире с пожилой парой соседей – доцентом-математиком и его некоммуникабельной женой. Так что вести себя надо было тихо, во избежание язвительных замечаний об образе жизни, поведения и мыслях молодого поколения.

Располагалась Чикинская комната в большом «сталинском» доме со скульптурами, изображавшими радость и энтузиазм социалистического труда, всякого рода лепниной, с тугими золотыми колосьями, и другими «архитектурными излишествами», осуждёнными партией после XX съезда.

Планировка квартир в какой-то мере соответствовала помпезной архитектуре. Комнаты были небольшими – у Чикиных около четырнадцати квадратных метров, да и у доцента немногим больше – зато в коридоре можно было ездить на велосипеде. Когда-то квартиры в таких домах давались большим и малым начальникам, которые нет-нет, да и помирали. Наследников «уплотняли», и постепенно просторное жильё превращалось в коммуналку. Причём, площади, заполненные дедушками, бабушками и двумя-тремя коленами детей, коммуналками не считались.

Ох, уж эти коммуналки! Страна предпринимала отчаянные попытки решить пресловутый квартирный вопрос, сильно испортивший людей ещё во времена Булгакова. На поток были поставлены практически одинаковые, без какого-либо намёка на архитектуру, панельно-прямолинейные пятиэтажки, почти сразу же прозванные «хрущёбами». С тесными, неудобными, но отдельными квартирами, так называемыми «секциями». Жильё мерилось не столько комнатами, сколько квадратными метрами. Общая площадь вообще в расчёт не принималась, а только, так

называемая, «жилая». Кухня, ванная, туалет, коридор в расчёт не брались, видимо полагалось, что в них люди не живут, а только справляют свои естественные надобности. И были соответствующих размеров – не повернуться. Но и такое жильё получить было неописуемым счастьем, прошедшим через долгие очереди со скандалами и жалобами в партком.

И всё-таки полностью избавиться от коммуналок так и не удалось. Многие молодые семьи, как Чикины, а потом и они с Ютой, школу «подселения» прошли.

Юту зацеловали, заобнимали с пожеланиями трудовых успехов и счастья в личной жизни. Лёнька не преминул отметить противопоставление трудовой и личной жизни. Стол был почти студенческий, но уже с котлетами – прообраз их будущих застолий. Посочувствовали Вите, который на таких харчах уже в ближайшем будущем неминуемо растолстеет, потеряет воображение и, как следствие, совершенно отупеет.

– Учти, – предупредил Новокотов, безуспешно пытаясь отобрать у Вити котлету, – «satur venter non studet libenter», что мы, переведём как «сытое брюхо к учению глухо». А ты скоро станешь аспирантом. Это мы с Аней уже оконченные люди, а тебе с Игорем учиться не переучиться.

Разговор коснулся главной темы – как дальше быть. Чикины были как-то устроены, Лёнька жил в рабочем общежитии, Нильчевский – дома со всеми удобствами… И только ему с Ютой нельзя было рассчитывать ни на государство, ни на родителей. Шумно решили, что все займутся поисками квартиры.

Однако снять жильё было не так-то просто. Это частное предпринимательство партией не одобрялось – нетрудовые доходы. То есть официально это делать было нельзя под угрозой чудовищного налога, а то и неприятностей по идеологической линии. Но сдавать сдавали – и при развитом социализме спрос определял предложение. Органы смотрели на это не слишком сурово – бомжей при развитом социализме не должно быть в принципе. Кроме того, сдавали комнаты и углы люди небогатые,

без положения в обществе и органам не слишком интересные. Но объявлений с адресами не было даже на заборах. Искали по знакомым, которые что-то слышали и рекомендовали. А хозяева квартиросъёмщиков объявляли родственниками по самым разным линиям – попробуй, проверь!

– Умеет же советская власть создавать дефицит и проблемы! – Игорю эта тема была неприятна, пугали предстоящие поиски, переговоры, торговля. – Неужели не ясно, что человек должен где-то жить? Ну, не можете обеспечить, скажите прямо, народ сам найдёт выход. Нет! Никакого квартирного вопроса у нас нет. Как всегда, только временные и очень отдельные трудности.

– А чем ты недоволен? Отдельными трудностями или советской властью?

– Знаешь, Витя, я давно ушёл от размышлений типа «неужели нельзя наладить движение трамваев?». Трудностей столько, что иначе как системными пороками их трудно определить. Другое дело, что мы не слишком мрачно их преодолеваем. Но в твоём вопросе, насколько я понимаю, провокация на тему: идеология и её осуществление. То есть, недостатки критикуй, но основы не трожь?

– А что, Игорь? Ты против основ? Давай не будем забывать, что конкретно дала нам советская власть.

– Или отобрала?

– Э нет! Так вопрос ставить нельзя. Хоть ты, Игорь, и древний, как исчезнувшая Атлантида, родился всё-таки много позже семнадцатого года. Значит, могла не дать, но никак не отобрать.

– Согласен, хотя разница не столь велика, чтобы её подчёркивать. Так мы быстро придём к широко известному лозунгу: «Всё, что у меня есть, дала партия».

– Ну, в каком-то смысле так и есть. Но не о том речь. Ты задумывался – кем бы ты был, если бы не Октябрьский поворот истории? Именно ты. Хотя все остальные тоже.

– Ты хочешь сказать…

– Да, да. Твой отец вырвался бы из местечка? Наверняка сам бы остался каким-нибудь ремесленником, и ты, с твоими мозгами, был

бы кем-нибудь вроде местечкового «не от мира сего». Уже твой отец воспользовался плодами нашей несвободной свободы. Занялся бы он таблицами в черте оседлости? Кстати, он у тебя гений. Я посмотрел таблицы – самостоятельно и без образования фактически дошёл до матриц. Просто невероятно! Так что, если ты в него, то дойдёшь уж и не знаю до чего. Мыслимо всё это без советской власти? Да и я, наверное, школы бы не окончил.

– История, как известно, сослагательного наклонения не знает, – включился Лёнька, подчёркивая слова короткими взмахами указательного пальца, значительно направленного вверх, – но современность даёт альтернативы. Всё, что нам дала партия есть, и в значительно большей степени, у рядового гражданина загнивающего капитализма. Как же тому быть? Благодарить собственную систему или переходить в передовую, но как-то менее сытую?

– Ну-ну, Лёня. Такое сопоставление некорректно ни с каких позиций. И, кстати, подразумевает сослагательное наклонение. На Западе буржуазные революции произошли на столетия раньше нашей Февральской. И вообще они организовались как государства и народы лет за пятьсот до нас. И до сегодняшнего благосостояния они эти столетия и шли. И совсем не факт, что за каких-то пятьдесят лет мы бы их догнали, даже в самых благоприятных капиталистических условиях. А уж Запад постарался бы таких условий нам не создавать. Законы экономического развития известны. Боюсь, что я бы так и не получил образования, а Игорь ремонтировал бы примусы. Хотя с его руками…

– А для нас, значит, законы не писаны?

– Ещё как писаны! Но другие. И цели другие. Прежде всего, в самые короткие сроки превратить отсталое государство в мощную современную индустриальную державу. Не длительное накопление капитала, а сразу упор на производство средств производства. Да, ценой огромных жертв. Какое тут уж благосостояние… Это потом… А иначе мы могли бы превратиться в колонию, о чём Запад всегда мечтал. Или в сырьевой придаток, что собственно одно и тоже.

– При этом человеку жить, Витя, может быть, было бы и луч-

ше, слава Богу, природа одарила нас несметными богатствами. История даёт даже немало примеров самого настоящего процветания – Египет под греками, Иудея под персами…

– Но ценой национального уничижения и даже уничтожения. Где теперь эти страны? На их месте уже другие и – главное – с совершенно иными людьми. А нам, скажем, по гитлеровским планам предстояло осознать расовую неполноценность. Или ассимилировать, то есть исчезнуть. Нет, Лёня, это не наш путь.

– Мне даже кажется, ребята, – Игорь уже был в блаженстве накала спора – что Владимир Красное Солнышко крестил Русь по православному обряду, прежде всего, определяя национальную самоиндефикацию. В противопоставлении агрессивному Западу. Иначе вряд ли бы осуществилась тысячелетняя Россия.

Юта и Ира откинулись на спинки невысоких стульев и даже потихоньку сняли туфли под столом. Любили девушки эти «умные разговоры» – и слушать и участвовать, несмотря на снисходительные взгляды Лёни.

Юта поняла – сейчас Ига по своей привычке не столько следить за спором, сколько увлекаться мелькнувшей мыслью или словом, уведёт разговор куда-нибудь в особенности крещения Руси и последствий. А ей хотелось развития темы советской власти. Ига как-то непонятно разделял принципы социализма и партию, эти принципы осуществляющую. То есть он не признавал не что, а как это делается здесь и сейчас. И она направила разговор:

– Насколько я понимаю, наш социализм есть попытка осуществления каких-то теоретических построений. А капитализм – нечто естественное, без теорий. В «Капитале» Маркса лишь осознание законов, капитализмом управляющих. Как открытие законов природы. Но, несмотря на марксовы предсказания, капитализм и не думает гибнуть. Посмотрите, как быстро восстановилась Западная Германия. И мне как-то не верится, что мы их обгоним и перегоним.

Витя осознал чувствительный удар, нанесённый Ютой. Но считал себя обязанным защищать строй, которому служил.

– Аня! Да если б не гражданская война, разруха, вторая мировая, мы бы уже чёрт знает, где бы были!

Юта отметила, что и Ига посмотрел на неё с восхищением, как всегда на что-нибудь удачное с её стороны. Это радовало и обижало. Что она глупенькая, что ли? Почему это всегда для него неожиданность? Пусть и приятная. Впрочем, может быть она и неправа. Ига всегда любую мысль, оригинальную, вызывающую у него интерес, встречает с восхищением. Ну, сейчас ринется в бой.

– Чёрт знает это точно. А кто все эти испытания нам устроил? Войну мы выиграли, а проигравшие и даже разгромленные, как отметила Юта, живут почему-то лучше.

– Но мы из отсталой страны в самый короткий срок стали сверхдержавой. Никто не отрицает? И в космосе первые. Дайте срок, наладим и материальную сторону жизни.

– Ну, Россия всегда была сверхдержавой – со времён если не Александра Невского, то с Полтавской битвы точно, – Лёнькин указательный палец не прекращал колебательного движения. – И насчёт отставания… А что, Витенька, не стыдно свою страну называть отсталой? Это, между прочим, твоя родина, сынок.

– Так была же! А мы её сделаем самой передовой.

– Да? – Игорь понимал, что Чикин слегка пародирует партийную фразеологию, но тема уже требовала полной серьёзности. – Только что прозвучал этот страшный хрущёвский лозунг: «Догоним и перегоним Америку!» Раз догоняем, то отстаём и сегодня. Вы невольно по недомыслию констатируете отсталость, несмотря на то, что «…делаем ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей».

– Кто это «вы»? Игорь, ты переходишь на уважительную форму обращения?

– Коммунисты, Витя, большевики. Единственная партия в стране, руководящая и направляющая сила эпохи. И ты хоть и подтруниваешь, но представляешь именно её и не только в данном споре. Так отвечай.

– И отвечу. Что плохого в этом лозунге? Обозначает цель. И ближайшую.

– Но, значит, сегодня и вчера мы отсталые? То есть так было всегда?

– Ещё Пётр Первый брал нас за бороду, – Лёня комично обхватил подбородок пальцами, – и поворачивал на запад. А до него и Василий Третий и Иван Васильевич в ту сторону очень даже поглядывали. Так до сих пор и не вышло? И где уверенность, что выйдет? Тем более, что не Ахилл гонится за черепахой, а, кажется, совсем наоборот. Игорь уже говорил о системных пороках.

– Да даже не в этом дело, Лёня. Витя устраивается при будущем, как довольно урчащий пёс – пардон, Виктор Иванович! – на берцовой коровьей кости. Но если догоняем, то идём одной дорогой? Что ж мы так отстали, что никак не догоним? Или до революции был не наш народ? Может, мы такие ущербные? Да понимаешь ли ты, что таким лозунгом нам прививают комплекс национальной неполноценности? Даже страшно подумать к чему это может привести.

– Ты знаешь, я с этой стороны как-то и не смотрел… Но нас столько свалилось… Монголы, татары, литовцы, ляхи, французы… Я уж не говорю о событиях новейшей истории…

– А что, на других не валилось, что ли? А развал Римской империи? Что Италия нищая? А всякие столетние и тридцатилетние войны? А Алые и Белые розы? У каждого народа история не простая, тут баловней практически нет. И каждый идёт своим путём, а не догоняет-перегоняет. Что Япония, потерпев такое сокрушительное поражение, да с атомными бомбардировками, догоняла Америку? Почувствовала себя народом-комплексантом? Отказалась от своей культуры? Нет! Работала, стиснув зубы, и не пьянствовала. Жила и живёт в полном самоуважении.

– Ладно, ребята, – Юта решила, что спор зашёл слишком далеко, – ну не такие мы, как все. Загадочные мы славянские души. Зато отношения у нас человеческие.

– А вот это действительно заслуга советской власти! – в возбуждении Игорь повысил голос, но Ира приложила палец к губам. – За полсотни лет мы становимся совершенно новой общностью, если хотите даже нацией – советской. С нашей искренней дружбой, чего на западе, судя по их книгам, нет и в помине. Обычная для них картина: «О, да! Мы с ним дружили. Очень. Ездили на уик-энды, жарили стейки…». «А где он сейчас?». «Совершенно не представляю.

У него какие-то проблемы возникли лет пять назад…». Обратите внимание – «какие-то»! Как друг ты нам нужен без проблем, а если появились, то решай сам. Не решишь, так и катись, у нас своих хватает. А разве мы пройдём мимо бед друг друга? Нас даже на помощь звать не надо, сами придём.

– Но это вообще свойство русского! Мы всегда стремились к общине. Во всяком случае, крестьянство. Советская власть лишь создаёт условия реализации социалистического общежития. Наши лозунги: человек человеку друг, товарищ и брат. Их – волк. И всегда так было в исторической обозримости.

– Не скажи, Витя! А Д'Артаньян с тремя мушкетёрами? А один за всех и все за одного?

– Согласен с Игорем. – Лёня задумался. – Современный менталитет результат воспитания и прежде всего господствующей системой. Для сравнения – трансформация мышления русских эмигрантов. Недавно прочитал интервью с одной русской венесуэлкой, писательницей, уехавшей ещё в двадцатые годы. Выразила недоумение русскими сказками: «Ну, где вы видели, чтобы курочка помогала кошке тушить пожар?! Да пусть горит, она скорее радоваться должна». И сама написала сказку о зайце, у которого то волки съедают семью, то наводнение разрушает нору, то землетрясение, но каждый раз заяц строит новое жилище и снова устраивает жизнь. Сам! Ему и в голову не приходит к кому-то обратиться и сообща что-то делать. Как и кому-то помочь. А ты говоришь, русское самосознание.

– Так что, наша дружба явление советское?

– В значительной степени. Но с русскими корнями, пусть и с партийным интернационализмом, – некоторое смущение Чикина Игоря радовало. – Мы уже не только русские, но и советские. С нашим нищенским, но всё-таки равенством. И, как нам кажется, открывающимися возможностями для личности. Но, согласитесь, сетовать на настоящее, хотя бы из-за того же будущего, – прерогатива интеллигенции. Зачем же делать вид, что всё в порядке, если нам с Ютой жить негде?

– Но ты же сам уверен, что всё будет в порядке. А чёртовы

бытовые мелочи… Выноси и терпи – ты же стоик.

– А я что делаю? Но эти недиалектические противоречия между великим грядущим и довольно жалким трамплином настоящего, смущают. Как ты думаешь, оправдались надежды наших отцов и дедов? Им пресловутые отклонения от ленинских норм вышли очень даже боком. Если не убили, то искалечили наверняка.

– В конце концов, будущее – вопрос веры, – неожиданно перевёл разговор Лёня, – причём именно в религиозном смысле. Но вера – вопрос догматов и символов.

– Ни в коем случае! – Игорь вновь повысил голос, но спохватился. – Это атрибутика. Сущность – во что верить. И тут два начала. Верить в Бога, в Христа или в человечество. Нам, воспитанным на оголтелом атеизме, с внушалками о церковном мракобесии и тому подобном, к религии, как культуре веры, прийти трудно. Но к Вере можно. То есть, что мы «отдав концы, не умираем насовсем». Что жизнь не бессмысленна и имеет бесконечное продолжение.

– А наука, – заволновался Витя, – совмещается с верой? Что-то я не видел верующих учёных.

– Так они тебе и скажут в наше время. Нет, не вижу противоречий. Бог даровал свободу воли, а значит, и исследовать его творение. Что плохого, если учёный не будет делать гадости хотя бы из-за страха перед бессмертием? Признайтесь, разве не все мы верим в высшие силы? Разве с детства не преследует нас страх нечеловеческого возмездия? И надежда на поощрение и вечное блаженство?

– Но мировоззрение есть суть метода исследований, – вмешалась подкованная на философских семинарах Ира, – и совсем не всё равно для результата, во что мы верим.

– И я об этом же. Но во что-то же верить мы должны. Дело же в принципе, а не в системе верований. В церкви меня смущает только одно – единообразие. Прежде всего, в прочтении Библии. А ведь это поэзия! Её можно и нужно толковать по собственному коду.

– Мы отвлеклись, – махнул Лёня, – вернёмся к альтернативе, к человечеству. Разве вера в него не обнадёживает? Вечность человечества – вечность индивидуума.

– А если оно себя атомными да водородными? Или каким-нибудь километровым метеоритом шарахнет? А если серьёзно, тут мы подходим к Витиным основам, то марксизм нам это и предлагает – всем следовать правильным единым курсом и всем будет хорошо. Но в этом случае только кнут, а пряники какие-то не сладкие.

– Чем плохо, если всем будет хорошо? Правда, представить себе это сложновато…

– Мне кажется, Лёня, что в марксизме есть концептуальная неувязка – детерминизм. Определённая причина вызывает определённое следствие. Хорошая причина – хорошее следствие. А если нет, то тем хуже для следствия. Здесь именно мировоззренческий пробел, ведущий к однозначности и примитивности мышления. Если познание бесконечно, то и причин мы никогда знать полностью не можем. И при этом полагаться на человечество? С принципиальной непостигаемостью человеческой натуры?

– Мальчики, ну это уже чересчур! – Юта решительно встала. – Мы меня пришли поздравлять или рассуждать? Я танцевать хочу!

Они подали заявление в ЗАГС. Событие прошло достаточно буднично, но на выходе Юта взгрустнула. Как-то теперь будет? И он в преддверии непривычных забот тоже был встревожен. Но вскоре радость жизни и переполнявший их оптимизм взяли верх, и они уже не могли без улыбки и смеха смотреть друг на друга. В «Театральном кафе» заказали бутылку терпкой «Гамзы» и предались мечтам о предстоящем светлом и безоблачном будущем.

Решили: Игорь пойдёт на лыжах в Карпаты, – Юта настояла категорически, – а она будет искать квартиру. Кое-какие адреса друзья уже добыли.

Где-то в глубине души он понимал, что, скорее всего, это последний зимний поход. Только у студентов каникулы два раза в году. Да и собираться с друзьями будет всё труднее. Вот и сейчас Чикин и Лёня Новокотов остались дома – работа.

И подспудное прощание с детским вольным обращением со временем, и чёрно-белая графика мягкой карпатской зимы, и смутные очертания невысоких гор с округлыми вершинами,

окрасили путешествие в лёгкую грусть среди радости движения и по-импрессионистски размытых картин зимнего хвойного леса. В вечной памяти остались могучие ели и крупные тихие хлопья снега, всё пространство превращавшие в колеблемый пунктир. Снега было много, очень много. И шёл, и шёл, и шёл… Казалось, что деревья еле живы под натиском неживой белой стихии. Под тяжестью лапы елей обречённо склонялись, лишь время от времени бесшумно сбрасывая белый гнёт.

«Тяжёлый снег налип на лапы ели, и влажной массой долу гнёт и гнёт…».

Лыжню били по очереди и, когда Игорь оказывался в хвосте цепочки после ударной десятиминутки впереди, фигурки ребят на склонах становились маленькими, нереальными и даже сказочными. Как будто искали что-то живое среди безбрежной белой смерти.

Но к вечеру жизнь отыскивалась. Очередное село встречало певучим украинским говором и неизменной детской просьбой на околице:

– Лыжна маста е?

В этом краю, где без лыж и шага не ступишь, лыжная мазь, конечно же, была острым дефицитом. Впрочем, как и многое другое. Чем могли делились, а в конце радостным ребятишкам в цветастых гуцульских нарядах отдали всю оставшуюся.

По вечерам в хатах слышалась тихая лирика украинских *писэнь*. Девушки выводили старательно и самозабвенно:

Вьеться наче змийка неспокийна ричка,
Тулыться блызенько до пиднижья гир,
А на тому боци, там живэ Маричка,
В хати що сховалась у зэлэний бир…

Господи, как там, Юта…

Из дневника Юты: *«Я работаю! Довольно большой проектный отдел треста. При приёме воспользовалась советом Иги. Он посмотрел на меня как-то отстранённо и сказал: «Юта! Ты везде сможешь работать. Ты умница и способна учиться. Но, мне кажется,*

конструкторская работа не для тебя. Это вообще не женское дело и с твоей тщательностью и обязательностью только засушишь себе мозги. А вот организация производства – твоё! Иди в проектировщики производства работ. Уверен – не соскучишься. А зарплата везде одна…».

В моей комнате четыре комбайна, к своему приходится протискиваться. Рядом оказалась Люся Дольская, жена Игиного одноклассника. Чувствую, подружимся.

Для начала дали простенькую опалубку под монолитный фундамент. Страшновато, всерьёз же, не курсовой. Люся успокаивает – и не такие котлованы рыли. Начальник от меня не отходит – не доверяет или присматривается? Надо приобретать специальную литературу».

«Кажется, нашла квартиру. Если можно так назвать бывшее подсобное помещение. В большом дворе пристройка к дому – комнатка два на три метра с глухим окошком во двор и крохотная, метр двадцать на два прихожая, она же кухня с газовой двухкомфоркой. Вода есть, но без канализации. Можно выплёскивать прямо во двор. Удобства, естественно, в дальнем углу двора. Зато отдельный вход и никаких соседей. Ига согласится? Как он здесь поместится? Кровать, с панцирной сеткой без спинок, на дальней стороне в распор между стенами. Ну, хоть подушки не будут падать».

«Хозяйка, очень пожилая одесситка Марья Савельевна, провела со мной ознакомительную беседу. Первый её вопрос с характерным анекдотическим акцентом, после знакомства и общих слов ошеломил:

– И кто вас в городе знает?

Я уже приготовилась перечислить пару десятков имён, когда смысл вопроса до меня дошел, и я сослалась на незнакомую мне рекомендательницу. Марья Савельевна пожевала губами и решила ещё кое-что уточнить.

– Так ваш муж еврей?

– Да.

– А вы русская?

– Да.

– Ну, что, русские не люди… – вздохнула Марья Савельевна. На том и порешили – племянником будет Ига».

Юта, волнуясь, ввела Игоря в их хату и он тут же уронил её на кровать, но она, как всегда, умело ускользнула.

– Ига! Это наша постель и всегда будет только нашей. И учти, валяться на ней в верхней одежде – ни за что! В угол поставлю. Если найду свободный. Ну, хоть скажи – как?

– Лучше, Юта, не бывает! Да ещё в центре города. Неужели мы сами? С ума сойти!

Если честно сказать, свадьбы как таковой не было. Не было белого подвенечного платья, фаты и чёрного элегантного костюма. Не было не только свадебного кортежа, но даже и элементарного такси. Просто, после ЗАГСа все отправились, благо недалеко, в их крохотную пристройку. Как-то разместились – двенадцать человек на шести квадратных метрах! – и веселились и разговаривали до глубокой ночи. Вначале покричали «Горько!», отметили доморощенную технику целования и обязали срочно пройти курс молодожёнов. Обещали даже снабдить соответствующей литературой. Но после шампанского и первой трёхлитровой бутыли «Гамзы» первоначальная тема студенческой пирушки вспоминалась лишь изредка, и пошли стихи, песни, споры и разговоры, разговоры, разговоры…

Игорь всю жизнь считал, что лучше их свадьбы на свете никогда не было и не будет. Более или менее пышные свадьбы, на которых он бывал, иногда и в качестве участника – свидетеля, казались ему скучными и глупыми. Он искренне жалел жениха с невестой, вынужденных быть на виду, целоваться при всех, и обязанных чувствовать себя счастливыми.

Но у Юты осталось довольно стойкое чувство неудовлетворённости. Нет, она не обвиняла его – и денег не было, и негде, и никто им свадьбу устраивать не собирался… Она и сама не знала, чего бы ей такого хотелось в создавшихся условиях, но девичьи мечты о свадебном платье, марше Мендельсона и собственном торжестве, долго её не отпускали. Вплоть до серебряной, кото-

рую они устроили по всем законам жанра – и с музыкой, и с цветами, и с платьем, и в ресторане… А после, дома, она надела то самое голубое из тафты платье, в котором цвела двадцать пять лет назад: «Смотри! А я нисколько не изменилась!».

Семейная жизнь началась. Но долго ещё, до самого рождения первенца, да и после, студенческий дух не только не выветривался, но даже и укреплялся. Не то, чтобы их дом был совершенно открыт – они слишком дорожили выстраданным уединением, – но друзья заходили и собирались часто – по поводу и без.

Прежде всего, на радость Юте, Игорь построил, вспомнив папин шкаф в спальне, из четырёх деревянных стоек сооружение, получившее гордое название «гардероб». Сооружение имело нижнюю и верхнюю полки и занавесилось цветастым штапелем. Весь их нехитрый скарб был приведён в порядок и получил постоянное место.

Юта мгновенно обжила крохотное пространство – появились какие-то занавески, тряпки, картинки и даже кукла – и в доме навсегда поселился уют.

Господи, как они были счастливы! Всю жизнь им хорошо вдвоём, но тогда…

Как часто пожилые, и даже не очень, а то и вообще двадцатипятилетние, вспоминают молодость с продолжительными вздохами – морозы были крепче, и вода прозрачней, и даже циклоны солнце несли… А как дружили мы! И как же любили! А сейчас… Да что там говорить!

Нет, дорогие товарищи, позвольте не согласится. Значит, вам не слишком удалось начало, хоть вы его и вспоминаете совершенно безоблачным. Хочется на что-то опереться? Отбрасываете всякие нехорошие детали и нестыковки? А может быть, потом и вся жизнь не туда пошла? Конечно, бывают и в пути поломки на самом ровном месте… Но истоки, как советуют психоаналитики, ищите там, там, в самом начале.

А им с Ютой начало удалось! Да и не могло не удаться. И вспоминать они будут как самое счастливое время. Лучше – только

настоящее. А ещё лучше – будущее.

– Юта, я тебе буду помогать во всём!

– А чего мне помогать? У тебя жена, слава Богу, не калека. Давай лучше распределим обязанности, и каждый займётся своим делом. А помогать… Это уже в крайнем случае.

Вскоре в их идиллию начали вкрадываться некоторые неизбежные шероховатости.

Выявилось, что он не аккуратен и не обязателен – одежду разбрасывал, дела откладывал ради разговоров и ласк. Но для борьбы с этими «негативными явлениями», Юта применила оригинальный и очень действенный метод – молча убирала и клала на место его вещи, при малейшем промедлении сама мыла посуду, выносила воду и мусор. Пару раз, покраснев, он понял, что наказание неотвратимо и навсегда отказался от холостяцких привычек.

Это её свойство всю жизнь будет и восхищать и раздражать. Дело – прежде всего. Даже ради любви посуда не останется немытой. А момент можно и упустить… Впрочем, не упускали.

Очень смущали Юту его бесшабашность и «закидоны». Мог, например, не предупредив, заиграться в общежитии в преферанс часов до двух ночи и радостно ей сообщить:

– Представляешь? Три рубля выиграл!

– Ига, но я же волнуюсь! Тебя нет и нет. Что мне думать? Где тебя искать?

– Юточка, ну зачем тебе волноваться! Не спишь. Синяки под глазами будут. Ну, что со мной может случиться? Разве что проиграю… Ну, ладно, ладно, умница, я больше так не буду…

Стеснялся нести «дамскую сумку» из магазина.

– Тебя, Юта, с удовольствием. Но дамскую сумку… Ты уж приобрети что-нибудь нейтральное…

Выяснилось, что он ярко выраженная сова, а она жаворонок. Как бы рано не вставать – всегдашняя его проблема, – читал до часа, а то и позже, и очень любил это делать лёжа.

– Читай, читай, Ига, мне свет не мешает.

Но, нет, мешал и сильно. Он быстро стал распознавать, когда

она притворяется что спит. Выход был найден – выходил в предбанник и примащивался на крохотной табуретке.

А Юта-то – дочь повара! – оказывается не умела готовить! Её первые, необыкновенно вкусные котлеты, разваливались буквально на глазах. Но зато как она резала овощи! Песня! Кончик ножа упирался в дощечку, пальчики левой руки крепко держали и продвигали разрезанную вдоль морковку и быстро-быстро отступали на какие-то миллиметры в такт гармоническим колебаниям острого лезвия. Подруги и жёны друзей ахали и просили научить, да только разве этому волшебству научишься?

Вскоре Ютина кухня стала приобретать индивидуальные, ни на кого не похожие, черты. Основной принцип: быстрота приготовления – не любила Юта долгих блюд. Ну, и предпочтения – натуральные продукты. Полуфабрикаты так и не прижились в их доме, скажем, готовые пельмени. И чтобы ничего не пропадало!

Не пропадало… Нет, Юту нельзя было назвать скупой, но она никак не могла допустить нерациональное расходование продуктов. Тонко чистила овощи, рассчитывала количество необходимого.

Предпочитала, Юта, приготовление нескольких блюд разом. Короче, с самого начала торжествовала и диктовала меню организация дела. Он быстро привык к ее кухне и никогда не променял бы её стол ни на какие рестораны. Хотя и любил потеоретизировать о современных взглядах на правильное питание. Юта, конечно, слушала и даже соглашалась, но доверяла только «Книге о вкусной и здоровой пище» и своему феноменальному чутью.

Стали формироваться их собственный язык и некоторые ритуалы.

Прежде всего, слово «дом» приобрело значение не столько места обитания, сколько некоего объединяющего начала, даже места счастья. Они всю жизнь стремились домой, к себе, и, казалось, если бы можно, то просто бы не выходили. Дом был существом одушевлённым, имеющим свои привычки и желания – любил тишину, не любил

хлопанья дверями, с удовольствием выпроваживал гостей. При сильных степных ветрах, налетавших на город, кряхтел и напевал какие-то мелодии. Надолго оставшись один, становился угрюмым.

Это отношение к *дому*, вернее *взаимоотношения*, они сохранили на всю жизнь, ко всем их немногочисленным жилищам.

Несмотря ни на какие призывы – ешь, ешь, я сейчас – он никогда не начинал есть, пока она не сядет. Это правило потом передал детям и внукам и всегда строго следил за исполнением.

– Но почему, Ига? Ты заставляешь меня торопиться. Ты же ждёшь и нервничаешь, особенно когда опаздываешь.

– Юта, ты готовишь и красиво на тарелке выкладываешь. И это замечательно! Я всегда у тебя в гостях. Но если я буду сам есть, то ты будешь подавать. А вот это уже совершенно неприемлемо. Ты моя хозяюшка, а не прислуга.

Юта всегда заставляла его отворачиваться, когда раздевалась и никогда не позволяла себе быть перед ним полуголой – как бы сохраняя тайну своего тела, которую он должен был ежедневно разгадывать. Да и обычное женское бельё, которое было у Юты в те времена, не отличалось изяществом. Свет должен был выключаться – ей не нужно было видеть, только ощущать. Правда, любовь частенько случалась и днём, тогда она зажмуривалась…

Но какая семья без детей! И вопрос решительно встал.

Юта, конечно, очень хотела ребёнка, но сомневалась.

– Ига, может быть подождём? Нам здесь хорошо, но с сыном на шести квадратных метрах?

– Во-первых, не с сыном, а с дочкой. Зачем мне мальчик, я сам мальчик. Мне девочка нужна. Я ей буду косы заплетать и баловать. А нас, мерзавцев, разве можно баловать? А во-вторых… Юта, дети могли бы и подождать, но ты ждать никак не можешь.

– Это почему же?

– Против природы не попрёшь. Женщина должна рожать, во всяком случае в первый раз, в семнадцать-восемнадцать лет. А тебе уже, старушка, двадцать два. Если откладывать, то минимум на пять-шесть лет, а там, глядишь, и позже. И что тогда? Женские

проблемы? Сохранения, всякие кесаревы сечения… Ни за что! Нам нужны здоровые жёны и дети!

– Но рожают же и в тридцать и даже в сорок.

– Ну и что хорошего? Только и знают носиться по больницам. Нет, Юточка, природа и я возложили на тебя некие функции, так что будь добра. И признайся, тебе же самой очень хочется девочку?

– Мальчика. Зачем мне девочка, я сама… Может ты и прав. К тому времени и ты уже закончишь… И, как молодым специалистам, должны же нам дать квартиру.

– Вот и умница! А проблемы будем решать по мере их поступления. Есть, правда одна проблемка… Во мне.

– Что-о? Это какая же? Это у меня проблемы как тебя, ненасытного…

– Да нет, я не о том. Понимаешь, есть ежегодные кривые ЮНЕСКО по рождаемости. Частота рождения детей по возрасту отца и матери. Пик по этим гауссеанам для женщин, кажется, двадцать-двадцать три года, а для мужчин двадцать четыре-двадцать семь.

– Ну и что? Мы в эти вилки вполне укладываемся.

– Ну да, ну да… Но один исследователь провёл статистику по рождению талантливых детей, утверждённых, так сказать, историей. Разброс у него велик – отцу Наполеона, например, было восемнадцать лет, а Бальзака чуть ли не шестьдесят семь. И получил очень интересный результат. Женская кривая полностью совпала с кривой ЮНЕСКО. А вот мужская дала резкий крен вправо – тридцать восемь лет.

– То есть от женщины ничего не зависит, что ли?

– Получается, что так. И вот тебе пища для размышлений – моим родителям было именно тридцать восемь, когда я родился.

– Ну, ты от скромности не умрёшь!

– И не собираюсь. Ладно, рожай давай быстрей. Девочка должна быть прежде всего красивой, вот в чём главный талант. А со вторым можем и подождать.

– А у нас будет и второй?

– А как же! Иначе мы не восполним естественную убыль на-

селения. Гражданский долг!

И было решено.

Между тем интеллектуальная жизнь на новом месте стала приобретать новые формы. От разговоров пора было переходить к делу. Хотелось подержать в руках что-то вещественное.

Как-то Лёня привёл в дом Мишу Червонского, не слишком сообразительного, но очень энергичного ассистента кафедры химии. И тот тут же вовлёк компанию в КВН, в студенческий театр миниатюр и даже в областной театр. Писать сценарии им страшно понравилось, особенно сам процесс, сопровождавшийся хохотом и бурным остроумием. Это была настоящая проба пера, попытка приложить знания литературы и науки. Иногда выходило удачно. Чаще понятное им не было доступно в полной мере зрителям, но требования к самодеятельности были невысоки.

Игорь очень гордился своей знаменитой шуткой на разминке межфакультетского КВНа. Его команда спела выходную песню соперника – что это значит? Противник, конечно, отвечал, что их песня так прекрасна, что… и так далее. Но заготовленный ответ вызвал взрыв смеха: «Ваша песенка спета!».

Вершиной, да, пожалуй, и финалом этой бурной деятельности, стал капустник для областного драмтеатра, почти официально заказанный через Червонского. По всеобщему признанию вышло очень даже удачно.

ПЕРЕПИСКА С НОВОРОЖДЁННЫМ СЫНОМ

Большие, а то и поворотные, события осознаются не сразу. Это потом разделяют время на «до» и «после». Одно дело ожидание, совсем другое – свершение. И почти всегда не совпадают. Ждёшь, скажем, награды или хотя бы похвалы за хорошую разработку новой конструктивной формы с блеском изобретательности и остроумия, а натыкаешься на какие-то дурацкие замечания по поводу техники безопасности или способов окраски.

Или пишешь, отражая себя и своё неповторимое время и, кажется, даже что-то удалось, а тебя хвалят за язык, деталь, поэтичность, но к чему ты всё это написал, *замысел*, так и остаётся неясным.

Но даже когда результат, особенно долгожданный, и совпадает с ожиданиями, испытываешь порой просто опустошающее разочарование – событие кажется не таким уж большим, а то и просто крохотным. И это всё? И ради этого стоило… И только потом, когда всё устоится и успокоится и ты поймёшь, если ещё будешь жив, и другие оценят, так сказать, по достоинству, что-то вроде гордости и охватит, но те первые ожидания уже ушли и радость потерялась навсегда.

Может быть, всё дело в свершении, которое никогда не бывает совершенным? Ну-ка представить себе то, что представить себе никак нельзя, – *совершенное произведение*. Не возгласы восхищения, которыми грешат восторженные поклонники, а именно некий идеал. Искусство тут же и кончилось бы – куда идти, если цель достигнута. Нет, реальный язык и – больше – жизнь, созданные совсем не для стихов, никогда этого не допустят – и слава Богу. Бесконечно приближаться – пожалуйста, но достигнуть? Даже если предел и виден, как горизонт в ясную погоду – рукой подать, идти к нему можно всю жизнь, да и не только свою.

Вот в пустоте между зубцами вилки «ожидание-результат» и существуют всякие оценки как в ту, так и в другую стороны.

Но, иногда бывают и такие свершения, что сколько бы ни ждал, ни готовился, ни клал надежд, оказываются куда больше, объёмнее и значимей самых радужных ожиданий. В конце концов, любое, самое безграничное, воображение всё-таки ограничено.

Может быть, ради таких моментов и стоит жить?

…Мальчик родился через десять месяцев после свадьбы. Юта уехала рожать к маме на все четыре месяца – «декретный отпуск» – так что таинство проходило без Игоря. На долгие месяцы он вновь перебрался в общежитие, где и застала телеграмма: «*папочка я родился четыре триста весел здоров умею плакать кричать своё удовольствие митя*».

Папочка… Итак, отец…

Игорь вдруг вспомнил переживания Левина из «Анны Карениной». И, прежде всего, почему-то ненависть к рождающемуся ребёнку из сцены родов Кити, сцены, не имеющей себе равных в мировой литературе. От ненависти до любви Левин сделал не один шаг, но полюбил, полюбил, сохранив и приумножив любовь. От любви к вере…

Впрочем, эта литературная ассоциация показалась Игорю поверхностной, особого отношения к нему не имеющая. Он не Левин, да и времена совсем другие. И всё-таки есть что-то вечное не только в таинстве зарождения жизни, которая, как отметил тот же Левин, будет сама плодить жизнь, но и в переживаемых чувствах, пока человек остаётся человеком.

Конечно, он ждал со дня на день. Ужасно волновался. Но не столько за Юту и даже не за ребёнка – то ли по легкомыслию, то ли по совершенно детскому оптимизму, но опасности родов просто не сознавал. И собственно роды Кити даже не вспоминал. Юта безусловно справится, да и Александра Александровна там. Вот только больно будет Юте… Несправедлива всё-таки природа – даже части боли на себя взять невозможно. Многочисленные поздравители с бутылками считали, что он должен крепко выпить, чтобы ей там

легче было. Надо полагать Юте стало легко до невесомости…

Нет, волновало его, прежде всего, новое качество. Отец! Что это значит? Что он должен чувствовать?

Ещё в детстве, когда пришло сообщение о смерти дяди Володи, которого почти не знал – он раза два приезжал коротко, но в памяти не было даже лица, только чёрный костюм и белоснежная рубашка. Да и слово «дядя» принадлежало и другим взрослым, ничем не выделяясь. Но Игорь был уже не маленьким и понимал, что должен испытывать большое горе. А мысли как назло разбегались и даже обращались к торжеству недавней победы в лянгу. Может быть, он бесчувственный? Мама плачет, папа угрюм и молчалив… А он? Много позже понял – восьмилетний мальчик вряд ли может осознать смерть почти незнакомого человека, да ещё происшедшую где-то вдалеке. Но какой-то комплекс остался – так ли он чувствует горе и радость? И как это должно происходить и проявляться?

Сейчас ему казалось, что должен быть безмерно счастлив. Видимо, так и было. Но к переполнявшей радости примешивалась какая-то тревога. Страх превращения? Теперь всё должно быть не так как прежде? И он должен стать другим? И Юта? Степенными и серьёзными? Ему страшно захотелось отложить заботы на будущее. Когда ещё Юта вернётся… Нет, нет, надо что-то делать сразу, сейчас! Но что?

И всё-таки главное почувствовал – где-то уже плачет и кричит жизнь, рождённая им. Он вдруг ощутил бессмертие. Когда-нибудь его не станет, а сын будет! С его фамилией и всем тем, что он ему передаст. А отдаст всё! И всё что можно сделает. И невозможное! У них с Ютой теперь есть родное, принадлежащее только им. Как там говорят – кровиночка? Нет, отцом он уже стал.

Как там Юта? Господи, лежит на больничных простынях, вся в крови, одинокая… Держись, умница, у нас Митька! Мы теперь себе не принадлежим!

Из дневника Юты: *«Уже принесли бумагу и хоть пару слов. Потом перенесу в дневник.*

По-моему, сразу я себя мамой не почувствовала. Как будто всё это происходит не со мной. Я ведь слышала, знала, как это всё должно происходить, вот и происходит.

Больно было ужасно. А потом как-то сразу всё. Когда Митеньку показали, я даже ничего не разглядела. Господи, этот комочек мой? От меня?

И только когда принесли кормить, я вдруг почувствовала какую-то необыкновенную нежность. Я смотрю как он, как галчонок, разевает рот, как сосредоточенно и серьёзно сосёт грудь, потом умиротворённо сопит, тихонечко лежит, а то и дремлет. Мне кажется, что он хочет мне что-то сказать, да пока не может. А может быть, это я не могу понять?

Вдруг он сморщит губки как старичок, глазёнки не видят, смотрят как будто в себя, в какой-то ещё свой мир. Кажется, он что-то начинает понимать. А то вдруг покрутит головкой, как будто ищет свою маму. Господи, какой мой Митенька ещё маленький! И милый!

Почему я так боялась, что у меня не будет молока? Ещё сколько! Даже приходится сцеживать между кормлениями. А молоко всё прибывает и прибывает. Ига, когда провожал, чуть ли не рассердился: «Ты что! Как это не будет?! Ты будешь кормить нашего ребёнка грудью до шестнадцати лет, пока паспорт не получит! Ты знаешь, что в материнском молоке есть всё, что нужно? А что можно взять из этих бутылочек? Даже думать не смей! Будет у тебя молоко. И на двойню хватит».

Как Митя похож на Игу! Одно лицо. Только волосы мои. Ну, ещё посветлеют. А кудрявятся уже сейчас».

Между тем, жизнь продолжалась. Если иметь ввиду ежедневные подробности. Удивительное свойство времени! У тебя даже сын может родиться, а оно делает вид, что ничего не произошло. Всё та же улица, те же лица… Или нет? Мир не может быть тем же и, конечно, меняется. Но в чём? Прежде всего, наверное, в свете Солнца. Во-первых, совершенно безоблачно, а во-вторых, фотоны бьются о Землю значительно мягче, даже бережно. Ну да, наши глазки ещё крохотные, нам ещё надо привыкнуть к земному свету и тьме…

Наконец произошло долгожданное и важное событие может быть не столь судьбоносное, но безусловно поворотное. Игорь защитил диплом. Именно защитил, ибо нападки были.

Тему и договор через СПКБ они с Тиуновым раздобыли на крупном металлургическом комплексе, построенном ещё в первую пятилетку. Как торжественно заявил пожилой директор, с богатой орденской планкой на груди: «Мы запустили завод с Серго Орджоникидзе!». Игорь не удержался и заметил, что запустили довольно основательно. Директор оказался с юмором, а Васька не понял и кулак на всякий случай показал.

Прожекторский по небольшому размышлению тему одобрил, но с оговорками:

– Понимаете, Игорь Александрович, дипломный проект по установившейся традиции должен отражать все специальные предметы в установленном объёме. Вы выполняете необычный, может быть даже первый в нашей истории, реальный проект. С консультантами будут проблемы. И при защите… Особенно смущает архитектура и экономика. Эти части проекта несколько урезаны. Да и к тематике нужно привыкнуть… Вас учили проектировать новые конструкции, а об обеспечении надёжности и долговечности существующих задумались пока только мы с вами. Но если многое построено почти одновременно, в годы первых пятилеток, то и разрушаться будут в одночасье… Ладно. Прорвёмся?

– С вашей помощью, Яков Михайлович…

– А вот насчёт этого поосторожнее. Ссылаться на меня рекомендую только в крайнем случае. Народ, знаете ли, не любит, когда его давят авторитетами. Пробуйте отбиваться сами, но если что приходите. Вам здесь работать, ставьте себя с самого начала.

По прошествии лет, уже после безвременной кончины Прожекторского, Игорь много размышлял – кем был для него Яков Михайлович? Что дал? Поставил его как ученого и инженера? Безусловно. Но важнее всё-таки взгляд. На жизнь. И на науку.

Главной сквозной чертой характера Прожекторского был здравый смысл. Как Игорь потом убедился, большая редкость в

научном мире. Не здравый смысл обывателя, не предрассудки, многократно осмеянные новаторами и стилягами, но подход, основанный на обширных знаниях и не только по своему предмету. Подход, сохраняющий изрядную долю консерватизма при открытости к новому.

Яков Михайлович не делал людей «под себя», не приближал к какому-то образу, но старался разглядеть индивидуальные склонности и способности и учил – собственным примером – мышлению. Никогда не настаивал на превосходстве, предоставляя ученику самому приходить к нужному выводу и чувствовать себя на равных.

– Конечно, я могу сказать вам, Игорь Александрович, что и как делать, – часто повторял пан профессор, – а уж навязать своё мнение пара пустяков. Но человек, действующий по чужому сценарию, мало производителен, а потом и мало эффективен. Выбор и принятие решений должны быть самостоятельными, – Прожекторский хитро прищуривался, – даже если это иллюзия.

Откуда эта высокая интеллигентность у выходца из очень простой рабочей семьи? Из забытого Богом крохотного забайкальского городка? Врождённое? Нет, это не объяснение… Кстати, неинтеллигентское происхождение сказывалось и читалось, особенно в нерабочей обстановке. Прожекторский много читал и это чувствовалось. И всё-таки речь не отличалась богатой лексикой и образностью. Не прочтённое вовремя сказывается. Были и неправильные ударения – в книгах же ударений не ставят, а «светского» общества в детстве не имел, да и потом… Одевался серенько и к разнообразию не стремился. Смена костюма становилась не только кафедральным, но и всеинститутским событием. Физическая культура тоже обошла его стороной – движения были неточны и неуверенны.

Но все эти мелочи почти не отражались на профессии и отношении к людям. Стоило послушать лекции! *Мысль* сквозила в каждом слове и жесте. Между прочим, многие, в том числе и люди официальные, считали, что лекции Яков Михайлович читает плохо – экает, бекает, часто задумывается и даже запутывается.

Незабываемая картинка: Яков Михайлович недоумённо смотрит на только что выведенную формулу оптимальной высоты двутавровой балки. В левой опущенной руке влажная тряпка, во взметнувшейся правой застыл огромный кусок мела. «Так, так… Это что же мы с вами натворили? Откуда здесь в знаменателе лямбда? А вы куда смотрите? Вот, смотрите…». Левая рука энергично заработала, а правая торжественно и красиво выписала некоторое совершенство.

Ход рассуждения навсегда остался в памяти.

Нет, господа! Мысль, явленная живьём, при вас, требует не только понимания, но и сочувствия – тогда открывается красота – и сути, и формы.

Странно, но именно Прожекторский дал ему почитать «Кафедру» И. Грековой. И Игорь начал понимать. Достоверно выписанный Игрековой образ Учёного и научного руководителя встал за Яковом Михайловичем как генезис. Учителя и наставники – вот кто определяют ученика. Вот она, связь времён! Даже почудилось, что именно ему Прожекторский передал интеллигентность работы и профессии.

Для него Яков Михайлович был Учителем.

Но не только для него. Были ещё и Тиунов, и Колесников, и Валька Лодыжин и многие, многие другие. И вот тут изменившиеся времена сильно изменили ситуацию. Если раньше Учитель при выборе учеников ориентировался, в основном, на способности и характер, то Прожекторский в соответствии со здравым смыслом вынужден был учитывать и совсем другие качества – национальность, социальное положение, лояльность… И прежде всего, пожалуй, свой ли советской власти. Трудно дать определение этому понятию – «свой». Как, скажем, смыслу слова «симпатия». Но если не слишком задумываться, то своего узнать можно.

Как-то, спустя года три после окончания, Игорь встретил в поезде сокурсника, Севку Голицына, по прозвищу Троглодит, отчаянного троечника, если не двоечника, большого любителя вы-

пить в компании и без. На «где ты, как ты» оказалось, что Севка директор техникума.

– Что, что?! – Игорь не поверил ушам.

– А что? Вызвали в райком и предложили. Я, значит, сначала отнекивался – потяну ли? А мне – твой отец, коммунист ленинского призыва, вообще без образования, а до секретаря райкома дошёл. У тебя за плечами институт. Дорога начинается с первого шага. Давай, давай, мы тебя поддержим. Ну и пошёл.

– И как?

– Ты знаешь, поначалу чудновато было, да привык. Прежде всего, требовательность. А попадётся гнилой интеллигент – в шею, да и всё.

– Слушай, а меня бы ты взял?

– Ну, Игорь, это ж дело серьёзное. Это ж воспитание молодёжи! А у тебя язык…

Да после Прожекторского уже ученики станут учителями – написать с большой буквы не поворачивается рука. Вы скажете конформизм. А что делать? Иначе пан профессор так и остался бы главным инженером небольшого завода, на котором, кстати, и Игорь начинал свою рабочую биографию.

Прожекторский был ровесником Советской Власти и считал это знаком судьбы.

– Вижу, Игорь Александрович, знаю и даже кое-что понимаю. Но кем бы я был без Октябрьской революции? Может быть, и разбогател бы, хотя вряд ли. А здесь я *профессор* и лучшей судьбы себе пожелать не могу. И перед вами какие-то пути открываются, но кем вы будете, честно признаюсь, не знаю…

Всю жизнь Игорь считает себя учеником Якова Михайловича. Но только как Учителя с большой буквы. С маленькой, то есть официально, так и не стал. Но это уже в другой жизни.

С архитектором, Тимофеем Борисовичем Дамаджи, договориться удалось сравнительно быстро. Во-первых, они знали друг друга по работе в СПКБ. Дамаджи не любил расчёты и частенько сплавлял Игорю. За хорошую, то есть многомесячную, плату. А во-вторых…

Любил он этого сорокалетнего черноволосого и темноглазого древнего грека, одетого всегда с иголочки, но уж очень оригинально. И ему, и особенно Юте, не давал покоя розоватый цвет пиджака в сочетании с широким зелёным галстуком. «С ума сошёл!» – говорила Юта. Что поделаешь – художник!

Но читал лекции классно. Ярко, чёрт возьми! Хотя и чуточку красовался, поднимая в важных местах указательный палец и скульптурно застывая на фоне красиво изрисованной доски. Именно у Дамаджи Игорь почувствовал историзм чувства прекрасного. Именно Тимофей Борисович дал представление о сочетании красоты и целесообразности и включил в эстетику понимание работы конструкций. Да ещё и воспитал в нём чувство пропорции.

А ещё отличался кандидат архитектуры крайней необъективностью. При приёме курсовых то зажимал карандаш в кулак и с силой, так что потом никаким ластиком не сотрёшь, выписывал круги на чертеже ненавистного ему Троглодита с криком «Это кто же так делает!». То осторожно, держа двумя пальчиками, делал лёгкие штрихи на изящных картинках Ани Гуркузовой – тут подправьте, тут…

– Так, – Дамаджи погрустнел и поморщился, – какая тут, к чёрту, архитектура! Чего это ты взялся за такое старьё? Из-за денег, что ли? Так я бы тебе такую работу дал – и заработал бы и покрасовался на защите. Ну, если Прожекторский благословил, то и чёрт с ней, с архитектурой. Я подпишу по старой дружбе, не сомневайся.

– Но, Тимофей Борисович, зачем же так! Давайте в качестве варианта рассмотрим не усиление конструкций, а новое здание, аналогичное по технологическому процессу, но современное. Кроме того, расчёты теплопроводности и освещённости остаются.

– Да, нет… Нового не делай, итак, я смотрю, тебе здесь работы с головой. Сделаем архитектуру существующего здания с анализом конструктивных решений. Ну и расчёты, конечно.

Значительно сложнее пришлось со Степаном Панкратьевичем Овцеводовым, бывшим в то время ассистентом кафедры экономики и консультирующим проекты других специальных кафедр.

Дело в том, что этот молодой и энергичный парень был ду-

рак. Неглупый, правда, и работоспособный, но дурак.

На Руси, после известного изречения Николая Васильевича Гоголя, проведено множество классификаций, но до сих пор это понятие не поддаётся чёткому определению.

Помнится остроумный анекдот из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». В России, рассказывает известный журналист Кольцов (в романе Карков), бытуют два типа дураков – летний и зимний. Летний идёт, руками машет, ушами хлопает, сразу видно – дурак. А зимний придёт, снимет ушанку, тулуп, валенки, и только тогда понимаешь – дурак.

Овцеводов был зимним. Внешности мог позавидовать любой академик. Что называется научный красавец – правильные черты без какой-либо асимметрии, высокий лоб с естественными залысинами, широко поставленные голубые малоподвижные глаза. Годам к тридцати совершенно поседел и стал ещё умнее и красивше. Говорил всегда много и более или менее правильно. Но что говорил…

Нет, не прилепилось к нему хемингуэевское определение. А присвоено было высшее звание – «дурак с инициативой».

Бывают, знаете ли, люди, усвоившие совершенно правильные истины и с убеждённостью сующие их куда попало. Например, вы обсуждаете вопрос о насилии государства над личностью, а оно лезет с лозунгом: «Но государство это мы!»

Антипатия к Овцеводову, а хуже – и Овцеводова к Игорю, зародилась ещё на втором курсе, задолго до экономики. Были они тогда в колхозе на кукурузе – три группы с тремя молодыми преподавателями, изнывающими от скуки, особенно по вечерам. Порядки тогда были строгие и никаких свиданок ни с колхозницами, ни, тем более со студентками, не полагалось. А насчёт пьянок вообще ни-ни-ни. Единственным выходом был преферанс, тоже, кстати, запрещённый. Азартные игры не совмещались со строительством социализма и рассматривались как отрыжки капитализма.

На первом курсе, несмотря на тщательное запирание дверей, его с ребятами как-то застукал за картами студсовет. Были

крупные неприятности – и в деканат сообщили, и из общежития на месяц выгнали – забрали матрац и постель. Пришлось кантоваться в спальнике.

Правильный Стёпа в азартные игры не играл, а ребятам в «гусарика», сами понимаете, ни в жилу. Поиски третьего привели к Игорю, немного знакомого по Тиунову. Игры проводились строго конспиративно в домике преподавателей под осуждающим взглядом Овцеводова:

– Со студентами играть не положено! Тем более на деньги.

– Иди ты, Стёпа, знаешь куда! Что ж нам на поцелуйчики играть? По копейке вист – не деньги. Этот свой, не заложит.

Особенно огорчался и шипел Степан Панкратьевич, когда Игорь иногда выигрывал.

По закону подлости, когда на четвёртом курсе дошло до экономики, Игорь, конечно же, оказался под Овцеводовым. Пришлось зубарить по-чёрному. На семинарах молодой преподаватель подымал его по любому поводу и, уставляясь в пуговицу на уровне пупка, а то и ниже, заставляя сомневаться в застёгнутости ширинки, долго и нудно предупреждал от недооценки одного из важнейших специальных предметов. На экзамене, скотина, допрашивал с пристрастием минут сорок, но будучи человеком принципиальным четвёрку поставил.

И вот снова Овцеводов!

– То вы, Раманов, свои подработки выдавали за курсовой, а теперь и за диплом? Что вы собственно собираетесь защищать? Конструкции сорокалетней давности?

– Ни в коем случае, Степан Панкратьевич! Конструкторские разработки по обеспечению эксплуатационной пригодности. То есть, надёжность и долговечность существующих конструкций.

– Вы не путайте. Надёжность вообще математическое понятие, а долговечность не что иное, как капитальность. Если заданный срок эксплуатации исчерпан, амортизационных отчислений нет, то и конструкции не должны существовать.

– Но ведь существуют же. Этак и храм Василия Блаженного,

и Эрмитаж придётся снести. Срок, вроде, давно вышел.

– Причём тут рваная калоша? То исторические памятники, а у вас?

– Не только исторический, но и идеологический. Всё-таки первые пятилетки… И задачу поставил директор завода.

– Ну и выполняйте! Вы за это деньги получаете. А причём здесь диплом? Задание, вижу, Прожекторский подписал. Я должен с ним переговорить.

– Ну, зачем же тревожить пана профессора? Смету я сделаю.

– А вариантное проектирование? Или ваши разработки самые экономичные априори?

– Давайте я сделаю ещё один вариант и сравню.

– Вы не понимаете, Раманов, – пуговица на пупке начала трещать и отрываться, – вариантное проектирование это допроектное выявление наиболее экономичного решения. А вы предлагаете сравнить два произвольно выбранных проекта.

– Степан Панкратьевич, но вариантное проектирование предполагает сравнение известных и достаточно исследованных конструктивных форм, а по усилению их ещё просто нет. Вот Прожекторский и хочет начать этот процесс.

– А вы, значит, не только деньги зарабатываете, но ещё и впереди планеты всей? Ловко!

– Причём здесь деньги? В конце концов, эта тема утверждена Учёным Советом. Деньги же не только мне, но и институту.

– Не хватало нам ещё демагогии! Ладно, раз Прожекторский разрешил, делайте. Но помните – экономику игнорировать вам никто не позволит.

На защиту пришло довольно много народу. В том числе и главный механик завода. Комиссию по традиции возглавлял производственник – замдиректора проектного института. Прожекторский исполнял роль заместителя.

Игорь развесил чертежи – двадцать один лист. Деревянных стендов не хватило и пришлось накалывать с двух сторон.

От волнения вспотели подмышки, но доложил связно.

На лицах многих членов комиссии читался скепсис.

– Скажите, а не выгоднее ли полная замена конструкций?

– Это равносильно новому строительству с демонтажём и монтажом не только конструкций, но и оборудования. Кроме того, значительный простой производства.

– Так-то оно так… Но не придётся ли теперь чинить конструкции постоянно? Эти расходы вы учитывали?

– После усиления конструкции будут соответствовать всем действующим нормам с соответствующим сроком эксплуатации – не менее пятидесяти лет.

– Ну, это вы хватили! Что же старение прекратится, что ли?

Тут вступился главный механик:

– Если цех проработает ещё хотя бы пару лет – с лихвой окупятся все затраты на новое строительство. Простой в течение даже одного месяца слишком дорого обойдётся заводу. А разработанный проект позволяет вести работы по захваткам, практически не мешая технологическому процессу.

– Ну, обоснованность разбивки на захватки ещё следует просчитать. В дипломном проекте таких расчётов нет.

– Размер захваток определён мною исходя из особенностей технологического процесса. Здесь пока что существующие экономические методы применить трудно.

– Но возможно?

– Товарищи, мы же не можем требовать от дипломанта все части реального проекта полностью! – вмешался председатель – Здесь, насколько я понимаю, представлена часть работы кафедры конструкций.

– Кроме того, – наконец подал голос Прожекторский, – если кафедры технологии и экономики подключатся к работе, мы будем только приветствовать.

В решении комиссии отмечался значительный объём конструкторских проработок, оригинальность решений, но и занижение объёмов некоторых обязательных частей проекта. Оценка – «хорошо».

– А вы как думали! – похлопал его по плечу пан профессор. –

Новое должно пробивать дорогу. Первым всегда нелегко. Но вы молодцом! Загляните ко мне как-нибудь.

– Я же тебя предупреждал – с комиссией не спорят. Соглашаются и обещают учесть замечания в дальнейшей работе. – Тиунов безнадёжно махнул рукой. – А ты – «мои конструктивные разработки, мои разработки!» Вот и получай «хорошо».

Чикин защиту признал довольно крепкими объятиями и призвал четвёрке не расстраиваться, а гордиться:

– Дело не в оценке – всё равно у тебя не красный диплом. Работа вызвала *возражения*! Что ещё надо? Тебя запомнили и запомнили положительно. Идеи уже отложились в умах. А вот это, скорее всего, рановато – публиковать надо, публиковать! У них-то возможностей куда больше. Оглянуться не успеешь и ты уже не пионер. Куда твой Прожекторский смотрит?

Новокотов немного позлорадничал:

– Не защищаться надо было, а нападать! Как я – помнишь? Хотя со старыми конструкциями…

И от Мити пришла цветастая телеграмма с поздравлениями и надеждами на скорую встречу.

До вручения диплома пришлось побегать с обходным листом – не должен ли чего библиотеке, отпускает ли деканат, нет ли претензий у выпускающих кафедр и так далее. Забежал и к Прожекторскому. Яков Михайлович подписал и жестом усадил.

– Что дальше, Игорь Александрович?

– У меня диплом свободный. Пойду к Борщевскому – обещал инженера-конструктора.

– Я знаю. Мы с ним говорили. Что дальше?

– Даже не знаю… Может быть, в аспирантуру? – Игорь, как обычно, покраснел.

– Ко мне? Даже если бы у вас был красный диплом, пока это весьма затруднительно. Вы понимаете? Что такое, в конце концов, аспирантура? Время, которое даёт государство на диссертацию. В нашем деле за три года редко кто успевает. От идеи до внедрения… Много, много работы. У вас тема определилась.

Фактически вы уже начали работать. Так что не будем терять времени. Поработайте годика два, поработайте. Не повредит. И желательно на разных местах. На нашем заводе вы прошли все рабочие специальности. Вот и инженерные попробуйте. Не теряя из виду цель.

– Яков Михайлович, а отношение к теме на защите не настораживает? Если так будут относиться…

– Я вам уже говорил – эта проблема со всей остротой встанет перед страной и наукой несколько позднее. К разделу пирога не следует опаздывать – достанутся объедки. Противодействие определённое будет. Инерция человеческого мышления сильна. Даже в науке. В науке особенно.

– Вы извините, Яков Михайлович, если я прямо… А что если податься в аспирантуру в Москву? Вон сколько объявлений…

– Не советую. Только время потеряете. В наше время, особенно в инженерных дисциплинах, со стороны не берут. Кандидатов намечают заранее, как я вас. Аспирант – фактически сотрудник. Кто ж возьмёт кота в мешке? Вы же видите – мои аспиранты все наши выпускники. Только в заочную я беру по договорённости с товарищами по науке. Если хотите, попробуйте, вдруг и приглянетесь, но вряд ли. Нужен контакт с будущим руководителем, а как его осуществить? Не на экзамене же. Только в процессе работы. Разговоры, знаете ли… А на семинары, конференции нужно ещё попасть.

– Яков Михайлович, а вы точно меня возьмёте?

– В аспирантуру? Не знаю, обещать не могу. С вашими данными… Но в сотрудники почти наверняка. Там посмотрим.

– Мне что-то делать эти два года?

– Да. Конкретных заданий пока не даю, но вот что. Посмотрите – и внимательно! – сопромат и строительную механику. Там начинают внедряться вероятностные методы. Я уже не буду сильно углубляться, но вы должны. Дальше. Материаловедение. Разберитесь со структурой и свойствами конструкционных материалов. И с точки зрения физики твёрдого тела, вы достаточно подготовлены. Там появилась линейная и нелинейная механика разрушения. Мы

до атомарной структуры вряд ли дойдём, но знать надо. И чтобы у вас были вопросы и идеи. В общем, жду вас с обзором литературы. Вот мой телефон, звоните время от времени.

Через два года не вышло, но через три с половиной он, наконец, оказался на своём месте, и начался следующий период жизни. Период надежд, свершений и неудач.

Время вдруг засуетилось и завертело его. А как вы хотели? Взрослеем. Или ещё нет?

Стронулся квартирный вопрос, и потребовались всяческие бумаги, без которых чиновничий аппарат, конечно же, никак не может. Юту поставили в очередь как молодого специалиста – не просто окончившего ВУЗ, а направленного государством на работу по распределению. Но очередь в сознании советского человека это строгий порядок, соблюдаемый крайне редко.

О, советская очередь при всеобъемлющем дефиците! Это безголовое, но многохвостое чудовище требовало жертв и принимало их в огромном количестве. И не родился ещё Георгий Победоносец, способный победить этого дракона. Но уже поколения, родившиеся под знаком дефицита, понимали, что под ним и помирать. И приспосабливались.

У всякого процесса есть закономерности. Один из главных законов советской очереди – исключения из правил. Пусть у вас и все права, и номер есть, и утверждённый порядок существует… Но всегда, знаете ли, есть исключения – заслуженность, стаж, необходимость производству и всякие исключительные обстоятельства. Частенько этих исключений даже несколько больше очереди. Жаловаться можно только партии. А если партия сама?.. Без крика, шума, жалоб, восклицаний типа «А вы здесь не стояли!» редкая очередь обходилась.

Но вот вывешено – вторые! Это уже что-то. Неужели своя квартира? А если двухкомнатная? Их же уже трое. Но когда? Когда дом сдадут. Когда?.. Да по плану через полгода. Ну, по плану это конечно! Что означало – к сроку сдадут, но с недоделками, а на них ещё один срок. Но когда-нибудь всё же сдадут…

Было решено – к декретному отпуску Юта берёт очередной и положенные три месяца за свой счёт. Митя подрастёт, окрепнет, и по обстоятельствам будем решать. А пока в стройотряд, на целину.

Но до заработков он два раза к Мите и Юте съездил.

Первая и очень короткая встреча состоялась на четвёртой неделе Митиного существования. Крохотный богатырь лежал в кроватке и даже не проснулся. Игорь с радостным изумлением смотрел на человечка, рождённого их любовью, и не мог разобраться в переполнявших его чувствах. Наверное, надо было что-то сказать, но никаких слов не было. Юта прижалась, по обыкновению обняв плечо двумя руками, и тоже восторженно молчала.

– Юта… Это действительно наш сын? И действительно вырастет? И меня перерастёт?

– Наш, наш! И смотри какой красивый! Весь в тебя. А перерастать тебя не надо, ты и так большой.

– Ну, хоть на пару сантиметров! Сын обязательно должен быть больше и лучше своего отца. А иначе зачем же?

– А если бы была девочка? Ты же хотел.

– Я? Это ты хотела. Зачем нам девочка? Сына будем растить! Продолжателя рода как ни как. Чувствуешь ответственность?

– Чувствую, чувствую. И ответственность тоже.

Через полчаса он впервые, под строгим и настороженным взглядом Юты, прижал к себе крохотное тельце, на что Митька немедленно ответил рёвом.

– Юта, чего это? Я же ничего…

– А ты у него спроси. Как мальчику ещё себя проявить? Может к запаху твоему не привык. Может страшно, что ты такой большой и неловкий. Пусть, пусть покричит – это он так поёт.

К приезду была снаряжена коляска, и состоялся первый торжественный выезд. Игорь катил перед собой тихонько поскрипывавший экипаж, что называется, не чуя ног. Господи, действительно отец!

Лес тоже подготовился к встрече. Пушистый снег навалил уже по колено и продолжал сыпать крупными мохнатыми хлопьями. Тёмная хвоя лишь слегка проглядывала сквозь белое по-

крывало весело и таинственно. Казалось, само счастье улыбается и ему, и Юте, и, конечно, Мите!

«Всё сыплет, сыплет снег из серых неистощимых зимних туч…»

А Юта преобразилась. Увеличившаяся грудь чуть изменила её походку, откинув голову немного назад. Ну не идёт, а выступает! На щеках румянец – хороша до невозможности!

Но что-то его смущало… Не только внешне изменилась Юта. Что-то происходило и в их отношениях. Она как бы отстранилась от него, не отходила и всё-таки была не с ним. Он понял – все её мысли о Мите. Ему уже не так много места в ней… Даже ревность шевельнулась. Не разрушит ли ребёнок их любовь? Нет, никогда! Просто любовь уже будет немного другая.

Из дневника Юты: *«Когда Ига приезжает, меня счастье просто переполняет. И Митя, и он у меня на виду, с ними ничего не может случиться и так спокойно, хорошо на душе!*

Из Иги выйдет хороший отец. Он смотрит на Митю такими счастливыми и восторженными глазами, словно до сих пор ещё не верит – у него сын! Он разговаривает с ним чуть ли не на равных без всяких сюсюканий и Митенька его вполне понимает. Ига считает, что пора учить читать. На мой смех он заявил:

– Одного мудреца спросили: «Когда следует начать воспитание ребёнка?». «А сколько вашему?». «Два месяца». «Вот на два месяца вы уже и опоздали!».

Ну-ну! Иге ужасно хочется с Митей играть.

– Но он же ещё такой маленький! – говорю я ему, – Потерпи.

Да, терпение не самое главное его достоинство.

Что-то во мне новое появилось. Когда Иги нет, я ужасно скучаю, но прежней тоски нет. И страсти той я, по-моему, не испытываю. А он всё такой же, ненасытный. Но, кажется, что-то чувствует и смотрит на меня удивлённо и непонимающе.

Я стала его меньше любить? Нет, нет! Просто я стала мамой. Это не то, что стать отцом. Родила-то всё-таки я! Нет, я его очень люблю. Но как-то по другому…».

У Игоря и раньше свободного времени было немного, но сейчас суета и множество дел просто завертели на круглые сутки. Но на тоску по Юте, а теперь уже и по Мите, хватало сполна. Как в те далёкие добрачные времена, когда им так редко удавалось остаться одним, он стал мечтать о воссоединении семьи. Пусть даже в их старой каморке у Марьи Савельевны.

Какой-то выход был найден в письмах. Как они писали! И часто, чуть ли не каждый день. С признаниями, с ласковыми словечками, которых до сих пор избегали, с бытовыми и деловыми подробностями, сквозь которые лилась любовь, любовь, любовь…

Вдруг Юта стала писать всё реже и реже. Но зато часто стал писать Митенька! Игорь перечитывал эти маленькие шедевры и чуть не плакал от умиления. Уж не становится ли он сентиментальным?

24.01.

Здравствуй папочка!

Приезжай скорей! Мало того, что ты меня ещё не видел, так меня ещё и мама обижает!

Представляешь, покормила меня в двенадцать часов и пошла себе гулять. На целых пятнадцать минут! Ну, я уж наревелся вволю! Потом пришла, начала оправдываться, дескать, думала, что я уснул, взяла меня на ручки, я и успокоился. А если честно – просто плакать устал. Сейчас лежу, кряхчу, как дед, который прислал мне одеяльце, и жизнью доволен. Но ручками работать не забываю.

Впрочем, я кричу – а что делать, надо развивать лёгкие – и при всех. Бабушка мой бас уважает и зовёт меня командиром. А мама добавляет – женского батальона. Ну, ладно. Женщины! Надо быть снисходительным.

Купают меня ежедневно в двадцать тридцать. Ох, как я это люблю! Наверно, гены сказываются – ты же пловец. Лежу в ванночке с широко открытыми глазами, а ртом ловлю воду, чтоб мама не зевала. А когда вода попадает на головку, волосы у меня вьются прямо кольцами, я в зеркальце видел. Мама говорит – вылитый твой портрет. Ты приезжай скорей – сам убедишься. Да и

скучаем мы очень без тебя. Ждем, не дождёмся.

Приезжай! И погода замечательная. Мороз градусов пять-семь и снегу навалило видимо-невидимо. В лесу маме без валенок и не пройти совсем. Но в санатории дорожки протоптаны. Снег сухой, рыхлый, лыжников по выходным – тьма! Мама говорит, что и тебе лыжи достанем.

Сейчас я лежу, не сплю и маме язык показываю. Она меня немножко прикрыла, и я ручками и ножками знаешь как работаю! Бабушка даже говорит, что может футболистом буду. Ну, это мы с тобой ещё посмотрим.

Теперь, папа, о делах. Мама просила передать, чтобы ты обязательно привёз кроватку. Только смотри, не растеряй колёса, шпильки, кружочки и матрац. А ещё привези рубашки и белые и тёмные и бельё, мы тебе здесь всё приведём в порядок.

Ну, заканчиваю. Что-то спать хочется – зеваю и скучаю.

Приезжай, папочка, мы тебя очень любим!

Твой сын Митя.

26.01.

Мой дорогой папа!

Сегодня я веду себя хорошо. А чего плакать, когда всё в порядке? Мне тепло, светло и, сам понимаешь, какие в январе мухи.

А вот вчера… Покаюсь – довёл мамочку до слёз. Понимаешь, у меня болел животик, надо было сразу сказать, да я-то ещё не могу. Ну, вот я и кричал, сучил ножками, ручками махал… Мама, глядя на меня, тоже заплакала. Представляешь, приходит бабушка, а мы ревём на два голоса! Ну, бабушка, конечно, порядок навела живо. Сначала помассировала мне животик, потом искупала, а я тебе уже писал, как это мне нравится, и дала мне мамину грудь. Я поел и завалился спать. А бабушка засобиралась в город в театр, дают «На каждого мудреца довольно простоты» и наказала нам не ссориться. Мы и послушались.

Ты приезжай скорей, а то мы с мамой ссоримся. И знаешь, что мама при этом кричит? Не представляешь – «выброшу!». Сначала я

боялся, а вдруг? А теперь уже нисколько не боюсь! Потому что меня зарегистрировали и маме в паспорт вписали. Вот тебе мой номер: II-ИФ №266800. Ну, всё, зарегистрированного уже не выбросит! А ты, папочка, не забудь, к маме на работу зайди и мой номер отдай. И буду я полноправный жилец нашей квартиры.

Бабушка из театра вернулась и спросила как я себя вёл. Мама меня похвалила, сказала даже, что я ужин проспал. За это бабушка подарила мне погремушку. Чтобы я внимательным стал, как написано в журнале «Здоровье». В воскресенье мне будет шесть недель и мама привяжет погремушку к кроватке. Вот тогда я буду за ней глазами водить. Неслыханное в моей жизни удовольствие!

Папа, ты меня извини, но встретить я тебя, скорее всего, не смогу, мама говорит рано мне ещё. Но ты телеграмму всё-таки дай – а вдруг?

Приезжай скорей! Мама ужасно хочет тебя обнять, а я – чтобы ты меня прижал к себе.

От мамы тебе привет.

Митя.

03.03.

Привет, папочка!

Ещё и недели нет, как ты уехал, а кажется целая вечность. Пап, как ты меня на ручки брал! Совсем не так, как мама или бабушка. У тебя руки сильные, хотя мама говорит, что неловкие. Не знаю, не заметил. А как мы с тобой по лесу гуляли! Сказка! Я первый раз видел как среди сосен и елей падает снег. И даже мне в коляску залетало. Ну, меня так укутали, что даже попробовать язычком не удалось. Наверно, снег сладкий, как мамино молоко. Знаешь, я ещё в цветах сильно не разбираюсь, но мне нравится чёрно-белая зима. Как на эстампе, что висит над твоей фотографией. Мама говорит, что тебе тоже очень нравится графика, потому что скупость средств будит воображение. Вот видишь – и у меня будит. И вообще, я вырасту и буду совсем как ты. Но почему-то мама говорит, что ты умный, но глупенький. Это как же понимать? Тут мне без тебя не разобраться.

В доме у нас после твоего приезда устанавливается порядок. Я стал значительно спокойнее, и мама теперь вздыхает с облегчением, только спрашивает – надолго ли? Она очень по тебе скучает. Первые дни такая рассеянная была, что даже забыла меня на ночь поцеловать. Ну, я её понимаю и капризничать не стал. Потому что и сам по тебе уже начал сильно скучать.

Бабушка мне нравится! Что бы мы без неё делали? Даже опасаюсь, что мама без неё не справилась бы. А какие у бабушки руки! Сильные и такие точные! Ни одного лишнего движения.

А ещё мне бабушка поёт, особенно на ночь. И хоть романсы у неё и грустные, но мне ужасно нравятся. Под них знаешь как спится! Это тебе не колыбельные какие-нибудь.

Правда, то, что ты мне пел, всё-таки нравилось больше. Я даже кое-что запомнил.

Сегодня я с большой охотою
Распоряжусь своей субботою,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я.

А эти строчки!

Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные…

Нет, правда, папа, класс! Бабушка даже говорит, что лучше ты выдумать не мог. А вот не верю! Наверняка ты ещё такое придумаешь, что мы все ахнем.

Грозятся приехать наши родственники из города. Хотят на меня посмотреть. Ну, я им, конечно, такое удовольствие доставлю, нам есть что показать. Да и сам на них посмотрю.

Папочка, конечно, ещё рано говорить скорее приезжай, ты ведь только уехал. Но всё равно приезжай скорее. Мне без тебя не то, чтобы тяжело, но не по себе. И маме тоже.

Уж очень мы тебя любим!

Твой сын Митя.

19.04

Здравствуй, дорогой и далёкий папочка!

У нас новостей, как всегда, целая куча!

Во-первых, ездили в город на консультацию. Врачи и сестрички разахались – какой мальчик, какой мальчик! И щёчки у меня как яблочки, и попка такая замечательная. Ну, конечно, это у них лирика такая, а если по-мужски, то всё у меня в порядке. И вес семь четыреста. Вот что значит наш лесной воздух. Растём! Помнишь у Агнии Барто:

Стоим мы с папой на мосту,
Он ничего, а я расту!

А во-вторых… Да что там во-вторых! Мама говорит, что у меня каждый день что-то новое.

Ну, например, вчера. Подставила мне мама большие пальцы, я за них ухватился и встал на ноги! Представляешь? Не сел, а именно встал. Такое удовольствие, что я минут пять хохотал и визжал во всё горло. Уже пробуют меня сажать, и я даже сидел на диване, прислонясь к спинке.

Купают меня теперь через день. Взрослеем!

Мама с бабушкой удивляются, что я их узнаю. Да я давно их узнавал. Просто до поры до времени не показывал.

И вот ещё. Страшно нравится мне играть с погремушками. Особенно с той, которую ты привёз. Она такая яркая! Будем различать цвета. Да я уже и различаю, но пока не показываю. Сначала хорошо освою, а потом уже покажу. И звук погремушки мне нравится. Очень музыкальный. Надо будет как-нибудь нотную грамоту освоить. Ты же читать меня скоро научишь?

Есть у меня и некоторые волнения. Завтра будут оспу прививать. Но ты не волнуйся, мне это перенести, что повизжать.

А мамочка наша немножко поправилась. Бабушка говорит, что ей идёт. Щёки надулись, как у меня. И вообще она уже совсем взрослая. С ней разговаривают соседки на равных, деточкой не называют.

Мама спрашивает, почему ты мало пишешь о своей работе?

Ты, папочка, пиши, мне тоже интересно.

Знаем, знаем, ты скоро приедешь. Только не как в прошлый раз – дай телеграмму. Я теперь уже большой и мы встретим тебя обязательно. Снарядим с мамой коляску и доедем до самого переезда. Что нам три километра! По лесу же. А я посплю между делом. Мне это полезно.

Ждём тебя с нетерпением! Потому что очень любим.

Твой большой сын Митя.

8.06

Здравствуй, папа!

Я тут немножко нахулиганил, мама пальчиком грозит. Не понимает, что я ещё маленький, хотя и очень большой. Надо успевать горшок подставлять.

А то, что я большой, даже не сомневайся. Уже сижу. Но сидеть я не очень люблю и отстаиваю свои права – как только меня посадят, я поднимаю пуп вверх, делаю мостик и сползаю.

А вот стоять я люблю. Сам держусь за перила кроватки и стою. Ну, ещё недолго, но стою.

Кушаю всегда вовремя. Утром манную кашу, в час кефир и через день-два половинку желтка – вкусно. Молочко попиваю. А один раз даже поел немного картофельного пюре.

Но должен признаться – грущу немного. Скоро разлука и с мамой. Говорит ненадолго, месяца на два, на три. Ничего себе, ненадолго! Но на работу надо и квартиру получать. Я же всё понимаю, только ещё сказать не могу. Ну, что ж… Останусь пока с бабушкой. Надо же, в конце концов, и самостоятельность проявить.

В качестве няньки нашли девочку из ближней деревеньки. Она опытная, вынянчила трёх своих младших братишек. Придёт недели за две до маминого отъезда, чтобы все мои привычки изучить. А бабушка будет теперь работать с восьми до трёх. Так что в покое меня не оставят. Езжай, папочка, на целину, зарабатывай и ни о чём не волнуйся. Я вас подожду. Если что, поеду в город к нашим, они очень меня приглашают. Тем более, что у бабы Насти скоро клубника созреет, и она будет варить варенье.

Конечно, я жду не дождусь августа-сентября-октября, когда вы меня заберёте и будем, наконец, жить вместе. В своей квартире! Какая у нас будет замечательная семья!

Больше я, наверное, писать тебе не буду. Но ты мне пиши! Ты так интересно пишешь, что бабушка говорит – писатель. А я уже, как вы меня заберёте, всё тебе расскажу сам.

Мамочка очень хочет тебя застать до стройотряда. Но я ей сказал – не спеши. Главное – я. Согласен?

До скорой встречи. Во всяком случае, с мамой. И учти – мы по тебе страшно соскучились. Любим мы тебя, вот что!

Твой самостоятельный сын Митя.

ИСКУШЕНИЕ

Мечты сбываются, сбываются! Да не как мечталось. Мечтают-то всегда о хорошем. И даже лучшем. А если не мечтать, то и добиваться нечего, ничего и не будет. Теодор Драйзер в своей знаменитой «Трилогии желаний» заметил: «*Горе тому, кто отдаёт своё сердце иллюзии – этой единственной реальности на земле, но горе и тому, кто этого не делает. Одного ждут разочарование и боль, другого – запоздалые сожаления*».

Да уж… Вечная дилемма выбора пути. Да только за нами ли выбор? А характер, разве не вложен в нашу душу? А способности мыслить и чувствовать?

И между чем, собственно, выбирать, если иллюзии *единственная реальность*? Нереальные не-иллюзии?

Нет, большинство людей практичных мечтают. Иначе очень трудно выжить на этой земле. И, согласитесь, разочарования, даже постоянные, всё-таки пережить можно. За одними мечтами приходят другие – и жизнь продолжается. А вот как жить после сожалений, да ещё всегда запоздалых?

Третьего Драйзер не даёт. А так ли? Не проходит ли вся жизнь между иллюзиями и суровой действительностью?

К чему быть ближе, каждый выбирает сам.

…Вот они и с квартирой… Но какой?

Ох, как не хочется вспоминать эту эпопею! До сих пор охватывают остатки праведного бессильного гнева. Но чтобы несправедливость не ломала, а учила, и забывать не стоит. Поражение следует превращать в победу, а это удел сильных. И нельзя сказать, что силы им недоставало. Пройдёт не так уж много время, и у них будет *свой дом*. И будет это делом уже их рук.

Как не удивительно, но пятиэтажка была сдана почти в срок. И началось! Прежде всего, перетасовали очередь. Вдруг оказа-

лось, что среди стоящих ниже по очереди, квартира нужней, а прав значительно больше. Естественно это выяснилось только сейчас, когда квартиры уже можно было пощупать. В ход были пущены всевозможные *связи* или попросту блат. А ни у Игоря, ни тем более у Юты, никаких высоких покровителей не было. Да и откуда?

Перебрав все имена, Игорь сунулся к весьма ответственному отцу своего друга и товарища по многим походам Нильчевского. Но высокое должностное лицо, наведя кое-какие справки, недовольно скривилось и развёло руками. Что в конечном итоге привело к охлаждению отношений с Сашкой. Ещё один урок жизни. Мы любим тех, кому делаем добро, говорил Лев Николаевич Толстой. Надо думать, обратное тоже справедливо – не любим тех, кому добра сделать не сумели. Не следует соваться с невыполнимыми просьбами – уж очень неприятный осадок. Чертовски прав Булгаковский Воланд – «*…никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!*». Может быть, несколько категорично, особенно насчёт «сами дадут», но просить-то всё равно бесполезно.

Оставался единственный и безнадёжный путь – честной борьбы с нечестным противником.

Бедная Юта! Все тяготы хождения по начальству и инстанциям легли на неё. И надо сказать, билась Юта об эти стенки упорно. Едва голову не повредила.

– Правда всегда торжествует! А добро побеждает! – плакала у него на груди.

– Что же оно побеждает, побеждает, да никак не победит? – успокаивал Игорь словами Бармалея из быковского фильма.

Но он уже знал её и понимал – Юта будет делать всё возможное, даже понимая бесполезность. Всё от неё зависящее. Но зависело, увы, не много. Враг – да и не враг даже, а товарищ по работе, – превосходил и в силе, и в совести. Вернее в отсутствии оной. Да и о какой совести может идти речь, если квартира почти осязаема?

Впервые пришлось столкнуться с анонимностью власти.

Оказалось, что решения принимает некий коллегиальный орган, создаваемый вроде бы как общественностью. А в речах начальников преобладают выражения типа «есть мнение», «принято решение», «определимся на месте» и даже грозное «это не нам с вами решать!».

Директор принял Юту ласково. Вошёл в положение, посочувствовал и, как показалось Юте, чуть не заплакал:

– Но что я могу сделать? Решение принимает комиссия. Как член комиссии ещё раз внесу на рассмотрение ваш вопрос. Но не знаю, не знаю… Обстановка, знаете, накалена. Всем нужно и, учтите, у всех права. Даже больше, чем у вас…

Вскоре встала угроза не получить не то что двухкомнатную, но и вообще ничего. Последнее средство – письмо в райком. А советская система, построенная на *сигналах снизу*, письма трудящихся тщательно фиксировала и без ответа оставить не могла. И на руках у заявителя появлялся *документ за подписью*. Конечно, формулировки были обкатаны многолетней практикой отписок до полной неуловимости, но появлялось лицо, действия которого можно было обжаловать. Так что поосторожнее, товарищ секретарь райкома.

И высшими анонимными силами был предложен мудрый и коварный паллиатив – одна комната в трёхкомнатной квартире (в уверенности, что откажутся) или подождать следующего распределения и там уже…

Бедная Юта! Так и назвал бы свою повесть Н. М. Карамзин, если бы дожил, не дай Бог, до далеко не сентиментального квартирного вопроса. И не Москву бы описывал со златоглавым Даниловым монастырём в тени густой зелени древних вязов, а дымный промышленный город и комнату в первом этаже панельного дома саженях в семидесяти от железнодорожного вокзала. Но Юту утопить Игорь Николаю Михайловичу не дал бы ни за что.

Бедная Юта никак не могла смириться с вопиющей несправедливостью. Её пионерское и комсомольское сознание кипело на

углях реалий отклонений от ленинских норм невыдуманной жизни.

– В подселение?! Ни за что не пойду! Да ещё с Мельниковыми! Ты бы видел, какие склоки Людка закатывает в отделе…

– Юта, Юточка, ну успокойся. Лично я вообще не ожидал, что советская власть нам что-то даст. Она же нам ничем не обязана, это мы ей – всем. Ну, не буду, не буду. Давай посмотрим с другой стороны. Куда нам деваться? К Марье Савельевне? Стирать пелёнки в корыте? А тут хоть что-то. Ванна, горячая вода, унитаз, кухня, газовая плита… И Митьке будет где визжать. Считай, что мы между общежитием и своим домом. И для начала условия очень даже. Нет, честно, совсем неплохо. Верь мне, Юта, ты ещё будешь жить в хоромах, дай срок.

– Да, Ига, выбора нет… Следующего дома можем и не дождаться. И не повторится ли всё снова?

– Гарантии, Юта, как говаривал Остап Сулейман Берта Мария Бендер-бей, даёт только страховой полис. Но боюсь, что от комиссии нас не застрахует даже Госстрах, который всего этого страшно боится. Да чёрт с ними! Будь счастливой, Юта, ты же умеешь! Всё-таки у нас будет своя комната! Всё-таки мы будем приходить к себе. А даст Бог и разменяем – трёхкомнатная всё же. Мельниковым, надо думать, тоже не улыбается толкаться на общей кухне.

На том, обнявшись, и согласились.

А их двухкомнатную квартиру получила любовница ласкового директора. Был, был спустя несколько лет скандальчик, совсем по другому поводу, но попутно выявился и этот момент. Им, конечно, легче не стало, разве что правда восторжествовала. Да и то как-то криво – директора сняли, а бывшая любовница, при расставании с директором скандальчик и поднявшая, в их квартире так и живёт.

Комната – по архитектурному плану гостиная – оказалась довольно просторной – три на шесть. Со стеклянной дверью, немедленно Ютой занавешенной тяжёлой портьерой. Первая обстановка была проста и элегантна. Друзья даже поговаривали о непозволительной роскоши освоения пространства – два ватных

спальника с капюшонами, три чемодана и аккуратные стопки книг в дальних углах. И всё-таки они были счастливы – первая их недвижимость в жизни! Растянувшись на полу, глядя на лампочку в чёрном патроне, они остро чувствовали – никакая сила их не разлучит. Какой-никакой а всё-таки дом!

Вскоре, из целинных заработков и беспроцентных займов – друзьям тоже пришлось поднапрячься, особенно Нильчевскому, имевшему значительный кредит у родителей, – появился глубокоуважаемый трёхстворчатый шкаф, поставленный торцом к середине короткой стены лицом к двери. Между шкафом и продольными стенами появились занавески и комната стала трёхкомнатной. Передняя, именуемая *холл*, из которого можно было спросить: «Юта, ты дома?», и детская – зашкафное пространство, отведённое Митиной кроватке. На остальной площади появились полированного дерева со светло-серыми подушками чешские кушетки, поставленные под прямым углом изголовьями к постельной тумбочке, прослужив-шие им верою и правдой больше тридцати лет, складной стол и два стула. А на пол был брошен какой-никакой, а подаренный Александрой Александровной лоскутный ковёр! На общей кухне был припаркован маленький столик с пластмассовой столешницей и двумя табуретками.

А вот уже и Митька явился, прихватив с собой кроватку и Александру Александровну. Тут же его, визжащего от восторга, впервые в жизни в настоящей ванне искупали и в детскую водворили. Стоя в кроватке как на трибуне, Митька принимал семейный парад, произнося невнятные, но зажигательные речи.

С отъездом Александры Александровны – две недели очередного отпуска – жизнь начала входить в новую, неизведанную ещё колею.

Появился режим дня и недели, продиктованный прежде всего обязанностями. Ко времени вставать, преодолевая невероятные трудности пробуждения. Бежать с Митенькой в ясли. Потом на работу. Очереди в магазинах, прачечная самообслуживания, хозяйственные заботы… Им с Ютой оставалась только ночь.

«Нам ночь считать добычу и потери, что нам приносит каждодневный бой…»

А ещё читать. И спать, между прочим…

Юта уставала, особенно от недосыпа. Игорь горел желанием разгрузить её как только можно, но возможности оказались довольно ограниченными. Как ни крути, а значительная доля домашних хлопот приходится всё-таки на женщину.

Вот, например.

Стал Митька орать по ночам, особенно если мокрый. Лежал бы себе до утра, так нет… Юте приходилось вставать по нескольку раз. Тогда Игорь решил – окончательно и бесповоротно! – взять на себя ночные хлопоты. Однако сильно подвела техника дела. Поскольку спал он крепко и беспробудно и никаких Митиных криков не слышал, Юте приходилось сначала расталкивать его. Занятие было столь утомительным, что куда проще сделать всё самой. Утром оправдывался, а Юта улыбалась и советовала заниматься своим делом.

– Но ты же не высыпаешься!

– Не могу же я спать, когда ребёнок кричит. Женское это дело, Ига, а возможности нашего организма, как ты говоришь, совершенно не изведаны. Спи, Ига, спи, тебе работать надо. Когда Прожекторскому позвонишь? И что скажешь?

Женское дело… Спи… Тебе работать надо…

Но она тоже работает! Не сравниваться же работами. Что-то здесь крылось…

Он уже немного повидал средние советские, интеллигентские по положению, семьи. Инженеры, работают в общем-то одинаково, ну, муж получает рублей на двадцать больше. Приходят домой, жена за стирку и к плите, муж за газету или к телевизору. Разве что мусорное ведро вынести, с ребёнком погулять… Справедливо ли? И какая тут любовь? Жена начинает ворчать, а то и покрикивать, у мужа на работе всё чаще случаются какие-то незапланированные совещания, собрания – домой всё позже, реже и почти всегда навеселе.

У них с Ютой ничего такого быть не могло, но и у плиты Игорь представлял себя как-то слабо, да и за стиркой тоже. А Юта не только ничего не требовала, но даже ограничивала. Он приписывал такое отношение большой любви, но должна же

быть у неё какая-то компенсация? Любовь, знаете ли, любовью, но если изо дня в день…

На размышления подвигли наблюдения.

Согласно Дружественному договору, заключённому сторонами при Газовой Плите, в обязанности Игоря входила уборка комнаты – раз в неделю. Прямо скажем, не слишком обременительно и времяёмко. Но тут он обратил внимание, что Юта, особенно при мытье полов, сильно нервничает и даже придирается – вон там пыль, вон там непорядок. Что это? Уж не портится ли, упаси Господи, характер?

Но вот однажды, так случилось, он сделал уборку в её отсутствие. Придя, Юта была мила и счастлива:

– Какой ты у меня молодец! Ух ты, как чистенько! И вазу переставил! Красиво!

А какая любовь была в этот вечер!

Он повторил эксперимент несколько раз с неизменным результатом – при ней – нервы, без – отличное настроение.

Так он открыл то, что назвал потом комплексом вины. Фрейд всё ещё редок, но Лёнька обещал достать, надо будет посмотреть у этого толкователя снов – нет ли чего такого в психоанализе?

Об обязанностях мужчины у Юты было своё подсознательное представление, и хлопоты по дому в них не вписывались. Мужчина, тем более такой как её муж, должен был *работать* – познавать, создавать, созидать, открывать в жизни, науке, литературе – утверждать себя. И не терять время. Естественно, у неё портилось настроение при виде его на коленях и с мокрой тряпкой. А порядок, созданный в её отсутствии, воспринимала как подарок.

Тут в Ютином сознании и подсознании крылись две стороны. Во-первых, его продвижение в интеллектуальных сферах захватывало и её, поскольку он рассказами и рассуждениями втягивал в круг приключений мысли, и ей было не только интересно, но по-другому уже жизнь не представляла. Во-вторых, глубинная женская надежда, что он пробьётся, станет человеком, и жить будет не только интересно, но и обеспеченно, и легко. Ох, не скоро сбываются надежды!

– Юта, звонить Прожекторскому рановато, но сказать уже есть что. Прочитал книжку Болотина о вероятностных методах в строительной механике – ох, тяжело, прямо вековые стереотипы пришлось ломать! – и у меня прорисовывается совершенно новый взгляд на существующие конструкции. Послушаешь, умница, не устала?

– Суббота, Ига, суббота… И Митенька спит. Впереди у нас с тобой целый день, давай. И мои мозги сопроматом пора проветрить. Хотя лучше бы литературой.

– О литературе потом как-нибудь. Хотя тоже есть – я с Лёнькой о песнях и поэзии так поспорил, закачаешься! Но вот о вероятности…

Понимаешь, детерминизм такая коварная штука, влезает сам собой. Мы привыкли к величине предельного сопротивления материала, как к чему-то неизменному, данному, так сказать, природой. Но как оно устанавливается? Растягиваем стандартные образцы и получаем. Но испытания-то дают разброс значений!

– То есть берутся минимальные величины?

– Не совсем. Результаты статистически обрабатываются. Другими словами, расчётное сопротивление есть величина, гарантирующая с той или иной степенью вероятности, что в реальном материале сопротивление будет не меньше. Понимаешь? Также обстоит дело и с другими параметрами, например с нагрузками. То есть реальные нагрузки будут не больше принятых, с той же нормированной вероятностью.

– Ну и правильно, а то конструкции не выдержат.

– При проектировании новых конструкций всё в порядке. Хотя… Ладно, это потом. Проектирование должно учесть возможные неблагоприятные случаи при *будущей* эксплуатации. Другое дело, что нужно изучать материал, условия эксплуатации и всё более уточнять расчёт.

Но вот конструкции изготовлены, смонтированы и работают. При эксплуатации поизносились и нужно проверить – годятся или нет. Вот тут-то возникает противоречие между вероятностным характером проектирования и конкретной реализацией конструкций. Понимаешь?

– А в чём противоречие? Если конструкции сделаны точно по проекту… Или ты имеешь в виду отклонения?

– Нет. Вот смотри. Предположим, что кроватка выполнена точно по расчёту. То есть напряжения в этой несущей балочке от Митиных прыжков в точности равны расчётному сопротивлению древесины. При эксплуатации Митька уже, слава Богу, отколол пару щепочек. Значит, если я буду проверять несущую способность по методике расчёта при проектировании, а другой нет, то следует срочно покупать новую кроватку, которую через полчаса снова придётся менять.

– Но есть же какие-то запасы прочности? Мы же знаем, что не так скоро Митя её доломает?

– Вот! А какие запасы? Их надо выявить. Если при проектировании расчётное сопротивление установлено с вероятностью 0,99, что будет не меньше реального, то с той же вероятностью можно ожидать на самом деле конкретное сопротивление будет больше! И сила Митиных прыжков, конечно же, была намного завышена. А вдруг ребёнок будет на десять килограмм тяжелее и прыгать будет выше, хотя это представить никак невозможно?

– Кажется я начинаю понимать… Но как же тогда это противоречие разрешить?

– Надо создавать новую методику расчёта существующих конструкций. Методики определения конкретных величин и соответствующих коэффициентов. И опять-таки вероятностно их обосновывать. Иначе придётся закрывать все действующие заводы или неоправданно тратиться на ремонт.

– И ты создашь?!

– Почему бы нет, Юта! Что я лысый? Хотя что-то стал редеть… Хорошо бы со лба, умным бы казался, так нет…

– «Слыхал я истину, бывало, / Хоть лоб широк, да толку мало!». Откуда это, Ига?

– Пушкин, конечно же, «Руслан и Людмила». Только у него, по-моему, «мозгу мало», что куда как ярче – оппозиция «широк (в смысле большой объём) – мало». У Пушкина вообще удивительно зримые образы. Но вернёмся к нашим баранам. Ещё ра-

ботать и работать. Идею надо наполнять исследованиями. Тут только теоретическими соображениями не обойтись. Ещё немного подумаю и пойду к Прожекторскому. Надо составить план работ. Может, быстрее возьмёт…

Из дневника Юты: «*Кажется, Ига сделал открытие. Так просто? Неужели так и делается наука? Я подумала – смогла бы я такое придумать? Нет! Мне бы и в голову не пришло, что действующие правила неправильны.*

Что творится в Игиной голове? Вот он лежит рядом со мной, читает этого Болотина, которого и в руки-то взять страшно, и как-то всё поворачивается в его мозгу…

Пока он объясняет, мне ясно. Но стоит ему взяться за свои формулы, как я перестаю соображать. Ига говорит – и не надо! Способность к математическому моделированию есть мужская логика, а от меня он требует сердца. Но я и так его люблю. Разве больше можно?

Как в нём всё уживается? Грусть и юмор, необыкновенная чувствительность, страстная любовь к поэзии и математическая логика. Кругом спорят физики и лирики. Не надуманное ли противопоставление? Может быть в одном человеке и то и другое? Ига как-то сказал, что физик может и даже должен быть лириком, а вот лирик физиком – никогда. Нет знаний – не о чем говорить. Но власть – интеллектуальную – всё больше захватывают лирики, как понятные всем. Из литературы исчезает инженер и учёный. Герои всё больше сами писатели, режиссёры, артисты. А если и встречаются не гуманитарии, то мучаются трудной любовью, как всё те же праздные лирики. Ну да, кто что знает, о том и пишет. Но читают же не только лирики. Ига обещает, став доктором наук, немедленно выправить положение».

Освоение семейной жизни шло параллельно с началом трудовой деятельности. Переход от студенческой вольности и свободы отношений, к систематичности и заданности давался не просто. Да так и не дался. На всю жизнь осталось отвращение к навязанному *распорядку*, к регламентации работы по времени – от сих до

сих. Игорь не понимал, почему следует прибывать на работу к восьми часам и примерно до десяти быть явно не в рабочем состоянии. Дайте работу, и я её сделаю, не всё ли равно когда? А если мне по ночам куда удобнее и производительней?

Впрочем, производительность, как оказалось несколько позднее, особенно никого не волновала, несмотря на многочисленные лозунги и призывы всемерно повышать, улучшать, наращивать и тому подобное. Разглядывая сурово-серьёзные лица на черно-белых фотографиях в тяжёлой братской раме Доски почёта, Игорю даже почудилась некая настоящая, профессиональная жизнь – не самодеятельность же СПКБ! Хотя разрыв между идеологической пропагандой и реальностью он уже достаточно хорошо ощущал и понимал. Но есть что-то завораживающее в печатном слове и помпезной официальщине – действует! Правда недолго – пока не затянет болото ряской смирения и равнодушия. Но уж очень хочется верить. Особенно переступая порог.

«*Ряской смирения и равнодушия…*». Игорь ощупал свои полушария и не смог понять – откуда же взялась эта выспренняя метафора? Из восемнадцатого-девятнадцатого веков? Из какого-нибудь оголтелого романтизма? Однако, надо быть построже к формам своего мыслительного процесса. Не то чёрт знает куда можно зайти…

Всё-таки Игорь заволновался и попытался с самого начала себя показать и зарекомендовать. И в первый месяц сделал девять листов чертежей формата А-1, и один А-3. Не мало ли? Если запомнить наиболее употребляемую часть сортамента, не так уж много – строк пятнадцать-двадцать, завести архив элементарных расчётов, узлов и соединений, да не отвлекаться, можно делать и по пятнадцать.

Сначала насмешки типа «Чего стараешься? Тебе что, больше оклада заплатят?», воспринял как подзадоривание и покровительство. Затем стал ловить довольно косые взгляды. И начальник отдела заговорил ленинскими словами – «лучше меньше, да лучше». И тут выяснилось, что обычно инженеры-конструкторы делают по три-четыре, максимум пять листов. Как же так? А пла-

ны? А премии? Но оказалось, что и планы выполняются и премии регулярно получаются. И как бы невзначай, из-за какого-то комбайна, неизвестно чьим голосом, была озвучена формула: «Нам делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». Необычное развитие основного положения социализма – «от каждого по способности, каждому по труду».

На втором месяце он оторвал голову от чертежей и огляделся. Вокруг кипела жизнь. Но довольно странная и поначалу непонятная.

Большой зал на четыре окна был расчерчен двумя рядами, под не слишком острым углом к стене, чертёжных комбайнов – кульманов – с проходом посередине. Тяжёлые чугунные рамы с огромными досками делили пространство на двенадцать закутков, огороженных с трёх сторон. Редкие внутренние движения линеек сопровождались тихим шорохом противовесов с внешней стороны – идёт работа! Из-под досок выглядывали ножки. Иногда довольно привлекательные.

Напротив двери одно окно занимала стеклянная загородка – кабинет начальника. Стёкла были плотно занавешены чертежами на уровень человеческого роста. В кабинет вызывались для получения заданий, обсуждения и нагоняев. Раз в день начальник торжественно выходил и делал обход, останавливаясь возле каждой доски. От обхода до обхода чертежи менялись мало, но замечания и указания находились всегда.

Начальник следил за состоянием трудовой дисциплины. За существенные нарушения считались, прежде всего, опоздания. Даже пятиминутные наказывались строгими выговорами с туманными угрозами насчёт премий. Не отголосок ли сталинских времён, когда за опоздание можно было загреметь далеко и надолго? Но добравшись до рабочего места, заниматься своими делами никакому осуждению не подлежало. В свои дела входили перекусывания, бесконечное наведение порядка, заключавшееся в перекладке многочисленных бумаг, и – главное! – обсуждение событий вчерашнего дня и телевизионных передач. Поскольку из двенадцати инженеров восемь были женщины в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти, то тематика и способы обсуждения были несколько специфические.

Ближе к перерыву темы усложнялись частенько с переходом на личности и локальными скандалами.

– А тебе надо было послать его куда подальше и всё!

– Кого послать? Это ты своего посылай, как ты умеешь. А мы как-нибудь без сопливых разберёмся.

– Это ты-то разберёшься?! Ты бы хоть в сварных швах разобралась! А то рисуешь так, что их век не наложить.

– Кто я?! Ты за собой лучше смотри. Вчера тебя Вениамин Михайлович носом ткнул? Невидимую линию как видимую проводишь. А ещё рассуждает, как настоящая!

Если скандал становился слишком уж шумным из кабинета выходил начальник и гасил пламя укоризненными взглядами, призывами к производительному труду.

Но вообще-то жизнь текла довольно мирная. Объединяющих начал было всё-таки больше. Ежедневно кого-то, а то и двоих, снаряжали за продуктами, что нарушением не считалось. Начальник тоже человек и есть хочет. В рабочее время в магазинах очереди были поменьше, да и выбрасывали продукты, как правило, днём.

К этому термину, означающему подвоз и появление на прилавках товаров, Игорь долго не мог привыкнуть. Всё-таки по-русски выбрасывать означает избавляться от ненужного, но тут глагол приобретал совершенно противоположное значение. Треску горячего копчения выбросили! Ничего себе ненужное! И вечером уже не достанешь.

Кроме того, у народа была масса общественных дел – профкомы, парткомы, путёвки, стенгазета и, конечно, праздничные столы. К официальным праздникам – 23 февраля и 8марта, первое и девятое мая, 7 ноября, Новый Год. К дням рождений и трудовым успехам – премиям. До работы ли тут?

К сожалению, в число совершенно недопустимых нарушений входило чтение книг. Газеты – другое дело, но книги – ни-ни. Даже общественность полагала такие наглые действия полной безнравственностью.

Осуждалось начальством и вязание, но тут дамы были бдительны и при малейшей опасности легко роняли спицы и недовязанные носки в ящик стола. До обысков дело не доходило.

Вскоре Игорь был кооптирован в светское общество, имел даже успех анекдотами и рассказами, но своим, как всегда, так и не стал.

Начальство подумало-подумало и в связи с продемонстрированной им производительностью решило не создавать ненужной напряжённости в коллективе и переориентировало его на расчёты. Наглядности никакой, расчёты никто не любит, пусть себе старается.

Такое решение его полностью устроило, так как позволяло обложиться технической литературой и, не скрываясь – в расчётах разбирается, дело тёмное! – заниматься по паре, а то и больше, часов изучением свойств расчётных моделей, методов определения геометрических характеристик и других параметров расчёта. Открывались противоречия между конструктивной и расчётной схемами. Надо бы переговорить с Чикиным. Произ-водственная активность несколько снизилась.

И производственная жизнь стала входить в какую-то колею. Но двигаться по ней хотелось как-то не очень. Уже месяцев через шесть работа стала превращаться в рутину, не ставя перед ним каких-то сложных задач. А без них ему было не интересно. Всё больше ощущалась временность, всё чаще снились кафедра и кабинет Прожекторского.

Начала смущать и активная общественная жизнь отдела, да и всего института, в которую его неумолимо втягивало. Собственно, он никогда не был против шумных застолий, обсуждений производственных и – значительно чаще – социальных, политических, спортивных тем, но бесконечность разговоров утомляла и даже раздражала. Высказываемые мнения были большей частью примитивны и, как правило, из газет. Обсуждения книг или кинофильмов сводились обычно к пересказыванию, чего он никак принять не мог. Особенно по-

ражало, когда собеседники, сами читавшие или видевшие, с неподдельной радостью узнавания перекрикивали друг друга: «А ты помнишь, как она к нему пришла и говорит…», «А ты забыла ещё, как они легли и…». Попытки вмешаться с анализом и увязкой с другими произведениями успеха не имели и не всегда дослушивались, каждый хотел сказать сам.

Это и есть та самая советская интеллигенция, созданная по заветам кремлёвского мечтателя, как назвал Ленина фантаст Уэллс? Ради неё Владимир Ильич сажал на пароход и отправлял в никуда лучшие русские умы?

Тем не менее, и симпатию и родство он к этому простому советскому люду явственно ощущал. Даже любил этих незлобивых и искренних людей, всегда готовых к *участию*. Как они переживали драмы друг друга! Как всегда были готовы помочь! Как легко ссужали до получки трёшками, пятёрками и даже десятками. Как они дружили!

В вестибюле, на этажах, в кабинетах и помещениях на стенах висело множество многотиражных плакатов с лозунгами, цитатами и портретами. Взгляды привычно скользили по «наглядной агитации», нисколько не затуманиваясь нежданно набежавшей слезой. И не задерживаясь. Народ привык к ничего незначащим словам и, как и на партсъездовские речи, никакого внимания не обращал. Разве что с саркастической улыбкой читал новые. Это ли не разрушение слова? Вот вам и «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*»! Какое тут начало, если слово – печатное слово! – перестаёт что-то значить… Ну, что означает лозунг на цветочной клумбе перед райкомом: «Коммунисты района! Возглавим борьбу советских людей за коммунизм!». Дело даже не в построении фраз, а в совершенно не представимом смысле. Как коммунисты будут возглавлять? Идти впереди с орудиями труда наперевес?

В неосознанной борьбе с этой бездушной показухой институтские остроумцы в самых неожиданных местах вешали свои самодельные, но художественно оформленные изречения. Так, в мужском туалете, над вечно сопящим и подтекающим унитазом,

висел трапециевидный кусок ватмана с весёленькими буквами:

Независимо от поставленных целей
и достигнутых результатов
СМЫВ ОБЯЗАТЕЛЕН!

Но однажды Игорь обратил внимание на один типографский плакат на входе – «На работу – как на праздник!». И до него вдруг дошёл незапланированный безымянными авторами смысл кумачового изречения.

А ведь действительно! Работа – дом, дом – работа. А что в тире? При всеобщей бедности и отсутствии свободных форм общественной жизни – пустота, заполняемая повседневностью. В ресторан? Да вы с ума сошли! При наших заработках? Ну, раз в год, да и то по каким-то уж очень большим семейным праздникам… Кино? Это можно себе позволить, но не каждый же день? Раз в неделю – фильмы менялись не чаще – и всего-то полтора-два часа.

Дом? Вернее, квартирка об одной или двух комнатах. «Придёшь домой, здесь ты сидишь…». Кухня, стирка, ребёнок… Ну, иногда гости. С обильным, несмотря ни на какие дефициты, столом. С водкой и песнями.

Книги… Книги, правда, читали. А куда деваться?

И вот работа! Здесь всё – и общение, и конфликты, и самоутверждение, и победы, и поражения. И – главное – переживания! Здесь полнота жизни. «Праздник, который всегда с тобой». Но посоветски, товарищ Хемингуэй, без всяких сказочных парижей.

И был один существенный момент этой интенсивной жизни – любовь. Для любви, как ни крути, нужны время и место. Где же, как не на работе! И любили. Причём, если мужчины пусть слабо, но скрывали отношения, то женщины стремились не то, чтобы к открытости, но чтоб знали. И очень даже гордились победами.

О, эта вечная женская неудовлетворённость! И не сексуальная даже, а не той, не той жизнью. Мужчины как-то быстрее смиряются с крушением юношеских надежд. Именно это им и не прощают женщины. И ищут, и действуют. Барахтаются, барахтаются, пытаясь сбить масло в кувшине. И сбивают, и выпрыгивают, и снова по-

падают в какую-нибудь сметану, и снова барахтаются…

Вскоре Игорь почувствовал и на себе далеко не товарищеские взгляды.

Оксана, бальзаковская женщина лет тридцати пяти, была не красавицей, но недурна. И довольно ухожена.

Кстати, почти все женщины одевались, причёсывались и накрашивались весьма и весьма тщательно. Где же ещё показать товар лицом? В одиннадцать, в пятнадцатиминутный технологический перерыв, именуемый производственной гимнастикой, в коридорах шёл небольшой парад с придирчивой оценкой. С удивлением Игорь обнаружил, что женщины одеваются и прихорашиваются, в общем-то, совсем не для мужчин. Взгляды подруг куда профессиональней, взыскательней и значимей.

Оксана только что рассталась с пожилым технологом из соседнего отдела, а свято место пустовать не должно. Тёмные глаза длинноволосой брюнетки недолго присматривались к высокому блондину. Начались действия, приятные ему во всех отношениях, ибо никаких посягательств на свободу личности Игорь сразу не ощутил. Как-то так получалось, что после работы пути их часто совпадали, хотя жила она, как потом оказалось, совсем в другой стороне. Была Оксана, конечно же, интеллектуалкой, что-то читала, и он с удовольствием рассуждал. Между прочим, возникали и довольно фривольные разговоры, которые он воспринимал как остроумную игру и с присущей галантностью реагировал. Но вот она стала брать его под руку и время от времени как бы случайно, но тесно прижиматься. Будучи мужчиной легко возбудимым, не почувствовать совершенно определённые токи он не мог.

Что это? Ему и в голову, а тем более в сердце, не приходило воспринимать эту немолодую на его взгляд женщину как объект каких-то устремлений. Впрочем, как и любую другую. У него была Юта, что, выражаясь языком математики, необходимо и совершенно достаточно. Хотя в сексуальном отношении Юта всегда держала его немного впроголодь. «Из постели, как и из-за стола, следует вставать, испытывая лёгкое чувство голода, – из-

рекала мудрая жена, – иначе я не буду тебе желанна». А желанна была. И даже очень.

Чтобы между ним и Ютой встала какая-то женщина?! Никогда!

Но с другой стороны – мужчина он или нет? Он не мог не знать бытующие стереотипы мужского мышления и поведения. Чем больше гарем, тем знатнее владелец. Всех женщин иметь нельзя, но стремиться к этому надо. Удивительно, но так считает и оценивает мужчин большинство женщин, что не мешает отчаянно ревновать собственных мужей.

Нет, пойти на *связь* он не мог. Как ни крути, предать Юту. *Изменить*.

Быть как все… Дом, дача, гараж, любовница… Ну, с недвижимостью куда ни шло, но с подвижностью… Нравственный закон, предписанный ему педантом Кантом, сидел в нём слишком глубоко. Уж не пуританин ли он? Или просто боится? Решительный мужчина должен быть способен на поступок. На такой?

А между тем Оксана становилась агрессивнее. «Ах, какой ты молодец! Дай я тебя поцелую!». Вот уже у неё и лишний билет в кино. Наступала грань, за которой возврата нет. В конце концов, изнасиловать мужчину значительно проще, чем женщину.

Он стал избегать её. Но в одном отделе это было нелегко. Момент решительного объяснения наступал.

Они шли под каштанами с осыпающимися белым с рубином свечками. Оксана была уже в летнем платье с вырезом и её немалые груди заманчиво колебались, то сжимая, то расширяя ложбинку. А может, чёрт с ним, попробовать? Ни его, ни Юты не убудет…

Но он уже знал – любое начало влечёт продолжение. Что он изменится и Юта немедленно почувствует. Ей доказательства не будут нужны. И вообще – обманывать Юту?!

– Игорь, ты меня избегаешь? Я чем-то провинилась? Или я тебе совсем не нравлюсь?

– Конечно, нравишься, Оксана. Разве ты можешь не нравиться! – поддержал он обычный флирт. И вдруг испугался. Ещё немного и ему с ситуацией не справиться. Ну, не нужна ему эта женщина!

Произошёл длинный и неприятный уже разговор, но он вы-

держал. Её самолюбию был нанесён чувствительный удар. Ему и жалко было, но переступить не мог.

В детстве он слышал, как взрослые смеялись над какой-то сказкой: «Они полюбили друг друга и поженились. Ну, а дальше-то что было?». Теперь он стоял перед антитезой – не полюбили и разошлись. Дальше что? Вновь он познакомился с разницей мужского и женского восприятия и поведения.

Мужчина, если ему отказывает женщина, немного переживает. Иногда много. Иногда мучается. Иногда сильно. Подумывает о самоубийстве. Но объект воздыханий осуждению и диффамации не подлежит.

Совсем другое дело женщины! Ну, не все. Но большинство. Как это? Я – ему, а он нет?! Ах ты ж… Тут уж действительно – от любви до ненависти один шаг. И Оксана его немедленно сделала. Слава Богу, он не слишком задержался в отделе, а не то…

Двери своего дома они с Ютой держали открытыми. Отсутствие телефона, очередь на который растягивалась на годы, делала гостя почти всегда неожиданным, кроме оговоренных праздников, но почти всегда желанным. Гость немедленно включался в их домашние хлопоты и инородным не был. Лёнька, например, любил гулять с Митей и торжественно катил уже сидячую коляску.

Времени для обсуждений и споров становилось всё меньше. Да и читать Игорь стал урывками, всё реже просматривая периодику. «Вопросы литературы», со значимым сокращением «Вопли», долго оставались нечитанными.

Но где-то раз в неделю, а то и чаще, они с Лёней выбирали часок-другой. Как правило, прогуливая Митю. Даже стали называть себя перипатетиками – по Аристотелю. В этот период Лёня взял на себя лидирующую роль проводника в мире литературы и конспективно знакомил Игоря с положением дел. Любил, любил Лёня роль мэтра и цвёл, и пах.

Споры становились всё более острыми. По всей видимости, их взгляды развивались в разных направлениях и совпадения стали случаться только на самых общих подходах. Но давали

споры много. И ему, и Лёне.

Лёня всё больше увлекался бардовской песней и даже выступал с гитарой на кострах. Имел некоторый успех, несмотря на отсутствие слуха.

– Игорь, поэзия повернула в песню. Только так стихи можно сохранить в современном мире. Сочетание с музыкой резко повышает восприимчивость.

– Да? А может следует добавить ещё и танцы? К уху добавляется глаз. Такая синкретика, по-моему, уже используется на эстраде. Зачем путать жанры? Песня песней, а стихи стихами.

– А взаимопроникновение? Раньше мы прослеживали взаимоотношения поэзии и прозы. Почему бы теперь не добавить музыку? С обоюдным обогащением.

– Неправомерное, я бы даже сказал некорректное, сопоставление, Лёня. Взаимовлияние и взаимопроникновение поэзии и прозы постоянно обогащают и то и другое. Но при этом остаются совершенно отдельными видами литературы. Более того, поэзия и воспринимается как не-проза. А песня соединяет словесное с бессловесным. Так сказать, два начала. Какое же считать ведущим?

– Конечно, слово! Музыка наша примитивна, но сильно обогащает восприятие.

– И обедняет, Лёня, обедняет. Сильнейшая сторона поэзии – звук. Я имею ввиду не аллитерацию, как правило, связанную с первыми буквами. Помнишь – «Пора, перо покоя просит…». Хотя и её тоже. Но – главное – те звуки, что переходят из строки в строку, из строфы в строфу, и даже из стихотворения в стихотворение. Вот, например:

«Август в степи и степенная спелость, радостью смертною в чуть потускневших цветах…»

Посмотри что делают звуки эс и тэ! А добавь музыку – куда они денутся? Она их просто растворит и поглотит.

– Откуда строчки?

– Да ниоткуда. Так, проплыли в голове. Для иллюстрации…

– Хм… Интересно… Но всё-таки, Игорь, популярность бар-

довской песни растёт? Не в музыке же причина – в стихах.

– Ну, это реакция на советскую эстраду. Музыкальная составляющая безусловно будет развиваться и не превратится ли бардовская песня в новую эстраду? Популярности будет вагон. Зачем тогда писать стихи?

– Но барды используют и известную поэзию. Скажем, Мандельштама, Пастернака, Есенина, Цветаевой и многих, и многих. Это не убеждает тебя в правильности избранного курса, как говорит товарищ Леонид Ильич Брежнев?

– А вот это уже очень интересно, Лёнечка, очень. Именно используют, уравнивая себя с великими именами. Ну-ка, давай посмотрим, как используют. Посмотрим, как песня борется со стихами.

Давай возьмём пастернаковские «Никого не будет в доме…». Чёткая композиция, мы с тобой разбирали: настоящее (взгляд из окна), тягостное прошлое, и будущее (*она*, пришедшая с другой стороны, но в тех же хлопьях). А самая сущность в центре:

И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Потрясающие строчки! Без них замысел понять просто невозможно.

Но именно этот катрен вырывают из стихотворения при создании песни! Конечно, в легкой новогодней комедии они прозвучали бы диссонансом, а так – легкая грусть, вполне уместная во всенародно любимом фильме. А что осталось от поэзии Пастернака? Какое «прошлогоднее унынье» – кончился какой-то роман? Какая «будущность» без прошлого – новая любовь? Уверен, Борис Леонидович никогда бы не согласился на такую вивисекцию. Да, только кто ж его спрашивает…

Но признаю, Лёня, – есть, есть великолепные песни и на замечательные стихи. Например, есенинская «Отговорила роща золотая…». Замечательная песня! Что называется – за душу берёт! И пусть пропал неповторимый есенинский звук, но появи-

лось *нечто*, может быть, даже большее музыки и стихов. Что-то третье, осуществившее заветный симбиоз.

Но, согласись, такие удачи редки. Впрочем, как и великие стихи и прекрасная музыка…

– То есть, ты считаешь, поэзии угрожает искушение песней? Переживёт ли она?

– Нет, Лёня, скорее искушение угрожает поэтам. Трудно будет вернуться к тяжёлому труду освоения слова в расчёте на истинных любителей.

Спор этот, как и многие другие, имел продолжение.

Литературоведение бродило в Игоре давно и основательно. И требовало выхода. Ему хотелось высказаться. Если в начале, читая, он наслаждался игрою мысли и неожиданными открытиями в давно знакомых текстах, то сейчас возникало множество вопросов и тем, по которым, как ему казалось, у него есть собственное мнение. Но сможет ли выразить? Письменно. Достаточен ли его письменный язык, воспитанный науками и формулами?

И Игорь решил заставить отчаянно сопротивляющуюся руку взять перо.

Никто же не исследовал соотношение песни и поэзии. Во всяком случае, работ по этой теме он не нашёл. А барды, в том числе и Лёня, уже вовсю объявляли свои тексты высокой поэзией.

Уже в восьмидесятых годах ему попалась весёлая, но весьма серьёзная работа Мирона Петровского «Езда в остров любви», или что есть русский романс». Кто-то, кажется А. Кушнер, определил романс как двоюродную сестру поэзии. Блестяще разобрав романсовость Блока, Петровский показал, что в русской литературе, это не совсем так. Игорь рад был созвучной перекличке мыслей с профессиональным литературоведом.

Но песня не романс. Её жанровая природа настолько не ясна, что, кажется, петь можно всё, хоть телефонную книгу.

И Игорь всё-таки написал статью! Хотя отправить куда-нибудь так и не решился. При живом-то Лотмане?!

Великого Лотмана сподобился видеть лично. Юрий Михайлович оппонировал на защите кандидатской знакомого филолога Кости Воинова. Что-то об игровом моменте в романах Ильфа и Петрова. Необычная тема, насколько он мог судить. Но не о Косте речь.

Игорь сильно волновался в ожидании увидеть *самого*.

Не окажется ли действительность меньше ожиданий? Игорь помнил рассказ одного страстного любителя бардовской песни о встрече с самим Высоцким. Стройный, высокий, красивый легендарный певец из магнитофонных плёнок оказался, мягко говоря, невысок и как-то неказист – в потёртой кожанке и в брюках, заправленных в сапоги.

Да и сам Игорь не мог забыть разочарования, когда лучший футбольный бомбардир Эдуард Маркаров, с такими раскатистыми эр, оказался ростом не более ста шестидесяти пяти.

Но Лотман не разочаровал! Вылитый Эйнштейн! А речь, а голос! И «Структура» не меньше, чем «Теория относительности». Даже и больше. Нет, нет, сравнивать нельзя. Просто, работы Лотмана дались Игорю куда сложнее, чем Эйнштейна. Ну да, технарь... Хотя – следует признать – в общую теорию относительности он глубоко так и не проник.

Лёне, в самый разгар магнитофонных плёнок и закрытых концертов, статья показалась спорной, но *письменно* ответить не захотел. Или не смог?

Этот вопрос довольно долго мучил Игоря. Ему всё больше становилась очевидной разница между устным, по-прежнему доставлявшим огромное наслаждение, обсуждением и письменным эквивалентом. Беседа побуждает и позволяет мгновенные огненные вспышки, отклонения в самые разные стороны, выход эмоциональности и адреналина. Письменная речь приучает к последовательности, логике и обоснованности выводов. Тут уж непозволительны приёмы типа «Да я же не это хотел сказать!», «Но надо же понимать, что за этим стоит!», или даже «Это моё собственное мнение!» как будто другое кому-то интересно.

Нет, Лёня не смог. Или испугался. А в принципе – не всё ли равно? Документа нет и не о чем говорить.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ.

Вся жизнь – ожидание. Холод в груди – неприятностей, а то и чего-то страшного. А когда с приподнятостью ждёшь свершений, то тоже не без холодка. Что уж говорить о периодах, когда ждёшь вообще неизвестно чего. А кто уже ничего не ждёт и не живёт вовсе.

Откуда – холодок, холод, а то и спазм, так сжимающий сердце, что и дышать почти невозможно? Что ж мы так боимся будущего и так страстно его жаждем? Больше всего тревожит не отдалённое – оно почти всегда прекрасно, если, конечно, не думать о последнем рубеже, – а самое ближайшее. Не знание пугает, а предчувствие. Знать может что-то и знаем, но как-то там всё будет? Как повернётся?

Лев Толстой, помнящий момент рождения, тоже, если не со страхом, то с большой неохотой, появлялся на этот свет, хотя наверняка, там, в утробе, с нетерпением ждал.

В том то и дело, что будущее всегда содержит элемент неизвестности, даже если распланировано до точек, линий и секунд. И сколько себя не успокаивай – всё будет хорошо! – тревога остаётся.

Конечно, сопоставляем с чем-то похожим, для кого-то прошедшим, и надеемся – ничего страшного. Так астроном, наблюдая в трубу или в зеркало радиотелескопа рождение и угасание далёких звёзд, планет, галактик, предсказывает нам судьбу нашего собственного светила на миллиарды лет вперёд, вплоть до печального конца. И как-то всё становится ясным и прекрасным – и что было, и что будет, и чем сердце успокоится.

Но аналогия штука приблизительная. Всегда обнаруживается какая-то неодинаковость. И уж не полное совпадение – точно. Наше Солнце то больше, то меньше своих далёких братьев и сестёр. И пятнами покрывается как-то не так. Кроме общих черт оказывается есть и индивидуальные. Не они ли путают карты и всё определяют?

До поры до времени можно на неточности и несходства внимания не обращать, даже гнать их из статей и мыслей – уж слишком многое сходится и объясняет. Но наступает момент и понимаешь – и мир уникален, и все его части, и ты сам неповторим.

А может быть, ничего страшного в наших страхах нет? Есть же и радостная тревога ожидания. И даже в осознаваемой неминуемости какая-то надежда есть. Было бы только желание жить. Жизнь есть движение, учит нас философия, а в дороге всякое бывает.

Будущее, будущее… Как-то там всё будет? Как повернётся?

…– Ига, мы с тобой уже почти пять лет…

– От графской ночи? Правильно. Хотя наша с тобой история насчитывает несколько больше.

– Но не всё же история, есть и предыстория. И Иисус родился года за три-четыре до собственного Рождества. Но я не об этом. Живём ли мы с тобой или ждём жизни?

– Юта, это и есть жизнь. Что-то будем ждать и после смерти. Разве мы не полной жизнью живём? Митька растёт. Ты уже в старших инженерах. Я уже ведущий. Науку постигаем. Искусство… И впереди у нас куда больше, чем позади. Надеюсь, что так будет всегда, даже в конце. Иначе просто не интересно!

– Но мы какие-то неустроенные… И будущее отдаляется… Помнишь, как мы мечтали – вот закончим институт и тогда! А оказывается, что ничего ещё и не начиналось…

– Ты вот о чём… Устала, бедняжка. «Любовная лодка разбилась о быт…», как писал очень неустроенный Маяковский. Надоело дотягивать до получки… Да, Ютик, придётся ещё потерпеть. Не знаю сколько. Но всё же мы живём лучше, чем в студентах. Уж не устала ли ты надеяться?

– Нет, Ига, мне с тобой всегда хорошо. И лучше не надо. Но ты… Ты же явно не в своей тарелке. У тебя-то хватит терпения? Я смотрю, ты немного скис с этой работой. И подрабатывать опять начал. Расчётки заочникам по ночам считаешь… Тебе работать надо. А быт… Я не об этой неустроенности. Устроены мы более ни менее… Бывает и получше, но – «сегодня лучше, чем вчера,

завтра лучше, чем сегодня». Да и много ли нам надо?

– Конечно, не рестораны же, не девочки дорогие…

– Ну, мне уж они точно не нужны.

– Но что-то надо… Квартира с количеством комнат по формуле *ń+1*, зарплата, чтоб не считать мелочь в кармане… Будет, Юта, будет! Может быть даже скорее, чем ты думаешь.

– Да я же не об этом, глупенький!

Как всегда, Ютино чутьё предвосхитило события. Временность заходила в тупик, и Юта чувствовала близость перемен. Если не сами, то мир должен был как-то реагировать на застой.

И отреагировал. Да ещё как!

Только что немноголюдно, да и не слишком весело, отметили его день рождения, как вдруг решительный и совершенно неожиданный поворот судьбы обозначила маленькая стандартная повестка: «Инженер-лейтенант Раманов И. Р.! Вам надлежит явиться…».

И через две недели его забрали.

Не навсегда, не на двадцать пять лет, как Нильчевского, а всего лишь на два года, но сломав или отодвинув все ближайшие планы.

Изобрела на его голову советская власть удивительный способ укрепления обороноспособности страны. Или милитаризации – как посмотреть.

Практика обязательной службы юношей солдатами исторически сложилась и оправдана. Родину нужно не только любить, но и уметь защищать. К этому за тысячелетия как-то успели привыкнуть.

Где-то он прочитал интересную интерпретацию русских сказок об Иванушке-дурачке. Старшему сыну – хозяйство, среднему – ещё что-то, а младшенького – в армию, то есть в дружину. А в конце концов именно Иванушка и становится хозяином жизни. Без особых трудов. Но рискуя жизнью. Не без того.

Конечно, современная многомиллионная армия обладает довольно сложной, и продолжающей усложняться, структурой. И, если готовиться к войне будущей, а не прошедшей,

роль больших и малых командиров всё время возрастает. Хемингуэй писал, что ничего сложнее войны человечество не придумало. Ну, нынче это явное преувеличение, но *сложность* подчёркнута во́время и даже с предвидением. Теперь задачи генералов и лейтенантов не только определять место и время военной операции и поднимать в атаку воодушевлённый до самопожертвования рядовой состав, но и считать, и чертить, и управлять машинами, механизмами, приборами, что требует довольно высокой квалификации.

Но в мирное время призывать офицеров?!

Правда, такое ли оно мирное? Холодная война бушевала вовсю. Ходила даже шутка – войны не будет, но будет борьба за мир, от которой камня на камне не останется.

Усложнившиеся военная техника и сооружения потребовали специалистов. А кадровые военные соответствовали, но не совсем. Конечно, вся страна была в «почтовых ящиках», и гражданские в немалом количестве работали на армию. Но они *делали*, а надо бы ещё *осваивать* и *обслуживать*.

Сначала попытались решить проблему привычным добровольно-принудительным способом. Прошедших военные кафедры стали вызывать в военкоматы и настоятельно *предлагать*. С грозным: «Вы что, не желаете Родине служить?!». Но времена уже были не столь жёсткие. КГБ на этих актах устрашения не присутствовал, хотя военкоматчики, конечно же, были агентами. Народ почувствовал, что за пассивным отстаиванием своих небольших прав уже не маячат лагеря и тюрьмы. И, поёживаясь от привычного страха, в большинстве отказывались. Соглашались немногие. Например, Нильчевский. Сашку послали на Байконур, где дослужился до полковника. И, кстати, никогда не жалел.

Игоря тоже вызвали. Глядя в строгие очи военкома, он с хорошо скрытым, но страшным напряжением, ответил, что Родине служат не только в армии. И на инженерном и научном поприще он будет куда полезней. В покое оставили. Как выяснилось, ненадолго.

Не набрав запланированное количество волонтёров, партия

тактику изменила. И был принят закон, разрешающий призывать нужных специалистов на два года. С дальним прицелом – глядишь, которые и останутся. И оставались. Всё-таки тяготы личной несвободы, переездов и мест службы достаточно отдалённых, с лихвой окупались и весьма высокой зарплатой, и отсутствием необходимости устраивать свою жизнь.

Самолёт летел к солнцу через четыре часовых пояса. На край света. Что его ждёт? И как всё будет?

Но вот под правым крылом блеснула большая вода. Славное море, священный Байкал… В памяти всплыла голубая дуга из карты, похожая на слегка спрямлённый бумеранг. Как его не запусти, а в русскую душу попадёт обязательно. Сколько раз Игорь путешествовал по карте по скалистым берегам, впадал в озеро многочисленными речками – Баргузин, Селенга, Киренга… Вытекал единственной Ангарой… Опускался на дно на полторы тысячи с лишним метров, где никто ещё и никогда не был… И вот теперь он смотрит на эту легендарную воду. Лететь ещё далеко, по той самой соцреалистической «Даурии» Константина Седых, которой зачитывался в глубоком детстве.

Что по сибирским масштабам тысяча километров! Он обязательно выберется на Байкал. А может быть, и место службы будет где-то здесь?

Радостное волнение встречи с мечтой смешалось с тревожным ожиданием. Он военный? Ещё совсем недавно такое предположение вызвало бы улыбку и какой-нибудь анекдот: «Говорит генерал адъютанту…».

А вдруг, недаром выпало испытание? Увидеть мир собственными глазами, пройти едва заметными тропами, полежать на спине под соснами и вековыми кедрами – это у него в крови, с лёгкой руки незабвенного Данилы. С Ютой и Митенькой… Сердце опять сжалось. Как там они одни? Пока он устроится…

Из дневника Юты: «*Господи! Сколько ещё сюрпризов преподнесёт нам жизнь? Давно мы надолго с Игой не расставались. Но теперь я с Митенькой. И мама обещала приехать. Она уже на*

пенсии, и хоть работает, но со временем ей немного проще. Теперь Ига один…

Ига, Ига… Мне без тебя и день прожить тяжело, а тут неизвестно насколько.

Но, кажется, эта встряска ему необходима. Он же мальчишка, ему просто необходимы приключения. Я видела в его глазах и тоску – любит он нас всё-таки сильно – и тревожное возбуждение. Впереди новая жизнь и новый мир. И вновь в нём энергия – впереди борьба. А то что-то стал закисать. Проектирование, хотя он и здорово умеет это делать, всё-таки не его. Ну, не может он отсиживать от сих до сих! Что для него пять листов в месяц, да ещё и рутины. Ему нужно творить – в науке, литературе или, наконец, в живой жизни. Ему нужно двигаться. Дальше, дальше, дальше. Вот он что-то открыл для себя – довольный, сияет. Но уже завтра, в казалось бы разобранном до последнего винтика, для него вновь непонятки. И я всё больше вовлекаюсь в эти его бесконечные ска́чки. Он ставит мне мышление? Эх, если бы я в детстве читала столько, сколько он! Теперь уже не восполнить. И времени нет, и сил.

Но в последнее время он сильно поскучнел. Может быть, как говорит Витя Чикин, у него кончается период накопления? И ему уже пора действовать?

А ведь я тоже проектировщик… Но эта работа по мне. Мне очень нравится устраивать производство. Сколько я ломала голову над водопонижением гигантского котлована разливочного цеха! И всё-таки я это сделала! По-моему, меня уважают. Приятно. Даже Ига похвалил: «Ну, ты, девушка, даёшь! Надо же – всё у тебя есть. И мозги. Тебя на нас с Митькой хватит? Учти, женщина, – дама дома, дома дама». Да дома я, дома! Все мысли о тебе и Мите.

Время на работе для меня просто летит. И за покупками успеваю. Вчера свежую говядину достала. Ах, да! Теперь же только для меня и для Мити…».

Забайкалье встретило самой настоящей осенью. Деревья уже сильно поредели, а оставшаяся листва хоть и сохранила кое-где

яркие краски, но в большинстве порядком поблекла. Не то, чтобы по-настоящему холодно, но свежо. Особенно на ветру.

По пути из аэропорта бросились в глаза тёмные бревенчатые избы, вросшие в землю по окна, и уже с крутящимся дымком невысоких труб. Но центр города был в пятиэтажках и прямолинейных административных зданиях. К одному из них сразу и подвезли.

Постановка на учёт, жильё, накладные на обмундирование и прочая суета проведены были на удивление быстро и организованно. И вот группа из двадцати настороженных новобранцев, с непривычно поблескивающими звёздочками на погонах, в кабинете заместителя командующего округом.

Довольно живой генерал лет пятидесяти, с заметной плешью и фигурой слегка обезображенной небольшим пузцом, после не совсем уставных приветствий невиданных им доселе лейтенантов, уселся в обширное деревянное кресло и долго делал вид, что подписывает какие-то важнейшие бумаги, время от времени исподлобья посматривая на необычное пополнение сугубо гражданского вида. Что делать с этими невоенными лейтенантами? Не гаркнуть ли для начала – смирно, мать вашу! как стоите! что за «здравствуйте»? Перед вами генерал, понимаешь… Но звание «специалисты», пропечатанное в приказе, сдерживало. Принимать в армию не добровольцев да ещё временно генералу не доводилось.

Напряжённость разрядилась небольшим инцидентом.

В дверь робко заглянул аккуратненький полковничек с услужливыми глазами на переносице и пышной, на зависть генералу, шевелюрой.

– Разрешите, товарищ генерал-майор?

– Ну, что там у тебя?

– Варианты на проектное задание базы отдыха. Гражданские ждут, у них поезд…

– Давай.

Минуты две генерал ворочал головой над разложенными полковником чертежами. Наконец указательный палец, поколебавшись, с силой уткнулся в левый вариант:

– Вот этот!

– Так точно, товарищ генерал-майор! Разрешите идти?

Проводив полковника брезгливым взглядом, генерал, наконец, повернулся к новобранцам:

– У меня голова как Дом Советов! Без меня ничего решить не могут.

Лейтенанты понимающе заулыбались – выбор штука серьёзная. Взяв их, таким образом, в сообщники, генерал разговорился. Изложив свои взгляды на функционирование самой мощной армии в мире, особо остановился на дисциплине и выразил уверенность, что если Родина призвала, то они будут соответствовать. Насколько можно было понять, под дисциплиной понималось, прежде всего, умеренное потребление спиртных напитков. Не то, чтобы совсем нельзя, но они уже люди взрослые и должны по-нимать где, когда и с кем. И, главное, сколько. А то, знаете, случаи бывают. И много.

Затем генерал перешёл к характеристике объектов и довольно неожиданно проявил и знания, и понимание. Увлёкся и даже обосновал необходимость их призыва.

– Инженерного мышления у наших кадровых офицерах маловато. Чуть что – рапортуют по форме и ждут пока приедут специалисты. А это – время. А если война? Вы должны ввести новый стиль в нашу повседневную работу. Вы люди грамотные, не каждого же мы призываем, можете и должны брать решения на себя. И не бойтесь ответственности – мы вас поддержим. Отличившихся поощрим. У армии такие возможности есть. Но прежде из вас нужно хоть приблизительно сделать военных, а то производите уж слишком сильное впечатление… Значит так, на месяц в учебку и по местам.

На вопрос можно ли забрать семью, генерал заулыбался:

– Будем всемерно приветствовать! Вы – советские офицеры! И пользуетесь всеми правами наряду с кадровыми. В приказе никаких различий не предусмотрено. И квартиры дадим, и обустроим. И вообще, пишите побыстрее рапорты на постоянную службу. Увидите, у нас хорошо. Не то, что на гражданке!

Беседа с генералом тянула на эпиграф к предстоящей службе. И в какой-то мере отношение к ней определила.

Учебка предусматривала шагистику по часу в день и лекции по особенностям объектов. Но вести профессиональные занятия руководство не решилось ввиду высокой квалификации слушателей, задающих ехидные вопросы. Учёба свелась к бесконечному преферансу в запертом классе с перерывом на обед. Военными они так и не стали, но честь отдавать кое-как научились. Некоторые даже щеголяли резкой отмашкой ладонью при приближении к виску. Но только не Игорь. Его походка, носящая следы перенесённого рахита и слабая координация движений, сильно раздражала «Майораза», как немедленно прозвали подтянутого и молодцеватого офицера по строевой, звучно и чётко считавшего до трёх. Понимая, что из Игоря парадного офицера никак не сделаешь, майор придрался к обручальному кольцу:

– Немедленно снимите эти буржуазные украшения. Не к лицу советскому офицеру здесь золотом блестеть.

– Ну, товарищ майор, не такое это уж и золото за семнадцать рублей… Но снять никак не могу. Я за время семейной жизни вырос и поправился, кольцо вросло, вот, посмотрите. Так что, разве вместе с пальцем… Если будет такой приказ…

– Вы не умничайте, товарищ лейтенант, а думайте что делать. Можно распилить, в конце концов.

– И разрушить крепкую советскую семью? Жена не простит и ещё чёрте что подумает.

Но вот лениво-тревожная увертюра закончилась и Игорь оказался в военном городке на берегу быстрой и холодной речки, километрах в пятнадцати от её впадения в Селенгу. Городок был довольно большой и стационарный – десятка полтора трёх-четырёхэтажных кирпичных зданий, в том числе и жилых, с мощным забором и КПП. Название городок имел странное – ТЕ. Произносилось: тэ, е. Он так и не узнал, что означает эта аббревиатура. А может и не аббревиатура вовсе, а просто кодовое обозначение?

Вокруг городка простиралась низкорослая забайкальская тайга. Не угрюмая, но и не слишком весёлая. Под ногами чуть хрустела бурая худосочная трава, усыпанная коричневатой хвоей. Тихо…

Только редкие вороны обозначали свои немотивированные перелёты коротким карканьем. Жизнь здесь как бы приостановилась, готовясь к суровой бесснежной зиме. Говорят, в этих краях триста пятьдесят ясных дней в году. И морозы под пятьдесят.

Конечно, узнав место назначения, Игорь основательно проштудировал справочники, географическую и историческую литературу, долго путешествовал по картам.

Недалеко – по сибирским масштабам, естественно, – Слюдянка, родной городок Прожекторского. Кстати, Яков Михайлович на родину зайти не просил, там уже никого не осталось, но обязал привезти байкальского омуля. Тут могли быть затруднения.

Несколько лет назад неугомонный наш генсек Хрущёв, видимо за что-то расплачиваясь, Байкал то ли продал, то ли подарил, то ли сдал в аренду чехам. И уж те похозяйничали! Аборигены рассказывали о каких-то невиданных размеров насосах, которыми без разбору засасывалась ценнейшая байкальская рыба. После Хрущёва чехов прогнали, но по дороге он видел на берегах красные предупреждающие таблички: «За ловлю разводимого в Байкале омуля – штраф пять рублей!». Разводимого, а? Будем надеяться, за два предстоящих года разведут.

Ну и, конечно, о декабристах. Знали, однако, куда ссылать. И сейчас пустынно, а что тогда? Неожиданно мелькнула улыбчатая параллель – декабристов-то понятно, всё-таки бунтовали против существующего строя и не победили, а его за что? Впрочем, и тогда и сейчас – везде живут люди. Совсем недалеко Новоселенгинск, когда-то просто Селенгинск, там отбывали братья Бестужевы. Надо будет посмотреть их библиотеку, что-то ещё, писали, сохранилось. А в километрах двухстах Баргузин. Прежде всего, всплывает «Эй, Баргузин, пошевеливай вал…». Но там же был сам Вильгельм Карлович Кюхельбекер! Странная и даже нелепая в каком-то смысле фигура русской литературы и истории. Но довольно крупная. На свет божий его вытащил писатель Юрий Николаевич Тынянов – незабвенная «Кюхля». И у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Но тише! Слышишь? Критик строгий…». Это

обращение к своему другу Кюхле, с которым стрелялся, слава Богу в воздух. О его, к сожалению, забытой статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Архаист, писал тот же Тынянов, но уже как литературовед. Да нет уж, позвольте не согласиться… во всяком случае не совсем… Надо будет, надо побывать.

До пришествия на ТЕ Игорь был принят в УНРе – Управление начальника работ – куда направили после учебки. Начальник УНРа, впечатляющий красавец, хотя и не совсем уж молодой, полковник, с роскошными, чуть волнистыми волосами каштанового отлива, с хваткими карими глазами, наверняка любимец женщин, был явно после «вчерашнего». Но, видимо, принял уже народные, апробированные веками, средства – рюмку, нюханье корочки, рассольчик, и проводил оперативку.

Игоря ввели, усадили и представили. В кабинет набилось человек пятнадцать, большинство в бушлатах без знаков различий. Сильно курили. На него особого внимания не обратили – серьёзно и с энтузиазмом занимались производственной перебранкой.

– Я же тебе сразу, как только Георгий Иванович позвонил, отправил и кран, и машину!

– Так не доехало же!

– А я причём?

– Техническое обслуживание надо делать, а потом отправлять.

– А я делал. Как положено. От меня-то выехало. Обрати внимание – своим ходом. Теперь уже это твоё, покажи как надо ухаживать за этой замечательной техникой.

– Между прочим, пока не дошло – твоё. Вот возьму и отправлю назад, будешь знать.

– Как же ты отправишь, если оно не едет? И стоит к тебе куда ближе, чем ко мне. Нет, теперь ты уж как-нибудь сам. Верно я говорю, Георгий Иванович?

– Ну, если оно не едет, то конечно… Вы бы, мать вашу, лучше бы за техникой следили, а не препирались.

Во второй части строили планы и делили единственный сво-

бодный работающий кран. Претендентов было трое, каждый из которых заявлял, что если не дадут, то за план не отвечает. Но расчёт времени работы крана Игоря сильно смутил – разгрузка, промежуточное складирование, монтаж… И это при такой нехватке? Демократичная рабочая обстановка совещания, крепкий мужской язык, расслабили и увлекли и он, неожиданно для самого себя, влез:

– А что, если применить монтаж с колёс?

Головы повернулись к нему. Кое-кто заулыбался. Сидящий рядом с полковником капитан, как потом оказалось главный инженер, невесело хмыкнул:

– Это, значит, у нас теперь Раманов будет. Что, в институте проходили «монтаж с колёс»? Сам-то применял?

– Да я, собственно…

– Ты погоди, Артём Сергеевич, не наскакивай, – полковник внимательно посмотрел, – что ты имеешь в виду, Раманов?

– Рабочая стоянка крана, без разгрузки и складирования прямо с панелевоза в проектное положение.

– И панелевоз на пару суток? Нет? А если кран на пару дней сломается? Ну, ладно, ты нам и покажешь, как это делается. Возможности у тебя будут. И не малые.

Все захохотали и разошлись.

В кабинете остались полковник, капитан и Игорь, сильно смущённый своим вмешательством и непонятной реакцией.

– Ну, что, Раманов, послужим Родине? – подмигнул полковник, уже совсем оправившийся и в духе.

– Так точно, товарищ полковник!

– Ты только не ори, Раманов. Не на плацу. В рабочей обстановке меня зовут Георгий Иванович. Запомнишь?

– Как-нибудь, товарищ пол… эээ… Георгий Иванович.

– Вот так-то лучше. Теперь к делу. Даём тебе участок. Большой. По гражданским меркам скорее управление. Будешь начальником участка, приказ я сегодня подпишу. Ты проектировщик, грамотный и с опытом, должен справиться. Не справишься, должность мастера тебе на ближайшие два года обеспечена.

– А мы посмотрим, зачем на нас двухгадюшников наслали, – вставил хмурый капитан.

– Ты осторожней, Сергеич, он ещё наш юмор не понимает. В общем так. На участке у тебя бетонно-растворный узел, песчаный карьер, столярная мастерская. Ну и там по мелочи – склады, гаражи… Познакомишься. Сейчас у тебя работает рота. Ротный, капитан Железняк, человек опытный, правда жёсткий, тебе с ним общий язык надо будет найти. В ближайшем будущем народу будет много больше. Ну, доживём… Из наших у тебя прораб, старший лейтенант Слепцов, из кадровых. Мастер из граждан-ских, пожилой уже, но соображает. Механик – подполковник Двубратов…

– Как, как? У меня подполковник? Что-то я не пойму. А как же субординация? А если он меня на губу посадит?

Такового взрыва веселья Игорь не ожидал. Капитан, утирая слёзы, сполз под стол и никак не мог остановиться.

– Здесь никто никого никуда не сажает. Разве что за пьянку... А то бы Артём Сергеевич, капитан, между прочим, из губы не вылезал – полковник опять засмеялся. – Тебя что, в учебке запугали? Ты в инженерных войсках. Двубратову ещё год до хорошей пенсии дослуживать, куда я его дену? Так что ты с ним помягче… Ладно, привыкнешь ещё.

Так вот. На «Баночках», это тоже твой участок, недалеко от ТЕ, где-то в первой половине следующего года открываем большую площадку – будем строить стратегические объекты округа. Внимательно прорабатывай документацию. А пока будешь достраивать и сдавать то, что начал капитан Векуа, это его ты меняешь, наш князь сейчас приедет. Я обычно не отпускаю, пока не сдадут, но тут случай. Добился он таки перевода в Грузию, под Сухуми будет... Везёт же… Из основных объектов у тебя – станция слежения за космосом на ТЕ и тридцатишестиквартирный дом на «Баночках». Как раз к открытию новой площадки ты и должен сдать. Жить будешь на ТЕ, пока в гостинице, а отпустишь Векуа, займёшь его однокомнатную. Семью перевозить будешь? И правильно. А то с бабами здесь проблемы. Дети есть? Сын? Дом сдашь, там может и двухкомнатную похлопочем…

– Недели две тебе на приём участка, не больше, – капитан погрозил пальцем, – и смотри, не сильно придирайся. Если чего там не хватит, покроешь с новой площадки. Вахтанг не слишком усердствовал при списании. Ленивые грузины до документации…

– Ну, ты, Сергеич, не обобщай. Я встречал таких, что и нас с тобой за пояс заткнут. Хороший парень Векуа, компанейский… Так, Раманов, ты всё понял? Осваивайся. Оперативка раз в неделю, жду тебя с обстоятельным докладом по участку. Я думаю, сработаемся.

Осваиваться долго не пришлось. Весёлый Вахтанг с великолепным грузинским носом обладал таким замечательным акцентом, что Игорь больше слушал музыку голоса, чем разбирался в словах.

Из всех произношений почему-то наиболее приятен для русского уха именно грузинский. С каким удовольствием пародируют многочисленные рассказчики анекдотов эти мягкие «э» и твёрдые «р»! Иногда кажется, что особое отношение к грузинам в многонациональном Советском Союзе, обусловлено именно этим поразительным акцентом. Ну, ещё и знаменитой гостеприимностью с блюдами на столах до трёх уровней, неисчерпаемыми винами, тостами и обязательным сациви. Между прочим, и сами грузины сознают впечатление своего произношения. До отъезда он с Ютой успел посмотреть замечательную комедию Георгия Данелия «Не горюй!», в которой колоритнейшие грузинские персонажи говорят – между собой! – по-русски, что придаёт фильму дополнительную прелесть.

Но, заслушиваясь переливами вахтанговского баритона, он всё-таки разобрался в довольно не мелком перерасходе некоторых материалов.

– Вахтанг, извини, но как же? Три тысячи кирпича! Две тонны цемента. Даже щебня ты умудрился перебрать. Это всё теперь перейдёт на меня? Меня не арестуют?

– Слушай, зачем волнуешься? Что я себе забрал? Напишешь акты-макты, ты же грамотный, и спишешь. У тебя бетонно-рас-

творный завод есть? Есть. У тебя карьер есть? Есть. Если что, Артёмка Сергеевич тоже есть. В крайнем случае, выговор тебе. И то вряд ли. Подписывай, дорогой, не сомневайся.

Испросив молчаливое согласие главного инженера, он подписал, хотя ещё некоторое время сильно тревожился. Но вскоре овладел премудростями списания и так увлёкся, что через год у него шло «по красному» десять тонн цемента, вагон кирпича и сотни квадратов стекла. Для него это было видом спорта, так как что делать с «лишним» он не знал.

У советской власти был хитрый двойной контроль. Нормативы на списание были сильно размыты различными оговорками и представляли простор для воображения. Но реализовать, то есть продать, – это совсем другое дело. Тут у власти было столько соглядатаев, что и за пару кирпичей можно было попасть куда не надо. Впрочем, некоторые начальники всё-таки умудрялись и какие-то дела проворачивали. К Игорю тоже подкатывались, но он обрывал такие разговоры сразу же. Не хватало ещё в уголовном кодексе разбираться.

Прощание капитан Векуа устроил знатное, в отдалённом кедраче на склоне сопки, с обильным коньяком и чачей, присланными из солнечной Грузии в резиновых грелках, и обязательными шашлыками.

УНРовской общественности он был рекомендован Вахтангом как парень свой, с которым работать можно и нужно. И вот уже хлопали по плечу и чокались, даже полковник. Только главный инженер посматривал настороженно – что ещё преподнесёт этот шибко грамотный гражданский?

Работа Игоря увлекла. Есть что-то таинственное и волшебное в овеществлении чертежей и расчётов, которым он, казалось, посвятил жизнь. Как говорил техникумовский Селианов – графическое и математическое моделирование конструкций. Бумаги, которые и смять легко, и сжечь, и даже изменить, вдруг воплощаются, как мечта, в зримые и основательные конструкции, здания и сооружения. И будут стоять. Даже и после тебя. Со-

творение вечности. Стоят же, пусть и в развалинах, тысячи лет колонны с канелюрами коринфских, ионических и древних дорических ордеров со всякими архитектурными обломами… Или та многотысячелетняя индийская железная колонна, неизвестно для чего предназначенная и уж совсем непонятно каким образом сработанная. Не инопланетяне ли? Впрочем, некоторые военные объекты уже сейчас казались прибывшими из иных миров, а что будет через сотню лет?

В юности, после техникума, работая на заводе, Игорь уже переводил чертежи в реальность – размечал, собирал, варил. Но тогда только участвовал, выполняя задания других. А тут он был начальником. Он решал, кто и как будет выполнять поставленные им задачи, но весь процесс был только в его собственной голове.

Полновластным хозяином участка Игорь стал почти сразу, после отъезда жизнерадостного Векуа. В УНРе к нему приглядывались, всё-таки двухгодичники явление новое, да ещё и эта чёртова реплика на первой планёрке. Но управленческие работники во главе с полковником решали трудные задачи обеспечения машинами, механизмами, материалами, людьми, документацией и прочими ежедневными необходимостями и без особой надобности непосредственно в дела участков не лезли, ограничиваясь оперативками. Первое время, правда, главный наведывался в конце ненормируемого дня, проходился по объектам, недоверчиво покачивал головой и бормотал: «ну, ну». Потом благополучно отбывал со словами «ну, ты знаешь, что делать». А после того как Игорь сдал станцию, нервирующие визиты практически прекратились. Наверху было решено – этот справится.

Завершению столь сложного объекта как станция слежения за космосом – длинное уродливое двухэтажное здание с радиопрозрачным куполом, севшим как бы не на своё место и нарушившим всякие архитектурные пропорции, – предшествовали сложности и не столько инженерного порядка.

В здании были предусмотрены несколько сот метров подпольных каналов для бесчисленных проводов и кабелей. В проекте была небольшая неувязка, легко разрешимая, если разобраться. Но Вах-

танг разбираться не стал и нахомутал порядочно. Электромонтажники зароптали, нужно было срочно исправлять. И тут выяснилось, что доступа на объект, ввиду его чрезвычайной секретности, у Игоря нет. Руководить из-за колючего забора?

– Георгий Иванович, не могу же я не глядя работать. Со слов Слепцова картину как-то не представишь.

Полковник поднял трубку:

– Слышь, Михеич, ты запрос на Раманова послал? Ну? И когда же? Быстрее никак? Угу… – полковник задумчиво поглядел поверх его головы. – Понимаешь, Раманов, допуск-то по форме один, через штаб округа и Москву, месяца через два, не ранее... Но посмотреть тебе надо… Ты уж как-нибудь там… Прояви *солдатскую* смекалку! – полковник нажал на «солдатскую».

Он уже начал привыкать к манере полковника говорить не прямо. За слова, тем более военного человека, надо отвечать. Подчинённый может воспринять и как приказ. А так, если что – в стороне. Непрямые слова можно толковать по-разному. И вёл себя так Георгий Иванович не только в целях личной безопасности. Находясь в стороне легче защитить проштрафившегося подчинённого.

В поисках лазейки Игорь проанализировал действующую систему секретности. Обнаружились интересные детали.

Первое. Рабочая документация, которой в первую очередь и должны интересоваться американские шпионы, находилась в прорабке – как же иначе работать? Отвозить на ночь за двадцать километров в УНР? С охраной документации «для служебного пользования» вполне справлялся по-солдатски крепко спящий сторож. А на объект, мало кого интересующий – что там смотреть? стены? купол? – пройти нельзя. Причём очень строго.

Как раз перед его приездом контрразведка провела провокационную проверку бдительности. Два офицера в общевойсковой форме почти в открытую фотографировали наисекретнейшие объекты, в том числе и его станцию. Попались только на двенадцатом-тринадцатом. После чего были сделаны очень громкие выводы с партийными выговорами и даже понижением в звании.

Насчёт хранения документации вопросов не возникло.

Второе. Офицеры должны были иметь специальный пропуск, тщательно проверяемый. А вот солдаты проходили без всяких документов. Их просто считали по головам на входе и выходе и тщательно фиксировали проносимые инструменты. Ну да, что солдат может понимать!

Игорь понял намёк полковника.

С помощью ротного оделся в солдатскую форму и беспрепятственно проник за многоярусную колючую проволоку. Солдаты улыбались, но язык за зубами держали – иметь дело с Железняком не хотелось никому.

Инженерные вопросы были куда менее сложны и за пару проникновений разрешены.

Взаимоотношения с армейцами складывались не просто. На практике в институте он пару месяцев поработал на площадке. Немного, но суть отношений «начальство – рабочий» в условиях власти рабочих и крестьян – во всяком случае на идеологических словах – ощутил. Мастер получал сто двадцать в месяц, а рабочему закрывать наряды меньше чем на сто восемьдесят – двести и думать не моги. Так что за водкой бегал понятно кто. Здесь же, в армии, этот небольшой опыт производственных отношений был скорее помехой. Но понял он это не сразу.

Непосредственно в его подчинении солдат не было. Даже ординарца, без которого литературные офицеры и дня прожить не могли. Как же без «Стёпка, одеваться!»? У реальных персонажей были совсем иные заботы, и ему следовало проникнуть в них как можно быстрее.

Прежде всего, Игорь разобрался в сопровождающей работу документации. И не раз с благодарностью и даже нежностью вспомнил проклятого Овцеводова – вдолбил-таки экономику! Особых сложностей не испытал и существенных отличий от гражданских бумаг не нашёл. Только закрытие нарядов порядком поразило. Солдатские бригадиры и ротный большого интереса к деньгам не проявляли. В конце концов, он понял – если нормальной оплаты труда

нет, то деньги просто перекладываются из одного государственного кармана в другой. А скорее всего, крутятся в одном и том же. Стройбат интересовала выработка, человеко-часы. По ним отчитывались, социалистически соревновались, а за успехи и награждались. От начальника участка, хорошо владеющего тонкостями нормативных дефиниций и чисел, зависело многое. Одну и ту же работу можно было закрыть с весьма существенным перепадом. Вскоре он этим искусством овладел.

Но каков же стимул работы солдат? Как оказалось, никакого. Во всяком случае, экономического. Какие-то крохи переводились на книжку, но на руки ничего. Он с ужасом осознал, что в последней трети XX века столкнулся с подневольным трудом. Но как же работает эта машина? Какие в руках капитана Железняка кнуты и пряники?

Юра Железняк, сухощавый, подтянутый, форма сидела как на модели, производил впечатление человека не злого, даже добродушного, но со стальным блеском глаз. Поймав его взгляд, встречаться с ним на узкой тропинке вряд ли захотелось. Службу знал и по-своему любил. И дисциплину наводил железной рукой. В буквальном смысле. Крепость его сравнительно небольшого кулака испытали многие, если не все, солдатики. Однажды виновником и свидетелем скорой расправы Игорь стал сам. Одного раза хватило на все два года.

Кроме станции, сдаче подлежали несколько мелких объектов, в том числе небольшой навес с кирпичными колоннами. Конечно, это сооружение накрывалось плитами в последний вечер. Некстати и неожиданно в серединных осях плиты стали проваливаться – ряд колонн оказался смещённым на пять-семь сантиметров. И как назло навес на виду, напротив фасада. Как так? Разбивку делал сам, всегда самым тщательным образом, не доверяя эту операцию никому. Допрос с пристрастием выявил, что при устройстве фундаментов разбивочные колышки задели нерадивые солдатские сапоги, выбили и затоптали. И нимало не сумняшеся тут же восстановили. На глаз.

Что делать? Понимая, что исправить за оставшуюся ночь ни-

как невозможно, Игорь разорался на бригадира, неожиданно для себя ругаясь довольно квалифицированно, и от бессилия приказал немедленно устранить.

Железняк ударил солдата в ухо. Игорь схватил капитана, на которого страшно было смотреть, и оттащил в сторону.

– Юра, что ж ты делаешь? Это же непорядочно, в конце концов! Нельзя же бить человека, который не может тебе ответить!

– Игорь, у тебя своё дело, у меня своё. И не лезь! – взгляд стал уже совершенно бесцветным и проникающим. – Ты что, детей не наказываешь? А это мои дети. И других инструментов воздействия у меня нет. Страх наказания – лучший стимулятор дисциплины. Или ты меня к соблюдению устава призываешь? Поди попробуй! Они тебе наработают!

– Но ты же превращаешь их в рабов!

– Я?! Это я придумал стройбаты? Это я придумал неоплачиваемый труд? И ничего не в рабов. Они мне и моим сержантам, которым я тоже разрешаю приложиться, даже благодарны. Поуправлял бы ты этим стадом, я бы посмотрел. Они бы тебя вмиг сожрали. И друг друга. А если война? Как я их поведу? Кроме того, есть и поощрения.

– Это какие же?

– Главное – бить не буду. Ну и работа, увольнительные… Короче, Игорь, я обеспечиваю тебе рабочую силу, ты производство и организацию. И ко мне не лезь. Не советую. Но при тебе больше не буду, раз ты такой чувствительный. Договорились?

Договорились… А что прикажете делать? Жаловаться?

Но что можно сделать для этих девятнадцатилетних юнцов? Ну, не ругать в присутствии начальства. Это уже понятно. Покрывать? Чревато, чёрт побери – тут же шла халтура и нагловатое отношение. В конце концов, он тактику отработал – детальная проработка организации работ, требовательность и неослабный контроль. Что потребовало уйму дополнительного времени. Проще, конечно, привлечь Железняка с его методами…

Семь-восемь присмотренных солдат Игорь пригревал у себя в прорабке на очень ценимых должностях – нормировщиками, сто-

рожами, кладовщиками. Особенно ценилась охрана. Шутка ли – не ночевать в казарме! Благодарность ребят не знала границ, они смотрели с собачьей преданностью. Ему было стыдно. И приятно.

И всё же, следует признать, эта военная машина работала. Конечно, производительность труда нельзя было и сравнить со студенческими строительными отрядами и тем более с шабашками. Но работала. Правда, только в части ручного труда – камень на камень, кирпич на кирпич… Лопата, штукатурка, кровля… А вот в отношении машин и механизмов система давала системный сбой. Не то, чтобы механики и водители были луддитами, нет, намеренно механизмы не портили. Но трудно поддающийся контролю уход делался спустя рукава и в результате приводил к всегда несвоевременным поломкам и преждевременному износу. А высказывать подполковнику Двубратову свое неудовольствие, даже в самой крайней форме, было бесполезно, да и неудобно – старый, под пятьдесят, в толстенных очках, давно уже безропотный и безобидный пьяница. Однажды Игорь не удержался и что-то такое всё же высказал подполковнику. Не то, чтобы совсем уж нелицеприятное, но всё же. Результат был катастрофический – Двубратов три дня на работе не появлялся. Наверно переживал. Или обиделся.

Выход был, пожалуй, единственный – привлекать гражданских, получавших полновесную зарплату за работу машин. Первая его просьба о приёме на работу крановщика из ближнего посёлка, у полковника вызвала хмурое покачивание головой:

– Быстро ты, однако, Раманов, постигаешь… Смотри только, не введи в перерасход…

А проблема смещённых колонн была решена согласно его приказу через два часа. Бригадир, со свежей зелёнкой на ухе, улыбался и хитро посматривал:

– Товарищ инженер-лейтенант, объект «Навес» накрыт!

– Как это? Ты что железобетонные плиты удлинил?

– Никак нет! Просто ошибочка вышла. Там с размерами всё в порядке.

Игорь не поверил своим глазам – колонны стояли правильно и плиты опирались на ригеля положенными сантиметрами. Этого не могло быть, он же лично замерял невязку. Но в чём фокус так разгадать и не смог. Отвёл бригадира в сторону:

– Арнольд, клянусь, ничего тебе не будет, и никому не скажу. Как?

– Да очень просто. Отрыли до подошвы и ломиками передвинули колонны вместе с фундаментами. Там же весу всего ничего…

– Ах, ты ж мерзавец! А основание?

– Да подсыпали мы песочку. Куда оно денется! Навес же…

Может быть, Железняк прав?

Уже можно было и пора привозить Юту и Митю – тосковал отчаянно. Вахтангова квартира была крохотной, не повернуться, но отдельной. Всё-таки побольше, чем у Марьи Савельевны. Этот критерий жизненного пространства или даже точка отсчёта у них сохранится на всю жизнь. Юта уже рассчиталась и ждала.

– Георгий Иванович, мне бы за семьёй слетать. Отпустите дня на четыре. Я мигом.

– То есть, как отпустить? Может ещё и предписание организовать? Не сходи с ума, Раманов. Свои проблемы надо решать самому. Вот скоро Новый Год...

– Причём здесь…

– Слушай, лейтенант, вроде неглупый ты мужик, а тупой, как сибирский валенок. Иди, думай и не мешай работать.

Юра Железняк захохотал:

– Что же неясного? Как тебя официально отпустить? Да ещё на пять тысяч километров! Полковник тебе чуть ли не впрямую сказал – Новый Год. Целых два праздничных дня. Прихвати пару дней до и пару дней после и поезжай.

– Юра, но это же самоволка! А вдруг поймают?

– Кто? И как тебя ловить будут? У тебя на лбу не написано, что ты офицер. Не будешь же ты драться, напиваться и вообще попадать в милицию. Ехай, ехай. Я тебя, если что, прикрою. Да! Как билет обратный возьмёшь – дай телеграмму. Я тебе к трапу самосвал подгоню.

Инициатива Железняка возражений не вызвала. К самосвалам, как к личному транспорту, Игорь уже привык.

«Жизнь – сложная штука, если над ней задумываться. Но если не задумываться, она устроена значительно проще». Этот замечательный афоризм высказал Леонид Лиходеев в только что вышедшем, как бы сейчас сказали культовом романе-фельетоне «Я и мой автомобиль». Но над использованием автомобилей если и не задумываться, то не поражаться было трудно.

УНРовские объекты разбросаны в радиусе где-то километров пятьдесят-шестьдесят. Общественного транспорта, естественно, не было. А персональные «газики» были положены только полковнику и главному инженеру. Как добираться начальникам участков и другим служивым, следовало решать самим. Ну, тут и солдатской смекалки не требовалось – единственным средством передвижения являлись самосвалы и грузовики. На оперативке возле УНРа выстраивался парад из семи-восьми самосвалов при острой их нехватке. Как-то один начальник приехал на гружёном панелевозе, что не вызвало не только нареканий, но даже удивления.

Игорь, конечно, не удержался и спросил – не дешевле было бы дать каждому по «газику»? На что ему предложили не умничать и использовать автомобили только по назначению.

И родился Игорь при советской власти и никакой другой не знал, а вот усвоить основное положение социалистического реализма – думай, что говоришь, но не говори, что думаешь – так и не сумел. Может быть, поэтому везде «не свой»? Слишком много фигур умолчания. А то и прямой лжи. Все ездят на самосвалах, а говорить об этом нельзя – нецелевое использование транспорта. И тут же обсуждают, у кого отобрать и кому дать. Не-ет, в жизни всё не так, как на самом деле, в который раз вспомнился Станислав Ежи Лец. А Георгий Иванович всё покачивал своей красивой головой: «Так ты службу и не понял, Раманов!»

Всё-таки встретили Новый год вместе и дома! Это был их любимый семейный праздник с ёлкой, с подарками, с долгими воспоминаниями – с десяти до полдвенадцатого – всех событий

уходящего года. И, конечно же, большой любовью. Юта пила шампанское, от которого быстро хмелела и хорошела, и смотрела на него счастливыми глазами. Митя мирно спал, но Дед Мороз его не забыл и утром визгу будет полная квартира. И хоть комната была пуста – вещи Ютой упакованы и отправлены – ощущение покоя и счастья не оставляло всю ночь. И то, что они снова будут вместе, прижимало их друг к другу всё сильней и сильней.

Митька явно подрос и уже разговаривает вовсю. Даже поёт разбойничью песню из «Бременских музыкантов»: «Пиф-паф! И вы покойники, покойники, покойники!»

– Митенька, а кто такие покойники?

– Это такие люди, папа. Спокойные-спокойные.

Юта всё волнуется – как перенесёт ребёнок резкую смену климата.

– Как мужчина, Юта. Лучше нас с тобой.

Юта взрослеет. Пожалуй, уже женщина. Где эта неуловимая грань перехода? От беззаботности, которая осталась, к заботливости, которая была. Меняются пропорции? Может уже одна выйти в мир. Но как она сразу прижалась к его плечу! Он буквально почувствовал токи уходящего напряжения одиночества. Нет, им порознь никак нельзя.

Что-то появилось новое в облике. Что-то в посадке туловища на ноги. Именно здесь, как ему казалось, кроется прелесть женской зрелости. Земная тяжесть и неземное её преодоление. Какая-то уверенность в красоте движений.

Когда они встретились, её взгляд светился, правда, без озорства. Но вскоре появилось. Она уже была в своей тарелке.

Да, за три месяца столько изменений. Но арамат, её обольстительный арамат остался.

Из дневника Юты: *«Как долго я к тебе не обращалась! Прости, дневник, но я совсем замоталась. Ига как-то предложил называть тебя «вечерником» и даже «ночником», имея в виду время наших с тобой общений. Но я тебя отстояла – день в русском*

языке имеет и значение суток. Но выбрать минуту днём уже давно не удаётся. А как живёт и что чувствует мать-одиночка? Но у меня, слава Богу, ненадолго.

Вот уже два месяца как я без Иги и без мамы. Тяжело.

Митенька часто болеет – простуживается в садике. В отчаянии написала Иге письмо с сомнениями – стоит ли его дёргать? Как никак, но там же резко континентальный климат. И морозы, пишет Ига, до пятидесяти. Я-то, как жена декабриста, готова хоть сию минуту. Но Митенька?

В ответ Ига написал какое-то страшное письмо, видимо, что я не так его люблю. Вот дурачок! Потом вызвал на переговоры и умолял письмо не читать, он всё мне потом объяснит, ни в коем случае не читать. Вырвал-таки у меня обещание. А жаль. Ужасно хочется узнать, что его там так обеспокоило. Но обещала… Да, он просил по получении немедленно уничтожить. Ну, уж нет! Самому будет когда-нибудь интересно. А знаешь, куда я его спрятала? Ни за что не догадается. В настольное зеркальце – между стеклом и обложкой. Будет бриться, пусть смотрится.

Встретила однокашницу, Леру Пучеренко, у неё мужа тоже забрали и трёхлетняя дочка на руках. Спрашиваю – едешь? А она: «А как же! Ты что, оставить на два года?! Как бы себе там новую не завёл!». Смешно… А Ига? Почему я его не ревную? Можно ли так верить? Он же тоже мужчина. Да ещё какой! Нет, не могу поверить, что он мне изменит. Может я ещё глупая?

Страшно ехать чёрти куда, но я без него не могу. И Митя всё время ноет – когда папа приедет, когда приедет… Ему нужен отец. Как быстро он развивается! Каждый день что-то новое. Я его слова записываю для Иги, а то слишком много пропустит.

Всё. Вчера получила письмо – Ига прилетит под Новый Год и заберёт нас. Господи, как я его люблю!

Хлопот – ужас. Надо рассчитаться, собраться, вещи отправить… Как-то там будет? Но мы с Митенькой будем уже не одни!».

Сибирь почувствовалась уже в аэропорту – мороз градусов под тридцать. Митька даже не заметил, а Юта сжалась. Надо

срочно ей какую-нибудь шубу справить или хотя бы зимнее пальто. В этой искусственной здесь долго не протянешь.

Замёрзнуть не успели, в кабине было тепло, и Юта с Митей глаз не отрывали от какой-то приземистой тайги, чуть присыпанной снегом. За шестьдесят километров пути ни одного жилья, да и машин на дороге почти не было.

– Ига, куда нас занесло?

– Папа, а почему снега так мало? Как же я на санках буду кататься?

– А мы с тобой, Митёк, в сопки поедем. Вон, видишь, в окне за водителем синеют?

– Ага. Как терриконы.

– Там растут огромные кедры, мы шишки с орешками будем собирать. И снегу там много-много.

В тесноте, да не в обиде. Устроились. Вахтангов диван, надо полагать немало повидавший, принял их тела, а Митю устроили в чьей-то старой кроватке.

– Юта, это временно. Вот скоро сдам дом и переберёмся в двухкомнатную на «Баночки». Полковник обещал. Здесь недалеко, через лес километров двенадцать. Да и контейнер с кушетками придёт.

Митю устроили в садик, слава Богу, мест было достаточно. Юта вольной офицерской женой быть не пожелала. Да и он не настаивал, хотя теперь его заработок раза в два превышал гражданский – оклад, звёздочки, северные, только выслуги не было. Но в голове как-то не умещалось – что значит не работать?

Сначала попытались пристроить на ТЕ смотрителем зданий. Начальство вроде дало согласие. Но при проверке документов Юта оказалась неблагонадёжной – репрессированный отец.

– Ига, причём здесь отец? Я-то жила с ним около года где-то в Средней Азии и то в детстве. Неужели нужно отвечать за биологического отца? Настоящим он мне не был и не стал.

– А вдруг на тебе родимые пятна капитализма? А вдруг ты затаила злобу на советскую власть? А тут, в тайге, американские шпионы так и снуют, так и шныряют…

Наконец договорились с гражданским строительным управлением в ближнем посёлке – в производственный отдел. И Юта

поехала. Это первое самостоятельное путешествие они запомнили на всю жизнь.

Из дневника Юты: «*Ига уехал в УНР на оперативку, а к шести договорились встретиться в посёлке. Я должна была добраться дизелем, остановка метрах в двухстах от КПП. Ехать – десять-двенадцать минут. Яркое солнечное утро, хотя солнце немного туманилось морозом. Как потом уточнила – минус сорок два. Сначала я особенно холод не почувствовала. Здесь вообще мороз легче переносится – сухо. Вещи так электризуются – искры просто зримые проскакивают.*

Остановка ничем не обозначалась, только у рельсов топтались три фигурки. Стали ждать. Дизель опоздал на двадцать минут. Подошла женщина, спросила, нет ли у неё на лице белых пятен. Есть. И она стала тереть шерстяной варежкой. А у меня? Оказывается, тоже есть. И я стала тереть. Холод совсем забирался ко мне под шубу. Наконец подошёл дизель, но подняться на подножку не смогла – шуба стала колом. Если согнуть сломается. Какой-то парень поднял меня и поставил в тамбур. В вагон я вошла, но сесть не сумела. Кто-то расстегнул и снял шубу и стал меня тормошить. Только минут через десять я пришла в себя. Как добралась до управления, не помню. Девочки под руки привели меня в отдел и напоили сладким чаем. Отошла, но испуг не проходил. Тщательный осмотр обморожений не обнаружил. Надавали кучу советов – как одеваться, какое местное нижнее бельё надо срочно приобрести, как себя вести. И поздравили с крещением сибирским морозом. Господи, я была на шаг от чего-то страшного. А если бы дизель задержался ещё на двадцать минут?

К концу дня за мной заехал Ига. Когда я ему рассказала, он перепугался до потери лица. В бушлате с меховым воротником до ушей и ватных штанах он как-то мороза не чувствовал. Обзывал себя последним идиотом, обнимал меня, стараясь отогреть, хотя я совсем не мёрзла. Сказал, что оставит всю площадку без транспорта, но ко мне самосвал приставит. Поживём – увидим. Но и я такой дурой не буду».

Между тем уже и отделка жилого дома подходила к концу, и сантехники возились с последними приборами, и Муха нагнал своих солдат на уборку территории. Сдача была намечена на конец марта. По положению УНР получал десять процентов, то есть, четыре квартиры. Вдруг Слепцов, на радостях уже порядком заложивший за воротник, сообщил, что ему дали двухкомнатную на третьем этаже.

– Как? А мне?

– О тебе разговора не было.

Игорь кинулся к полковнику.

– Георгий Иванович, а как же я?

– Сам подумай, Раманов, как я тебе квартиру дам? Ты же через два года, да уже через полтора, уедешь и квартира фью? Оставайся, подавай заявление, так я тебе и трёхкомнатную дам. Не хочешь? То-то.

– Но вы же обещали!

– Я? Когда?

– Когда я только приехал. Сдашь дом, двухкомнатную дадим. Да и площадку новую я на «Баночках» буду открывать. Что же мне каждый день ездить с ТЕ?

– Раманов, я всегда помню, что говорю. Я тогда сказал «похлопочем», а не дам. Вот иди и хлопочи.

– Как?

– Ты кому дом сдаёшь? Мухе? Вот иди с ним и разговаривай. Борис Сергеевич добрый, может и даст. Как будешь разговаривать…

– Но я же не у него служу?

– Но ты ему строишь. Иди, Раманов, иди, ну тебя к аллаху. О результатах доложишь.

Полковника Муху добрым назвать было никак нельзя, но разумным можно. Высокий, под метр девяносто, с круглой и совершенно голой головой, с солидным брюхом и мужицким лицом, даже нос картошкой. Со специфическим армейским юмором, но жёсткий и даже где-то и жестокий. И по-мужицки был хитёр.

Часть свою держал в строгой дисциплине, а территорию в

образцовой чистоте. Заведовал полковник горюче-смазочными стратегического назначения, и огромных резервуаров – «баночек» – было у него штук двадцать. Служило под ним множество офицеров и две роты солдат.

Мужик он был хозяйственный и всё время что-то строил так называемым «хозспособом». Что на партийном означало: денег и материалов тебе не полагается, а за порядок и инфраструктуру ответишь. Поскольку улучшению предела нет, почти все руководители вертелись и крутились – меняли, оказывали услуги и тому подобное – но все чего-то строили и приобретали. В ходу был термин – «хороший хозяйственник!». Государство на эти выкрутасы и неизбежные при этом нарушения не только смотрело сквозь пальцы, но и приветствовало. Карман-то один, а рабочая сила, как правило, своя, при данном способе бесплатная.

Крутился и полковник Муха. Кому-то подбрасывал излишки горючего, образующиеся при аккуратном списании потерь при хранении – «усушки и утруски», кому-то давал солдат на работы, а с кем-то и просто выпивал, что любил и умел.

В настоящее время строил собственными силами громадный навес с бетонным полом для хранения бочек. Чтоб не ржавели.

Как говорить с Мухой Игорь понятия не имел, но пошёл.

– Борис Сергеевич, у меня семья… Сын… Однокомнатная, крохотная… Да и ездить далеко… Не могли бы вы… Двухкомнатную…

– Ты с ума сошёл, лейтенант! Ты хоть понимаешь, о чём просишь? Да у меня люди этот дом годами ждали. Вот, посмотри поэтажные планы – все квартиры расписаны ещё до того, как ты стал строить. Здесь майор Петренко, десять лет ждёт, здесь Арутюнян, здесь… Да что там говорить! Откуда у меня квартиры? Ты же бетона не даёшь?

Поворот был неожиданным, но Игорь не растерялся. Жизненный опыт приобретался прямо на ходу.

– Сколько?

– Кубов пятьдесят, мне ж навес закончить надо. И два склада. А машины свои подгоню. И солдат дам.

– Ну, Борис Сергеевич, вы загнули! Я в месяц всего триста кубов делаю. Как я спишу?

– Зачем в месяц? Месяца за два. Я быстрее всё равно не освою.

– Борис Сергеевич, пятьдесят не пятьдесят, но кубов двадцать дам.

– Тридцать, а, лейтенант? Меньше ну никак. И со стеклом помоги, у тебя ж там немерено. Идёт?

– Борис Сергеевич, вы и каменного уговорите. Эх, где наша не пропадала! Идёт.

– Другой разговор! Выбирай! Только второй этаж не трогай, это для моей штабной элиты.

Георгий Иванович саркастически поднял брови:

– Неужели договорился? И кто бы мог подумать!

Квартира показалась громадной. Большая комната была проходной, но спальня совершенно отдельной.

– Вот, Юта, первая в нашей жизни настоящая квартира. Абсолютно со всеми удобствами! И, обрати внимание, всё работает!

– Для себя строил. Жаль, что не надолго.

– Ютик, я тебе не предлагаю жить только сегодняшним днём, но и сегодняшним тоже. Не примешивай к сладости горечь. Хотя шоколад я люблю. Будут в нашей с тобой долгой и прекрасной жизни квартиры, будут. Муж-то у тебя – ого-го!

Митька носился, осваивая пространство, и каждое открытие сопровождал радостным визгом. Особенно его волновали два солдатика, заканчивавшие сколачивать остовы под кушетки – подушки Юта переслала.

– Пап, а пусть солдаты останутся у нас жить?

– А куда, Митенька, мы их положим? Видишь, спальных мест у нас всего два.

– Это ничего, я всё придумал. Один солдат ляжет с тобой на эту кушетку, а другой с мамой на эту.

Ещё перед открытием новой площадки Игорь тщательно проработал проектную документацию. И теперь, готовя задания,

выявлял для себя много неоправданных, а порой и неверных решений. Он и сам волновался, докладывая свои открытия и рацпредложения, но особенно сильно нервничал Артём Сергеевич. Главный оказался не столько консерватором, сколько мужчиной не слишком смелым, хотя и знающим:

– В военпроекте проектировщики сидят – зубры! А ты кто такой? Тебе сколько лет? Каждое изменение требует согласования. Кто будет согласовывать? В Москву и Харьков ты будешь ездить?

– А пусть и поедет, если надо, – вмешался полковник, – тебе жалко? Видишь, как копытом бьёт. Подавай, Раманов, рацпредложения. У нас план по рацухе давно уже не выполнялся.

И Игорь подал. Что-то около двадцати. Мелких и средних. А одно, очень даже крупное, вызвало целый переполох – и в штабе округа.

Принято считать, что в инженерном деле торжествует логика, расчёт, а чувствам место если и есть, то не слишком много. Разве что радостям и огорчениям от успехов и неудач. Так ли? Он не раз убеждался, что именно чувство идёт впереди. Чувство развитое, подготовленное, вооружённое знаниями и целенаправленным волнением. Как это делается в бессловесном подсознании – тайна. Но именно чувство на уровне «нравится – не нравится» предупреждает и направляет логику. И если логика воспитывается учением и знаниями, то уж не искусство ли, особенно поэзия, является той самой шведской лесенкой, на которой тренируется интуиция?

Наш академик-кораблестроитель А. Н. Крылов писал о замечательном русском самородке П. А. Титове: «*Верность его глаза была поразительна. Назначая, например, размеры отдельных частей якорного или буксирного устройства, или шлюпобалок, или подкреплений под орудия, он никогда не заглядывал ни в какие справочники и, само собой разумеется, не делал, да и не умел делать, никаких расчётов. Часто пытались проверить расчётами размеры, назначенные Титовым, но вскоре убедились, что напрасный труд, – расчёт лишь подтверждал то, что Титов назначал на глаз*». Надо ли говорить, что Титов, да и академик Крылов,

были большими знатоками и ценителями искусств? Правда, насчёт Титова сведений мало, только от Крылова и знаем, но сам академик имя известное в самых неожиданных областях. Так, закончив сотрудничать с советской властью, издал трёхтомник русского мата. Любопытно было бы почитать, особенно изыски в области трёхэтажного, но, говорят, даже филологам выдают по спецразрешению. Всё тот же соцреализм – мат вообще-то есть, но говорить о нём нельзя.

Вряд ли при современном уровне материалов и технологий Титовы возможны в чистом виде, но любое проектно-конструкторское бюро знает одарённых инженеров, цитирующих Тютчева и Андрея Платонова, с технической интуицией, идущей куда дальше и быстрее расчётов.

Проект хранилища со стенами в два с половиной кирпича был прост и ясен, но что-то в нём не нравилось. Игорь несколько раз рассматривал и откладывал чертежи с неясным чувством протеста. Но найти причину и избавиться никак не мог.

И вот ему приснилось.

На опушке негустого леса, без травы и как бы выровненной бульдозером, стояла женщина с длинными волосами кирпичного цвета и приветливо вздымала руку, как стрелу крана. Уже на подходе он увидел – что-то не так. Она была красива, но туловище её стояло на несоразмерно большой нижней части. То есть ноги тоже были красивы, но никак не сочетались с верхом. Изящная талия была много меньше таза и стояла с уступом, как на постаменте. Женщина мило улыбалась, но голос оказался хриплым и густым, как у полковника: «Ну, теперь-то ты понял, Раманов?». «Что?» «Ладно, ладно, утром поймёшь».

Он проснулся со счастливым предчувствием удачи. Вдруг всплыл проект. Фундамент! Несоразмерно широк? Но считали же проектировщики? Едва позавтракав, кинулся на участок.

От дома было километра три лесом. Зимой за ним заезжал самосвал, а по весне и до глубокой осени полюбил прогуливаться сам. Обычно выходил пораньше, шёл не торопясь, меняя тропин-

ки. Иногда собирал ягоды или грибы. Утреннее всегдашнее солнце пробивалось между деревьями прямыми и разноцветными лучами прямо в лицо. Тишина стояла такая, что слышны были взмахи птичьих крыл. Немногочисленные синички, сойки, сороки перелетали по своим делам, не обращая на него никакого внимания. Выскакивали белочки. Иногда в отдалении пробегал заяц, а то и лисица. И так хорошо думалось! Драгоценная утренняя ясность!

Но сегодня он скорее бежал, чем шёл, и ничего не замечал. Сторож удивлённо приветствовал, приложив руку к непокрытой голове, и предложил чаю.

– Потом, потом, Серёжа.

Через полчаса расчёт был закончен и трижды проверен. Точно! Давление подошвы фундамента оказалось в три с лишним раза меньше расчётного сопротивления грунта. Как минимум один фундаментный блок можно было спокойно выбрасывать. Он догадался, а потом и подтвердилось – проектировщики просто привязали готовый, разработанный ранее проект. Но первоначально, видимо, были совсем другие грунты. Хранилище длиной девяносто шесть метров, экономия должна превысить миллион! Вот это да!

Артём Сергеевич страшно заволновался:

– Ты с ума сошёл! Покажи расчёты. Ты представляешь, какие ты нам объёмы снизишь? А план?

– Так скорректируют же! А сроки останутся. Сдадим раньше – премии вагон.

Через месяц полковник подписал командировку в Харьков.

В Военпроекте ребята были ушлые и признавать ошибку никак не желали. Но когда узнали, что на гражданке Игорь работал у Борщевского, зауважали и стали искать компромисс. В конце концов, он вернулся с бумагой, с подписями и печатями – в проекте всё правильно, но предложение инженера-лейтенанта Раманова может быть реализовано, как использующее особенности местных грунтов. А? Красиво, чёрт побери! А если бы грунты оказались пожиже чем в первоначальном случае? Геологические карты надо поднимать, ребята. Но этого он говорить им не стал.

Игорь уже считал себя сказочно богатым. По минимальным подсчётам за все изобретения и рационализаторские предложения грозило свыше двадцати тысяч рублей. Ну, очень солидная сумма! На гражданке и за десять лет не заработаешь.

– А ты говоришь, умом деньги не заработаешь. Готовь наволочку, Юта, да побольше!

– Не ври, ничего я не говорила. И не рано ли радуешься? Надо бы сначала получить.

Юта как в воду глядела. Не любила советская власть нетрудового обогащения. Платить за ум, способности, талант, а тем более за сны, привычки не имела, и отдавать долги не спешила. Такую сумму! Одно дело премию в треть оклада раз в квартал, а тут… Да ещё залётному лейтенанту какому-то. Застопорилось дело в штабе. В УНРе спорили – дадут, не дадут. Партия «не дадут» побеждала. Сочувствовали. Не без злорадства. Артём Сергеевич криво ухмылялся. Но полковник, надо отдать ему должное, добивался. Даже и с несколько неожиданным напором. Но, увы.

– Игорь, – Георгий Иванович впервые назвал его по имени, – понимаешь какое дело… Отыскался приказ чуть ли не довоенный, но не отменённый. За одно предложение округ имеет право выдать не более двухсот рублей. А свыше – с разрешения министра обороны. Да и то, поговаривают в штабе, только кадровым офицерам. Оставайся, и я тебе обещаю – все нужные бумаги оформлю и пошлю. И добьюсь.

Юта слышать не хотела:

– Ни за какие коврижки! Армия это не твоё. Повеселился и хватит. Тебе работать надо. Тебя Прожекторский ждёт, а ты бездельничаешь. Я смотрю, ты уже полгода не открывал материаловедение. Ты что, науку бросишь?

Жалко, конечно, но пришлось смириться. Свобода или кошелёк? Впереди жизнь, что там какие-то тысячи. *«Деньги, деньги… А о душе кто подумал?»* Это место из «Театрального романа» Булгакова давно ему покоя не давало. Вот, применил…

Юта подумала. И именно о душе. Деньги никогда не были для неё самостоятельной ценностью, хотя их отсутствие сильно дей-

ствовало на нервы. Как говорила Нина Осиповна – не так хорошо с деньгами, как плохо без них.

Да и он всерьёз перспективу остаться в армии даже приблизительно не допускал. Но впервые столкнулся с потерей достаточно крупной суммы, способной решить многие бытовые проблемы. В голове начали мелькать комбинации. Остаться, получить, а потом как-нибудь выйти в отставку. Чёрта с два! Заставят вступить в партию и тянуть ему двадцать пять, как декабристу. Или Нильчевскому, от которого было грустное письмо – гражданин беспокоился о боеспособности армии.

Но две триста, в конце концов, получить удалось. Тоже не мало – три-четыре лета в стройотрядах. На такие деньги дома можно было бы и трёхкомнатную кооперативную купить. Но в кооператив попасть не проще чем бесплатную государственную получить…

Живая работа на свежем воздухе строительной площадки стала приедаться. Отработались стереотипы поведения, и интеллектуальный уровень общения в процессе производственных отношений уже никак не удовлетворял.

Скоро, как известно, сказка сказывается, но и дело делалось. Подходил к концу срок службы, и площадка начала проявлять финальные черты. Зачастили заказчики. Сначала небольших чинов, а потом…

Игорь только что закончил обход объектов, расположился с максимальным комфортом в прорабке, снял осточертевшие сапоги и положил ноги на грубо сколоченный, но весьма прочный стол. Но тут нелёгкая принесла каких-то двух офицеров в бушлатах, замаячивших под окнами. Вспомнился рассказ О.Генри о работяге, пославшем подальше набоба с его миллионными благодеяниями, мешавшего остужать усталые ступни о холодные прутья кровати.

– Чтоб они все провалились! Серёжа, узнай кто такие и что им от меня нужно.

Только подойдя вплотную, солдат увидел знаки различия и порядком растерялся:

– Товарищ генерал! Товарищ инженер-лейтенант велел узнать кто такие и что нужно.

Генерал, как потом рассказывал бравый сторож, и бровью не повёл и в лице не переменился:

– Доложи товарищу лейтенанту, что генерал-майор Сипатый просит об аудиенции по поводу состояния подведомственных ему объектов.

Приняв извинения, генерал улыбнулся:

– Что с вас возьмёшь, двухгодичников… Ладно, лейтенант, показывай. И главное, что меня волнует, объект С-4.

Но это были только цветочки.

Как-то, уже в конце прохладного лета, в середине яркого забайкальского дня, на бетонную площадку метров в пятидесяти от прорабки с неба свалились два вертолёта.

– Это ещё кого принесло? Уж не генсека ли Брежнева? Или только председателя Совета министров Косыгина? Предупреждать, однако, надо. Сергей, принеси китель. Чёрт, сапоги грязные. Не успею уже...

Принесло командующего округом со свитой человек в двадцать. Ни фига себе! Этак и инфаркт можно схватить. Если, конечно, заботиться о карьере.

Примерно о такой ситуации сочинил анекдот Михаил Афанасьевич Булгаков из серии «дружбы» со Сталиным. Заходит както Булгаков к Сталину. «Почему, Миша, грустный такой?» «Пьесу написал, товарищ Сталин». «Тогда зачем грустный? Целую пьесу написал, а грустный?». «Да, вот, МХАТ не хочет ставить». «Дураки сидят в этом МХАТе! Человек пьесу написал… Алло, барышня, дайте мне МХАТ. МХАТ? Директора мне. Это товарищ Сталин говорит. Алло, алло… Дураки в этом наркомате связи сидят. Алло, МХАТ мне. Директора мне. Как нет? Что? Только что умер? Слушай, какой нервный народ пошёл, однако».

– Товарищ генерал армии! Начальник участка инженер-ле…

Генерал положил руку ему на плечо:

– Будет тебе, лейтенант. Докладывать всё равно не умеешь.

Ну и видик у тебя. С объектов что ли? Ну, давай, показывай, рассказывай.

Старик, даром что генерал, оказался дотошным и, как бы это сказать, стратегически мыслящим. Интересовался прочностью, добротностью материалов, даже маркой растворов. Неожиданно потребовал рассказать о работах в зимних условиях – что и как ставили «на заморозку». Оказалось, где-то в округе по весне два объекта «поплыли». И хотя уже давно всё растаяло и оттаяло, старик всё ещё не мог успокоиться.

Но в основном вопросы касались взаимоувязки объектов, удобства коммуникаций и возможности работы в случае выхода одного или нескольких из строя. Проектировщиков изводил профессионально, не жалея крепких выражений. Узнав, что на гражданке Игорь тоже занимался проектированием, обращался и к нему – а ты как думаешь, лейтенант? Чем ставил в щекотливое положение. Он, конечно, собственные мысли имел и к старику расположился, но подводить критикой своих товарищей по гражданской профессии не мог. Чёрт его знает, что на уме у этого грозного вояки. Ещё расстреляет кого-нибудь на месте. Генерал почувствовал:

– Ты, я вижу, дипломатничаешь, лейтенант. Напрасно. Ты их не жалей, этих с портфелями, хоть они и твои коллеги. Они знаешь… А твои начальники как? Не мешают тебе? Ты говори, говори, не стесняйся. Я же тебе помочь хочу.

Игорь глянул на подмигнувшего ему полковника. Знал Георгий Иванович службу, знал! Главное – не попадаться начальству на глаза, особенно под горячую руку. Увидев, что Игорь вполне справляется с ролью гида, полковник пристроился в свиту командующего и даже – вот стервец! – задавал вопросы.

Больше двух часов ходил неутомимый старик, влезая во все углы. Но, в конце концов, остался доволен.

– Ладно, лейтенант, вижу справляешься. Это ты замучил мой штаб предложениями? К сроку сдашь?

– Если не будет какого-нибудь форс-мажора, обязательно.

– Ты мне эти форсы брось. Сдать надо и всё тут. Ясно?

– Так точно. Только я, наверно, не успею, срок службы заканчивается.

– А оставаться не думаешь? Нам такие нужны. Что тебе на гражданке-то делать? Проектировщиком на оклад? Ты подумай хорошенько.

– Да нет… Я хочу наукой заниматься…

– А что в армии нельзя быть учёным? У нас средств на науку никак не меньше. Думай, думай. Решишь остаться – я за тобой присмотрю. Только учти – площадку сдавать тебе. Ну, бывай, лейтенант.

Сдавать тебе…Слова командующего были восприняты как приказ. И началась атака.

Сначала замполит прислал план политзанятий, адресованный «коммунисту Раманову».

– Владислав Михайлович, я же вроде как не член партии…

– Как?! – округлил глаза майор – Советский офицер не может быть не коммунистом. Немедленно подавайте заявление.

– Мне кажется, что я ещё не готов. Может быть, даже и не достоин…

– Слушай, Раманов, давай напрямую. Ведь тебе на гражданке век не вступить. Интеллигент, графа пятая… И кем ты будешь? Всю жизнь шестёркой? А здесь перед тобой карьера.

Прав был майор, ох как прав! Игорь вспомнил слова Чикина – нельзя руководить людьми, состоящими в партии, будучи вне. А в партии состояла почти вся активная часть общества.

Но Игорь не хотел быть начальником. В его представлении учёный всегда одиночка. Нужно было Эйнштейну вступать в партию? Теория относительности вне политики. Ему ещё предстояло убедиться, что там, где у власти идеология, вне могут существовать только маргиналы. Но пока он был полон иллюзий. Жизнь впереди!

Затем вступила тяжёлая артиллерия в лице полковника. И удар был нанесён в самую чувствительную область.

– Ты меня извини, Игорь Александрович, но я вынужден действовать. Во-первых, мне тебя заменить некем, а во-вторых, приказ командующего. Не надо было так благодушничать. Не упомяни ты о конце срока службы, и всё бы обошлось. Генерал приехал и уехал, а нам с тобой жить. Хотя прогулку ты провёл хорошо. За что благодарен. Но теперь деваться некуда. Значит так. Видишь ведомость? В ней твои рацухи и зарплата с выходными. Я её подписал. Но напротив твоей фамилии карандашные галочки. Что означает – правильно – не выдавать. Уедешь – пиши жалобы. Глядишь через пару лет и получишь. Да и по-человечески, Игорь, разве тебе самому не хочется закончить? Осталось не больше двух месяцев, а если поднажать… Ты же работал не из-за денег. Да ты по-другому и не умеешь.

После некоторых размышлений нашли компромисс. Он демобилизуется, оформится гражданским, закончит и сдаст.

– Тогда и денежки получишь. А я тебе бутылку поставлю. Ты же уже будешь гражданским.

Всё когда-нибудь кончается. Даже бесконечность.

Дорабатывать пришлось полтора месяца, сдача прошла не без приключений, но прошла. Конечно, недоделки выявили, но не очень-то. Бог с тобой, золотая рыбка, заключил полковник.

Отходную устроил, как и обещал, сам Георгий Иванович в том самом кедраче, где они сшибали шишки и лущили орехи. Неизменные шашлыки на кедровых шишках перемежались обильными тостами с преобладанием основного – «Ну, будем!».

Нельзя сказать, что офицеры плакали при расставании, но кое-кто, кажется, искренне сожалел. Особенно горевал капитан Слепцов – ему было предписано занять образовавшуюся с уходом Игоря пустоту.

А итоги, пока Игорь беспробудно дрых после этой знатной и по-офицерски бесшабашной пьянки, подвела Юта в своём замечательном дневнике.

Из дневника Юты: «*Остались считанные дни. Только что Георгий Иванович привёз Игу с прощальной попойки весёлого и со-*

всем пьяного. Даже сапоги не смог снять. До чего же он милый, когда выпьет! Пальчик покажи – хохочет! Слава Богу, с ним это случается очень редко. Ну, пусть спит. А я поразмышляю – чем же были для нас эти два года? Для Иги, для меня, для нас.

Вот уже полгода ручку не брала. А думала здесь будет время писать. Нет. Кручусь как заведённая. Ничего, придёт время я тебе, дневник, каждый день буду писать.

Нельзя сказать, что было здесь так уж легко, несмотря на большие заработки. Во всяком случае, мне. Ига тяжести не чувствует, ему интересно. Особенно увлечённо работал на первом году. Осваивал новую для него профессию и был приподнят. Есть в нём такое мужское упорство – я смогу! И ведь смог же. Да ещё как!

По воскресеньям мы втроём независимо от погоды бродим по лесу. И заходим на площадку – рукотворный остров в вечнозелёном море глухой тайги. Солдаты желают Иге здравия и отдают честь, несмотря на его сугубо гражданский вид. Всё не могу к этому привыкнуть. Словно взрослые мужики играют в детскую игру. А Митеньке ужасно нравится, и сам прикладывает ручку к виску. Вообще, он очень гордится, что его папа офицер. Скорее всего, нравится слово – он с самого мальства чувствителен к словам.

Однажды, ещё на ТЕ, застала такую картину. Митенька встал с горшка, опёрся ручками на стену и кричит во всё горло: «Товарищ офисэр! Вытрите, пожалуйста, попку!» Между прочим, брезгливый товарищ офицер делает это с большим удовольствием, не забывая по этой самой попке звонко шлёпнуть. Митька радостно визжит.

Господи, неужели это всё построил он? Когда показывает свои осуществлённые предложения, меня просто гордость распирает. Все работают, но так как он… Однажды полковник, глядя в Игину спину, как-то грустно мне сказал – голова! И добавил: «Ох, и трудно бы пришлось твоему непутевому, если бы не голова. Службу и жизнь он никогда не поймёт». Ну, насчёт службы может быть Георгий Иванович и прав, не для Иги это, но насчёт жизни… А что вы, собственно, понимаете под этим словом, то-

варищ полковник? Ваша жизнь нас не устраивает, да, по-моему, и вас не слишком.

Сейчас уже Ига дорабатывает. Интерес пропал, нет нового. Опять стал читать до глубокой ночи, пишет какие-то формулы. Волнуется, ждёт встречи с Прожекторским. Идеи, как всегда, есть.

Очень увлёкся литературоведением. Лёня Новокотов прислал Бахтина, Томашевского и Лотмана, с надписью «Игорь, мы тебя не забыли! Ты часто фигурируешь в наших шутках». Ига читает в восторге и испуге: «Юта, я же многое не могу понять! Это тебе не сопромат какой-нибудь». И объясняет мне, объясняет. По-моему, я что-то понимаю. И прежде всего, что всё в литературном произведении, особенно в поэзии, имеет значение. Даже самая последняя запятая. Ига убедительно доказывает на примерах. Господи, но почему же только мне одной? Это же всем нужно, всем! Но ему больше не с кем говорить…

Прислал Лёня и новые стихи. Ига тут же написал эпиграмму, но я ему отсоветовала посылать – ещё обидится.

Не боги ночные горшки обжигают,
И их содержимое боги не знают.
Такое, приятель, не носят богам –
Ты сам это сделал и ешь это сам!

Мне никогда не нравились Лёнины стихи, но Ига был в восторге: «Ты не понимаешь! Это интеллектуальные стихи. Здесь другие законы красоты». А по мне – как же хорошо, когда некрасиво и не нравится? Но и Ига прозревает: «Как я этого не видел раньше?».

Ига много ездит и везде рыщет по книжным магазинам и сохранившимся кое у кого остаткам библиотек. Интеллигенты вымирают, а их потомкам книжки до лампочки. Лермонтова раздобыл Бог знает какого года, с ятями. Всего уже накупил книг двести. Как довезём и где нам там, в Европе, держать… А ещё бочонок омуля с душком для Прожекторского. Но у Иги, как всегда, – всё будет хорошо.

Вчера прощалась с девочками на работе. Отношения сложились, грустно было расставаться. Полина даже всплакнула – у неё

тяга к интеллектуальной жизни. Говорит, что я была для неё отдушиной. Договорились переписываться.

Работу я, по-моему, освоила, ничего особо сложного не встретила. Да и что здесь гражданские строят? Не Игины монументальности. Но кое-что решала.

Где-то к концу первого года нашей службы случилась проблема. По ошибке толкового, но вечно пьяного прораба пролёт поселкового дома культуры оказался на метр меньше проектного. И всё бы ничего – что там для зрительного зала метр туда, метр сюда. Но фермы покрытия уже были изготовлены. Начальник управления обратился ко мне – что делать? Метровая консоль его не смущала, но можно ли так опирать фермы?

Я к Иге. Ига, конечно, как и его учитель, Прожекторский, решения давать не стал: «Пойми, Юта, ферма – стержневая система, в которой все элементы должны и могут работать только на осевую нагрузку – растяжение-сжатие. Значит, нагрузку можно прикладывать только в узлах. Опирать по середине панели нижнего пояса, значит вызвать в нём изгибающий момент. Сломается. Что нужно сделать?». Я догадалась – образовать по оси стены в ферме новый узел опирания. Начертила, показала Иге: «Умница! Видишь, как просто. Только вот что… Работа растянутых стержней от длины не зависит, а вот сжатых – совсем наоборот. При проектировании следует стремиться делать сжатые стержни как можно короче». Я поняла, перечертила и понесла начальнику. Простота решения его сильно смутила, и он всё-таки обратился в проектную организацию. Через месяц пришло моё первоначальное решение, с длинными сжатыми стержнями. Ну, тут уж я объяснить сумела. А как на меня стали смотреть!

Нет, опыта я всё-таки поднабралась. Дома, в проектном институте, реальность остаётся где-то там, у бумажной работы свои законы. А здесь я воочию видела результаты – кран стоит на том месте, где я указала, плиты уложены правильно, монтаж соответствует технике безопасности… Конечно, множество нарушений, но у меня, оказывается, и твёрдость есть. Слушаются.

Вот только пьют здесь по-чёрному. До обеда ещё так-сяк, а после уже лучше не общаться. У нас тоже пьют, но не так. Или только кажется? Нет, отработала же я первые полтора года в студенчестве на стройке, видела кое-что. Или время меняется? Не спивается народ?

И ещё мат здесь, невозможно привыкнуть. Как-то Ига повёз меня в старообрядческое село за мясом, так там мат просто в разговорной речи. Не ругательства и даже не сквернословие – обычная речь. И женщины, и дети. Поразительно.

Спросила у Иги, ругается ли он на площадке. «Нет, Юта, не могу. Я, конечно, изучил особенности местной речи… И знаешь, от их грубости – где-то прочитал – не нахохлился бы и новорождённый голубь. Для них все эти слова фигуры речи, конкретного смысла не имеющие. Они не видят образа. А я так не могу. Я всё это вижу. И вот ещё что… Мат – тоже инобытие языка, как в литературе. Для них, как не странно, мат – поэзия. Потребность-то есть, а стихов не читают. Только поют. Ты заметила, когда поют, не ругаются. Если все бросят читать стихи, то как бы…»

По работе часто ездила согласовывать с вышестоящими и смежниками. Пару раз была и в Игином УНРе, познакомилась с полковником, Георгием Ивановичем. Красивый мужчина, обходительный. Сразу видно – сердцеед. За мной было решил поухаживать, но я ему так улыбнулась, сразу отстал. Но Игину симпатию к своему бравому начальнику понимаю. Хотя без Игиных восторженных рассказов прошла бы мимо этого красавца и не заметила.

В общем, с работами мы устроились и не плохо. Тяжелее было устраивать быт. Или, попросту говоря, кормить семью.

Дефицит у нас в стране всеобщий, но дома, во всяком случае, в еде, ощущается не так. Что-то в магазинах у нас есть. Хотя бы колбаса. Пусть варёная, пусть чёрт знает из чего сделанная, но если пожарить, то можно есть. Здесь же в магазинах – шаром покати. А если что и выбросят, так очередь, больше чем жителей в посёлке. Ближайший базар, тоже довольно тощий, в сорока километрах.

Здесь аборигены, в том числе и офицерские семьи, устраиваются. Достают. Родственники, знакомства, блат… Ты – мне, я – тебе. А мы пришлые, чужие. Скоро уедем – в Европу! Как это здесь произносится – « в Европу!». Даже без зависти, как о чём-то недостижимом.

Интересно, как люди устраиваются. Жить-то надо всем. А если власть говорит одно, а делается чёрт знает что другое, то приспосабливают и себя, и государство.

На кухне в стене, под окном, в каждой квартире встроен довольно объёмистый шкаф с утёплёнными дверцами так, что от толщины наружной стены остаётся полкирпича. Называется холодильник. С ноября, набивают мясом – чуть ли не целую свинью, а то и полкоровы – на всю зиму, по апрель. Используют постоянный мороз и для хранения молока. Просто замораживают в мисках и так, льдинками, на базаре и продают.

Достают продукты в колхозах и за сравнительно небольшую цену. Плюс какие-нибудь материалы. И Ига бы смог, дай пару машин цемента или шифера. Сколько ему намекали. Но мы решили ни в коем случае не ввязываться. Не умеешь – не берись. Как говорит Ига, дурак – это человек, занимающийся не своим делом. Мы не обросли родственниками и знакомыми в милиции, прокуратуре, КГБ. И никогда, наверное, не обрастём. Для этого нужно уметь общаться не только на литературные и научные темы. Надо иметь общие интересы. А их, увы, нет. И слава Богу.

У каждого в доме подвал. Запасаются консервами в огромном количестве, картошкой, морковкой, свеклой, капустой… Солят огромные бочки огурцов, яблок, капусты. И всё это тоже, между прочим, надо достать.

Проживи мы ещё здесь годик-другой научилась бы и я устраиваться. Как-то со Слепцовой достали два ящика ставриды в масле. Девяносто шесть банок. Ужин на зиму обеспечен. Собственно, достала Слепцова, но Ига дал машину, вот и нам перепало. Володя, Игин шофёр с персонального самосвала, привёз картошку…

Вот как устраивается Слепцова – врач-терапевт: «Больной приходит, я, прежде всего, в карточку – где работает. Если в ма-

газине или на базе – один подход, если инженер, учитель или там рабочий – другой». Может и мне так заказчиков сортировать? Торговое предприятие – сделаем быстро и красиво. Только что от меня зависит? Да и от представителя предприятия…

Помню рассказ вежливого и тихого профессора, руководителя чикинского диплома, а потом и диссертации, – Витя пригласил его на день рождения. Опрокинув пару рюмок, профессор разговорился: «Во время войны я был ранен, нога, как видите, не сгибается, комиссован и вернулся домой. Стал искать работу. Я тогда был инженером – из института в армию. Какой-то дальний родственник привел меня на мясокомбинат заведовать холодильными установками. Посмотрел, оборудование несложное, справлюсь. Спрашиваю – а зарплата? Восемьсот рублей. Как восемьсот?! На базаре буханка хлеба семьсот! Слушай, говорят, зачем тебе здесь зарплата? Нищим отдай. А как же? Да очень просто: тебе из цеха звонят холод открывай, а ты закрывай. Тебе звонят закрывай, а ты открывай. Ну и что, спрашиваю? А там сам увидишь».

Но мне-то открывать-закрывать нечего. А если бы и было? Нет, не стала бы этим заниматься. Как и профессор, так и не взявший лакомую должность.

Любопытно, что многие офицерские жёны – врачи. Следующая по распространённости категория – торговые работники. На уровне не ниже товароведа. Практичный, однако, народ эти военные!

Особенно тяжело мне в обед. В столовую ходить не могу – тошнит. Грязно, тараканы бегают, совершенно не скрываясь. И с потолка падают прямо в тарелку. Раздатчица, облизывая поварёшку, бросает: «Только щи. Не хочешь, не ешь». Конечно, не хочу. А брать с собой «тормозок», как называют у нас взятую с собой еду в узелке, практически не из чего.

Хорошо хоть Ига обедает с солдатами, говорит, что там чисто, а Митенька – в садике.

Нет, Ига устраиваться не умеет. Не не хочет, а именно не умеет. Он живёт в своём мире, интересном и богатом. И нам с Митей оттуда что-то достаётся. Если оглянуться по сторонам, не так

уж мало. Другие и сотой доли такого не имеют. Но в этой жизни… Ига рассказывал, что в детстве папа называл его «практически ноль». Ну, не абсолютно, но верно. И таким будет всю жизнь.

Как-то я сорвалась и со слезами поведала ему как тяжело достаётся хлеб насущный. Ига разволновался, забегал, забил себя в грудь: «Что ж ты раньше не сказала, я не знал… Отныне всё беру на себя. Буду доставать и обеспечивать». Хотела бы я знать как? С утра до вечера на площадке в тайге, когда ему в очередях стоять? А ему же ещё и думать нужно. И читать.

Еле успокоила и поклялась больше не вмешивать. В конце концов, он своё мужское дело делает – зарабатывает. И меня любит. И Митю. И вообще, всё что скажешь, сделает. Но в том-то и дело, что нужно сказать… Сам замечает только мою внешность: «Почему у тебя круги под глазами? Ты что не высыпаешься? Как ты в таком виде людям покажешься?» И тому подобное.

А однажды Ига меня приревновал. Чуть ли не сцену устроил.

Раз в неделю, по субботам к нам на «Баночки» привозят кино. Для неизбалованных общественной жизнью офицерских семей событие, как для нас – в Европе! – театр. Наряжаются, приходят заранее, общаются до и после. Жёны ведут своих мужей под ручку, ну, прямо парад. Все, конечно, парами, кроме одиноких. Только мы с Игой ходим по одному – Митеньку оставлять ещё не решаемся.

Этот сеанс запомню на всю жизнь. Привезли «У озера» Сергея Герасимова. Тема – судьба Байкала. Понятно, вызвал повышенный интерес. Но фильм оказался широкоэкранным, а наш киномеханик умудрился показать на обычном экране. По экрану бродили необыкновенно узкие и длинные персонажи. Белохвостикова, и так не широкая, превратилась просто в линию. Вызванный в перерыве между сериями пьяненький дядя Коля на все претензии бил себя кулаком в грудь и кричал: «Я двадцать лет в киноискусстве!» К концу привыкли, даже не замечали нарушения пропорций. Уж больно фильм понравился. Правда, Ига, посмотрев на следующий день, был не в восторге. Не любит он, однако, соцреализм.

Приняв меня за одинокую, один симпатичный офицерик «ре-

шил подкатиться». После сеанса предложил проводить. Я со смехом сказала, что мне до дома шагов пятьдесят. Видимо, кавалер принял мои слова за согласие и увязался. Ига гулял с Митей, увидел и пришёл в страшное волнение.

– Что это? Как это? Ты с кем-то гуляешь?

– Ига, да помилуй Бог, я его и знать не знаю. Может, я ему понравилась. Вот, решил проводить.

– Но ты ему улыбалась! Как ты можешь?!

– Ну не плакать же мне. Несёт какую-то чушь про кино. Ей-богу смешно. Я ему тебя показала, так сразу и смылся. Что, тебе не нравится, что я нравлюсь? На тебя, между прочим, тоже смотрят. А уж улыбаешься ты всем.

– Причём здесь я? Я никогда… А ты…

С трудом удалось немного успокоить. Оказывается, накануне, в случайной офицерской компании, он услышал, как кто-то хвастался «победой» над женой своего товарища, знакомого Иги. Кстати, адюльтеры здесь сплошь и рядом – а чем ещё заниматься? Кино как-то полностью не удовлетворяет.

– Ты представляешь? Как мне Андрею в глаза смотреть? И знай, Юта, если за моей спиной будут такие разговоры… Не переживу. Измена, даже в мыслях, это предательство. Разлюбишь – скажи. Тогда…

– А если разлюблю, переживёшь?

– Не знаю… Нет, наверно. Но измену не переживу точно.

– Игорь, лет на сто мне тебя хватит. А там посмотрим.

А всё-таки мы живём весело! Ига скучать не даёт. Я только вот вредная. Почему-то иногда портится настроение – ни с того ни с сего. Я тогда молчу или ругаю Игу и Митеньку. Митя ревёт, а Ига расстраивается, но терпит. Что он во мне нашёл? И хорошо же живём, но что-то меня не устраивает. Наверное, мама мне внушила тоску по жизни устроенной, стабильной. У нас как-то всё временно… А не вся ли жизнь временна? Но Ига обязательно чего-то добьётся. И тогда уж заживём...

И ещё. Не даёт покоя моё «я». Где оно? Кругом – в мыслях, в

жизни, в мечтах – Ига, Ига, Ига… Я совсем в нём потерялась. Разве можно так любить? Ига, как всегда, смеётся – это у меня возрастное, это пройдёт. Ох, задавил меня Ига интеллектом. Вот вышла бы замуж за Витьку, он уже, наверно, майор, была бы самостоятельной. Ездила бы на нём… Не дай Бог такое счастье! Ига говорит, что раз меня любит, значит, во мне что-то есть. Он даже знает что, но не скажет. А то я испорчусь.

Прочитала по Игиной рекомендации «Сода-солнце» Михаила Анчарова. Никакая это не фантастика, это всё о нём, об Иге. Может быть, я лучше стала его понимать?

Вот всё понимаю, а срываюсь. Слава Богу, редко.

Может быть связано со здоровьем? Что-то стала замечать какие-то ненормальности. Слабость, качает из стороны в сторону… Что-то в затылке булькает… Однажды Слепцова померила давление – девяносто на шестьдесят. Маловато… Оказывается, эта местность противопоказана гипотоникам. Но я, вроде, женщина здоровая? Ничего, сказала Слепцова, выдавая мне таблетки, вернёшься в Европу и всё наладится. Ну, что ж, ждать уже недолго, там посмотрим. Иге говорить не стала – разволнуется, засуетится…

У Иги страсть к путешествиям. И меня заразил. Пользуется малейшей возможностью увидеть своими глазами.

Свозил нас к местам декабристов. В особое волнение пришёл в Баргузине. Читал длинные и сложные стихи Кюхельбекера. Пересказал чуть ли не дословно «Кюхлю» Тынянова. Вот память! Не перестаю удивляться. Много рассуждал о недооценённости поэтов второго ряда. Не бывает плохих и хороших поэтов. Есть поэты и не поэты. Конечно, Кюхля не Пушкин, но замечательный поэт и мыслитель. В Баргузине ничего от тех времён и не осталось, но Ига говорит, что есть воздух истории. И присутствие на историческом месте делает и нас людьми историческими. Интересно, Митенька слушает, слушает, кажется даже понимает. Нет, скорее чувствует что-то необычное.

Прошлой осенью Ига в небольшой офицерской – с жёнами –

компании свозил нас в кедрач. Впечатление от этого величавого леса на всю жизнь. Да! Кедр не сосна – огромен и пушист, с длинной-длинной иглой. Просто сказка! И тишина совсем не такая как в нашем лесу. Какая-то густая, только где-то в вышине покачиваясь, гудят верхушки. И выросла я в лесу, но такого увидеть никак не ожидала. Отойдёшь немного от людей, и голоса звучат как колокольчики.

Ига с Митей долго бродили и молчали. И Митеньке огромное впечатление.

Когда немного пообвыкли, Ига, к великой радости Мити, полез на дерево сбрасывать шишки. Что вызвало весёлую реакцию компании. Слепцов, давясь от смеха, заявил, что теперь окончательно поверил Дарвину.

А способ, так сказать, «промышленного» сбора шишек оказался совершенно варварским, без всякого уважения к молчаливым великанам.

В огромном метровом полене, диаметром сантиметров шестьдесят-семьдесят, в середине по длине сверлится отверстие, и колоду насаживают на толстую жердь длиной метра два с половиной. Устройство называется «колот». Затем три-четыре мужика ставят возле могучего кедра колот на ручку, раскачивают и со всей силы бьют по дереву. Шишки сыплются градом, но на стволе остаётся ужасный скользкий след. Я посмотрела – на каждом дереве множество таких отпечатков. Так кто же из нас, Слепцов, обезьяна? А как иначе? – спрашивают. Ра́на, дескать, за год заживёт.

Мешок кедровых орешков привезли. На всю зиму хватило. Второй раз Ига поехал без нас, ещё мешок привёз, возьмём в Европу.

Этим летом, в июле, Ига сделал нам с Митенькой роскошный подарок. Раздобыл путёвку на двадцать четыре дня на Байкал! Нельзя даже сказать, что сбылась мечта – о таком и не мечтала. Сам Ига в разгар летних работ поехать не смог, и мы отправились поездом.

Когда о чём-то много слышишь, создаётся какой-то фанта-

стический образ, но Байкал не разочаровал. Тайга подступает прямо к берегу. Большей частью не на воде, не на суше ни души. Полное ощущение первозданности мира.

Байкал суров, но красив. Да так ли уж и суров? Просто сложился образ из песен и рассказов. Нас с Митей встретил очень даже ласково – солнцем, теплом и холодной водой. Всё время приходилось Митю вытаскивать и растирать. Прозрачна вода совершенно необыкновенно. Плыли на баркасе, так дно видно до последнего камешка. И кажется совсем не глубоко. Собрали с Митей коллекцию байкальских камней. И небольшой гербарий.

Боже, сохрани Байкал! А ведь на той стороне уже работает целлюлозно-бумажный комбинат. В Герасимовском фильме говорят о каких-то уникальных очистных сооружениях. Вот она, полуправда. Зачем вообще строить ядовитое предприятие в заповедной, совершенно уникальной природе? Что, сибирских пространств не хватает?

Вообще, какое-то варварское отношение к живому. Может, следствие именно наших безмерных просторов?

Вспомнила, как Ига открывал песчаный карьер. С песком здесь проблем нет, нужно только найти удобное место. Одно такое обнаружилось метрах в двухстах от бетонно-растворного узла. Но нужно было выкорчевать с полсотни прекрасных сосен. Мы с Игой и Митей облазили всю тайгу, и километрах в двух нашли чистую, свободную от деревьев площадку. Когда Ига предложил, главный инженер посмотрел на него, как на недоразвитого: «У тебя под носом песок, а ты собираешься гонять самосвалы за тридевять земель?». «А деревья?». «Что деревья? Это же тайга! Что её убудет?». И тут же послал бульдозер ровнять площадку.

А лесник, сильный молчаливый мужчина, сжимая в руках «берданку», с бессильной ненавистью смотрел на Игу. И сделал всё, что мог – выписал штраф УНРу. На двести рублей.

Дом отдыха явно не соответствует величественности Байкала. Грязен, обшарпан, «удобства» во дворе… И – главное – плохо кормят, а то и не кормят вообще. Как в первые дни, когда ока-

залось, что на нас не рассчитывали. А в магазине только мёд и пряники – на радость Митеньке.

Нет, это не главное. Мы побывали на Байкале! Такое не забывается никогда.

Свела знакомство с пожилой интеллигентной женщиной с именем как у Чернышевского – Вера Павловна. Прониклась к нам с Митенькой и на прощание подарила оранжевый пятитомник Ильфа и Петрова. Ига обрадовался! Первое собрание сочинений в нашей библиотеке. Вообще-то, Ига собраниями не увлекается, считает, что у писателя надо брать лучшее. С Верой Павловной договорились переписываться.

Обратно Ига заехал за нами на «газике» – Муха дал. Так что мы с Митенькой закончили отдых ещё и путешествием по сопкам южного берега Байкала.

Ну что ж! Подведём итоги.

И тяжело было и легко, грустно и радостно, всё было. Со страхом я сюда ехала, но жизнь знает, что делает. Очень и очень я благодарна этой ссылке. Прежде всего, потому, что мы стали семьёй. И теперь уже точно навеки.

Здесь мы оказались с Игой почти в полном одиночестве. Среди офицеров друзей не приобрели, да наверно и не могли. Слишком большая разница в образе жизни, целях и устремлениях. Там, дома, у нас двери не закрывались. И мы жили как бы ещё по-студенчески – вместе. И вот два года почти все вечера, праздники, воскресенья, а иногда и субботы мы один на один. И Митенька. И мы не только не надоели друг другу, наоборот, всё больше влюблялись. Во всяком случае, я. Нет, я не потеряла себя, скорее нашла. Или нахожу. Я ему нужна. Разве не в этом счастье?

Я смотрю на другие семьи, а здесь все на виду, и с ужасом думаю, что и я такой бы была, и так бы и жила. Что это – Бог уберёг? Я вытащила, пусть и трудный, но счастливый билетик? А разве лёгкие бывают?

Мне жалко офицерских жён до слёз. Разве можно так жить? Всё понимаю, девочки, время идёт, уже за двадцать, а Его всё нет и нет. Сама напереживалась вдоволь. Хотя женихи и были, но

особой популярностью не пользовалась. А как страдала на танцах – не приглашают и всё тут! И только, когда у меня уже был Ига, стали вдруг обращать внимание. И ещё как! Помню, пошли мы с Игой на вечер в институте, на меня просто в очередь! Отбоя не было. Где ж вы, женихи, раньше были? Я была так счастлива, так кружилась, что не заметила, как Ига расстроился и ушёл. Еле помирились.

И всё-таки, и всё-таки… Нет, нет, не могу, девочки, ни осуждать вас, ни советовать. Всем жизнь как-то устраивать надо. Что может быть тяжелее доли старой девы. Не приведи Господь! А ведь почти перед каждой маячит… Выбирают-то мужчины…

Тревожно мне как-то – что же мы с Игой исключение? А как же «Все счастливые семьи счастливы одинаково. Каждая несчастная семья несчастна по-своему»? Как же одинаково, если не с чем сравнивать…

Но самое интересное, что офицерские жёны сочувствуют мне! Как же – не бьёт, значит, не любит. Нет ссор – нет радости примирения. И чем громче – на весь городок – ругаются, тем сильнее мирятся. И как же без водки? Светка своего Слепцова бьёт, когда чересчур уж напьётся. Загоняет за диван и там уже чем придётся. Удовольствие, по-моему, получают оба. Господи, девочки, да живите, как уж получилось! Что ж вам так хочется, чтобы и мы были как все? Чувствуете, что бывает и другая жизнь? Вы же в большинстве не безграмотные, институты закончили. И посылая матом своего пьяного муженька, глядишь, и погложет вас тоска? Ну, так не глядите на нас. Всё равно, так как у нас в жизни не бывает. Нужен обоюдный настрой.

По-моему, я если и не стала совсем взрослой, то повзрослела точно. Даже из комсомольского возраста выросла. Я уже не девочка и в какой-то мере познала и тяжесть, и радость жизни. И уверенность есть – жить смогу. И настоящим и будущим.

Ига тоже изменился. Даже внешне – лысеет! Надо же! А какой густой волос был. В детстве, в парикмахерской, ему специальными ножницами прореживали волосы. Но всё равно он красивый. Теперь я его стригу – до парикмахерской далеко, а доверять сол-

датскому брадобрею… Одного раза достаточно, чуть ли не налысо пришлось перестригать.

Но не повзрослел Ига. У него вся жизнь – приключения. Или он из всего делает приключения. Зайца увидит и носится как Митя. Прав товарищ полковник, не повзрослеет никогда. И слава Богу.

Ну что ж…, вздохну я, как бы ни была тяжела и прекрасна наша армейская ссылка на самый край земли русской, но вот уже и она закончилась. У трапа самолёта мы попрощаемся со своим прошлым, оставив его навсегда в сердце и в голове, и вперёд, как говорит Ига, к новым приключениям мысли. Как там будет в нашем старом новым настоящем? Снова тревоги и снова надежды...

Господи, пошли нам терпение!»

От автора

Метафора, перенос значений, не есть ли основное средство, да, пожалуй, и цель, литературы? Все остальные тропы и всякие стилистические фигуры не её ли разновидности? «И Гамлет, мысливший пугливыми шагами…» – и вся трагедия Шекспира в строчке Мандельштама.

Вот и тебя, дорогой читатель, кому только не уподобляют!

То зрителю, вернее созерцателю, живописных полотен, охватывающего сначала целиком, потом всматриваясь в рассыпающиеся детали, вдруг обнаруживающего их единство и взаимосвязь, и уже вся картина оживает и даже меняется. Недаром считал Набоков: «Высшая мечта писателя: превратить читателя в зрителя».

«Когда уже мы от изображения по эту сторону и в то же время в нём…»

То единственному исполнителю – себе – бумажной партитуры, небрежно набросанной писателем-композитором. Выявляющему мелодию, лейтмотив, обертоны…

То…В общем сравнений и метафор хватает.

А то тебя, читатель, классифицируют или подразделяют. На реалистов, ищущих действия, отождествляющих себя с героями, узнающих знакомые детали и ландшафты, разбирающихся в социально-экономических, исторических и всяких иных аспектах, строго судящих за несоответствие – так в жизни не бывает! И на эстетов, получающих удовольствие и наслаждение от текста, от небывалого мира, в который умеют входить, подчиняясь созданным писателем правилам, и с комфортом располагаться, не слишком заботясь о так называемой «правде жизни».

Так какого же читателя ищет автор?

Прежде всего, добравшегося до этого послесловия. А, стало

быть, уже его и нашедшего.

Книга закончена... Читатель исполнил произведение, мелодии ещё плавают, тревожат, звучат; где-то на донышке пульсирует неудовлетворённость – не всё, не всё исполнено, что-то оказалось непонятым, что-то труднодоступным. Может быть стоит вернуться и проиграть по-новому? Перечитать? Тот же Набоков уверенно писал: настоящий читатель – перечитыватель.

Но как хочется поговорить! Вот читатель погасил членистоногую лампу, угодливо склонявшуюся над тяжёлым основательным столом, покрытым зелёным биллиардным сукном, или над изголовьем постели со спинкой из древесностружечной плиты, мечтательно потянулся, освобождая избыток энергии негромким хрустом, даже и улыбнулся… А говорить-то не с кем! И музыкантом, и слушателем был в одном лице. Не раздваиваться же…

Может быть перекинуться парой слов с автором? Ему тоже грустно покидать им же созданное пространство и время.

Ну, разве что парой слов… Но только не о замысле! Не то вновь придётся писать роман, а в одну и ту же прозу два раза не войдёшь, получится, если получится, что-то новое и снова надо будет разбираться, вникать… Нет уж, увольте. Сами вчитывайтесь в элементы, рассыпанные в тексте, глядишь, что-то и соберётся.

Не будем касаться и стиля, структуры, идейного содержания… Читатель уже немного привык к приключениям мысли героев и в сопромате, и в литературоведение, но раскладывать на части сейчас, когда под впечатлением? Не стоит.

Но кое-что можно и обсудить.

Внимательный читатель уже понял: рассказчик в романе – Раманов. Приём даже и вынужденный – как автору во втором десятилетии двадцать первого века обрести свежесть чувств и мыслей героя в те года? Что-то, может быть, и вспомнится, но стиль, лёгкость наверняка пропадут. Не проще ли поручить рассказ герою, а самому автору устроиться поудобней, да и послушать?

Конечно, если положить руку на сердце, как советовал Паустовский, полностью устраниться, к сожалению, автору не уда-

лось, кое-где ушки торчат. И даже некоторую путаницу хронологическую вносит. Все ли стихотворные строчки, проплывающие под льняными волосами Раманова, проплывали именно в это время? И некоторые книги он в те времена вряд ли смог бы достать и прочесть. Например, Набокова. Что ж, автор тоже живой человек. Трудно, знаете ли, соблюсти полную индифферентность. Тем интересней разбираться и ловить автора на неточностях. Разве это не входит в правила игры?

Но в мысли и чувства героев автор не вмешивался. А многие размышления Раманова уже кажутся даже и примитивными. Чего стоит пассаж о теории относительности, тщательно записанный верной Ютой? А «рассуждения» о Большом Взрыве? А наскоки на самого Лотмана? Но что делать? Так думает Раманов в своих шестидесятых-семидесятых. Не вкладывать же ему мудрость совсем, увы, иного возраста.

И вот ещё что.

Время действия романа – вторая половина прошлого столетия. Время юности и становления героев, которых автор оставляет на самом пороге взрослой и нешуточной жизни. Каково им там будет в невероятных и непредсказуемых 80-х, 90-х, 2000-х? Выживут? Не сломаются? Пока автор может только волноваться и не спать ночами. Но обещает читателю, что если Бог даст время и силы, довести своих героев, может быть, даже до самых наших дней.

Так что прощай читатель. И до встречи.

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

ДАНИЛА 5

СЕНЖЕРМЕН 21

ВСПУГНУТАЯ ДИЧЬ 29

СОЛДАТКА 41

СОН В ТЕХНИКЕ СФУМАТО 62

НА БЕРЕГУ 81

ЕЁ ДНЕВНИК 92

ДИАЛОГИ 104

В ПОИСКАХ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА 130

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ 149

СТЫД 160

СТАТЬ МУЖЧИНОЙ 179

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ 191

РУБЕЖИ 211

НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ 228

ЖЕНА ВРАГА НАРОДА 247

НА САМОМ КРАЕ 272

ИСТОРИЯ СЕМЬИ 296
ДИВЕРТИСМЕНТ 325
ПЕРЕПИСКА С НОВОРОЖДЁННЫМ СЫНОМ 346
ИСКУШЕНИЕ 371
СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ. 394
От автора 447

Иосиф Рухович

ДВА НАЧАЛА
роман

Издание 2-е переработанное и дополненное

Редактор
Рухович Т.В.

Вёрстка книги
и дизайн обложки
Зеленова А.И.

Подписано в печать 15.02.2021.
Формат 60x84/16. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 1000 экз. Заказ № 87138.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
129090, г. Москва, Протопоповский переулок, д.6,
Тел.: +7 (495) 545-37-10.
E-mail: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-00077-966-8

